

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Н. РУБИН

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Н. РУБИН

Москва Олимп
Смоленск Русич
1998

УДК 929
ББК 63.3 (2) 6-8
Р 82

Серия основана в 1997 году

Рубин Н.

Р 82 Лаврентий Берия: миф и реальность.— М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998.— 480 с. («Точка зрения»).

ISBN 5—7390—0579—5 («Олимп»)

ISBN 5—88590—844—3 («Русич»)

Эта книга — увлекательное историческое исследование, посвященное личности печально знаменитого Лаврентия Берии. Реконструируя события, опираясь на документы и свидетельства современников, автор утверждает, что Л. Берия вовсе не был тем жестоким и кровавым палачом, каким традиционно принято его считать вот уже многие годы. Автор видит в фигуре Л. Берии одного из наиболее талантливых и прозорливых деятелей сталинской эпохи, а преступления, которые ему приписывают, считает во многом выдумкой его соперников в борьбе за власть.

Сопоставляя традиционные обвинения против Л. Берии с реальными фактами его жизни, автор показывает, как и почему возникло каждое из этих обвинений, предоставляя читателям возможность решать самим, насколько убедительна его версия.

УДК 929

ББК 63.3 (2) 6-8

© «Олимп», 1998

© Разработка серии,
оформление.

«Русич», 1998

ISBN 5—7390—0579—5 («Олимп»)

ISBN 5—88590—844—3 («Русич»)

ВВЕДЕНИЕ

Историю не принято считать так называемой точной наукой. А ведь, казалось бы, и в ее основе лежат вполне точные факты: даты, события, явления... Но если даты, как правило, относятся к непреложным истинам, то практически любое событие (и тем более длительный процесс) можно изложить и оценить по-разному, в зависимости от позиции и задач того, кто дает такую оценку. Даже добросовестные исследователи всего лишь простые смертные, с присущими им симпатиями, антипатиями и прочими чувствами. И они, разумеется, не застрахованы от ошибок и заблуждений. Но все-таки в подобных случаях вероятность ошибки довольно мала.

Совсем иное дело, когда историю фальсифицируют намеренно и обдуманно. Если же это делается не профессионалами-одиночками, а на солидном, государственном уровне, то не просто извращаются отдельные факты и события — возникает своего рода псевдоистория, сотканная из целой системы мифов. Вплоть до второй половины 80-х годов множеством подобных мифов была засорена и наша, российская история, в особенности советский период. Последние годы принесли немало положительных изменений, но мифология, насаждавшаяся десятилетиями, уже успела осесть в сознании нескольких поколений, а искоренить ее, как говорит опыт других стран и

времен, значительно труднее, чем внедрить. Поэтому объективность и добросовестность в исторических исследованиях сегодня важны как никогда.

Среди мифов и легенд советского времени особое место принадлежит мифу о Лаврентии Берии, в течение пятнадцати лет (1938—1953) занимавшем в Кремле различные ответственные посты, в частности возглавлявшем органы внутренних дел и государственной безопасности. После смерти Сталина среди его окружения развернулась борьба за лидерство, за власть. Подобных ситуаций история знала предостаточно; и все они отличались стремлением претендентов на главные роли осудить — в той или иной мере — ошибки прежней власти, отмежеваться от них и этим повысить свои шансы на успех. Но осудить Сталина вскоре после его смерти было немыслимо: его имя окружал, пожалуй, самый мощный из мифов, созданных в ту эпоху. Должно было миновать еще почти три года, прежде чем Хрущев решится на закрытом заседании XX съезда КПСС рассказать часть правды о Сталине.

Вот почему тогда, летом 1953 года, традиционная процедура отмежевания от прежней власти и ее осуждения не вылилась даже в робкую критику Сталина, а ограничилась расправой над Берией и обвинением его во всех мыслимых грехах — как реальных, так и мнимых. При этом решалась и другая важная задача: устранялся с пути серьезнейший конкурент в борьбе за власть. Берия был арестован и в декабре того же года по приговору Верховного суда расстрелян (или, как полагают некоторые исследователи, был убит при аресте, а суд являлся банальной инсценировкой).

Интересно, что искусственность и фальшивость этого очередного мифа, созданного по рецептуре процессов конца 30-х годов (на Берию сваливают все грехи карательных органов советской власти, да к тому

же еще представляя его агентом нескольких иностранных разведок, и прочее и прочее, успешно маскировавшимся в течение тридцати лет), наше многоопытное население (во всяком случае, его часть) ощутило с самого начала. Я был в 53-м году первоклассником-несмышлеником, но до сих пор отлично помню, как однажды мой отец, вернувшись с работы, вполголоса рассказал дома такой анекдот: мальчишка на вопрос матери, куда девалась банка с вареньем, бойко отвечает: «Берия съел!» Да, на Берию в те годы валили все подряд: и экономические трудности, и неудачи первых лет Отечественной войны, и, мягко говоря, невысокий уровень жизни, и, разумеется, массовые репрессии, истина о которых стала раскрываться задолго до XX съезда, — ведь самые первые реабилитированные начали возвращаться домой еще до ареста Берии. И добавим, по его инициативе.

Но эта деталь, как и многие другие, осталась за бортом легенды. Миф о Берии обрастал все новыми подробностями и в конце концов настолько внедрился в массовое сознание, что любое слово в защиту этого человека и сегодня принимается в штыки. Давно забыт анекдот о мальчике и банке варенья, забыто и многое другое, не вписывающееся в рамки официальной легенды (например, то, что начало реабилитации положил именно Берия, и никто другой).

Конечно, Берия отнюдь не был ангелом. На его совести лежит не меньше преступлений, чем на совести любого из прочих видных деятелей сталинского режима. Да, он как бы олицетворял и олицетворяет собой карательные органы Страны Советов. Но ведь нас уже около полувека старательно убеждают, что его личная вина была какой-то особой, исключительной. А почему? Разве Молотов и Калинин, Маленков и Каганович, да и тот же Хрущев, которые, кстати, попали на кремлевский Олимп раньше Берии, мень-

ше виновны в злодеяниях режима? Может быть, все дело в каких-то патологических особенностях характера Берии? Но и на этот вопрос в существующей литературе трудно найти вразумительный ответ. Не внес в это ясности, а скорее, еще более запутал дело поток «разоблачительных» работ последнего десятилетия, в которых возникает (а иногда и является главным объектом исследования) фигура Берии.

Попробуем внимательно и беспристрастно разобраться в биографии этого человека, в его политической карьере и в том, как, для чего и кем создавался миф о Берии.

Глава 1

РОВЕСНИК ВЕКА

Легенды и мифы советской эпохи создавали умелые и опытные профессионалы: ведь предполагалось, что легендам этим суждена вечная жизнь. И все же за несколько десятилетий советской власти в официальной мифологии выработались определенные штампы. Если бы непредсказуемая игра судьбы предназначила Берии роль не злобного палача, а мужественного народного героя, среди его дежурных обозначений непременно было бы и такое — ровесник века. Этот штамп подразумевал и календарную дату рождения (Берия родился 29 марта 1899 года — чуть-чуть, конечно, не дотянул до полного «ровесника», но это мелочь), и некий благоприятный перст судьбы, делающий биографию героя во всем созвучной решительной поступи века и его великих свершений.

Кстати, легенда о Берии как о положительном герое истории не только могла существовать, но до определенного поворота в его судьбе и существовала. Например, в «Историко-революционном календаре» на 1941 год Берия назван «одним из виднейших руководителей ВКП(б), ближайшим учеником и соратником великого Сталина». Еще более лестных эпитетов он удостоился во втором издании Большой Советской Энциклопедии. Правда, к концу лета 53-го года подписчикам БСЭ разослали несколько печат-

ных листков с настоящей инструкцией вклеить их на место статьи о Берии, а последнюю — уничтожить. Большинство подписчиков, естественно, послушно исполнили это указание, но кое-кто все же рискнул сохранить запретную статью. Она, таким образом, превратилась не только в библиографическую редкость, но и стала зримым свидетельством превратности судьбы вообще и героя данной книги в частности.

Да, как пели в одном очень старом романсе: «судьба играет человеком, она обманчива всегда: то вознесет его высоко, то бросит в бездну без следа». Именно эта причудливая игра судьбы, рока трагически повлияла на биографию Берии, а не какие-то там «объективные закономерности». Именно она в конечном счете сформировала ту легенду о нем, в которую мы (во всяком случае, большинство из нас) верим до сих пор. Работая над этой книгой, я постоянно имел дело с множеством других исследований, мемуаров, документов, ища в них ответы на те или иные вопросы этой загадочной истории, в том числе и на такой: почему легенда о Берии оказалась столь устойчивой? Почему даже в последние годы, когда один за другим рухнули почти все мифы «совковой» поры, этот остался непоколебимым?

Между тем, мягко говоря, сомнительность этого мифа совершенно очевидна. Вот пример (правда, косвенный): в конце 80-х годов театр «Современник» инсценировал знаменитые лагерные записки Евгении Гинзбург «Крутой маршрут». В одном из эпизодов женщины-заключенные, узнав, что во главе НКВД вместо Ежова поставлен Берия, радостно кричат: «Да здравствует товарищ Берия! Он во всем разберется, он освободит нас!» Подразумевается, что зрители должны в этом месте горестно вздыхать (как и происходит): уж им-то доподлинно известно, что Берия был

еще более мерзким злодеем, чем его предшественник. Однако факты говорят как раз об обратном: с приходом Берии к руководству НКВД в конце 38-го года по тюрьмам и лагерям прокатилась довольно заметная волна освобождений и пересмотров дел, пускай недостаточно широкая и полная, но все же. Ведь если, следуя завету Достоевского, начальным критерием несправедливости считать пролитую детскую слезинку, то, видимо, и несколько десятков тысяч освобожденных и спасенных от гибели людей тоже чего-то стоят.

Тем не менее мы верим в легенду о Берии и твердо «знаем»: он злодей и палач. Почему? Да потому, что нас в этом усиленно убеждают вот уже 45 лет. А женщины из спектакля по книге Е. Гинзбург искренне выкрикивали здравицы в честь Берии, потому что верили в другую легенду, согласно которой он был гуманистом и «верным ленинцем». Обе легенды имеют мало общего с действительностью (на мой взгляд, первая куда меньше, чем вторая), однако, справедливо отбросив одну из них, мы почему-то механически приняли на веру другую и продолжаем слепо в нее верить.

Так кем же все-таки был в действительности Лаврентий Павлович Берия, «ровесник века»?

Родился он, повторим, 29 марта (по старому стилю — 17 марта) 1899 года в горном абхазском селении Мерхеули. Но большинство жителей Мерхеули составляли не абхазы, а мегрелы — одна из многочисленных кавказских народностей, близкая к грузинам. Семейство, в котором родился маленький Лаврик, тоже было мегрельским. Согласно законам мифологии советских времен, все «главные» вожди должны были происходить из крестьянских или рабочих семей. Как правило, так оно и было: выходцев из интеллигентской или — упаси Боже! — аристократиче-

ской среды в высшие эшелоны власти старались не допускать. А если порой и случались недоразумения, то биографию «нетипичного» вождя быстренько подправляли. Но в случае с Берией придумывать ничего не пришлось: он в самом деле родился в бедной крестьянской семье.

О его родителях известно не так уж много. Отец, Павле Берия, был простым крестьянином, переселившимся в Мерхеули за несколько лет до рождения сына. Там, в Мерхеули, он женился на красавице вдове Марте Джакели, у которой от первого брака остались сын и маленькая дочь. Своих детей у Павле и Марты родилось трое, но младший мальчик умер в двухлетнем возрасте от оспы. Не отличалась крепким здоровьем и дочь Анна (дома ее звали Анетой): в детстве она перенесла тяжелую болезнь и стала глухонемой. А вот Лаврентий рос здоровым и сильным, болел мало.

Павле и Марта Берия жили бедно, и заботу о двух старших детях Марты (от первого брака) частично взял на себя ее брат. Через некоторое время он увез с собой мальчика — сводного брата Лаврентия Берии звали Капитон Кварацхелия — в Маньчжурию, где он работал на недавно открывшейся Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). А девочка рано вышла замуж и ушла в дом мужа. Разумеется, все надежды Павле и Марты были связаны с Лаврентием.

Когда мальчику исполнилось семь лет, отец, продав часть и без того скудного имущества, отправил сына в Сухумское реальное училище, — скромных средств Павле вполне хватило не только на то, чтобы оплатить учебу, но и на то, чтобы на первых порах Марта Берия, поехавшая в Сухуми вместе с сыном, смогла снять маленькую комнату, где они и прожили все восемь лет учебы Лаврентия. Впрочем, деньги Павле довольно быстро вышли, и потом мать с

сыном жили на заработки Марты — она была отличной портнихой.

Сухуми в 1906—1914 годах (время учебы Лаврентия в реальном училище) был небольшим провинциальным городком. В пределы Российской империи он вошел всего за век до этого (в 1810 году), а ранее там была турецкая крепость Сухум-Кале, остатки которой еще сохранялись на окраинах города. В свободное время Марта с сыном любили бродить там. А порой уходили и дальше — вдоль речки Беслетки, пробивавшейся через узкое ущелье. В нескольких километрах от города края ущелья соединяла мощная широкая арка Беслетского моста, построенного генуэзскими купцами еще в XIII веке. А у другой окраины Сухуми высились руины некогда величественного византийского замка. Монументальный вид этих сооружений потряс деревенского мальчика, с тех пор он не раз говорил матери, что, когда вырастет, станет архитектором. Но судьба распорядилась иначе.

За последнее десятилетие мы как бы заново усвоили древнюю истину, что мир поделен на богатых и на бедных. В идеале такое деление должно быть связано с разной степенью трудолюбия, энергии и талантов людей, но на практике богатство нередко создается не совсем честным (а то и совсем нечестным) путем. К тому же большинство бедных — независимо от того, насколько справедливо им досталась подобная участь, — разумеется, недовольны своим положением и хотели бы изменить его. А рядом, под боком, они видят чью-то безбедную «райскую» жизнь, — ну, разве может такое понравиться? Тут-то вдруг и появляются заботливые толковые люди, которые объясняют: ни к чему ждать милостей от судьбы, вот же оно, богатство, рядом! Надо отобрать его и поделить на всех «по-честному». А богатых кровососов отправить в мир иной, тогда настрадавшим-

ся труженикам и достанется побольше. Лозунги большинства восстаний и революций в мире — задолго до нашей Октябрьской — сводились к этому незатейливому кличу: отобрать и поделить на всех!

Тогда, в начале века, Сухуми состоял из двух исторических районов. В нижнем, торговом, был порт, тесно лепились друг к другу жалкие домишки бедняков. А наверху, в курортном районе, стояли роскошные особняки и дачи, как раз в те годы стали появляться красивые дома в несколько этажей в стиле модерн. Там прогуливались дамы и кавалеры в европейских нарядах, проносились шикарные экипажи, играли духовые оркестры, дразня и лаская слух музыкальных кавказцев. И разумеется, жители «нижнего» района (там жил и Лаврентий с матерью) с грустью взирали на эту сладкую жизнь, в которой для них не было места.

Но социалистические идеи, уже вызвавшие серьезные волнения в центральных областях России в 1905—1906 годах, все активнее просачивались и на Кавказ. Тяга многочисленных кавказских народов к свободе всегда была чрезвычайно сильна, в чем все мы в очередной раз убедились в последние годы. Естественно, в начале нашего века, спустя всего несколько десятилетий после завершения долгой и кровавой кавказской войны (она закончилась в 1864 году), дух вольности бурлил в сердцах кавказцев еще сильнее, чем сегодня. Но вместе с тем не умерла еще и память о жестоком покорении Кавказа. В свое время Ленин выдвинул тезис о «справедливых» и «несправедливых» войнах. И в рамках этого деления кавказская война, конечно, была «несправедливой», завоевательной со стороны России. Но Российская империя, начиная с петровских времен и вплоть до 1917 года, переживала мощный взлет, она неуклонно расширяла свои пределы, и наш добрый гений Пушкин

выразил мнение большинства старых поколений россиян, когда написал:

...Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
И смолкнул ярый крик войны,
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

«Дикая вольность» кавказцев, сломленная русской мощью, в годы юности Берии не могла выплеснуться наружу: железная пята империи как бы загнала ее внутрь душ и сердец. Не оттого ли в наши дни эта вольность, распрямившись, подобно долго сдавливаемой пружине, бурлит и бурлит, словно торопясь восполнить упущенное? А тогда, в начале века, этот буйный и непокорный дух отчасти нашел выход в революционном брожении, которое понемногу охватывало Российскую империю. Если, например, в Прибалтике или в Средней Азии признаки грядущей бури были почти незаметны, то на Кавказе они проявлялись едва ли не ярче, чем в центрах страны — Петербурге и Москве.

В кавказских городах появились пропагандистские брошюры, призывавшие свергнуть власть фабрикантов и помещиков, а затем установить диктатуру пролетариата. В Тифлисе и Баку, в Батуми и Ереване, в других городах начались забастовки и митинги — совершенно непривычное для тех краев явление. Они, правда, происходили пореже, чем в центре, но зато пылкие кавказцы и требовали своего настойчивее, и спорили решительнее. То тут, то там революционеры-боевики убивали какого-нибудь чиновника или бросали бомбу в общественное здание. Обычно это

делали эсеры, а большевики предпочитали «экспроприировать» (в переводе на человеческий язык — грабить) деньги в банках или у богатых местных предпринимателей. Летом 1907 года во время одного из таких ограблений в Тифлисе было похищено из государственной казны более 200 тысяч рублей. Руководили этим налетом С. Тер-Петросян и И. Джугашвили, позднее ставшие известными под партийными кличками Камо и Сталин.

Конечно, подобные ограбления, не говоря уже об убийствах чиновников (в других местах империи убивали даже министров и губернаторов), у многих людей вызвали возмущение. Но всеобщим оно, к сожалению, не было: лозунги большевиков и эсеров, которыми прикрывались подобные акции, находили сочувствие не только в среде малограмотных масс, но и у многих образованных людей. А в так называемых национальных окраинах империи, к которым относился и Кавказ, революционные лозунги, налагаясь на подавляемые националистические устремления, приобретали особую силу и популярность.

Нет ничего удивительного в том, что в годы учебы юного Лаврентия Берии в Сухумском реальном училище социалистические идеи проникли и туда. И хотя мальчик все восемь лет, проведенных в училище, держался особняком и закадычных друзей не завел, он часто присоединялся к группкам сверстников, бурно обсуждавших политические новости или просочившиеся в училище революционные листовки. Среди учеников появились свои «большевики», «меньшевики», «эсеры», «кадеты»... Все эти детские привязанности еще много раз будут меняться, как происходит с нашей молодежью и сегодня, в неожиданно нагрянувшую эпоху плюрализма.

А поскольку дети во все времена одинаковы, нетрудно предположить, что и в мыслях героя нашей

книги политические проблемы не были на первом месте — во всяком случае, лет до пятнадцати-шестнадцати. Гораздо больше его волновало другое. Хотя кавказцы никогда не славились особенно высоким ростом, Берия был заметно ниже большинства своих соучеников. Однако комплексов, присущих многим «коротышкам», у него не сложилось. Разве что неуемное стремление добиться, сделать, узнать хотя бы чуть-чуть больше других. Он никому не уступал в мальчишеских потасовках: широкие плечи и сильные руки, не говоря уже о бешеной энергии, позволяли ему выйти победителем из самых трудных схваток. Его стали уважать, а отчасти и побаиваться, что, в свою очередь, позволило и мальчику почувствовать себя более уверенно, чем прежде.

Свободного времени у него тогда было немного. Жить на содержании у матери мальчику не разрешала кавказская гордость, и он использовал малейшую возможность для приработка. Найти такую возможность в приморском портовом городе, большую часть года наводненном состоятельными курортниками, было не так уж сложно: что-нибудь погрузить или разгрузить в порту, перенести вещи для отдыхающих, проводить до нужного места... Часто по воскресеньям он отправлялся в Мерхеули навестить родных, оставшихся там. Иногда приходилось идти пешком, но обычно мальчика подсаживал на свою телегу какой-нибудь крестьянин, двигавшийся в ту же сторону. А ближе к вечеру отец подвозил его обратно примерно до половины пути, а иногда — и до самых окраин Сухуми. Мать, Марта Берия, бывала в Мерхеули реже, чем сын.

Но как-то раз, посередине недели, из Мерхеули прискакал всадник, и Лаврентия отпустили из училища сразу на несколько дней. Добравшись вместе с матерью до родного села, он увидел перед их домом

небольшую толпу. Оказалось, что, когда за Мартой и Лаврентием отправляли посыльного, Павле Берия находился в очень тяжелом состоянии, но пока они добирались до Мерхеули, он уже умер. Это произошло примерно за год до окончания Лаврентием училища: мальчику было тогда четырнадцать лет. (Так считает большинство зарубежных биографов Берии. Но его сын Серго, не так давно опубликовавший мемуары, утверждает, что его дед умер позднее, уже в 20-е годы, — правда, при этом не называет ни точной даты, ни обстоятельств смерти.)

В 1914 году Лаврентий с отличием закончил Сухумское реальное училище. Надо было либо искать работу, либо продолжать учебу. Подросток выбрал второе. Он мечтал стать архитектором или инженером-строителем. Но лучшие учебные заведения находились в Петербурге и Москве, куда ему было сложно перебираться, прежде всего по материальным соображениям. К счастью, гораздо ближе, в Баку, было механико-строительное техническое училище. И Лаврентий поехал в Баку, а Марта Берия вернулась в Мерхеули. Аттестат с отличием, полученный в Сухуми, и прекрасные знания помогли Лаврентию без труда поступить в бакинское училище.

Буквально в те дни, когда он держал вступительные экзамены, в Европе разыгралась политическая драма. На Балканах, которые уже давно именовали «пороховой бочкой Европы» (этот нелестный титул, к сожалению, сохраняет свой смысл и в наши дни), произошли события, приведшие к первой мировой войне. Сербские националисты 28 июня застрелили в боснийском городке Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. Сараево, как и вся Босния, входило тогда в состав Австро-Венгерской империи, но многие сербы считали эти территории «своими». Убийством эрцгерцога и его

жены националисты как бы подчеркивали серьезность своих претензий.

Как же все-таки быстро в нашем бурном веке менялись стереотипы массового сознания! Кого сегодня можно удивить убийством двух-трех человек, будь среди них хоть президент, хоть король, хоть сам папа римский? Я еще хорошо помню рассказы пожилых людей, которые вспоминали о том всеобщем потрясении, с которым общественность России и других стран встретила известие об этом злодейском убийстве. Да, начавшаяся война до основания разрушила основы сложившегося в мире порядка, перевернула сознание сотен миллионов людей. В то далекое лето 14-го года вряд ли кто-нибудь мог представить, какие неслыханные масштабы жертв, разрушений и изменений в привычном строе жизни принесут четыре военных года (а ведь через каких-то четверть века была еще более страшная война — вторая мировая). Спустя много-много лет прекрасный русский поэт Арсений Тарковский, вспоминая о безмятежной поре последних предвоенных дней, напишет:

Казалось, что этого дома хозяева
Навечно в своей довоенной Европе,
Что не было, нет и не будет Сараева,
И где они, эти Мазурские топи?..

Но Сараево уже было, а до страшных Мазурских топей, где в сентябре 14-го года суждено было погибнуть двум русским армиям, оставалось совсем недолго. Начиналась новая эпоха.

Россия, покровительствовавшая Сербии, поддержала ее и на сей раз. Когда Австро-Венгрия объявила сербам войну, в России была начата всеобщая мобилизация. Германия, союзница австрийцев, потребовала отменить ее и, получив отказ, 1 августа объявила России войну. А вскоре в нее втянулись

Англия, Франция и многие другие государства — всего их было 38. История человечества еще не знала ничего подобного.

Новая структура общества, возникшая в России после 17-го года, предполагала большие возможности для тех, кто еще вчера был «ничем», а теперь мог стать «всеми». Конечно, только рабоче-крестьянского происхождения для этого было недостаточно. Для того чтобы пробиться в новую элиту, требовались незаурядная энергия, умение выходить победителем в условиях жесткой конкуренции, способность мгновенно ориентироваться в непривычной обстановке. Эти качества, заложенные в Лаврентии Берии от рождения, значительно укрепились и прошли своего рода «обкатку» за годы учебы в Сухуми и Баку. Его стремление ни в чем не уступить никому, во что бы то ни стало добиться своего как нельзя лучше подходило для новой обстановки. В условиях революционного хаоса и неразберихи именно такие люди быстро находили свое «стартовое» место в обществе и в дальнейшем делали стремительные карьеры.

Что же касается Берии, то он тогда вряд ли и думал о таких заоблачных высотах. Он мечтал стать хорошим архитектором-строителем и, по всей вероятности, мог бы добиться на этом пути самых больших успехов. Когда в июне 17-го года, в ходе мобилизации, объявленной Временным правительством, его отправили техником-практикантом на Юго-Западный фронт (там русским войскам противостояли австрийские и румынские части), Берия наверняка был недоволен. Особого желания воевать за непонятные ему цели у юноши не было, а вот его мечта об успешном завершении образования и начале профессиональной карьеры, казалось, таяла на глазах.

Но вскоре все изменилось. Еще до Октябрьской революции русская армия — во многом «благодаря»

пропаганде большевиков — стала разваливаться. Солдаты сдавались в плен, «братались» с войсками неприятеля, а большинство просто разбежалось по домам. Революция сделала продолжение войны бессмысленным, а в марте 18-го года большевики официально подписали мир (Брестский) с Германией и ее союзниками.

Среди этих союзников Германии, между прочим, была и Турция, давно вынашивавшая планы захвата земель Армении, Грузии, Азербайджана. По условиям Брестского мира большевики отдали туркам не только территории, занятые русской армией в ходе первой мировой войны, но и некоторые из исконных грузинских и армянских земель: до начала 20-х годов большевики еще верили в возможность «мировой революции» и потому относились к государственным границам как к чисто временному понятию.

К счастью, порабощения кавказских народов османами не произошло. Напротив: в условиях вспыхнувшей в России Гражданской войны, когда судьба советской власти временами висела на волоске, на национальных окраинах стали возникать свои государственные структуры, свои правительства. Летом 18-го года, когда турецкие войска, вопреки условиям Брестского мира, попытались захватить Баку и прилегающие нефтяные промыслы, в Азербайджане власть перешла в руки правительства мусаватистов — буржуазно-националистической партии, выступавшей за равенство (именно так переводится на русский язык слово «мусават») всех наций и религиозных конфессий. Тем не менее власти Советской России сразу же заняли враждебную позицию в отношении независимого Азербайджана и его нового правительства.

В последние дни первой мировой войны молодая мусаватистская армия при поддержке английских войск отбила наступление турок, которым удалось

ненадолго занять Баку. Казалось, эта победа укрепила независимость Азербайджана. К тому времени Берия, вернувшийся вместе с другими солдатами домой, успел возобновить учебу на прежнем месте. Весной 19-го года он окончил — вновь с отличием! — Бакинское механико-строительное техническое училище и получил диплом техника-строителя.

Постепенно определились и его политические симпатии. В своей автобиографии Берия всегда указывал, что вступил в партию большевиков в марте 17-го года. Видимо, это все-таки произошло на год-полтора позднее, но в ту пору прибавление себе партийного стажа, а порой даже возраста было широко распространенным явлением. Примерно тогда же, весной или летом 18-го года, Берия начал подпольную работу. Бакинские большевики, которыми уже в то время руководили присланные из России эмиссары, поручили Берии проникнуть в мусаватистскую контрразведку под видом ее «добровольного помощника». Берия должен был загодя предупреждать большевистское подполье об операциях, намеченных против него мусаватистскими спецслужбами.

Ситуация, как нетрудно догадаться, довольно скользкая. Двойной (или тройной) агент! — этот образ многократно использовался в литературе и кинематографе. И почти всегда персонаж такого рода сталкивался с недоверием товарищей, даже с обвинениями в предательстве, — словом, был «своим среди чужих и чужим среди своих». Все это пришлось испытать и Берии. Его не раз подозревали в том, что он «взаправду» переметнулся на сторону мусаватистов. А когда летом 53-го года было сфабриковано «дело Берии», одним из главных обвинений в нем значилось такое: «...в 1919 году Берия Л. П., находясь в Баку, совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в разведку контрреволю-

ционного мусаватистского правительства в Азербайджане, действовавшую под контролем английских разведывательных органов».

Здесь все вымысел — не только обвинение Берии в предательстве, но и последние несколько слов о контроле английской разведки. Но «логику» обвинителей легко понять: в 53-м году уже мало кто в СССР представлял себе, кто такие мусаватисты. А зловещий смысл слов «английская разведка» в годы всеобщей шпиономании, разумеется, понимали даже дети.

Но если бы это происходило в иное время и в другой стране, все равно опровергать подобные обвинения крайне сложно. Работа двойного агента сопряжена со сверхсекретностью, и в реальное положение дел обычно посвящены бываюот считанные люди. В случае с Берией ситуация осложнялась тем, что еще в сентябре 18-го года, когда большевики перед уходом в подполье попытались захватить власть в Баку, 26 их руководителей были арестованы мусаватистами и вскоре расстреляны. Среди них оказались и те несколько человек, которые знали о секретном задании Берии.

Тем не менее еще в 20-е годы, когда противники Берии выступили с этими обвинениями, он сумел найти людей, подтвердивших, что его работа у мусаватистов была связана с партийным заданием. Эти свидетельства были зафиксированы в соответствующих документах. И все же в 53-м году предпочли сделать вид, будто факт «предательства» Берии выявлен недавно и не был давным-давно опровергнут. Так, старый большевик Виктор Нанейшвили, бывший в свое время секретарем подпольного Кавказского бюро РСДРП(б) в Баку, свидетельствовал в конце 20-х годов, что Берия помог выявить и ликвидировать двух провокаторов, которые, также представляясь двой-

ными агентами, в действительности работали *только* на мусаватистов. Тогда же подтвердил невинность Берии и чекист-подпольщик Мир Джафар Багиров, который сам пересылал из Баку в Царицын, в штаб 10-й Советской Армии, оперативные данные, добытые Берией у мусаватистов. Позднее Багиров в течение двадцати лет был первым секретарем Компартии Азербайджана, а в 56-м году его расстреляли «за нарушения социалистической законности», но фактически — за дружеские отношения с Берией.

Тогда же, в 20-е годы, Берия поручил одному из своих приближенных В. Меркулову изъять из бакинских партийных архивов компрометирующие его документы. Кстати, сам Меркулов летом 53-го года в докладной записке на имя Хрущева сообщал, что компромат против Берии, содержащийся в этих документах, «носил незначительный характер».

Независимость трех кавказских государств была недолгой. Большевистская Россия, сокрушив царскую империю, торопилась стать еще более мощной империей. К началу 20-го года были разгромлены два наиболее сильных противника Советской России в Гражданской войне — Колчак и Деникин. Вернуть себе все территории, потерянные в хаосе первых после-революционных месяцев, большевики еще не могли: не было достаточно сил. Но прибрать к рукам значительную часть «окраин» они уже были в состоянии.

Весной 20-го года части Красной Армии вплотную подошли к границам Азербайджана. Уже упоминавшийся профессиональный террорист Тер-Петросян (Камо) подготовил несколько мощных взрывов в различных частях Баку, которые должны были стать сигналом для выступления подпольщиков и распространяемых ими рабочих. Но после того как мусаватистскому правительству был предъявлен ультиматум, оно во избежание ненужных жертв предпоч-

ло добровольно сдаться. И 28 апреля части Красной Армии без боя вступили в Баку.

Сразу же после этого Бакинский комитет партии направил Берию в Тифлис с секретным письмом. В нем содержались инструкции грузинским большевикам-подпольщикам. С ноября 17-го года у власти в Грузии стояло национальное правительство, большинство в котором составляли меньшевики во главе с чрезвычайно популярным у грузин Ноем Жордания. Однако добраться до Тифлиса Берии тогда не удалось: он пробирался к грузинской столице кружным путем, через территорию Советской России, и был арестован меньшевиками в Кутаиси.

Режим в тюрьме был довольно либеральный, и все же нельзя не отметить, что Берия вел себя мужественно, несколько раз организовывал голодовки. Но когда бывший офицер Ш. Церетели, также сидевший в кутаисской тюрьме, попытался было организовать массовый побег, Берия сумел отговорить его. Он понимал, что через считанные месяцы или даже недели части Красной Армии займут и Грузию и освободят их. А побег мог привести к гибели заключенных.

Понимало всю зыбкость своего положения и меньшевистское правительство Грузии. Поэтому оно изо всех сил старалось не обострять отношений с Советской Россией, армии которой уже нависли над Закавказьем. В Тифлисе действовало полномочное представительство России, которое номинально возглавлял С. М. Киров. Узнав об аресте Берии, он потребовал немедленно освободить его, и 9 июня 20-го года Ной Жордания отдал соответствующее распоряжение. Выйдя из кутаисской тюрьмы, Берия сразу же направился в Тифлис, где и передал местным подпольщикам-большевикам письмо из Баку.

Однако и здесь судьба сыграла с ним злую шутку. Тифлисские большевики, знавшие об успешной ра-

боте Берии в Баку, поручили ему проникнуть в ряды меньшевистской тайной службы с целью добычи нужной подпольщикам информации. Обратимся еще раз к обвинениям, выдвинутым против Берии в 53-м году. Там, в частности, говорится: «В 1920 году Берия Л. П., находясь в Грузии, вновь совершил предательство, установив тайную связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства, также являвшейся филиалом английской разведки». Это тоже беспардонная ложь: и про Берию, и про английскую разведку. На самом деле грузинские подпольщики были тогда разобщены, и часть из них воспринимала Берию как *настоящего* агента меньшевистской спецслужбы.

Узнав, что на него готовится покушение, Берия был вынужден бежать из Тифлиса в Баку — к Кирову, который его хорошо знал. Следом за ним подпольщики отправили в Баку телеграмму: «Из Тифлиса к вам бежал провокатор Берия. Арестуйте его». Телеграмма была адресована на имя члена Реввоенсовета Кавказского фронта Серго Орджоникидзе. Но, к счастью, Орджоникидзе уже знал о Берии от Кирова и местных (бакинских) большевиков. Узнав, что Берия по приезде в Баку был арестован, Орджоникидзе и Киров приказали освободить его. Помог Берии и Багиров, который к тому времени стал заместителем председателя ЧК Азербайджана (а в начале 21-го года был назначен ее председателем).

Между тем Красная Армия по приказу Ленина и Троцкого двинулась на Грузию. 25 февраля 21-го года части 11-й армии во главе с Кировым и Орджоникидзе ворвались в Тифлис. По настоянию Кирова расправа с малоопытными грузинскими ополченцами была стремительной и жестокой. И независимая Грузия, едва возникшая на политической карте мира, перестала существовать еще на семь десятилетий. И

практически сразу же Грузия, как и соседние Азербайджан и Армения, оказалась ареной сложных интриг — как местных, так и идущих из центра.

Большевики России планировали воссоединить хотя бы часть тех земель бывшей империи, которым они сгоряча даровали независимость. Шли, правда, споры о том, в какой форме будет проведено объединение, какими будут права окраинных национальных районов. Но уже сам факт колоссального преимущества этнической России в территории и населении предопределял ее главенствующее место в будущем образовании.

Понимали это, конечно, и кавказские большевики. Часть их с самого начала стала ориентироваться только на центр (или же просто предпочла перебраться туда), другие же стремились завоевать надежные позиции на родине и попытаться сделать свои земли «главными» хотя бы в Закавказском регионе. Поэтому, когда возникла довольно нелепая идея — объединить Грузию, Армению и Азербайджан в некий союз (ЗСФСР), позиции также разделились. Те, кто связывал свои надежды с Москвой, активно выступали за ЗСФСР: ведь центру было бы куда проще руководить одним крупным образованием, нежели, например, полутора-двумя десятками мелких. А сторонники местного возвышения опасались, что искусственное объединение трех стран резко ограничит и перспективу карьер, так как втрое уменьшится и будущий административный аппарат. Словом, оснований для споров было предостаточно.

Споры, казалось бы, разрешились в июле 22-го года, когда представители трех стран подписали 11 пунктов соглашения об основах будущей Закавказской федерации (а предварительная договоренность была достигнута еще раньше, в марте). Но не тут-то было! В каждой из стран сильное движение за раз-

дельное существование сохранилось, а ЦК Компартии Грузии вскоре даже объявил, что грузинский представитель (им был Буду Мдивани) не имел права подписывать соглашение. И в итоге весь ЦК в полном составе подал в отставку — событие уникальное даже для тех времен, еще сохранявших легкий намек на партийную демократию.

Но дело было не только в несогласии грузинских коммунистов с созданием ЗСФСР. Оказалось, что Орджоникидзе, назначенный первым секретарем Закавказского крайкома партии, безобразно вел себя с «товарищами по партии», при малейших возражениях пускал в ход кулаки. Особенно доставалось грузинам, которых Орджоникидзе, видимо, считал «своими», не заслуживающими особых церемоний. Возвращаясь к вопросу о советской мифологии, отметим, что вокруг имени Орджоникидзе еще до его самоубийства в начале 37-го года был создан ореол исключительного благородства и непорочности. На деле же Орджоникидзе был на редкость несдержан, не умел владеть собой, что было следствием хронического алкоголизма. Даже Ленин, на многое смотревший сквозь пальцы, неоднократно отчитывал Орджоникидзе за пьяные загулы. Возглавляя первые несколько лет Закавказский крайком партии, Орджоникидзе заложил там основы «силового» стиля руководства.

Что же касается упомянутого эпизода (он получил название «грузинский инцидент»), то Ленин отправил в Тифлис для разбирательства специальную комиссию во главе с Дзержинским. Тот сразу же стал в конфликте на сторону Орджоникидзе, и в итоге практически все руководство Компартии Грузии было смещено (впрочем, они ведь и сами просили об отставке). Почти одновременно здоровье Ленина резко ухудшилось, и он позднее даже говорил, что от-

чет вернувшегося из Тифлиса Дзержинского «на меня очень тяжело повлиял». В самом деле: Дзержинский докладывал о результатах своей поездки вечером 12 декабря, а спустя три дня у Ленина случился удар. В оставшийся ему год жизни Ленин уже не мог всерьез заниматься «грузинским» вопросом, хотя и пытался.

Впрочем, не следует возвращаться к модной в годы горбачевской перестройки позиции. Она, как хорошо помнят читатели, предполагала наличие некоего «социализма с человеческим лицом», у истоков которого стоял Ленин. Затем его благородные заветы были забыты, а вот если, старательно убеждали нас, к ним вернуться, то все пойдет как по маслу, все будет замечательно.

В действительности же все споры «хорошего» Ленина и «плохих» Троцкого и Сталина (фамилии в разные времена тасовались по-разному, и только вокруг имени Ленина сохранялся незапятнанный ореол) носили чисто формальный характер, а суть их идей и теорий всегда оставалась одной и той же — жесткая центральная власть и беспощадный террор по отношению к *любым* ее противникам. Даже к просто сомневающимся, даже к тем, кто боялся открыть рот, но потенциально *мог бы* представить угрозу новому режиму. В последние годы были опубликованы многочисленные документы за подписью Ленина, убедительно показывающие, что террор и тотальное беззаконие лежали в основе советской власти с ее первых дней.

Не стоит закрывать глаза и на то, что это идеально соответствовало интересам тех слоев общества, на которые прежде всего ориентировался новый режим — наиболее бедные пролетарии и крестьяне. Лозунг «Грабь награбленное!» предлагал им наипростейшее решение всех жизненных проблем: не нужно было

трудиться, не нужно получать образование, а только отнимать, отнимать, отнимать... Раз чье бы то ни было состояние «награбленное», значит, отнимая его, они как бы восстанавливали попорченную справедливость. И никому, конечно, не приходило в голову, что в царстве бесправия и беззакония можно лишь временно поддерживать иллюзию, будто в праве и законе отказано только части населения, а для большинства они (право и закон) существуют. Рано или поздно всем суждено будет испытать пагубность такого режима, даже тем, кто находился на самых его вершинах.

Напомним, что герой этой книги был «ровесником века» (плюс год), и в начале 20-х годов, когда советская власть утверждалась в Закавказье и сам Берия был среди тех, кто ее утверждал, он все-таки оставался совсем молодым человеком, вчерашним юношей. И перед ним, как и перед другими, стоял довольно бесхитростный выбор: либо встать на пути у мощного потока, неудержимо хлынувшего на Кавказ из России, либо плыть вместе с ним. Напомним и другое: только устав Красной (Советской) Армии требовал в случае угрозы плена покончить с собой. Уставы всех других государств мира предлагают солдатам и офицерам принять в такой ситуации все меры для того, чтобы сохранить себе жизнь. И тогда, в первые послереволюционные годы, пойти против потока означало покончить с собой. Берия, как и десятки миллионов других жителей бывшей Российской империи, выбрал жизнь (к тому же и в плен к неприятелю для этого идти не понадобилось). А вскоре выяснилось, что и при новой власти жизнь может быть совсем неплохой. И Берия был среди тех немногих, кто понял это раньше других.

Итак, к осени 20-го года Берия после короткого пребывания в бакинской тюрьме оказывается — при

содействии Орджоникидзе, Кирова и Багирова — на свободе. В Тифлисе у власти еще находятся меньшевики, и возвратиться туда Берия пока не может. В апреле 21-го года Багиров, только что ставший председателем ЧК Азербайджана, назначает Берия начальником ее секретно-политического отдела (СПО). Задачи СПО в то время были самыми разнообразными: разведка, контрразведка, тайная кадровая инспекция, контроль за цензурой и т. д. Берия работал там совсем недолго, однако успел отличиться при разгроме группы правых эсеров-боевиков и мусульманско-националистической организации «Иттихат», отделения которой действовали не только в Азербайджане, но и в некоторых других районах Закавказья.

Между тем обстоятельства уже позволяли Берии вернуться в Грузию, где оставалась его мать и другая родня. Берия не раз бывал в Тифлисе после вступления в город Красной Армии. В каждой из трех закавказских республик сразу же были созданы свои ЧК, и они, естественно, сотрудничали. Координировала эту работу закавказская ЧК, а над ней стояла еще и московская ВЧК во главе с Дзержинским. Чекист Г. Доценко, работавший в то время в аппарате председателя закавказской ЧК Могилевского, вспоминал, что уже летом 22-го года возник вопрос о переводе Берии из азербайджанской ЧК в закавказскую. И будто бы при обсуждении этого варианта Могилевский довольно загадочно сказал:

— Нет, Берию мы к себе брать не будем. Уж больно нехорошие слухи о нем ходят.

Под «нехорошими слухами», естественно, подразумевались все те же разговоры о сотрудничестве Берии с мусаватистскими спецслужбами. Подобные обвинения были в ту пору не редкость, причем Берии, как уже говорилось, в отличие от других обвинен-

ных, удалось их опровергнуть. Поэтому большинство руководителей партийных органов и ЧК были на его стороне. В их числе был и заместитель Могилевского, чекист Панкратов, который всячески способствовал продвижению Берии по службе. Дело в том, что Панкратов отвечал за всю оперативную работу в Закавказье и хорошо знал Берию именно с профессиональной стороны. И в результате в ноябре 22-го года по ходатайству Закавказского крайкома партии Берия был переведен в ЧК Грузии. Там его сразу же назначили заместителем председателя и начальником секретно-оперативной части (СОЧ).

То, что за короткий срок работы в ЧК Азербайджана (менее двух лет) Берия проявил себя самым лучшим образом, подтверждается сохранившимися документами, в которых говорится о его «выдающихся способностях», «энергии и настойчивости», умении добиться «блестящих результатов» и т. д. Азербайджанское государственное политическое управление (ГПУ — так с конца 22-го года стали именоваться ЧК) наградило Берию именным браунингом и золотыми часами с монограммой. В принципе все это можно было бы объяснить покровительством Орджоникидзе, Кирова и Багирова. Но если вспомнить, что Берии тогда было чуть больше двадцати лет и никаких «высоких» связей — ни родственных, ни прочих — он не имел, то и для такого покровительства должны быть весьма веские обстоятельства. Проще говоря, в тот период за активной поддержкой Берии на самых разных уровнях могла стоять только высокая оценка его профессиональных и деловых качеств.

Есть, правда, и свидетельства прямо противоположного характера. Так, летом 21-го года в Баку побывал член коллегии ВЧК М. Кедров, которому Дзержинский поручил инспекционную проверку. По пути

в Баку комиссия, возглавляемая Кедровым, перетрясла местные отделения ЧК в Харькове, Ростове-на-Дону и других городах, нередко вынося решения о расстреле сотрудников, в чем-либо провинившихся. К тому времени расстрел уже стал самой распространенной «исправительной» мерой. В азербайджанской ЧК комиссия Кедрова обнаружила «сильный национализм», пьянство, растраты и пр. Виновными Кедров счел Багирова и его заместителя по секретно-политической части Берию. Соответствующий документ Кедров отослал в Москву.

За этим последовала довольно странная история. Дзержинский будто бы на основании сообщения Кедрова решил арестовать Багирова и Берию. Но тут в дело вмешался Сталин, помнивший хорошие отзывы о них Микояна, а тот, в свою очередь, знал Багирова и Берию по работе в Баку.

Так или иначе, Багиров и Берия остались на своих местах, а доклад комиссии Кедрова исчез даже из архивов, хотя в мемуарах о нем порой упоминают. А поскольку Кедров в конце 30-х годов был репрессирован (расстреляли его уже в начале Великой Отечественной войны), легенда о Берии-мерзавце пополнилась еще одним обвинением. Оно гласит, что Берия уничтожил Кедрова из мести за тот доклад.

Перебравшись в Тифлис, Берия быстро стал любимцем сотрудников грузинской ЧК. Едва ли не половину их составляли тогда латыши, воевавшие в 11-й армии, которая захватила Грузию, и затем оставшиеся там: их родная Латвия была уже самостоятельным государством и не горела желанием принимать своих блудных сынов, проникшихся идеями большевизма. Помимо латышей, грузин и русских, в ЧК работали также армяне, евреи, татары, украинцы, даже китайцы... И этот разношерстный «интернационал» скрепляли веселые, компанейские грузины, в

первую очередь энергичный и остроумный Берия, у которого всегда были наготове и изысканный тост, и деловой совет, и дружеская шутка.

Примерно в те годы в основном сложился и его внешний облик, позднее ставший привычным десяткам миллионов людей по растиражированным в газетах фотографиям. Берия уже тогда был слегка полноват, одевался просто и скромно: гимнастерка и сапоги или простенький цивильный костюм, дополненный кепкой или картузом. Главным же штрихом в его портрете стало пенсне, довольно распространенное тогда в среде врачей, юристов и учителей, но отнюдь не среди сотрудников ЧК.

Хорошие, дружеские отношения Берия стремился поддерживать практически со всеми, с кем мало-мальски соприкасался по службе или даже просто сталкивался по каким-либо делам. Но вместе с тем он, конечно, уделял особое внимание «нужным» знакомствам, которые помогали в продвижении по карьерной лестнице. Долгое время такая черта однозначно осуждалась в нашем обществе как циничная, излишне прагматичная и т. д. Но время убедительно показало: нет ничего плохого в том, что человек не катится по жизни, как неуправляемое перекаати-поле, а умело, по-деловому планирует свое будущее. А это, разумеется, предполагает не праздное порхание из одной компании в другую, а многолетние, прочные и — в определенном смысле — полезные связи. Причем эта полезность совсем не обязательно должна носить циничный, откровенно прагматичный, «жлобский» характер, нет, она вполне может предполагать взаимоподдержку, взаимовыручку. Во всяком случае, Берия редко отказывал в помощи своим друзьям, если у него была такая возможность.

Одним из наиболее влиятельных людей в Грузии (и в Закавказье в целом) был тогда Нестор Лакоба,

признанный абхазский лидер, с 22-го года возглавлявший Совнарком Абхазской АССР. Абхазия считалась частью Грузии, но Лакоба за счет своих связей в центре — в частности, превосходных отношений со Сталиным и Орджоникидзе — фактически находился в равном положении с грузинскими и закавказскими руководителями. Одно время сильнейшей опорой Лакобы был Троцкий, который любил отдыхать в Абхазии и в полной мере пользовался гостеприимством местного властителя. Правда, уже во второй половине 20-х годов это знакомство стало нежелательным, и Лакоба поспешил отойти в сторону от опального Троцкого. Что ж, абхазцы, до сих пор обожающие своего кумира, в числе его достоинств всегда называли прозорливость.

Берия познакомился с Лакобой еще в годы Гражданской войны. В дальнейшем Берия приложил большие старания, чтобы это знакомство превратилось в тесную дружбу. Лакоба не имел ничего против этого: Берия и без особых усилий нравился окружающим, а уж если еще и постараться... Их отношения довольно быстро стали приятельскими, они нередко гостили друг у друга, когда Лакоба приезжал в Тифлис или Берия — в Сухуми. Именно Лакоба помог Берии лично познакомиться со Сталиным, который, как вы помните, уже знал о молодом грузинском чекисте, но еще ни разу не видел его. Первое знакомство Сталина и Берии состоялось в сентябре 23-го года, когда Сталин проводил очередной отпуск в Абхазии. По просьбе Берии Лакоба представил его генеральному секретарю ЦК партии (напомним, что Сталин занимал этот пост с апреля 22-го года), и тот, как и многие другие, был пленен обаянием начальника СОЧ грузинского ГПУ. Но дело, конечно, было не только в обаянии Берии, а еще и в том, что Сталину вообще нравились люди такого типа: энергичные, испол-

нительные, мгновенно схватывающие суть порученного дела.

Это знакомство могло бы произойти и двумя годами раньше. В июле 21-го года Сталин приезжал в Тифлис, где его радушно принимали новые руководители Грузии: Б. Мдивани, М. Орахелашвили, Ф. Махарадзе и другие. Куда менее теплый прием оказали знатному земляку рядовые тифлисцы, всего четыре месяца назад бывшие гражданами независимой Грузии. Так, когда Сталин явился в местные железнодорожные мастерские на митинг, устроенный по поводу его приезда, рабочие освистали его, сорвав запланированное выступление.

Берия, работавший тогда в Баку, конечно, вскоре узнал о скандальном инциденте. И когда спустя год с небольшим он был переведен в ГПУ Грузии, одним из его первых заданий стал розыск и наказание виновных. Несколько железнодорожников, которых сочли «зачинщиками», были арестованы. «Дело» о железнодорожных мастерских раскручивалось и в дальнейшем.

Елифан Кванталиани, возглавлявший в то время ГПУ Грузии, на первых порах вполне доброжелательно относился к своему молодому заместителю. Правда, со временем он начал опасаться, что Берия метит занять его место (как позднее и произошло), хотя особых поводов для таких подозрений сам Берия не давал. Более того, Берия старался расположить к себе начальника, и в итоге у них возникло нечто вроде дружбы домами: оба коллеги-чекиста с женами то и дело бывали друг у друга в гостях. (Берия женился в 21-м году на красавице Нино Гегечкори, но об этом, как и вообще о личной жизни Берии, будет рассказано отдельно.) И все же, как вспоминают многие, настоящей дружбы у них не получилось.

Вместе с тем вокруг Берии уже в те годы начал складываться круг лиц, которым — по мере его тогдашних возможностей — покровительствовал он сам. С человеческой точки зрения, это вполне понятно: Берия был личностью общительной и компанейской, но в то же время и с прочными задатками лидера. Поэтому в обществе *только* начальства он чувствовал себя не в своей тарелке. Если же взглянуть на это с чисто деловой стороны, то следует признать высокое мастерство Берии в конструировании отношений с людьми: дружба с начальниками сулила ему поддержку в продвижении по службе, а друзья «снизу» должны были стать его опорой в этом, что, как правило, и происходило.

Правда, почти все эти друзья, уцелевшие в житейских бурях и дожившие до лета 53-го года, были безжалостно уничтожены теми, кто ниспроверг Берию: таков был суровый счет за дружбу с «предателем» и «агентом империалистов». Одним из них был Владимир Деканозов, познакомившийся с Берией весной 21-го года, когда они оба работали в ЧК Азербайджана. Берия, бывший начальником секретно-политического отдела, назначил Деканозова секретарем отдела. Молодые люди быстро подружились, причем Берия ни тогда, ни после — даже когда разница в положении стала гигантской — не давал Деканозову повода почувствовать, что он, Берия, ему не ровня. Когда в конце 22-го года Берию перевели в ЧК Грузии, он забрал с собой и Деканозова, добившись сохранения за тем прежней должности и в Тифлисе. С тех пор они практически не расставались и даже расстреляны были (как официально считается) в один и тот же день.

Точно такую же участь разделил и Богдан Кобулов, с которым Берия также познакомился в Азербайджане, а затем долгие годы работал вместе в Тиф-

лисе и Москве. Немного позднее Берия подружился с Всеволодом Меркуловым, — тот уже работал в ЧК Грузии, когда Берию перевели туда из Баку. Меркулов, кстати, обладал неплохим литературным даром и впоследствии даже написал несколько пьес — под псевдонимом Вл. Рок, — которые шли в театрах, в том числе и в московских. А в 20-е годы он не раз готовил для Берии документы, где требовался яркий, выразительный стиль. В 23-м году в Тифлисе был опубликован сборник «Чекисты — Первому мая», где среди прочих была и статья Меркулова, которая заметно выделялась хорошим образным языком. Берия, который в те годы только начинал по-настоящему осваивать премудрости русского языка, с тех пор в шутку называл его то «Львом Толстым», то «Пушкиным». Меркулов и во многом другом оказался самым способным товарищем Берии, в годы Великой Отечественной войны он возглавлял органы государственной безопасности, но в 46-м году Сталин сменил его своим очередным любимцем — Абакумовым.

Некоторые из друзей Берии тех лет погибли в период обострения репрессий. Сотрудник ГПУ Грузии Голиков был «разоблачен» как бывший офицер денкинской разведки. Берия знал о прошлом Голикова с самого начала и тем не менее не побоялся взять его с собой из Баку в Тифлис. Он и в дальнейшем, рискуя собственным положением, пытался отстоять Голикова, но не смог: слишком уж серьезным было обвинение.

А вот с чекистом Морозовым произошла прямо противоположная история. Работая в азербайджанской ЧК, где он возглавлял секретный отдел, Морозов стал в своем роде «новатором»: он начал применять «ускоренные» и «упрощенные» методы ведения следствия, которые так распространились в 30-е годы. Прав-

да, в центре России ведомство Дзержинского нередко вообще не утруждало себя какими-либо формальностями: в случае чего виновного (или мнимого виновного) быстро ставили к стенке. Но в Закавказье эти методы прижились не сразу. Берию вначале привлекало то, как быстро и ловко Морозов раскрывает запутанные дела. Он и его забрал с собой в Тифлис. Однако вскоре открылась истина: Морозов избивал арестованных, подтасовывал документы, фабриковал подставных свидетелей и т. д. И Берия настоял на аресте Морозова и предании суду. Подобных «приятелей» он никогда не поддерживал и не покрывал.

Но в принципе подлог, подтасовки и «незаконные методы ведения следствия» (проще говоря, избиения и пытки), еще не приняв массового характера, все-таки и не были такой уж редкостью. Не исключено, что и в случае с Морозовым, и в других сходных ситуациях Берия задавал себе вопрос: а не рождается ли некая закономерность, обусловленная самим характером социалистического государства? Оно же с самого начала разделило граждан на «своих» и на «чуждые элементы». Первым было позволено все, а вторым, напротив, отказано даже в элементарных правах. Это казалось естественным и правильным: ведь «чуждые» были злыми эксплуататорами, кровопийцами, долгие века глумившимися над честными тружениками. И все-таки что-то смущало молодого Лаврентия Берию в этой простой и стройной системе...

Из чего это следует? Хотя бы из того, что Берию еще долго не покидала мечта завершить образование и стать профессиональным архитектором или инженером-строителем. В архивах сохранилась автобиография Берии, написанная им в апреле 23-го года. Он подробно описывает свою короткую жизнь (за месяц до этого Берии исполнилось 24 года), уделяя особое

внимание работе в подполье и в органах ЧК—ГПУ. Как истинный кавказец, Берия не стесняется упомянуть обо всех своих успехах, перечисляет полученные награды и благодарности. Словом, перед нами автобиография типичного советского аппаратчика, успешно продвигающегося по служебной лестнице. Казалось бы, остается только следовать избранным курсом и дальше.

Но всего через полгода, 22 октября, Берия делает к автобиографии многозначительную приписку: «За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование. Имея к этой области знаний призвание, потратив много времени и сил, просил бы ЦК предоставить мне возможность продолжения этого образования для быстрейшего его завершения. Законченное специальное образование даст мне возможность отдать свой опыт и знания в этой области советскому строительству, а партии — использовать меня так, как она это найдет нужным».

Нетрудно понять, что молодого человека начинала тяготить работа в «органах», которую, как ясно из этой приписки, он все еще считал временной, необходимой на том этапе для нужд партии. Очевидно, что, говоря о завершении образования, о возможности отдать свой опыт и знания именно «в этой области» (то есть по специальности), Берия искренне верил, что это совпадает и с задачами партии — использовать каждого там, где он нужен больше всего. Ему, как и миллионам других, еще предстояло понять, что партия рассматривает их всех как безличные механизмы, «винтики» (так спустя некоторое время откровенно назовет своих подданных Сталин), а вовсе не как личностей со своими мечтами, надеждами и стремлениями.

В то же время Берия безусловно считал себя солдатом партии и был готов выполнить любой ее приказ, даже если он расходился с его личными планами и убеждениями. Это настроение в те годы становилось всеобщим, превращаясь в массовый психоз. Молодой поэт Эдуард Багрицкий (он был всего на четыре года старше Берии) писал в стихотворении «ТБЦ», посвященном Дзержинскому, о жестоком и суровом веке, который не оставляет возможности для раздумий и сомнений — надо просто делать то, что он, век, велит. «Если он скажет: «Солги» — солги, и если он скажет: «Убей» — убей» — такой страшной формулой выразил это поэт. И постепенно литературный образ превращался в непреложный закон жизни. Приказ партии — что могло быть выше и весомее?

А между тем центральный аппарат партии отнюдь не был тем монолитом, каким он представлялся ее рядовым членам, особенно в провинции. Там быстро расцвели карьеризм, склоки, интриги, разгоралась борьба за власть, крайне обострившаяся в связи с тяжелой болезнью Ленина — формального вождя, уже не способного на что-либо повлиять. И хотя наиболее явным его преемником тогда представлялся Троцкий, рядом с ним уже вырастала мощная фигура Сталина — великолепного мастера придворной борьбы, твердо решившего не упустить своего шанса, когда он возникнет.

Смерть Ленина 21 января 1924 года открывала новые возможности не только перед Сталиным. Любая смена руководителя государства в России (и не только в ней) предполагала и приход новой «команды», причем «перетряска» обычно происходила как в центре, так и на местах. «Старая гвардия», понимавшая, что ее время уходит, всеми правдами и неправдами старалась удержаться на завоеванных по-

зициях, «молодежь» торопилась шагнуть на ступеньку-другую повыше, мечтая о самых главных высотах. В нашей стране издавна (а после 1917 года — особенно) темп и успех таких передвижек зависели не столько от профессионально-деловых качеств того или иного конкретного лица, сколько от его личных связей и способности к интригам, тонкой лести, всевозможным уловкам.

Берия относился к редкому (редчайшему!) типу людей, которые органично сочетали в себе и то и другое. Он был энергичным и умелым работником (как выразились бы сегодня — трудоголиком), ему с детства чужды были лень и праздность. И вместе с тем в мастерстве интриги — когда ситуация не позволяла обойтись без нее — ему не было равных. Пройдет еще лет двадцать, и он даже из конфликтов со Сталиным будет выходить победителем, ухитряясь при этом не вызывать излишнего раздражения вождя.

Но до этого еще было далеко. А тогда, в морозном январе 24-го года, в Москву ринулись чиновники всех рангов — отдать последний долг Ленину. Наверное, многими из них двигали при этом вполне искренние чувства, других гнал в столицу стадный инстинкт. Но — осознанно или подсознательно — и тем и другим был важен не только сам ритуал прощания с усопшим. Интересы партийной (или государственной) карьеры требовали непременно «отметиться» в столице в такой переломный момент, проверить, в порядке ли старые связи, постараться завести новые...

По всей вероятности, думал обо всем этом и 25-летний Берия. Но он отлично понимал, что московские высоты ему еще не по зубам, и потому не торопил судьбу. От высшего руководства Грузии в Москву отправились Н. Лакоба, Б. Мдивани и М. Орахелашвили, а Берия остался в Тифлисе. Некоторые

исследователи полагают причиной этого поручение, данное Сталиным. Якобы вождь поручил Берии проконтролировать, чтобы Троцкий, отдохавший на Кавказе, не выехал в Москву раньше времени и не успел бы, таким образом, на похороны Ленина. Но это лишь догадки, к тому же малообоснованные. Сталин действительно послал Троцкому телеграмму с указанием неверной даты похорон (на день позже), но как раз поэтому и не было нужды в дополнительном контроле. Кроме того, не совсем понятно, каким образом Берия в его положении и должности сумел бы остановить наркома по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета, ближайшего соратника Ленина и, как полагали тогда многие, его наиболее вероятного преемника? Разумеется, если бы Троцкий решил выехать в Москву раньше, *никто* не смог бы остановить его.

Сталину удалось задуманное: на похоронах Ленина он, в отсутствие Троцкого, выглядел одной из центральных фигур. Конечно, ему еще предстояло убрать с пути серьезных соперников: Каменева, Бухарина, Зиновьева, Рыкова, наконец, того же Троцкого, самого могущественного из всех. Но все это — и гораздо большее! — он сделает в течение считанных лет и к 27-му году станет единоличным властителем страны.

Задачи, стоявшие тогда перед Берией, если исходить из того, что он ставил целью Москву и Кремль, были совсем не так масштабны. Но это не означает, что они были проще и легче. Напротив, на его пути в Кремль стояло множество преград, тогда как для Сталина большинство их уже осталось позади. Берии же еще предстояло вначале выбиться на ведущее место в Грузии и Закавказье, затем попытаться попасть в Москву, где все как бы началось для него заново — но уже на ином уровне.

В то время еще нельзя было сказать, кто победит в борьбе, развернувшейся в Кремле после смерти Ленина. Но нетрудно догадаться, что Берия «болел» за победу своего земляка: грузин-властитель в дальнейшем с большей вероятностью покровительствовал бы пробивающемуся к верхним эшелонам власти соплеменнику, чем это сделал бы русский или еврей, татарин и т. д. Как выяснилось впоследствии, для Сталина не играли никакой роли ни национальные, ни прочие привязанности. Но ведь тогда, в далеком 24-м году, никто этого не знал. И Берия надеялся на поддержку московского генсека. А для этого необходимо было не просто быть грузином, но и завоевать расположение Сталина, продемонстрировать ему свою *нужность*.

Вот уже второй год Берия присматривал за рабочими железнодорожных мастерских Тифлиса, которые так недружелюбно встретили Сталина в июле 21-го года. Нескольких человек, как уже говорилось, Берия арестовал спустя год после этого. В дальнейшем его агентура не раз сообщала, что в среде железнодорожников «враждебные настроения» весьма распространены. Стукачи доносили, что многие сочувственно высказываются о свергнутом меньшевистском правительстве Грузии и при случае охотно поддерживали бы восстановление прежней власти. Сходные сообщения поступали из Батуми, Кутаиси, Сухуми, из сельских районов республики. А наибольшее недовольство, судя по донесениям агентов, проявляли рабочие-угольщики в районе Чиатуры, городка неподалеку от Кутаиси.

Берия арестовал нескольких наиболее активных оппозиционеров-чиатурцев, но большинство их предпочел оставить на свободе, хотя соответствующие имена уже были ему известны. Догадываясь, что дело идет к более или менее серьезной вспышке, он спра-

ведливо рассудил, что разгром не слишком опасного восстания будет выглядеть в глазах Кремля куда эффективнее, чем единичные аресты.

Но если Сталин фактически оставался грузином лишь по крови (а в дальнейшем даже не раз публично причислял себя к русским), то для Берии любовь к родине никогда не была пустым звуком. Да, в тех играх, в которые он играл, практически не было места для жалости и сострадания. И все же при малейшей возможности он старался помочь людям, смягчить их судьбу, особенно когда речь шла о братьях грузинах. Именно так он действовал и в преддверии восстания, поднятого в августе 24-го года грузинскими националистами.

За некоторое время до начала восстания Берия уже точно знал, что ядро его должны составить офицеры и бойцы бывшей грузинской национальной гвардии. Часть их оставалась в Грузии, другие тайно проникли туда из-за рубежа. О переходе через границу командира национальных гвардейцев Валико Джугели Берии стало известно сразу же. Джугели был очень популярен в Грузии, о его отваге ходили легенды. Желая спасти его от ареста, Берия пошел на огромный риск: он поручил одному из своих доверенных агентов дать понять Джугели, что его и других лидеров готовившегося восстания грузинские чекисты держат под контролем. Если бы об этом каким-то образом узнали в Москве, Берия за предательство ждало бы самое суровое наказание. Кроме того, он сознательно шел на срыв собственного замысла: ведь если бы Джугели отменил восстание, естественно, не удалась бы и эффектная акция Берии по его подавлению.

К сожалению, Джугели отнесся к предупреждению Берии (разумеется, сделанному анонимно) несерьезно, сочтя его ложным. Он не только остался в

Грузии, но и не раз появлялся на улицах Тифлиса, рискуя быть узнанным. И за несколько дней до начала восстания кто-то из узнавших его донес в местное ГПУ. Джугели арестовали, и тут уж Берия, конечно, ничем не мог ему помочь.

Между тем подготовка к восстанию завершалась. С помощью контрабандистов заговорщики переправили в порты Батуми и Сухуми оружие из Турции. Начало восстания было намечено на раннее утро 25 августа. Но в связи с арестом Джугели заговорщики решили начать его на сутки раньше. Их отряды атаковали красноармейские казармы на востоке Грузии, а затем и в ряде других районов. Кое-где (даже в пригородах Тифлиса!) восставшим удалось потеснить красноармейцев. Бои продолжались в течение нескольких дней, но в начале сентября в Грузию были переброшены дополнительные войска, жестоко подавившие восстание. Последние отряды заговорщиков были разгромлены в районе Батуми, но части их удалось уйти в Турцию на небольших судах и даже на лодках. К середине сентября Красная Армия подавила все очаги сопротивления.

Джугели и двое других лидеров восстания, также арестованных еще до его начала, были приговорены к расстрелу и казнены. Говорят, что суд был инсценировкой, а на деле всех троих расстреляли в первый же день восстания из опасения, что их могут освободить. За давностью лет проверить, насколько обоснованы эти слухи, довольно трудно. Впрочем, и без этого известно, что советские карательные органы периодически штамповали и фальшивые «приговоры», и прочие «документы», не отвечавшие реальному положению дел. (Не исключено, что нечто подобное было проделано в 53-м году и с героем этой книги.)

До сих пор неизвестно также, сколько именно восставших и сочувствовавших им было уничтожено

красноармейцами и чекистами в ходе почти трехнедельных боев. Возможно, их число превышало тысячу человек. Многие из сдавшихся в плен были прикончены без суда и следствия. Словом, как масштабы восстания, так и количество жертв оказались больше, чем рассчитывал Берия.

Однако, глядя на эту историю с позиций наших дней, надо прямо сказать: если бы Берия не подходил к восстанию как к своего рода козырной карте, он мог бы загодя арестовать не нескольких, а *всех* его руководителей, и тогда никакого восстания, скорее всего, не было бы. Поэтому кровь сотен грузин, погибших тогда, лежит и на его совести.

А с чисто практической точки зрения, своей цели он тогда достиг. В Москве заметили энергичного и умелого чекиста. За подавление восстания Берия в числе других руководителей ГПУ Грузии и командиров Красной Армии, части которых были тогда задействованы, был награжден орденом Красного Знамени.

Глава 2

ПУТЬ В КРЕМЛЬ

Орденами в те годы награждали значительно реже, чем в последующие времена, включая и наши дни. Человек даже с одним-единственным орденом привлекал всеобщее внимание, в титрах старых кинофильмов до сих пор можно увидеть перед фамилиями некоторых актеров гордое «орденоносец» — знак особого отличия! Получив свою первую высокую награду, Берия как бы оказался причисленным к когорте лучших и по тем временам немногих верных сынов государства.

Но дело, конечно, было не только в ордене. Сталин второй раз (после своего отдыха в Абхазии в сентябре 23-го года) обратил внимание на Берию. И не просто обратил внимание, но и не раз потом ставил Берию в пример другим чекистам за раскрытие плана восстания еще до его начала. Это оказалось гораздо важнее ордена, которых у Берии будет еще немало, вплоть до Золотой звездочки Героя Социалистического Труда.

Благосклонность высшей власти полагается отрабатывать и закреплять. 22 марта 25-го года происходит загадочная история: в Тифлисе вскоре после взлета загорается и при попытке аварийной посадки терпит катастрофу правительственный самолет «Юнкерс-13». Помимо двух летчиков при этом погибают и три знат-

ных пассажира: первый секретарь Закавказского крайкома партии А. Ф. Мясников, председатель закавказского ГПУ С. Г. Могилевский и высокопоставленный чекист и партийный деятель Г. А. Атарбеков. В ходе следствия Берии удалось выяснить, что бензопровод самолета был поврежден, но причины этого тогда так и не установили. В некоторых современных исследованиях (в частности, в работах А. В. Антонова-Овсеенко) утверждается, что виновником этой катастрофы был сам Берия, так как у Мясникова будто бы были какие-то документы, бросавшие тень на прошлое Берии и даже Сталина.

«Свидетельства» подобного рода поражают полным отсутствием не только фактов (это-то понятно: ведь взять их неоткуда), но и логики. Если — в данном случае — у Мясникова были такие документы, то какой смысл было хранить их несколько лет (это следует из тех же работ Антонова-Овсеенко) и молчать? Если же Мясников не собирался пускать эти документы в ход, то чего ради понадобилось его убивать?

Хорошо известно, что Берия был в отличных отношениях со всеми тремя погибшими, в особенности с Могилевским (приводившееся выше свидетельство Г. Доценко безосновательно). На похоронах он говорил: «Не верится, что больше я не услышу милого голоса Соломона Григорьевича Могилевского, под началом которого я два года работал в ГПУ...» Это, конечно, тоже только слова, но почему же мы должны верить меньше, чем бездоказательным обвинениям в адрес Берии (и не одного его)?

Между прочим, Троцкий, который в момент катастрофы отдыхал в Сухуми, назвал ее «мстью грузинских меньшевиков» за недавнее подавление восстания. В этом, по крайней мере, была какая-то логика. И кстати, Берия, будь он таким уж злодеем,

вполне мог бы использовать эту версию, чтобы отвести от себя любые подозрения. Но ему и в голову это не пришло (впрочем, столь нелепых подозрений в ту пору не возникало). А уже после бериевского следствия из Москвы присылали еще две экспертные комиссии, в одну из которых входил генеральный представитель фирмы «Юнкерс» в СССР, немецкий инженер Лаутц. Но и они не обнаружили следов какой-либо диверсии, кроме все того же намека на повреждение бензопровода, которое вполне могло быть чисто техническим или случиться в результате удара самолета о землю.

Говоря выше о том, что Берия стремился закрепить благосклонность Сталина, мы имели в виду совсем не такие кровавые шаги. Нет, Берия добивался своего вполне цивилизованными и проверенными способами. Так, в 26-м году Грузию посетила турецкая военная делегация. Тогдашний председатель ГПУ Грузии (то есть непосредственный начальник Берии) Елифан Кванталиани получил из Москвы задание постараться завербовать кого-нибудь из членов делегации. Но даже в ходе роскошных банкетов упрямые турки не проявили желания стать тайными агентами ОГПУ. И на одном из таких банкетов случилась довольно неприятная история: то ли кто-то из турок, выведенный из себя вербовочными приставаниями чекистов, затеял драку, то ли сами чекисты, раздраженные тем, что дело топчется на месте, не сдержались и занялись рукоприкладством, — словом, произошла легкая потасовка, виновником которой, впрочем, был не кто-либо персонально, а чрезмерное количество спиртного.

Тем не менее обиженные турки поспешили пожаловаться в Москву. Разгневанный нарком иностранных дел Г. В. Чичерин потребовал от грузинского руководства срочно разобраться в инциденте и пример-

но наказать виновных. В Тифлис прибыла комиссия ОГПУ, которая принялась допрашивать всех участников злополучного банкета (естественно, с грузинской стороны). И тут Берия скромно заявил, что он сидел далековато от того места, где вспыхнула короткая потасовка (дерущихся, конечно, сразу же разняли), а вот Кванталиани находился совсем рядом, но почему-то не заметил, как страсти накалились до предела... Фактически так оно и было, но в таких ситуациях принято держать язык за зубами. В нормальном обществе. А советское общество, в особенности та его часть, которую незатейливо именуют «аппаратом», уже тогда было, мягко говоря, не вполне нормальным. Впрочем, поговорка «С волками жить — по-волчьи выть» придумана давно, отнюдь не при советской власти. И Берия (как, кстати, и «заложенный» им Кванталиани) тоже жил по волчьим законам.

В результате вывод московской комиссии оказался таким: Кванталиани распустил своих сотрудников и не способен навести в их рядах должную дисциплину. Кванталиани сняли с работы, и председателем ГПУ Грузии стал, как и положено, его заместитель, то есть Берия. Что и говорить, нельзя не признать, что попал он на это место не очень красивым путем, но объективно Берия, конечно, идеально подходил для такой должности. Успешная работа во главе секретно-оперативной части дала ему огромный опыт, укрепила авторитет как в среде грузинских чекистов, так и у населения республики в целом.

К тому времени вокруг Берии уже сформировалась довольно профессиональная «команда», некоторые из членов которой пройдут с ним до конца жизни в буквальном смысле слова. Кроме упоминавшихся выше Всеволода Меркулова, Богдана Кобулова, Сергея Гоглидзе и Владимира Деканозова, расстрелянных вместе с ним 23 декабря 53-го года (ес-

ли, конечно, Берию не убили раньше), к концу 20-х годов в ГПУ Грузии работали также его верные помощники Т. Лордкипанидзе, Л. Цанава, Ш. Церетели, А. Рапава, Д. Киладзе и другие.

Активная работа велась грузинскими чекистами не только в самой Грузии и Закавказье, но и за пределами СССР. Так, чекист Тите Лордкипанидзе, который прежде был начальником контрразведки ГПУ Грузии и Закавказья, еще в начале 26-го года по приказу Кванталиани отправился на агентурную работу во Францию. Формально он считался работником аппарата торгового представителя СССР, которым тогда был Буду Мдивани, хорошо знавший Берию. Кванталиани поручил Лордкипанидзе войти в контакт с грузинами-эмигрантами в Париже, но не определил точных задач, поэтому фактически первое время никакой работы не велось.

После смены руководства ГПУ Грузии Берия через Москву добился предоставления Лордкипанидзе внеочередного отпуска, и вскоре тот приехал в Тифлис. Берия дал ему конкретные задания по налаживанию контактов с эмиграцией и предложил по их выполнении вернуться в Грузию и возглавить один из отделов ГПУ. В дальнейшем Лордкипанидзе постоянно сотрудничал с Берией, а после того как в 31-м году Берия ушел из ГПУ на партийную работу, Лордкипанидзе занял его место во главе ГПУ Грузии.

К сожалению, в дальнейшем Лордкипанидзе оказался жертвой интриг в партийной верхушке Грузии. В результате его ссор с другими грузинскими и закавказскими лидерами Сталин в начале 35-го года перевел Лордкипанидзе на должность наркома внутренних дел Крымской АССР. «Доброжелатели» нашептали ему, будто бы основным источником интриг был Берия, и однажды Лордкипанидзе написал старому другу раздраженное письмо, полное неспра-

ведливых обвинений. Берия написал в ответ, что Лордкипанидзе зря кипятится, и предложил ему выяснить все при личной встрече. Летом 36-го года Лордкипанидзе провел несколько дней в Грузии, постоянно встречался с Берией, и их отношения, кажется, наладились. Однако уже через год Лордкипанидзе по личному указанию Сталина был арестован и вскоре казнен. Многие исследователи настаивают, что в его гибели был повинен Берия, но Берия в то время вообще не работал в НКВД, а давать указания Сталину и Ежову, естественно, не мог.

Вообще обвинений подобного рода в мифе о Берии предостаточно. В 53-м году высокопоставленные обвинители, а затем историки и прочие исследователи, видимо, твердо решили действовать по принципу: чем больше — тем лучше. Читая «обличительные» работы (в особенности те, что изданы в последние годы), порой создается впечатление, что кроме Сталина и Берии в СССР вообще не было государственных деятелей, облеченных реальной властью. Так, абсолютно все аресты, приговоры и казни, начиная чуть ли не с середины 30-х годов, почему-то связывают с именем Берии, хотя он возглавлял НКВД СССР только с конца 38-го по 45-й год (да и в рамках этого срока, как будет сказано ниже, занимался больше освобождениями, чем арестами). На столь же загадочном «основании» *любые* репрессии в Грузии и в Закавказье вообще тоже привычно «вешают» на Берию, хотя он с 31-го года был переведен на партийную работу, а еще через семь лет Сталин забрал его в Москву. Но как раз эти семь лет во многих трудах изображаются как разгул «бериевского террора» в Закавказье.

Приводить такие примеры (а затем опровергать их) в принципе можно до бесконечности. Пишут, в частности, что по приказу Берии были уничтожены Буду

Мдивани, братья Михаил и Шалва Окуджава (последний был отцом поэта и певца Булата Окуджавы), Мамия Орахелашвили, другие видные партийные руководители Грузии. Доказательства? Их нет. Напротив, известно немало случаев, когда он спасал или пытался спасти людей от ареста. Но даже такие ситуации некоторые авторы используют для пополнения обвинений в адрес Берии.

Это можно отнести, например, к обстоятельствам гибели первого секретаря ЦК Компартии Армении А. Ханджяна. В июле 36-го года Берия (он тогда уже стоял во главе Закавказского крайкома партии) узнал, что готовится снятие и арест Ханджяна. Он вызвал его к себе в Тбилиси и предупредил, предложив Ханджяну действовать по своему усмотрению. Вернувшись в гостиницу, Ханджян застрелился. А спустя двадцать лет возникла версия, будто бы Берия застрелил Ханджяна в своем кабинете, затем его тело завернули в ковер (!), тайком отвезли в гостиницу и подбросили в номер.

Спрашивается, для чего же подобные сложности, если Берия, как утверждают, мог и с помощью «закона» уничтожить неугодных направо и налево? Здесь миф о Берии как бы опровергает сам себя. Тем не менее в 50-е годы по указанию Хрущева останки Ханджяна эксгумировали. И поскольку у покойного оказался простреленным *левый* висок — а застрелиться будто бы можно только в правый, — то сочли вину Берии в убийстве Ханджяна доказанной. Поразительная логика!

Но не будем забегать вперед, вернемся во вторую половину 20-х годов, когда Берия стал во главе ГПУ Грузии. Видимо, именно в эти годы Берия окончательно понял, что у него есть все шансы со временем оказаться в Кремле. Он старается использовать для налаживания личных связей с центром частые визи-

ты крупных партийных и государственных чиновников в Закавказье. К устройству некоторых из таких визитов, конечно, и сам прикладывает руку.

Никогда не знаешь, как в будущем повернется судьба, какие знакомства и связи могут оказаться «нужными», а какие — нет. Но при буйной энергии Берии он вполне мог позволить себе порой что-то совершать и вхолостую. К тому же врожденное кавказское гостеприимство и хлебосольство в любом случае доставляло ему радость от приема гостей, даже и не слишком «нужных».

Как-то раз, в августе 28-го года, Председатель Президиума ЦИК Грузии и один из руководителей ЦИК Закавказья Миха Цхакая пригласил в Тифлис для обсуждения бюджетных вопросов видного московского экономиста и хозяйственника Ю. Ларина. А заодно предложил ему прихватить с собой семью, чтобы, покончив с делами, можно было и отдохнуть. Ларин вместе с женой привез в Грузию и 14-летнюю красавицу дочку Анну. Узнав о приезде московских гостей, Берия сказал пожилому Цхакая:

— Батоно Миха, а зачем вам в такую жару мучить уважаемых гостей в городе? Поехали-ка лучше на мою дачу в Каджоры, там и обсудите все, что нужно, и отдохнете. Места у меня хватит.

Так и сделали. В живописных Каджорах, неподалеку от Тифлиса, Цхакая и Ларин занимались делами (Берия тоже участвовал в их разговорах), а женщины в сопровождении выделенных Берией охранников гуляли по окрестностям. Обедали и чаевничали обычно все вместе. Однажды Берия, подмигнув за обедом Анне, сказал Ларину:

— А я и не знал, батоно Юрий, что у вас такая очаровательная дочка!

— Ну, пока что я никакого очарования в ней не наблюдаю, — пожал плечами Ларин.

— Нет-нет, — возразил Берия, — вы не правы. Давайте выпьем за здоровье этой прелестной девочки! И пусть живет она долго и счастливо!

Пожелание Берии сбылось только наполовину. Анна Ларина прожила достаточно долго, более 80 лет, но вот со счастьем ей повезло меньше. Через некоторое время она стала женой Н. И. Бухарина — одного из основных соперников Сталина после кончины Ленина. И хотя Сталин относительно быстро отгеснил всех соперников, в дальнейшем он предпочел их уничтожить. Так случилось и с Бухариным, а его молодая вдова долгие годы провела в тюрьмах и ссылках. Но тогда ни Берия, ни веселая девочка еще не знали этого, как не знали и того, что через десять лет им предстоит новая встреча — в кабинете Берии на Лубянке.

Впрочем, прежде чем это случится, они увидятся еще раз. Постоянно болевший Ларин в начале 32-го года умер, а летом А. И. Рыков (также будущая жертва Сталина, который к этому времени уже лишил Рыкова поста Председателя Совнаркома) пригласил девушку вместе с собой отдохнуть в Крыму, чтобы помочь ей немного прийти в себя после потери отца. А в Крыму шефство над А. Лариной взял отдохнувший там же В. В. Куйбышев, еще не лишившийся благосклонности Сталина. Берия пригласил Куйбышева перенести отдых в Грузию, и тот захватил с собой Анну. Встретив Куйбышева в батумском порту, Берия сразу же узнал выросшую Анну и воскликнул:

— Вот это встреча! Да вы уже совсем взрослая девушка! И такая же красивая... нет, еще красивее, чем прежде!

Берия тогда взял небольшой отпуск и больше недели сопровождал Куйбышева по Грузии. Они бродили по улочкам старого Тифлиса, несколько раз ездили на дачу Берии, побывали и в курортном мес-

течке Ликаны, близ Боржоми. Лариной, как следует из ее воспоминаний, Берия очень понравился и остроумием, и деловитостью, и конечно же гостеприимством.

Налаживая отношения с членами ближайшего сталинского окружения (а Куйбышев, скоропостижно умерший в начале 35-го года, безусловно, принадлежал к их числу), Берия, конечно, в первую очередь думал об основной фигуре. Симпатии и антипатии Сталина, как известно, не подчинялись логике, но вплоть до конца 30-х годов его отношение к Берии было исключительно благожелательным. Конечно, во многом это определялось на редкость точным поведением Берии. Зная, что явной лести и подхалимажа вождь не любит, Берия демонстрировал умеренную — но, как оказалось, вполне достаточную — степень исполнительности и преданности. Он, в частности, умело использовал для укрепления отношений со Сталиным каждую поездку вождя на отдых на Кавказ или в Крым — то есть как минимум раз в году.

С особым волнением Берия ждал приезда Сталина в Цхалтубо в августе 31-го года. Это было связано с его недавним передвижением по службе. Дело в том, что, возглавив за пять лет до этого ГПУ Грузии, Берия автоматически стал и заместителем председателя закавказского ГПУ. А его председателем в то время был Станислав Реденс, женатый на Анне Аллилуевой, сестре жены Сталина. Реденса знало все Закавказье как большого любителя спиртного и дам, не отличавшихся слишком строгой нравственностью. Но кто мог запретить что-либо родственнику Сталина?

И тем не менее однажды не повезло и Реденсу. В его канцелярии появилась молодая красивая сотрудница, которая осмелилась не ответить взаимностью на ухаживания всемогущего шефа. Тогда Реденс явился

к ней ночью домой после очередной попойки и принялся выламывать дверь. В темноте соседи не разобрались, в чем дело, и вызвали милицию. Милиционеры притащили упирившегося Реденса в участок и только там, при электрическом освещении, разглядели, кого схватили. Реденс тем временем уснул на лавке.

Конечно, его с извинениями доставили домой. И все же наутро об этом случае узнали все. И Берия доложил обо всем в Москву, представив это как заботу о репутации Реденса. Видимо, он догадывался, что Сталин не любит родственников своей жены, и не ошибся. Вождю надоели проделки Реденса, и он перевел его на работу в Белоруссию. А в 39-м году Реденс будет по приказу Сталина арестован и расстрелян, в чем, конечно, также позднее обвинят Берия.

Но тогда, в марте 31-го года, Берия занял место Реденса и не знал, как расценит эту историю Сталин. Приехав в Цхалтубо, вождь не сразу завел об этом разговор, но однажды, подмигнув Берии, сказал:

— Ну что, подсидел ты все-таки моего шурина, а?

Берия понял, что никакой грозы не будет. И тем не менее он с нарочитым волнением принялся снова объяснять суть дела. Но Сталин только отмахнулся:

— Да будет тебе оправдываться... Молодец, ловко сработал! — Он прищурился и пристально посмотрел на Берия. — А не пора ли переводить тебя на партийную работу? Первым грузинским секретарем пойдешь? Как думаешь, Нестор, — крикнул Сталин прогуливавшемуся поблизости Лакобе, — годится для этого Берия?

Глуховатый Лакоба не сразу понял, о чем его спрашивают, а когда разобрался, с готовностью закивал: годится, мол, годится! Вот так и решился этот вопрос. 31 октября Берия стал первым секретарем ЦК

Компартии Грузии и Тифлисского горкома партии, отойдя на семь лет от работы в «органах», которую ему позднее стали приписывать как единственную чуть ли не с юношества и до самой смерти.

А еще через год Берия, сохраняя свои партийные посты в Грузии, стал и первым секретарем Закавказского крайкома, сменив Мамию Орахелашвили. Это было пиком карьеры в регионе: более высокой должности там не существовало. Зато такие должности были в центре, в Москве...

Обстановка в Закавказье все еще оставалась непростой. Полтора десятилетия советской власти не смогли искоренить националистических стремлений, бурно вспыхнувших в годы Гражданской войны, а затем решительно задавленных. Внешне задавленных, но в душах грузин, армян, азербайджанцев, многочисленных горских народностей мечты о подлинной свободе и независимости продолжали бурлить. В то же время успел возникнуть массовый слой искренних сторонников новой власти, которых по тем или иным причинам она вполне устраивала. Прежде всего это, естественно, были те, кто нежданно-негаданно получил возможности, прежде немыслимые из-за традиционных сословных барьеров. Берия безусловно относился к этим людям, и уже по этой причине советская власть была и *его* властью, — ведь это именно она так быстро вознесла его на заоблачные высоты, в отличие от большинства других, надежды которых так и остались надеждами (а для многих даже обернулись арестами и казнями).

За время работы Берии на посту руководителя коммунистов Грузии и всего Закавказья он оставался верен старым друзьям. Тех, кто подходил по профессиональным качествам, он взял в свой аппарат. В частности, начиная с 31-го года он перевел из ГПУ Грузии в ее (а затем и закавказские) партийные струк-

туры значительную группу опытных работников. Надо сказать, подавляющее большинство тех, кто работал под его начальством — будь то в партийных органах или в правоохранительных, — всегда старались остаться «под крылом» влиятельного шефа.

Сохранилось, например, письмо Меркулова, написанное за год до перевода Берии на партийную работу. Как вы помните, Сталин принял соответствующее решение только в августе 31-го года, но, оказывается, слухи о такой возможности возникли еще раньше. Во всяком случае, в письме Меркулова так и сказано: «Здесь у нас распространились слухи о якобы предстоящем твоём уходе из Тифлиса. Я не вдавался в оценку правильности этих слухов, вероятности их и т. д., но в связи с ними у меня к тебе глубокая просьба: не забыть меня. В случае, если ты действительно решил уехать из Закавказья, я очень прошу тебя взять меня с собой туда, где ты будешь работать. Город и должность меня не интересуют: я согласен работать где угодно... Надеюсь, будешь иметь меня в виду».

Здесь обращает на себя внимание не только стремление Меркулова ни в коем случае не расставаться с Берией (точнее, с работой в его аппарате), но и то, что последний, судя по всему, *сам* намеревался покинуть Закавказье. Чем же иным можно объяснить слова Меркулова «если ты действительно решил...»? Причём речь явно шла не о переходе в Москву или, например, в Ленинград, — об этом Меркулов не мог бы сказать «согласен работать где угодно».

С письмом Меркулова связана ещё одна интересная деталь. Меркулов упоминает в нём о неких «ошибках прошлого», о которых ему «очень тяжело вспоминать». На следствии в 53-м году у него спросили, что за ошибки имелись в виду. И Меркулов объяснил, что в 28-м году в Закавказье прибыл для инс-

пекции работы местных «органов» некий Павлуновский из особого отдела ОГПУ (вскоре он даже на несколько месяцев возглавил ГПУ Закавказья). Решив, что кто-то в центре «копает» под него, Берия внимательно следил за контактами своих сотрудников с московским ревизором. А Меркулов по совету друзей решил обратиться к Павлуновскому за какой-то деловой консультацией. Берия истолковал это по-своему и отчитал приятеля.

— Ты что, Всеволод, — сердито сказал он, — не можешь у меня выяснить все, что тебе нужно? Ведь он же доложит в Москве, что Берия не в состоянии решить простых дел. Не ожидал я от тебя...

Но подобные случаи были редкостью. Как правило, Берия и его сотрудники отлично понимали друг друга. Прекрасные деловые и организаторские данные Берии обеспечивали удивительную слаженность в работе всегда и везде, где бы он ни руководил. Даже его противники не отрицали этого очевидного факта.

Так, до перевода на партийную работу Берия продолжал успешно руководить оперативными акциями ГПУ. В 29-м году в одном из районов Аджарии вспыхнуло вооруженное восстание. Оно было не таким масштабным, как восстание 24-го года, но все же вновь пришлось привлекать для его подавления не только силу ГПУ и милиции, но и войска. Берия выезжал к местам вооруженных столкновений, и не раз ему удавалось убедить небольшие группы восставших (это были в основном местные крестьяне) добровольно сложить оружие.

Но аджарское восстание было только первой вспышкой, вызванной началом по всей стране кампании массовой коллективизации. Если в ряде районов России или Украины скученность сел и деревень еще позволяла более или менее мирно «убе-

дить» большинство крестьян, что колхозное ведение хозяйства даст им некоторые преимущества, то в Закавказье такие объяснения не годились. Там было множество мелких селений, часто они были удалены друг от друга (особенно в горных районах), и даже неграмотные крестьяне понимали, что сгон таких индивидуальных хозяйств в колхозы — явная бессмыслица. Вслед за аджарцами стали проявлять недовольство крестьяне и в других районах Грузии, в ряде мест протест выливался в вооруженное сопротивление коллективизации. Примерно это же происходило и в Армении, и в Азербайджане, правда, в несколько меньшей степени.

Берии приходилось принимать участие и в решении этих вопросов. И не только принимать участие, но и руководить соответствующими операциями войск и чекистов. Он старался избегать крайностей, но все-таки в ряде случаев — особенно после того, как весной 30-го года волнения приобрели массовый характер, — не удалось обойтись без кровопролития. Вряд ли есть нужда повторять, что и сама коллективизация, и жесткие меры ее проведения были не просто «ошибкой» хозяйственного характера, но и преступлением власти перед народом. Тем не менее нельзя не сказать, что ответственность за это преступление, начатое сверху, из Кремля, быстро стала массовой. В раскулачивании принимали участие не только войска и сотрудники «органов», но и множество активистов — как членов ВКП(б), так и беспартийных. Нередко и крестьяне охотно помогали раскулачивать своих состоятельных односельчан. А ведь у них была возможность хотя бы отстраниться от участия в несправедном, преступном деле!

У Берии, избравшего судьбу «солдата партии», такой возможности не было. То есть теоретически она была, но отказ главы республиканского ГПУ испол-

нять задание партии кончился бы однозначно. Да он и не думал искать каких-либо альтернатив: приказ партии был для него законом.

Видимо, именно тогда, в конце 20-х годов, Берия стали воспринимать в Кремле как наиболее яркую фигуру в Грузии и в Закавказье. Вскоре это выразилось в назначении его на соответствующие партийные должности, но уже 30 марта 31-го года (практически в день своего рождения) Берия удостоился редкой по тем временам официальной похвалы. В приказе председателя ОГПУ В. Менжинского по поводу десятилетия создания ГПУ Грузии вслед за перечислением заслуг этой организации шел абзац, целиком посвященный Берии: «Коллегия ОГПУ с особым удовлетворением отмечает, что вся эта огромная напряженная работа в основном проделана своими национальными кадрами, выращенными, воспитанными и закаленными в огне боевой работы под бессменным руководством тов. Берии, сумевшего с исключительным чутьем всегда отчетливо ориентироваться и в сложнейшей обстановке, политически правильно разрешая поставленные задачи, и в то же время личным примером заражать сотрудников, передавая им свой организационный опыт и оперативные навыки, воспитывая их в безоговорочной преданности Коммунистической партии и ее Центральному Комитету».

Любопытный штрих: за год с небольшим до этого приказа в относительно скромной обстановке был отмечен 50-летний юбилей Сталина. Он не носил «всенародного характера», как это стало происходить позднее. И все же некоторые «товарищи по партии» ворчали: мол, можно было бы провести дежурные мероприятия еще скромнее. А то, что 32-летний провинциальный аппаратчик, еще далекий от кремлевских вершин, получил такую исключительную оцен-

ку, выглядело невероятным и даже загадочным. Это, конечно, можно было бы объяснить покровительством Сталина и других лидеров (прежде всего Кирова и Орджоникидзе), но вряд ли Берия тогда был дорог им до такой степени! Видимо, все-таки за этими дежурными, напыщенными фразами — повторяем: еще не успевшими стать заезженными и привычными — стояла объективная оценка заслуг молодого грузинского чекиста.

Не исключено, впрочем, что за историей с приказом Менжинского кроется какой-то ловкий ход (или ходы) Берии, быстро осваивавшего все премудрости придворных интриг. Чиновникам наших дней (например, из аппарата МИДа) хорошо известно, как «организуются» передвижения по службе, получения новых должностей, наград и т. д. В годы молодости Берии социалистическая держава была еще моложе, и она только начинала создавать собственные традиции. Но поскольку искусство делать карьеру изобрели не большевики, не пришлось придумывать чего-либо принципиально нового и Берии.

Сейчас уже невозможно выяснить, как обстояло дело именно с этим приказом. Но в том, что Берия предпринимал для успеха своей карьеры мастерские и весьма изобретательные усилия, нет никаких сомнений. Он действовал уже проверенным методом: умело добивался расположения тех, кто был наверху, и одновременно обеспечивал «тылы», служившие ему чем-то вроде трамплина для броска. Всех членов своей не раз упоминавшейся «команды» он пристраивал не просто надежно, но и с обоюдною выгодой — и для них, и для себя. Деканозов возглавил Госплан Грузии и стал заместителем Председателя ее Совнаркома. С. Гоглидзе занял пост наркома внутренних дел Грузии. Меркулов успешно продвигался по служебной лестнице в аппарате ЦК Ком-

партии Грузии. Секретарями местных обкомов в Грузии стали бериевские выдвиженцы Цанава, Саджая и другие.

Тесные отношения Берия поддерживал и с Багировым, еще недавно помогшим ему выпутаться из неприятностей в Азербайджане. Но теперь положение Берии стало заметно весомее, а после назначения его в 32-м году первым секретарем Закавказского крайкома партии Берия и формально «перерос» Багирова. Тем не менее между ним и азербайджанским лидером продолжала сохраняться давняя дружба. При этом оба они весьма практично обменивались кадрами: если какие-либо грузинские аппаратчики или специалисты больше нужны были в Азербайджане (либо наоборот), то Берия и Багиров оперативно «тасовали» соответствующие списки. Это был именно деловой обмен кадрами, хотя впоследствии, при фабрикации «дела Берии», было объявлено, будто бы Берия пытался «повсюду насадить своих людей».

Конечно, наиболее деятельные усилия Берия прилагал к укреплению своих позиций наверху. Зная, что мать Сталина живет в Тифлисе в довольно стесненных условиях, Берия при первой же возможности дал ей большую квартиру в самом центре проспекта Руставели и периодически навещал ее. Позднее, когда старушка умерла, Берия устроил ей роскошные похороны (сам Сталин на них, кстати, даже не соизволил приехать). По инициативе Берии в начале 30-х годов был создан и дом-музей Сталина в Гори, подбор экспонатов и оформление которого Берия контролировал лично. Полученные при этом сведения и знания, между прочим, помогли ему, когда развернулась работа над книгой «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (на этом мы остановимся ниже). А после вы-

хода книги в свет экспозиция музея в Гори пополнилась множеством новых материалов. Зная тщеславный характер Сталина, нетрудно догадаться, что этот род деятельности Берии доставлял вождю особое удовольствие.

Весьма доверительные отношения сложились у Берии с Генрихом Ягодой, они были на «ты», постоянно переписывались, неизменно встречались, когда Ягода бывал в Тифлисе или Берия — в Москве. И хотя формальное положение Ягоды было повыше, Берия и не думал заискивать перед главой ОГПУ—НКВД. Напротив, судя по многочисленным воспоминаниям, как раз Ягода проявлял к Берии повышенное внимание. При каждом приезде Берии в Москву Ягода направлял для его встречи на Курский вокзал автомобиль из гаража НКВД (причем даже после того, как Берия перестал иметь отношение к органам). А в начале 34-го года, когда Берия, приехав на XVII съезд партии, захватил с собой в столицу жену и сына, Ягода неожиданно подарил маленькому Серго дорогой заграничный (немецкий) велосипед. Это знакомство, судя по всему, возникло и укрепилось во второй половине 20-х годов, когда Ягода, занимавший (с 24-го года) пост заместителя председателя ОГПУ, постоянно общался с Берией по профессиональным делам. Ягода, разумеется, не предполагал, что его карьера неумолимо движется к закату, и рассчитывал на поддержку грузинского лидера точно так же, как сам Берия надеялся на помощь снизу Меркулова, Деканозова, Гоглидзе, Цанавы и других.

В августе 33-го Сталин приезжает отдохнуть на государственную дачу на Холодной речке, под Гаграмми. Вместе с вождем прибыли Ворошилов, Киров, конечно, неотступно находился рядом и Ягода, по сути дела возглавлявший тогда ОГПУ (до смерти тя-

жело больного Менжинского оставалось менее года). Там же то и дело появлялись Берия и Лакоба: ведь Гагра находилась в «его» Абхазии. Отдых, как обычно, сопровождался бурными застольями, пешими и водными прогулками, много говорили и о делах.

Иногда Сталин устраивал, как он сам шутил, «ленинские субботники»: заставлял всех брать грабли, лопаты, вилы и работать в саду или приводить в порядок окрестные тропинки. Работал он и сам, но больше любил смотреть на остальных и комментировать их действия. Сохранилась фотография, сделанная после одного из таких «субботников»: стоят уставшие, но довольные Сталин, Ворошилов, Лакоба и Берия, за широким армейским ремнем которого заткнут здоровенный топор.

В те же дни произошел и загадочный инцидент. Сталин, Берия, Лакоба и постоянно сопровождавший последнего Микеладзе, глава абхазского ГПУ, хорошенько выпив и закусив, гуляли по берегу. С ними были также жены Берии и Лакобы. В какой-то момент Лакоба с Микеладзе отстали: видимо, хотели посекретничать. А у Сталина тем временем возникло желание отдохнуть. Поскольку от дачи компания отошла довольно далеко, он подал знак пограничному катеру, и тот причалил к берегу. Все поднялись на борт и отправились на дачу, решив, что Лакоба и Микеладзе доберутся туда своим ходом.

Те, услышав шум катера, поспешили к берегу, но катер уже скрылся из виду. Лакоба и Микеладзе принялись стрелять в воздух, желая привлечь к себе внимание. Услышав выстрелы, Сталин нахмурился и стал вглядываться в берег. Но в сгущавшихся сумерках почти ничего не было видно.

— Что там такое, Лаврентий? — взволнованно спросил Сталин. — В нас кто-то стрелял?

— Стреляли, да, — кивнул Берия. — Только вряд ли в нас. Там ведь остались Лакоба с Микеладзе. Может быть, в них?

Этот странный эпизод пересказывают и в других вариантах, но последствия его известны точно. Узнав об «обстреле катера с товарищем Сталиным», Ягода срочно вызвал на дачу С. Гоглидзе, возглавлявшего тогда грузинское ГПУ, и поручил разобраться. Забегая вперед, отметим, что Берию позднее обвиняли, будто бы он всегда завидовал Лакобе, мечтал расправиться с ним и в конце концов «отравил». Но ведь более идеальный случай для расправы трудно было и придумать! Тем не менее Берия дал указание Гоглидзе свалить все на «недоразумение» и представить дело так, что стрельбу открыли... пограничники, но тоже не по катеру, а в воздух. Они будто бы хотели остановить катер, чтобы... погрузить на него грязное белье, а про товарища Сталина и знать не знали.

Но в любом случае даже за «недоразумение» кого-то надо было наказывать. «Стрелочником» решили сделать командира отделения пограничников Лаврова, которого судили и дали пять лет за «преступную халатность» (но в конце 37-го года Лавров будет расстрелян). Заодно выгнали из органов и Микеладзе, которому формально подчинялись пограничные заставы в Абхазии. Микеладзе не хотелось терять выгодную должность, и он явился к Берии, умоляя вступить за него.

— Ну, что я могу сделать? — пожал плечами Берия. — Ты же сам во всем виноват. Скажи еще спасибо, что мы замаяли настоящие обстоятельства дела и не объявили тебя террористом.

Берия не мог объяснить Микеладзе, что незадолго до этого он рассказал об инциденте с «обстрелом катера» Орджоникидзе и попросил того как-то по-

влиять на Сталина, чтобы вождь не придавал значения этому случаю.

— Ты бы сам меньше суетился, Лаврентий, — ответил ему Орджоникидзе. — Если бы я тебе сказал, сколько материалов приходит в Москву на тебя самого...

Да, компромат на Берию — в первую очередь на мнимое сотрудничество с мусаватистами — то и дело продолжал поступать в кремлевскую канцелярию. Конечно, там хранились и контрсвидетельства, в свое время представленные Берией. Но кто мог предсказать, чему захочет отдать предпочтение Сталин при очередной смене настроения? Берия помнил об этом постоянно и старался ничем не вызвать раздражения вождя.

Во время того же памятного отдыха Сталина на Холодной речке в 33-м году он как бы между прочим сказал Берии:

— Неплохо бы кому-нибудь написать книгу о *подлинной* истории большевистских организаций в Закавказье. Говорил я как-то раз об этом с Орахелашвили, но он ответил: плохо, мол, пишу, не справлюсь. Болван! Сам не справишься — так поручи другому! Мало, что ли, у нас разных профессоров?

Берия прекрасно понял намек. Годом раньше Сталин убрал Орахелашвили, освободив место во главе Закавказского крайкома партии для Берии. Не аукнется ли точно так же отказ написать книгу и ему самому? Было очевидно, какой видится Сталину «подлинная» история большевизма в Закавказье, — только во главе с ним, с первых же дней. А поскольку это, мягко говоря, не соответствовало истине, предстояло серьезно потрудиться. К тому же в Закавказье было еще немало людей, способных опровергнуть ложь и рассказать всю правду. Им, конечно, всегда можно было бы заткнуть рот, но все же...

Лихорадочно прокрутив все это в голове, Берия, стараясь сохранять спокойный тон, сказал:

— Написать, конечно, можно. И профессора найдутся, и другие специалисты... Хотите, чтобы я этим занялся, товарищ Сталин?

— Да-да, — кивнул Сталин, — займись. И энергичнее.

Берия не стал медлить. Он приказал доставить ему все материалы из многочисленных партийных архивов Закавказья, которые так или иначе касались истории вопроса, попробовал разобраться в них сам, но быстро понял, что здесь действительно нужен хороший специалист, а возможно, и не один. Он вызвал к себе известного историка И. А. Джавахишвили, которого недавно уволили из университета за «националистические взгляды». Берия сказал профессору, что произошла «ошибка» и он может хоть завтра возвращаться в университет, где ему будут созданы самые благоприятные условия для работы. И попросил дать совет по поводу будущей книги. Подумав, историк рекомендовал обратиться за помощью к ректору Тифлисского университета Малакии Торошелидзе.

— Но он же, по-моему, философ, — удивился Берия.

— Да, — улыбнулся Джавахишвили, — по специальности он философ. Но философия в этом деле как раз будет кстати.

В сентябре 34-го года Берия встретился с Торошелидзе и предложил ему написать заказанную Сталиным книгу. И при этом тщательно объяснил, что именно следует отразить в будущей работе в первую очередь. Торошелидзе спросил, может ли он использовать чью-либо помощь.

— Привлекайте кого угодно, — ответил Берия. — И все необходимые материалы будут вам переданы без задержки. Любые!

Торошелидзе привлек к работе Эрнеста Бедию, историка и писателя, директора Тифлисского филиала Института Маркса—Энгельса—Ленина. Помогали им и другие сотрудники университета и филиала, но основными авторами были все же Торошелидзе и — в меньшей степени — Э. Бедия. Сталин не раз спрашивался у Берии о ходе работы, тот отвечал, что все, мол, в порядке, работа идет, но сам предпочитал не торопить авторов: они и так понимали всю ответственность порученного им задания.

Но и медлить было нельзя. К тому времени уже появился целый ряд работ, в которых история большевизма в Закавказье освещалась совсем не так, как хотелось бы Сталину. Летом 34-го года была опубликована книга старого большевика Авеля Енукидзе «Подпольные типографии на Кавказе». Енукидзе, в отличие от авторов других «альтернативных» работ, занимал ответственные посты в Москве (секретарь Президиума ЦИК и член Президиума ЦКК), так что с ним нельзя было не считаться. Правда, Сталин уже в январе 35-го года заставит Енукидзе выступить в печати с публичным признанием своих «ошибок» в книге о типографиях, но Берия еще не мог этого знать. Так или иначе, от успеха (или неудачи) книги, которую писали два профессора-марксиста, для Берии зависело многое: ведь поручение-то Сталин давал ему! Берия, конечно, не предполагал, что вскоре по воле вождя он будет «назначен» автором этой работы...

Тем временем в Москве наступил новый этап в борьбе за власть. Впрочем, какая там борьба? Речь, конечно, шла уже не о борьбе за власть в общепринятом смысле, а о дальнейшем укреплении власти Сталина и очередной перетасовке его ближайшего окружения. Обычно начало этого этапа связывают с убийством Кирова, что вполне соответствует истине.

Однако многие «общеизвестные» обстоятельства названного эпизода, как и личность самого Кирова, также следует отнести к области мифологии.

Напомним о том, что произошло в конце 34-го года, стараясь исходить *только* из фактов, подкрепленных документами и другими свидетельствами. Авторитет Кирова в первой половине 30-х годов заметно вырос. После работы в Грузии и Азербайджане он был (с 26-го года) поставлен во главе Ленинградского обкома партии, — должность по тем временам куда более весомая, чем она стала в дальнейшем. С 30-го года Киров был также членом Политбюро, а незадолго до своей гибели стал еще и секретарем ЦК. Но при всем росте популярности Кирова среди рядовых членов партии и ее среднего звена, он проявлял уже ставшую тогда непривычной строптивость в общении со «старшими товарищами», то и дело ссорился с Орджоникидзе, Ворошиловым, Микояном, а порой даже ухитрялся спорить и со Сталиным.

Нестандартность этой ситуации отчетливо проявилась в начале февраля 34-го года в ходе выборов в ЦК партии, которыми обычно завершались партийные съезды. Делегаты XVII съезда ВКП(б) подали против кандидатуры Сталина 202 голоса (по другим данным, даже 292), а против кандидатуры Кирова — всего три. Скандал! Но почти все ближайшие «соратники» Сталина и, естественно, он сам совершенно не были заинтересованы в том, чтобы эти данные получили огласку. И счетной комиссии было дано «высочайшее» распоряжение — уничтожить почти все бюллетени, поданные против Сталина, оставив только три, как и у Кирова.

Тем не менее эта история вскоре стала известна многим. Узнал о ней, кстати, и член грузинской делегации М. Торшелидзе — уже известный читателю

«соавтор» Берии. Но он к тому времени успел усвоить, что о подобных вещах следует помалкивать. Молчали и остальные, и только после XX съезда партии история с фальсификацией выборов была предана гласности.

Дальнейшее известно: 1 декабря 34-го года Киров был убит в коридоре бывшего Смольного института — главного штаба ленинградских большевиков. Объективно его уничтожение, конечно, отвечало интересам Сталина: ведь разом устранялся и серьезный соперник и появлялась возможность ужесточить репрессии, так как «происки врагов» были налицо. Но стоит ли в данном случае исходить только из давнего юридического принципа, согласно которому при поисках убийцы (или иного преступника) следует первым делом задать вопрос: кому это выгодно? Выгодно-то было Сталину (да еще как!), но это вовсе не означает, что надо автоматически отбрасывать *все*, не укладывающееся в версию «Сталин — убийца Кирова». В равной степени неправильно и нелепо выставлять Кирова этаким белой вороной, благородным рыцарем в обществе сталинских монстров.

О некоторых неблагоприятных делах Кирова уже говорилось выше. Впрочем, эти дела ничем не были хуже (но уж никак и не лучше!) того, что творили практически все солдаты ленинско-сталинской гвардии в те, да и последующие годы. Если что-то и выделяло Кирова из этой компании, то это его чрезмерная любвеобильность, о которой прекрасно знают все старые ленинградцы, как бы немного их ни осталось к нашим дням. В свое время даже ходили шутки, что знаменитый на весь мир Мариинский театр оперы и балета был назван после гибели Кирова его именем потому, что этот деятель перепробовал едва ли не всех работавших там хорошеньких балерин. Среди

многочисленных любовниц Кирова были также молодые актрисы, студентки, причем и в других городах, особенно в Москве. Ничего особо страшного в этом, конечно, нет, но в те времена на это смотрели совсем иначе — как на поведение, недостойное советского человека (тем паче руководителя!), бытовое разложение. Правда, о Кирове не говорили, как позднее о Берии, что его романы сопровождались запусиванием партнерш и даже изнасилованиями. Все совершалось, как говорится, по обоюдному согласию сторон.

Любовницей Кирова была и некая Мильда Драуле, служившая инспектором одного из управлений, расположенных в Смольном. Ее муж, 30-летний служащий Л. Николаев, и застрелил Кирова из ревности. Николаев был типичным психопатом и скандалистом, он не мог ужиться ни на одной работе, от службы в армии его освободили из-за отклонений в психике. В апреле 34-го года Николаева за постоянные склоки и интриги исключили из партии, но райком не утвердил решения первичной парторганизации. К концу года этот бедолага, став безработным, окончательно спятил. Он стал писать (так сказать, для личного пользования) манифесты и рассказы, в которых говорил о своей «исторической миссии», сравнивал себя с террористом Желябовым — одним из организаторов убийства Александра II, и т. д.

А вот дальше все уже шло близко к наиболее распространенной версии. Николаев попал в поле зрения ленинградских чекистов, которым, видимо, стало заранее ясно его намерение убить Кирова. Срочно дали знать в Москву. И оттуда, несомненно, поступила команда — не мешать! Не исключено, что кто-то из чекистов под видом доброжелателя познакомился с Николаевым и еще сильнее разжег его жела-

ние расправиться со счастливым соперником. Вот в этом смысле можно (с натяжкой) сказать, что Кирова убил Сталин, хотя точнее было бы все же говорить об умелом использовании Сталиным столь кстати подвернувшейся ситуации.

Киров был убит в половине пятого вечера. К этому моменту было уже фактически подготовлено и спустя несколько часов утверждено постановление Президиума ЦИК, которое, в частности, предписывало следственным органам впредь вести дела о терроре «ускоренным порядком», а судебным органам помилований по таким делам не принимать. Приговор о расстреле следовало приводить в исполнение *немедленно*.

Вслед за этим в Ленинграде, а также в других городах был начат разгром «троцкистских центров». А когда 16 декабря был арестован Зиновьев, по популярности среди ленинградцев мало чем уступавший Кирову (в 1917—1926 годах он возглавлял Петроградский Совет), эти центры стали именовать «троцкистско-зиновьевскими». Убийство Кирова стало поводом для широкой волны арестов, прокатившейся по всей стране. Если до этого в действиях Сталина еще можно было усмотреть некий намек на логику (устранение реальной, потенциальной и мнимой оппозиции), то с декабря 34-го года вождь окончательно стал исходить из создания в стране атмосферы страха и всеобщей покорности. Десятки и сотни тысяч людей арестовывали даже не потому, что они *могли бы* стать опасными сталинскому режиму, а просто «на всякий случай». Знай, мол, наших!

Естественно, все эти действия центра должны были дублироваться и на местах, даже если бы Кремль и Лубянка постоянно не напоминали об этом провинциальным руководителям. Берии как «признанному вождю грузинских коммунистов» не оставалось ни-

чего иного, как механически исполнять «положенное». Формально он уже не руководил тогда грузинскими чекистами, но пост первого секретаря Закавказского крайкома и ЦК Компартии Грузии (да еще и Тифлисского горкома), конечно, предполагал как минимум согласие со всем, что творили всесоюзное и республиканские НКВД.

Одновременно продолжалась работа над заказанной Сталиным книгой. Как и прежде, вел ее в основном Торошелидзе, правда, Берия время от времени подбрасывал ему полусекретные материалы из партийных архивов, — разумеется, речь шла только о безопасных выдержках и фрагментах. Большую работу выполнял и Э. Бедия: он разъезжал по Кавказу, отыскивал ветеранов партийного движения, снабжавших его нужными свидетельствами. Эти «документальные рассказы» редактировал вначале сам Бедия, многое при этом досочиняя, затем они поступали на обработку к Торошелидзе, а уже после него — к Берии, который никому не доверял окончательной редактуре. Это и понятно: только один он в этом «авторском коллективе» знал вкусы и пристрастия Сталина. По поручению Берии ветеранам, с которыми беседовал Бедия или другие «интервьюеры», вручались небольшие денежные суммы. Также, между прочим, характерный штрих к портрету Берии: разве и без всяких денег какой-нибудь старый партиец не откликнулся бы на просьбу, начинающуюся со слов: «Партия рассчитывает на вашу помощь»? И тем не менее Берия считал необходимым попутно помочь ветеранам.

В самом начале 35-го года Торошелидзе уже с готовой рукописью отправился в Москву — показывать текст Сталину. Тот внимательно все прочитал, сделал довольно много исправлений — в основном стилистических, но были и смысловые, — а потом вы-

звал в Кремль поселенного в гостинице Торшелидзе. Похвалил ректора за работу, сделал кое-какие замечания, а на прощание сказал:

— Вот что, Малакия, зачем тебе еще одна книга? Разве у тебя их мало? К тому же ты философ, а такую книгу лучше писать специалисту по истории партии. Давай сделаем так: на обложке поставим фамилию Берии, а мы с тобой будем знать, что в основном книгу написал ты, хорошо? Ну, а насчет гонорара не беспокойся: я ему скажу, чтобы пощедрее с тобой поделился.

Узнав об этом от возвратившегося в Тифлис Торшелидзе, Берия испытал чувство неловкости. Он то предполагал, что официально у книги будут два автора — он сам и ректор. Но через пару дней Сталин позвонил ему и твердо сказал: так, мол, надо. Ну, раз надо... Берия подготовил по материалам книги доклад и прочитал его 21—22 июля на собрании тифлисского партактива. Естественно, доклад (Берия делал его более пяти часов), пестревший именем Сталина, не мог быть не встречен бурным одобрением. Немедленно было принято единогласное (а какое же еще?) решение: выпустить доклад товарища Берии отдельным изданием и организовать его массовое изучение где только можно.

Итак, текст был закреплен за Берией публично. Спустя три недели газета «Правда» в передовой статье назвала этот доклад «ценнейшим вкладом в летопись большевизма». А уже в начале сентября вышла из печати и книга. Она называлась так же, как и доклад, — «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Без преувеличения можно сказать, что книга не просто очень понравилась Сталину, но и стала для него важнейшим обоснованием собственной руководящей роли среди большевиков Закавказья едва ли не с первых лет века.

С истиной все это, разумеется, не имело ничего общего. Но разве большевиков — создателей самой лживой мифологии в мировой истории — когда-либо волновала истина? Сталин сам усилил в рукописи книги места, где так или иначе принижались заслуги подлинных создателей первых большевистских ячеек в Закавказье (впрочем, и эти люди отличались от Сталина разве что несколько меньшей степенью жестокости и цинизма). В дальнейшем он не раз поручал Берии выступать в печати или на собраниях с обличениями тех, кто, подобно Енукидзе, робко пытался хотя бы отчасти напомнить об этих заслугах.

Так, уже в ноябре 35-го года в двух номерах главной грузинской газеты «Заря Востока» была опубликована отредактированная Берией статья (ее автором был Н. Горделадзе), в которой резко критиковался и даже обвинялся в «троцкистских ошибках» уже известный нам Мамия Орахелашвили, еще в 32-м году лишенный своих высоких постов в Закавказье, а в 34-м выведенный из состава ЦК. Было и немало других публикаций подобного рода. Соответствующие объекты критики не стали искушать судьбу и принялись каяться, признавать несуществовавшие ошибки. Но помогало это далеко не всегда: по личному указанию Сталина многие старые большевики Закавказья (в особенности те, кто мог бы пролить свет на реальную историю революционных событий в этом регионе) были репрессированы. А в 38-м году, уже после перевода Берии в Москву, Сталин отправил распоряжение в Тбилиси (так с 36-го года стал именоваться Тифлис) расстрелять настоящих авторов книги, Торошелидзе и Бедию.

Книга «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» почти на два десятилетия стала «историческим источником» для еще больше-

го возвеличивания роли Сталина в описываемых в ней событиях. И не беда, что некоторые из этих событий были изобретены авторами, а в других Сталин вовсе не участвовал: кто же осмелится спорить? После расправы над Берией «его» книга, разумеется, была изъята из обращения, а при Хрущеве и позднее, в годы перестройки, историки разобрали по полочкам этот «гениальный труд» и указали на все фальсификации.

После XX съезда партии начали разоблачать преступления Сталина и его окружения — поначалу осторожно и выборочно, потом все активнее, а во второй половине 80-х годов разоблачения хлынули безудержным потоком, словно кто-то убрал невидимую плотину. Однако подтекст этих разоблачений то и дело менялся. Был период, когда могло создаться впечатление, будто все до единой жертвы сталинского режима были невинными агнцами, сам же усатый вождь выглядел таким волком, ворвавшимся в овечье стадо и резавшим без разбора направо и налево. Потом в какой-то момент появилась прямо противоположная крайность: мол, все эти бухарины и тухачевские, каменевы и рыковы были ничем не лучше Сталина и нечего их жалеть! То есть, если продолжить аналогию из мира братьев наших зубастых, «волки» передрались между собой, а победил, как и положено, сильнейший.

Порой возникали ситуации, которые в иных условиях можно было бы назвать анекдотическими, если бы речь не шла по-своему о трагических человеческих судьбах. Так, при реабилитации в 1988 году Бухарина, Рыкова и прочих участников мнимого «право-троцкистского антисоветского блока» (их осудили и расстреляли в 38-м году) один человек, а именно — Генрих Ягода, реабилитирован не был. Почему? Да вот, видите ли, мямлили тогда юристы и газетчи-

ки, эти-то все были «верными ленинцами» (было у нас такое загадочное для юриспруденции понятие), а с Ягодой надо бы еще разобраться... Да в чем же там разбираться-то? Ягода на следствии и на суде признался, будто бы вместе с членами упомянутого «блока» готовил убийство Кирова, а также «содействовал умерщвлению» (был в ходу и такой термин) Менжинского и Куйбышева, Максима Горького и его сына, еще кого-то... Словом, основания для осуждения и расстрела Ягоды были такими же бредовыми, как и в случае с Бухариным, Рыковым и прочими участниками «блока». Однако же все 16 осужденных были реабилитированы (то есть признаны невиновными), а 17-й, Ягода, — нет. И, следуя логике, получается, что он таки убил Кирова, Горького и всех прочих. Один, что ли? Выходит, что так: остальные-то невиновны.

Все нелепицы и несуразицы подобного рода, обрушенные на массовое сознание с помощью средств информации, невольно способствуют и юридической, и, так сказать, гуманитарной безграмотности. Одних репрессированных надо жалеть и реабилитировать, а других — не надо, туда им и дорога! Одни «хорошие», другие «плохие», одни — «верные ленинцы», другие — «неверные». Между тем критерий должен быть не вкусовым, а чисто юридическим, основанным на уголовном и уголовно-процессуальном кодексах и прочих законах страны. А то, что одним нравится (или не нравится) Сталин, другим — Ленин, третьим — Гитлер, а четвертым — академик Сахаров, исключительно их личное дело.

Могут, конечно, возразить, что, к примеру, тот же Ягода — палач и злодей, а потому реабилитировать его никак нельзя. Допустим (хотя судили и расстреляли его вовсе не за это). Но все палачество и злодейства Ягоды, Ежова и прочих направлялись и

руководились Сталиным, а до него — Лениным. Тем не менее один из этих суперпалачей и теоретиков террора похоронен (точнее, перезахоронен) в почетном месте позади Мавзолея, а другой и вовсе покоится в сей гробнице, сооруженной специально для него. Где же здесь логика и справедливость?

Забегая вперед, заметим, что вся эта правовая и этическая путаница в полной мере относится и к герою данной книги. Он был уничтожен и посмертно превращен в пугало для маленьких детей, если говорить о законе, *беспричинно* (прочих-то, не имеющих отношения к закону причин было достаточно), и *ни одно* из выдвинутых против него обвинений не соответствовало истине и, естественно, не было доказано. А то, что Берия «плохой», а, скажем, Дзержинский «хороший», — это опять же вопрос вкуса. Обвинения и приговоры у нас слишком долго основывали именно на вкусе, на пристрастиях, чтобы продолжать эту порочную традицию бесконечно. Поэтому реабилитировать, разумеется, следует *всех*, чья вина не была доказана, а не только лиц, по каким-либо причинам более симпатичных нам, чем другие.

Что же касается Ягоды, падение которого косвенно отразилось и на судьбе Берии, то, судя по всему, Сталина, взявшего курс на ужесточение репрессий, перестала устраивать «мягкость» наркома внутренних дел. Ягода явно не годился на роль безжалостного палача, даже заведомо фальшивые обвинения он все-таки старался облечь в пристойную форму, придать им видимость законных. Между тем указания Сталина, да и само «кировское» постановление Президиума ЦИК (от 1 декабря 34-го года) ясно говорили: не медлить, не возиться долго, а стремительно и без всякого снисхождения *карать!* Время даже чисто декоративного соблюдения законов прошло.

Порой пишут, что Сталин убрал Ягоду прежде всего из-за недовольства тем, как тот организовал убийство Кирова, а затем провел следствие. Но, во-первых, все, связанное с убийством Кирова, оплетено такой сетью загадок, что в них не могут разобраться до сих пор, — так что вождь мог быть вполне доволен. А во-вторых, в противном случае Сталин не держал бы Ягоду еще около двух лет на посту главы НКВД. Нет, высочайшее недовольство нарастало постепенно, и только к лету 36-го года оно приняло явный характер. А еще в ноябре 35-го года Сталин специально для Ягоды придумал и ввел новое звание — генеральный комиссар госбезопасности, которое соответствовало тогда же введенным в армии маршальским званиям.

Существует, правда, версия, что Сталин уже в то время собирался заменить Ягоду абхазским лидером Нестором Лакобой, но тот будто бы отказался. Этот слух ничем не подтверждается, да и отказываться от предложений вождя не было принято. Иное дело, что Сталин не раз говорил, что в принципе Лакобу неплохо было бы перевести в Москву, но о конкретных постах речь не заходила. С именем Лакобы, между прочим, связано немало других слухов и легенд, часть которых вошла и в миф о Берии. Но точно известно только то, что Лакоба неизменно поддерживал Берию, а в начале 30-х годов, как вы уже знаете, во многом помог стать ему вторым, а затем и первым секретарем Закавказского крайкома партии. Они были давними друзьями.

Тем не менее, согласно слухам, Берия поддерживал дружбу с Лакобой только для вида, а на самом деле мечтал расправиться с ним, что в конце концов и сделал. Причины? Порой говорят, что Берии приглянулась жена Лакобы, красотка Сария, будто бы отвергшая его ухаживания, вот Берия и

мстил. Еще чаще утверждают, что Берия видел в Лакобе опасного соперника, «ревновал» из-за явной симпатии Сталина к «глухарю» (так за глаза называли глухого Лакобу), боясь, что вождь именно его заберет в столицу, а Берия так и зачахнет за Кавказским хребтом.

Все это, разумеется, не выдерживает никакой критики. Романы жен высших руководителей (да еще и на Кавказе!) были исключены, и Берия прекрасно это знал. А считать Лакобу своим соперником — во всяком случае после октября 32-го года — Берия тоже никак не мог, поскольку его вес в партийно-государственной иерархии был значительно выше: он стал партийным лидером *всего* Закавказья, а Лакоба — лишь главой крошечной Абхазии. Любовь Сталина к Лакобе? Она была не так уж и велика, а о постоянстве чувств вождя и говорить нечего. К тому же этот аргумент, если уж им пользоваться, начисто исключает какие-либо действия Берии против Лакобы: кто же осмелился бы пакостить сталинскому любимцу?

А вот сам Лакоба, пользуясь расположением Сталина, вел себя в «своей» Абхазии как удельный князь, число его портретов, бюстов и статуй, песен в его честь уже в начале 30-х годов побило все мыслимые рекорды «на душу населения». И это, между прочим, вполне могло вызвать раздражение Сталина: не по чину берешь, друг Лакоба! Да и Берия не раз говорил Нестору, что надо быть поскромнее. Выступал он и против абхазского национализма, который всячески поощрял Лакоба. Конечно, в условиях сталинской империи подобный национализм мог носить лишь декоративный характер, но, как показывают события последних лет, корни он пустил глубокие...

В декабре 35-го года Сталин вызвал Лакобу в Москву, чтобы лично вручить орден Красного Знаме-

ни за его бывшие заслуги в Гражданской войне. Сталин тепло принял Лакобу, а на прощание подарил ему свою фотографию с трогательной надписью — «товарищу и другу». Когда Лакоба вернулся в Сухуми, Берия приехал к нему, чтобы поздравить с орденом. Выпили, поговорили, еще выпили... Берия снова посоветовал Лакобе держаться поскромнее и не забывать, что, как бы ни была прекрасна его родная Абхазия, она ничем не лучше других республик и областей их социалистического Отечества. Опыневший Нестор мало что слышал и только устало кивал, а вот его младший брат Михаил, ткнув пальцем в фотографию, подаренную Сталиным, вдруг грубовато сказал:

— Кого учишь, Лаврентий? Не видишь, что нашему Нестору сам Коба написал? Другу!

— Какой он тебе Коба, щенок? — сердито ответил Берия. — И нечего лезть в разговоры старших!

— Кто щенок?! — воскликнул Михаил, выхватив из-за пояса браунинг. — Да я тебя сейчас...

Но тут встрепенулся полусонный Нестор.

— Перестань, Михаил, — пробормотал он. — Нельзя обижать гостя.

Горячий абхазец опомнился, а Берия, невозмутимо похлопав его по плечу, сказал:

— Зачем так горячиться, Миша? А за «щенка» не сердись: тебе же добра желаю. Ладно, отдохайте, а я пойду.

Спустя год Лакоба приехал в Тбилиси на собрание партактива республики. За этот год кампания прославления Лакобы в Абхазии заметно усилилась. Берия не хотел говорить об этом другу публично, но, оставшись с Лакобой наедине, снова сказал ему, что с этой трескотней пора кончать. Они едва не поссорились, но потом Берия пригласил Лакобу к себе домой, а после обильного кавказского застолья они от-

правились в театр на премьеру первого грузинского балета. Но Лакоба после обильных возлияний почувствовал себя неважно и в перерыве, попросившись с Берией и его женой, уехал в гостиницу спать.

Ночью у Лакобы произошел инфаркт, а еще через день он умер. Многие исследователи связывают его смерть с обедом у Берии: отравили, мол. Пишут, что Берия «демонстративно» не поехал в Сухуми на похороны Лакобы. Но гроб с телом Лакобы был установлен для прощания в Доме Красной Армии в Тбилиси, Берия был там, плакал, сохранились фотографии.

К этому времени отношения Сталина с Берией еще больше укрепились. Летом 36-го года Сталин, направляясь на отдых, заглянул на пару дней в Тбилиси — повидаться с матерью. Заехал он тогда и к Берии, который жил с женой и сыном в простой четырехкомнатной квартире неказистого дома на Верийском спуске. С удивлением оглядев скромную обстановку, Сталин сказал:

— И это квартира первого секретаря всего Закавказья? Да у нас в Москве иной конструктор лучше живет! — Он недовольно покачал головой. — Так, а Нино почему здесь? Ты же мне писал, Лаврентий, что она отдыхает в Гагре. Специально вызвал из-за меня? Заботишься о товарище Сталине больше, чем о жене? Ну-ну...

Недолго посидев за столом, Сталин стал прощаться: он уезжал в Сочи. Перед уходом сказал:

— То, что живешь так скромно, я по-человечески хвалю. Но как вождь, — Сталин ухмыльнулся, — не могу такого позволить. Ты руководитель республики, даже, можно сказать, трех республик! Поэтому не просто можешь, но и обязан жить соответственно своему положению. Иначе наши кавказцы тебя уважать перестанут!

И вскоре по распоряжению Сталина для Берии построили на улице Мачабели красивый особняк, но в нем ему суждено было прожить всего полтора года, — впереди уже маячила Москва. Отправляясь отдыхать, Сталин сказал Берии, что еще вызовет его на свою дачу: надо, мол, кое-что обсудить.

Берия приезжал в Сочи несколько раз. То, что они обсуждали со Сталиным и стремительно повышавшим свои акции новым ленинградским вождем секретарем ЦК А. А. Ждановым (Сталин взял его с собой отдыхать, что считалось знаком особого расположения), конечно, навсегда останется тайной. Но отчасти догадаться можно, поскольку известен итог этих бесед. 25 сентября членам Политбюро в Москву была отправлена из Сочи телеграмма за подписью Сталина и Жданова. В ней говорилось: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение товарища Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года».

Так окончательно решилась судьба «оказавшегося не на высоте» Ягоды, хотя расстреляли его только через полтора года. Новый нарком внутренних дел Н. И. Ежов был на момент назначения на этот пост секретарем ЦК и председателем Комиссии партийного контроля. Однако он — в особенности в сравнении с опытным чекистом Ягодой — тем более не мог оказаться «на высоте». И совсем не из-за своего крохотного росточка и внешней неказистости. Ежов был типовым аппаратчиком: исполнительный, в меру усердный, услужливый (по отношению к начальству), но совершенно чуждый какому бы то ни было профессионализму.

Зато Ежов верно уловил основное настроение Сталина в те годы, точно определил главное в вознес-

шей его на вершины кремлевского Олимпа сочинской телеграмме — «дело разоблачения». И все эти два года Ежов старательно разоблачал, разоблачал, разоблачал... В ряде случаев (когда дело касалось видных партийцев, чиновников, военных) указания на «отстрел» поступали непосредственно от Сталина. Но Ежов в сравнении с Ягодой проявлял «в деле разоблачения» все больше и больше активности и самостоятельности. Он буквально из кожи лез вон, чтобы наверстать «опоздание на четыре года». Кстати, так и осталось неясным, почему Сталин назвал именно четыре года: ведь Ягода возглавил НКВД (тогда ОГПУ) не за четыре года до сочинской телеграммы, а за *два* с лишним, после смерти Менжинского. Разве только имел в виду, что в последние годы жизни тяжело больного Менжинского Ягода фактически стал главой ведомства? Впрочем, в эпистолярном (и остальном) наследии вождя сохранились и не такие ребусы...

Читатели старшего поколения, конечно, помнят, что *любые* кампании, которые при советской власти начинались из центра, непременно должны были распространяться по всей стране — будь то разведение виноградников или, напротив, их уничтожение. А если уж речь шла о разоблачении и истреблении «врагов народа», то всякое промедление с присоединением к *такой* кампании могло автоматически привести к тому, что виновные сами попадали в разряд врагов. Поэтому и в Закавказье масштаб репрессий после сентября 36-го года резко увеличился. Как и во всей стране.

Все эти репрессии в дальнейшем создатели мифа о Берии также занесли на его личный счет. Конечно, было бы нелепо утверждать, что «хозяин» Закавказья (первый секретарь крайкома!) ухитрился остаться в стороне от этой кампании. Но что, собственно гово-

ря, мог бы сделать Берия в противоположном направлении? И тем не менее есть свидетельства, что при малейшей возможности он пытался спасти (и спасал) людей от репрессий. Но если человека не арестовали и не уничтожили, то никак не докажешь, что над его головой уже был занесен топор. А вот имена уничтоженных известны, и их всегда можно помянуть — кстати и некстати.

Утверждают, например, будто Берия погубил Папулию Орджоникидзе, старшего брата Серго. Но Папулия был хроническим алкоголиком, во время особенно сильных запоев он устраивал буйные дебоши. Это было бы еще полбеды: в конце концов, для Грузии (как и для России) пьянка и дебоши — явление не такое уж исключительное. Однако дело в том, что Папулия, напившись, начинал громогласно материть советскую власть и «проклятых большевиков», включая и собственного брата. Берия, некоторое время живший с Папулией в одном доме, не раз заходил к нему и пытался урезонить. Безрезультатно. Даже Серго, бывая в Тбилиси, предпочитал останавливаться не у брата-пьяницы, а у супругов Берия. НКВД Грузии то и дело обращался к Берии с просьбой дать разрешение на арест Папулии (он возглавлял политотдел управления Кавказской железной дороги и принадлежал к партийной номенклатуре). К просьбам прилагались стопки доносов, где цитировались антисоветские откровения пьяного Папулии. Берия довольно долго отклонял эти просьбы.

В конце концов, дело дошло до Москвы. Во время одного из приездов Берии на правительственную дачу в сентябре 36-го года Сталин спросил его:

— Ты еще долго с этим хулиганом нянчиться собираешься? Папулию я имею в виду, Папулию!

— Да он не опасен, товарищ Сталин, — осторожно ответил Берия. — Болтает вот только лишнее...

— Болтунов — на мороз! — твердо сказал Сталин. — Слышал такую русскую поговорку?

Но Берия и тогда не стал арестовывать Папулию, надеясь, что за «грудой дел и суматохой явлений» вождь забудет о нем. И только перед самым Новым годом, когда ему снова доставили из НКВД Грузии агентурные записи высказываний Папулии, где брата Серго он называл «дерьмом», а Сталина — «уса-той свиньей», Берия махнул рукой и сказал чекистам:

— Делайте, что положено.

Папулию арестовали, а в ноябре 37-го года «тройка» грузинского НКВД приговорила его к расстрелу. Но можно ли сказать, что его погубил Берия? Или виноват все-таки был сам Папулия, не желавший понять, что даже высокое положение младшего брата и покровительство Берии не может бесконечно прикрывать его поведение? Тем не менее обвинение в расправе над Папулией прочно легло в фундамент мифа о Берии.

Другой пример из того же ряда — судьба Григория Каминского. С легкой руки Хрущева, еще в июне 53-го года назвавшего уничтожение Каминского едва ли первым в длинном перечне обвинений против Берии, это также вошло в официальный миф. Проработав в 20—21-м годах несколько месяцев секретарем ЦК Компартии Азербайджана, Каминский был переведен в Москву, и с тех пор их с Берией пути практически не пересекались. Но на очередном Пленуме ЦК в июне 37-го года Каминский, услышав, что хвалят Берию, вдруг заявил, что Берия бывший агент мусаватистской охраны! Сталин тут же приказал арестовать Каминского, а в феврале 38-го года его расстреляли. Берия присутствовал на этом Пленуме, но до его перевода в аппарат Ежова (причем вначале лишь в качестве его заместителя)

оставался еще год. Поэтому он при всем желании не мог бы «погубить» Каминского, принадлежавшего к номенклатуре центра.

Разбирать судьбы людей, «погубленных» Берией в период его работы в Грузии и Закавказье, можно еще долго. Но зачем? Мы вовсе не собираемся представить Берию ангелом, нет, он произносил «положенные» ему по должности обличительные речи, он исполнял указания Сталина (лишь изредка стараясь смягчить их), его прямая и косвенная ответственность за гибель многих людей несомненна. Наша задача в ином: показать, что эта ответственность была, так сказать, типовой для руководителей того круга и того времени. А вот то, что Берия, в отличие от большинства этих руководителей, неизменно стремился свести число невинных жертв к минимуму, отстоять тех, кого можно (как, например, в случае с П. Орджоникидзе), было явлением совсем не типовым.

И эта позиция Берии в полной мере проявилась уже в первые месяцы его работы в Москве, где он оказался в самый разгар репрессий — летом 38-го года.

Глава 3

ЖИЗНЬ НАВЕРХУ

Попасть наверх, на кремлевский Олимп, — мечта каждого чиновника отнюдь не только сталинской эпохи. О столичных канцеляриях и департаментах мечтали и до переломного 17-го года. А разве короткий приступ борьбы с привилегиями в годы перестройки не кончился тем, что сегодня практически все недавние «борцы» либо уже обзавелись самыми фантастическими привилегиями, либо ведут за них упорные поединки? Ведь давно известно: чем больше имеешь, тем больше хочется. Можно сколько угодно твердить, что бедность, мол, не порок, но почему-то все стремятся стать именно богатыми, а не бедными. А большая власть предполагает большое богатство.

Но богатство богатству — рознь. Вот, скажем, поклонники Сталина любят говорить, что у их любимого вождя за всю долгую и нелегкую жизнь было две-три пары сапог и примерно столько же шинелей и кителей. (Это, кстати, тоже относится к разряду легенд: насчет сапог не скажу, но на многочисленных фотографиях Сталина крайне трудно найти один и тот же китель.) А на фига, извините, ему лишние сапоги, если к его услугам были все богатства огромной империи? Эзоповская лиса делала вид, что ей не хочется винограда, потому что до него было не дотянуться. Но когда в твоём распоряжении *весь* виног-

рад, охота к нему пропадает по-настоящему. Интересен процесс, борьба, динамика, но, если достигнута главная (сверхглавная!) высота, азарт поневоле пропадает.

Впрочем, к Берии образца 38-го года это еще не относилось. Он просто попал в Москву, причем пока не в самый ближний круг окружения вождя. И вся основная борьба была еще впереди. А она именно в те годы разгорелась не на шутку. Несколько громких судебных процессов (и гораздо больше негромких) перетряхнули состав партийных и государственных, военных и чекистских кадров, радикально затронув и самую «головку». Некоторые из этих процессов напрямую были связаны с делами разведки и контрразведки, вскоре оказавшимися центральными в новых занятиях Берии, нелегких и запутанных.

Много загадок и по сей день сохраняется, например, в «деле военных» — то есть маршала Тухачевского и еще нескольких высших военачальников, которых в начале мая 37-го года арестовали, а спустя месяц осудили и расстреляли. Сегодня преобладает точка зрения, согласно которой толчком для этого дела стала мастерски проведенная операция гитлеровских спецслужб, подбросивших ежовской разведке фальшивые документы, выставившие Тухачевского и прочих немецкими шпионами. Однако порой добавляют, что коварные Сталин и Ежов сами и спровоцировали эту операцию, каким-то образом (называются разные варианты) сумев «подсказать» гитлеровцам соответствующий ход мыслей.

Трудно судить, что же именно произошло на самом деле. Учитывая характер Сталина, можно предположить, что даже самые добротные фальшивки не заставили бы его ликвидировать тех, в ком он по-настоящему нуждался. Видимо, вне зависимости от внешнего сюжета событий, передовые стратегические

концепции Тухачевского и его коллег казались Сталину слишком преждевременными, поэтому для него было важно «расстаться» с этим кругом лиц. Нет никаких сомнений, что Сталин к тому времени уже думал о «большой» войне, и, разумеется, вести ее он собирался по-своему. О конфликтах и спорах с собственным генералитетом не могло быть и речи. А прочие причины (в частности, давняя неприязнь Сталина к Тухачевскому из-за их конфликтов в годы Гражданской войны), скорее всего, носили побочный характер.

Убрав строптивых военных, Сталин полагал, что этим он обеспечивает успех в будущей войне. Но это, как известно, оказалось серьезным просчетом. Послушный генералитет ворошиловской «школы» был бессилён соперничать с блестящими профессионалами Гитлера. А относительно молодые генералы и офицеры «жуковского» направления, в конце концов все-таки принешие Сталину победу, добились этого ценой немислимых жертв, так как воевали по схеме прямолинейного «навала», гоня против немцев практически неисчерпаемую (население СССР тех лет было больше, чем в Германии, примерно в три раза) солдатскую массу.

Справедливости ради следует сказать, что ошибся не только Сталин. Немцы, с младых ногтей приученные к жесткой дисциплине и субординации, не могли и представить, что в условиях надвигавшейся войны могут сохраняться противоположные взгляды на ее ведение (и на военную концепцию в целом) у политического и военного руководства. Уже при Берии, в августе 39-го года, разведчики НКВД добыли секретный документ вермахта, в котором, в частности, говорилось: «Устранение Тухачевского наглядно показывает, что Сталин полностью контролирует положение дел в Красной Армии». Эту фразу

Берия выделил особо в очередной сводке для Сталина...

И все же в 37—38-м годах вождь был недоволен работой Ежова и НКВД в целом. Исполнительность и усердие маленького наркома не могли заменить отсутствия профессионализма. Поэтому, кстати, на все два года ежовского руководства НКВД работа разведки и контрразведки почти замерла, лишилась прежней динамики. Если для истребления покорных советских граждан особого ума не требовалось, то во внешней разведке дела обстояли неважно. Так, в первые месяцы 38-го года НКВД вместе с разведкой Чехословакии (их сотрудничество еще за три года до этого было оформлено секретным соглашением) пытался с помощью сербских офицеров организовать военный переворот в Югославии: Сталин до самой смерти рассматривал эту страну как важнейший плацдарм для советского проникновения в Западную Европу. Но эта операция провалилась, поскольку сербские «заговорщики» оказались, попросту говоря, жуликами, тянувшими из разведчиков деньги, и контакты с ними пришлось прервать. Между прочим, уже перед самым нападением Германии на СССР Берия и его ведомство успешно осуществили эту же операцию, на чем мы остановимся в следующей главе.

Неудачи сопровождали и работу советской разведки в Испании во время начавшейся там в июле 36-го года гражданской войны. Правда, в этом был виноват не столько Ежов, сколько государственная доктрина, ориентировавшая разведку на сотрудничество прежде всего с испанскими коммунистами, влияние которых в стране было явно переоценено. После нескольких проваленных из-за этой прямолинейной тактики операций резидент НКВД в Испании Фельдбин (он больше известен как Александр Орлов), опасаясь сталинского гнева и автоматически

связанного с этим ареста, бежал в США. Это случилось в июле 38-го года, и вполне возможно, что именно тогда взбешенный Сталин окончательно решил отправить Ежова следом за Ягодой. Так судьба подарила Берии новый шанс.

Но Сталин любил расправляться с намеченными жертвами по-иезуитски: постепенно, чтобы вдоволь насладиться их смятением и душевными терзаниями. Вызывая Берию в Москву, он уже видел в нем преемника Ежова. (Разговоры о том, что Сталин тогда рассматривал и другие кандидатуры — в частности, знаменитого летчика Валерия Чкалова — на пост наркома внутренних дел, лишены каких-либо документальных подтверждений.) Но для начала вождь решил сделать Берию первым заместителем Ежова и начальником Главного управления госбезопасности (это была, по сути дела, служба внешней разведки). Последнее, как нетрудно понять, давало Берии огромные возможности.

Переезд Берии в Москву в июле 38-го года впоследствии также стал сопровождаться слухами. Говорили, будто бы в те же дни (по другим вариациям слухов, на месяц-два раньше) Ежов направил в Тбилиси опергруппу с ордером на арест Берии. Но это весьма маловероятно. Не мог Ежов действовать *вопреки* планам Сталина, который еще за год до этого начал говорить, что пора бы, мол, Берию забрать в Москву. Тем не менее этот нелепый слух то и дело встречается в современных работах.

С первых же дней жизни наверху Берия стал обзаводиться новыми полезными знакомствами и укреплять старые. Это естественное желание любого человека, попавшего в новую обстановку. Одним из новых приятелей Берии стал Георгий Маленков — молодой аппаратчик (Маленкову тогда было 36 лет — на три года меньше, чем Берии), бывший в ЦК заве-

дующим отделом, а вскоре, в марте 39-го года, ставший секретарем ЦК и начальником управления всех цековских кадров. Исключительно важная, ключевая должность! Дружба Берии и Маленкова продолжалась пятнадцать лет, пока не привела к роковому (для Берии) финалу.

Еще до перевода в Москву у Берии сложились хорошие отношения с Никитой Хрущевым — первым секретарем МК и МГК партии. Правда, почти одновременно с приходом Берии в аппарат НКВД Хрущев был переведен на Украину первым секретарем тамошнего ЦК, но в Москве он продолжал бывать достаточно часто. Хрущев поражал всех своим темпераментом и энергией, бросалось в глаза и его простодушие, которое, как выяснилось позднее, было искусной маской. Когда спустя несколько месяцев Берия сменил Ежова во главе НКВД, Хрущев, выступая 13 декабря 38-го года перед чекистами Украины, сказал по этому поводу:

— Вот сейчас к руководству НКВД пришел товарищ Берия Лаврентий Павлович. Он всю жизнь проработал на партийной работе и чекистом тоже был. Везде показал себя как большевик-сталинец, который защищал коммунистов и вообще весь народ Грузии от вражеских элементов. Сплотил Грузию в любви к советскому народу, любви к товарищу Сталину. Вот и вам надо еще крепче сплотиться и во главе с товарищем Берией метко бить по врагам народа!

Но, разумеется, главным занятием Берии в Москве стало не укрепление личных связей. Он сразу же стал активно заниматься своими профессиональными делами, уделяя особое внимание проблемам внешней разведки. За два месяца до его перевода в столицу успешно закончилась одна из зарубежных операций НКВД: в Роттердаме был ликвидирован руководитель Организации украинских национали-

стов (ОУН) Коновалец. Его гибель вызвала раскол в рядах ОУНа, в результате чего в будущей войне далеко не все члены организации встали на сторону Германии, и давние расчеты Гитлера на помощь ОУНа оправдались лишь отчасти. К моменту появления Берии в Москве туда вернулся и молодой чекист Павел Судоплатов, вручивший Коновальцу заминированную коробку конфет. Берия тут же вызвал к себе Судоплатова и начальника иностранного отдела НКВД Пассова. В течение нескольких часов он расспрашивал их о деталях операции против Коновальца, о прочих диверсионно-террористических акциях НКВД, о специфике работы иностранного отдела и т. д.

Судоплатов, рассказавший в своих мемуарах об этой встрече, вспоминал, что компетентность Берии в вопросах разведывательно-диверсионной работы была поразительной. Между тем непосредственно делами разведки Берия не занимался уже семь лет, к тому же провинциальные масштабы Грузии нельзя сравнить с размахом работы «большого» НКВД, имевшего зарубежные резидентуры во всех основных странах мира. Поэтому легко понять удивление Судоплатова: таких талантливых и профессиональных начальников ему встречать не приходилось.

Особый интерес Берии вызвал тогда рассказ Судоплатова о планируемых ОУНом террористических акциях против руководящих советских работников на Украине. О них Судоплатову говорил Коновалец, а чекист пытался отговорить его, ссылаясь на хорошую работу НКВД, которое может в ответ на террор разгромить нелегальные кадры ОУНа на Украине. Берию также крайне интересовала деятельность диверсионных групп НКВД в Испании, тем более что наиболее мощной из них руководил чекист Василевский, который успешно работал у Берии еще в ГПУ Гру-

зии. Но тогда, к сожалению, судьба советской агентуры в Испании уже была предрешена: республиканцы терпели поражение в гражданской войне, и Сталин был твердо намерен «разобраться» с мнимыми виновными.

Кстати, Берия, быстро уловив стремление Сталина распространить репрессии и на разведку, сразу же постарался вывести из-под удара наиболее ценные кадры. Во второй половине 38-го года Ежов по указанию Сталина арестовал ряд ведущих руководителей разведки, но Берия поспешил перевести связь с подчиненной им резидентурой на себя и этим сумел спасти от репрессий многих агентов-профессионалов. И если едва ли не весь аппарат иностранного отдела НКВД в Москве подвергся разгрому, то значительная часть его зарубежных кадров была сохранена благодаря Берии.

А обстановка вокруг Ежова, несмотря на все его рвение, продолжала сгущаться. В сентябре его секретарь, почувствовав, что шефа вот-вот уберут (а это, как правило, сопровождалось и расправой с ближайшим кругом подчиненных), покончил с собой. В те же дни Сталин распорядился направить в аппарат Ежова инспекционную комиссию ЦК. А от самого наркома он потребовал, чтобы впредь на ордерах на арест и прочих важных документах НКВД стояла подпись не только Ежова, но и Берии. Многие замечали, что полномочия первого заместителя наркома и по форме, и по сути стали превосходить ежовские. Когда в начале ноября был арестован Пасов и другие руководители иностранного отдела НКВД, Судоплатова вызвал к себе Берия и сообщил, что ему поручается исполнять обязанности начальника отдела. Пораженный тем, что имени Ежова (наркома!) Берия при этом даже не упомянул, Судоплатов пробормотал:

— Но кабинет Пассова опечатан и я не смогу туда войти. Надо бы попросить разрешения у наркома...

— Вам что, моего распоряжения мало? — оборвал его Берия. — Немедленно сорвите с дверей печати и приступайте к работе. И впредь не морочьте мне голову всякой ерундой! Вы уже не маленький!

К тому времени, помимо иностранного отдела, существовала и засекреченная особая группа при нарcome внутренних дел, обеспечивавшая контроль за работой отдела и — в случае необходимости — ее корректировку. При Ежове в работе особой группы было много сумбура, не совсем понятно было, где же разграничиваются функции ее и собственно иностранного отдела, насколько широки ее полномочия. Берия, еще формально не сменив Ежова, полностью подчинил себе всю деятельность особой группы, навел в ней четкий порядок. Особая группа стала как бы дублировать работу иностранного отдела на аналитическом уровне и оперативно исправлять его ошибки. В непосредственное подчинение Берии перешли примерно шестьдесят глубоко законспирированных агентов-нелегалов.

Помимо аналитических и координирующих функций, члены особой группы осуществляли особо важные диверсионно-террористические операции. Ими, как правило, руководил опытный боевик Яков Серебрянский (Яша), в прошлом эсер. Но поскольку он и его люди активно (и значительно успешнее, чем прочие группы НКВД) действовали в Испании, почти все они были в конце 38-го года отозваны в СССР, арестованы и приговорены к смертной казни. Но Берии удалось спасти от расстрела Серебрянского и некоторых других разведчиков. А в первые же дни войны Берия добился освобождения Серебрянского и поручил ему руководство подбором агентуры для длительной работы в Западной Европе и США. Заслуги

Яши перед советской разведкой были поистине неоценимы. Тем не менее в октябре 53-го года он был арестован как сообщник Берии и спустя три года умер в тюрьме.

В декабре 38-го года Сталин снял Ежова с поста наркома, сохранив за ним должность наркома водного транспорта (ее Ежов занял по совместительству за восемь месяцев до этого, в апреле). В газетах сообщалось, что Ежов сам просил снять его. Но уже через четыре месяца, 10 апреля, он был арестован по обвинению в шпионаже, подготовке террористических актов против советских руководителей и т. д. В феврале 40-го года Ежов был осужден и расстрелян.

Окончательно получив в свои руки НКВД, Берия предпринял широкий комплекс мер, направленных на прекращение репрессий и на освобождение тех, обвинения против которых были заведомо сфальсифицированы. Фактически еще до снятия Ежова им был подготовлен приказ о строгом порядке соблюдения постановления «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В приказе акцентировались неслыханные по тем временам моменты: осуждались массовые огульные аресты, указывалось на недопустимость упрощенного ведения следствия, подчеркивалась необходимость неукоснительного соблюдения законности. В условиях разгула репрессий шаги подобного рода воспринимались с потрясением и надеждой. Это стало началом довольно широкой кампании борьбы с «последствиями ежовщины».

В какой мере влиял на замысел и ход этой кампании Берия? Было бы наивно полагать, что такая кампания могла быть задумана и осуществлена помимо воли Сталина. Но с учетом отношений Сталина и Берии, которые в те годы становились все доверительнее, вполне можно предположить, что Берия, уже

зарекомендовавший себя противником излишне жестких мер, в определенной мере повлиял на Сталина, посоветовав ему хотя бы отчасти смягчить принятый курс, «попридержать вожжи». В конце концов, своей цели Сталин уже достиг: атмосфера страха в стране была создана. А тех конкретных лиц, которых хотел (или мог бы захотеть в будущем) уничтожить вождь, было не так уж много, и их «отстрел» можно было продолжать беспрепятственно. С другой стороны, масштабы репрессий уже достигли психологического предела, за которым всеобщий страх мог перейти в столь же всеобщий протест. А кампания «отката», напротив, укрепила бы веру населения в сталинское руководство, показав, что оно-де никому не даст в обиду «свой» народ и накажет именно «настоящих» злодеев (Ежова, например), а невинных не тронет.

Вот такие примерно аргументы мог бы привести Сталину Берия, отстаивая курс на прекращение репрессий. Конечно, доказательств подобных разговоров нет и быть не может: их не принято вести при свидетелях. Более того: если бы новый курс совпал с заменой Ежова на Берией, а кем-то другим, можно было бы смело сказать, что этот другой не имеет к новшествам никакого отношения, ибо их при такой расстановке фигур мог задумать только Сталин. Но в случае с Берией все обстояло иначе. Ведь именно такую политику он проводил и в Грузии (в доступных ему пределах, разумеется). И именно прекращение репрессий и освобождение невинных определяло основное направление его деятельности на посту министра внутренних дел СССР спустя пятнадцать лет, в марте—июне 53-го года.

Все это позволяет говорить о четкой позиции Берии, о последовательной *системе* в его действиях. И эпизод из инсценировки романа «Крутой маршрут»,

упомянутый в начале книги, приобретает в этой связи иное звучание, чем замыслили авторы его театральной постановки. Надежды невинно осужденных на то, что приход Берии к руководству НКВД благотворно скажется на их участи, вовсе не были наивными и призрачными. Количество освобожденных в эти годы (до начала Великой Отечественной войны) — исчислялось сотнями тысяч. А рядом с ними можно поставить и тех, над кем уже был занесен топор репрессий, остановленный Берией.

9—11 января 39-го года состоялся Пленум ЦК, на котором фактически уже начатому НКВД новому курсу был придан программный характер. По списку, представленному Берией, Сталин привел в своем докладе ряд фактов нарушений законности и косвенно дал понять, что речь идет не просто о «перегибах», а о некой «вредительской линии», проводимой бывшим руководством НКВД. Ежов, напомним, еще не был арестован и присутствовал на этом Пленуме, но всем уже (в том числе и ему самому) было ясно, что его дни сочтены. Напомним и то, что Сталин — в отличие, например, от Хрущева или Брежнева — никогда не провозглашал кампаний или курсов для проформы, то есть не намереваясь проводить их реально. И эта кампания, ныне как бы вычеркнутая из отечественной истории, тоже не осталась пустым звуком, — ее современникам она запомнилась навсегда именно как серьезный поворот в политике. И даже те, кто не желает признать роль Берии в этой кампании (как и ее значение в целом), не могут отрицать, что ее начало было «освящено» его назначением главой НКВД. Нелепо было бы отрицать и подобное «совпадение» в марте 53-го года: как только возникает фигура Берии, тут же начинается курс на смягчение. Критики Берии, впрочем, могут настаивать (что они и делают) на том, что

это был всего лишь ловкий тактический прием. Но тем не менее отчего-то этот прием связывается только с одним человеком — с Лаврентием Берией.

Куда правомочнее основываться на фактах и документах. А они убедительно говорят, что в течение примерно двух лет (конец 38-го — начало 41-го года) Берия последовательно развенчивал липовые дела и освобождал невинных (если, разумеется, они не были расстреляны и если Сталин категорически не запрещал освобождение). В то же время сам Сталин, в принципе не мешая действиям Берии, периодически отдавал распоряжения об арестах, а приказы вождя полагалось исполнять (см.: Волкогонов Д. А. Семь вождей. М., 1997. Т. 1. С. 205). Тем не менее в сравнении с тем, что происходило в 36—38-м годах, репрессии сократились до минимума.

Очевидно и другое: пойдя на кампанию «смягчения», Сталин не отказался от исключительной жестокости в отношении тех, кто и в «бериевские» годы попадал в жернова репрессий (или оказался в них еще раньше). Так, 10 января 39-го года (то есть буквально в дни упомянутого Пленума ЦК) он распорядился направить на места секретную «разъяснительную» шифровку. В ней напоминалось, что «применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов на-

рода, как совершенно правильный и целесообразный метод».

И тем не менее Берия настаивал на прекращении пыток, указывая своим подчиненным, что «исключения», упомянутые в сталинской шифровке, крайне редки и он сам будет указывать на таковые. Следователей, уличенных в применении пыток, Берия немедленно отстранял от работы, а нередко и арестовывал. В республиканские НКВД были отправлены инспекционные комиссии, которым Сталин давал общие установки, а Берия — конкретные указания, соответствовавшие проводимому им курсу на «смягчение»: По представлениям этих комиссий также было пересмотрено и отменено множество сфабрикованных дел.

В то время в тюрьмах и лагерях находились многие родственники видных партийных, государственных и военных деятелей, расстрелянных по «громким» процессам второй половины 30-х годов. О том, чтобы освободить их, не могло быть и речи: все эти дела, процессы и последующие акции находились под строгим контролем Сталина, который рассматривал основных персонажей таких дел (а заодно и их близких) как личных врагов. И все же Берия пытался как-то смягчить участь людей, заведомо ни в чем не повинных.

Одной из них была Анна Ларина, молодая вдова Бухарина, расстрелянного в марте 38-го года. Едва став наркомом, Берия распорядился привезти ее из астраханской тюрьмы в Москву. Перед самым Новым годом (39-м) Ларину доставили на Лубянку, в кабинет Берии. Находясь в тюрьме, она не знала о происходящих на воле событиях и, входя в кабинет наркома, была уверена, что увидит там Ежова. При виде Берии, с которым юная Ларина познакомилась еще десять лет назад на Кавказе, она не сдержалась и, всплеснув руками, воскликнула:

— Лаврентий Павлович! А где же наш прославленный нарком, так ловко громивший осиные гнезда врагов народа? Неужто сгинул вместе со своими ежовыми рукавицами?

Берия поморщился. В кабинете, кроме них двоих, находился еще и его заместитель Б. Кобулов (он привел Ларину), которому Берия полностью доверял. Но все-таки... Кроме того, он с первой же реплики Лариной понял, что при таком ее настроении опасно просить Сталина сжалиться над ней. Вдруг вождь захочет повидать ее, а Ларина снова скажет какую-нибудь дерзость? Лариной же, как вы помните, Берия запомнился по кавказским встречам как человек «неглупый, деловой и гостеприимный», и она впервые за долгие месяцы заключения почувствовала себя свободно.

Пригласив «гостью» сесть и не ответив на вопрос о Ежове, Берия вежливо сказал:

— А вы удивительно похорошели с тех пор, как я видел вас в последний раз. Как ваши дела, как вы себя чувствуете?

— Прекрасно! — с вызовом ответила Ларина. — Еще лет десять тюрьмы, и вы сможете отправить меня в Париж, на конкурс красоты!

Берия усмехнулся. Он стал расспрашивать Ларину о лагерном житье-бытье, и она ответила, что, в частности, ей приходилось работать и ассенизатором. Берия поразился, что для молодой красивой женщины не нашлось другой работы.

— А зачем ее было искать? — пожала плечами Ларина. — Для жены обер-шпиона и обер-предателя, как называли Бухарина на суде, подыскали вполне подходящую работу. Да и не все ли равно? Если жизнь превращена в большое г..., то в малом не так уж и страшно покопаться!

— Ну зачем вы так? — покачал головой Берия. —

Не к лицу вам так грубо выражаться. — Он помолчал, внимательно разглядывая Ларину. — Скажите, а за что вы так любили Николая Ивановича?

— А за что *вы* его так любили? — вдруг ответила встречным вопросом Ларина.

Берия попросил объяснить, что она имеет в виду. Ларина напомнила, что Ленин называл Бухарина «любимцем партии», следовательно, и Берия, как член партии, должен был его любить. Заметив в ответ, что Ленин писал об этом очень давно, Берия больше не стал вспоминать о Бухарине. Разговор явно не клеился. Нарком попросил принести Лариной бутерброды и фрукты и, пока она ела, спросил:

— А вам в самом деле не хочется жить? Я читал ваше письмо Ежову, где вы пишете об этом. Не надо так себя настраивать: вы еще молоды, у вас ведь вся жизнь впереди! Все еще может измениться...

— Что у меня может измениться? — горько сказала Ларина. — Мужа моего вы убили, ребенка отобрали, меня бросили подыхать в холодный, сырой подвал. То и дело пугают расстрелом... Для чего мне такая жизнь? Уж лучше умереть.

— Умереть нетрудно, — вздохнул Берия. — Насчет подвалов и запугивания расстрелом я распоряжусь... А думать о смерти перестаньте. Повторяю: все еще может измениться. Вот Ежов бы на моем месте давно вас расстрелял.

— А вы разве не расстреляете?

— Посмотрим на ваше поведение, — улыбнулся Берия. — А вам я советую поменьше болтать в камере. Прежде чем откровенничать, надо хорошо знать, кто ваш собеседник! Тем более в вашем положении...

Берия намекал на многочисленные доносы от сокамерниц Лариной о ее «антисоветских» высказываниях. Даже одного из них в иной ситуации могло бы хватить для расстрела.

— Впрочем, — продолжал Берия, — ваши «подружки», конечно, многое и присочиняют от себя. Вот пишут, что вы по заданию Бухарина создали какую-то контрреволюционную организацию молодежи... А вот еще: американский посол Буллит после ареста Бухарина будто бы обещал переправить вас в США. Бред какой-то! И все-таки постарайтесь быть поосторожнее. Я хорошо помню, как принимал вас с отцом на своей даче в Каджорах, и...

— ...и пожелали мне жить «долго и счастливо»? — с иронией подхватила Ларина. — Прекрасное пожелание, жалко только, что оно не сбылось!

— Да будет вам! — махнул рукой Берия. — Давайте-ка лучше поговорим о показаниях против вашего мужа на суде. Вот вы настаиваете, что они были насквозь фальшивыми. А в чем именно?

И Ларина рассказала все, что считала нужным. Берия слушал ее крайне заинтересованно, особенно когда речь зашла о командировке Бухарина в Париж, где он по заданию ЦК вел переговоры с видными меньшевиками-эмигрантами о покупке архива Маркса. Берия, конечно, обдумывал возможность тайно наладить эти контакты с тем, чтобы их могли использовать агенты-нелегалы из особой группы, подчиненной лично наркому внутренних дел. И в дальнейшем это отчасти удалось.

Что же касается сути этой части беседы с Лариной, то Берия (да еще и в присутствии Кобулова, как бы он ему ни доверял!) никак не мог подтвердить ей очевидного: все обвинения против Бухарина были надуманными и лживыми. Он только вскользь заметил, что с врагами, мол, приходится поступать, как с врагами, а они порой «могут наговорить на себя лишнего». Иными словами, он давал Лариной понять, что показания против Бухарина были выбиты пытками.

Ларина позднее вспоминала еще об одном любопытном эпизоде в ее беседе с Берией. Нарком спросил, виделась ли она с кем-нибудь в Москве перед арестом и высылкой, и с интересом посмотрел на нее.

— Да, — ответила Ларина, — один человек не побоялся со мной встретиться. Поэтому я вам его и не назову: не хочу, чтобы вы его преследовали. Ведь он проявил ко мне такое внимание...

— Это вы Николая Созыкина так оберегаете? — усмехнулся Берия и помахал какими-то листками. — Да вот же его донос на вас! Нет, все-таки плохо вы разбираетесь в людях. Вы вот его жалеете, а он вас — нет! Еще раз говорю вам: не болтайте с кем попало, а иначе дело может кончиться вот чем, — и он весьма выразительно приставил палец к своему виску. — Обещайте мне, что впредь будете молчать! Во всяком случае, Бухарина больше ни с кем не обсуждайте, ясно?

Ларина нерешительно кивнула. Она наконец поняла главный смысл их беседы: Сталин хотел расправиться и с ней, а Берия всеми силами стремился не дать для этого ни малейшего повода. Нужно обладать на редкость богатым воображением, чтобы увидеть за таким стремлением что-либо, кроме элементарной человеческой порядочности. И при этом Берия, как мы видим, шел на немалый риск для себя: ведь даже за такой разговор (а о нем рассказывала в мемуарах сама Ларина) Сталин мог бы обвинить Берию в «либеральничанье с отъявленными врагами народа». Рисковал он и позднее, когда несколько раз, по свидетельству самой Лариной, отправлял на ее имя анонимные денежные переводы, чтобы она могла пользоваться тюремным ларьком.

Есть и другие свидетельства такого же рода, но случай с Лариной-Бухариной поражает уровнем об-

щения: нарком внутренних дел, правая рука Сталина — и вдова одного из главных «врагов народа»! Соответственно — повторим еще раз — неизмеримо возрастала и степень риска, на который *сознательно* шел Берия.

В развитие ранее принятых мер по восстановлению законности Берия 9 ноября 39-го года издал приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД». В нем вновь говорилось о необходимости строжайшего соблюдения уголовно-процессуальных норм и выявления всех случаев их нарушения с последующим освобождением незаконно арестованных и осужденных.

Успеху всех шагов, проводимых Берией на своем новом посту, способствовало и то, что с заменой ежовских кадров Берия поставил на ключевые должности хорошо известных ему людей. Так, начальником иностранного отдела, временно возглавлявшегося Судоплатовым, стал В. Г. Деканозов, работавший под началом Берии в Азербайджане и Грузии. Его заместителем Берия назначил опытного чекиста Фитина, а на Судоплатова в той нервной обстановке перетряски кадров наступал кто-то из коллег, и его едва не арестовали. Но Берия вовремя во всем разобрался и поручил Судоплатову ответственнейшее задание, о котором будет сказано немного позже.

В течение 39-го года значение иностранного отдела в структуре НКВД заметно возросло. Это было связано с серьезным обострением международной обстановки, приведшим в сентябре к началу второй мировой войны. Разведки ведущих держав, в том числе и СССР, работали на предельном режиме. Растущая агрессивность Германии, ее явное намерение максимально расширить свою территорию и сферу влияния, естественно, вызывали ответную реакцию в странах, чьи интересы затрагивала или могла за-

тронуть немецкая экспансия. Сталин никогда не скрывал своего стремления также расширить границы СССР. Достаточно взглянуть на политическую карту, чтобы понять: речь могла идти только о расширении в западном направлении. Но в первые послереволюционные годы у Советской России не было на это сил (это показал, в частности, сокрушительный разгром Красной Армии под Варшавой только что сформированными польскими войсками), а когда появились такие силы, практически все государства — соседи СССР — при всех их частных противоречиях — в определенном смысле объединились на антисоветской основе. Вдоль границ СССР, в особенности западных, существовал своего рода фронт (или по советской терминологии — «капиталистическое окружение»).

И вот во второй половине 30-х годов в этом фронте возник раскол. Гитлер и его потенциальные соперники были заняты друг другом, и у Сталина появилась известная свобода действий. По его заданию советская разведка резко активизировала работу в странах и областях, всего два десятилетия назад принадлежавших России. В этой ситуации Берия уделял особое внимание подбору агентуры: он лично проверял биографии и связи зарубежных агентов, но отнюдь не в поисках компромата (это в ту пору стало распространенным явлением), а, напротив — для того, чтобы вывести из-под удара тех, кто мог вызвать подозрения «бдительных товарищей». Одних он перемещал на не столь заметный участок работы, других отправлял в длительный отпуск, не раз объяснял Сталину, что заподозренный в чем-либо агент в действительности ни в чем не виновен.

Среди профессиональных разведчиков, которых Берия спас от ареста или расстрела, были Судоплатов, Серебрянский и многие другие. Не раз помогал

Берия и Науму Эйтингону, — это был, говоря по-нынешнему, суперагент, осуществивший ряд важнейших операций в Китае, США и многих странах Европы. В сталинском понимании у Эйтингона было три важных «минуса»: еврей, родственники за границей, сам долго работает за границей. С точки зрения Берии, все это, а также талант и профессионализм Эйтингона как раз и делали его агентом высочайшего класса. И Берия вплоть до своей гибели спасал Эйтингона в самых разных ситуациях. О какой-либо круговой поруке тут и речи быть не могло: положение Берии было несравненно выше, и, выражаясь по-обывательски, Эйтингон был ему не нужен. А другого превосходного разведчика, Хейфеца, которого накануне своего смещения распорядился арестовать Ежов, Берия отправил в США для организации особо засекреченной разведывательной сети. В дальнейшем Хейфец и его люди сыграли важнейшую роль в проникновении советской разведки в тайны американского атомного проекта.

После того как в ночь на 24 августа 39-го года были подписаны советско-германский пакт о ненападении и сопровождавшие его секретные протоколы, Сталин поручил Берии срочно провести ряд агентурных акций в областях, которые по договоренности с Гитлером должны были отойти к СССР. В Восточной Польше (после оккупации ее советскими войсками и присоединения к СССР эти земли у нас стали именовать Западной Украиной и Западной Белоруссией) действия разведки, а затем НКВД осложнялись тем, что в тех краях действовала сильная германская агентура. Подписание пакта о ненападении мало отразилось на взаимных контрдействиях советской и германской разведок, напротив — в новой ситуации приходилось работать более изошренно, а это получалось не всегда.

Так, например, вскоре после вступления советских войск в Восточную Польшу Берия доложили о трагикомическом эпизоде. Многие рядовые агенты НКВД, переодеваясь в штатское, обували и сапоги — так было принято на соседней Украине. Но в Польше, как и в других странах Европы, в сапогах ходили преимущественно военные. Поэтому и немецкие агенты, и местные украинские националисты без труда распознавали незадачливых чекистов. Посмеявшись, Берия отчитал руководителей украинского и белорусского НКВД (они теперь отвечали за эти новые территории) за примитивные ошибки.

Не совсем понятно, как мог допустить подобный просмотр опытный чекист И. А. Серов, которого Берия поставил во главе НКВД Украины вместо хрущевского выдвиженца Успенского. С Серовым была связана и другая «накладка», случившаяся тогда на присоединенных землях. По указанию Хрущева, возглавлявшего в то время Компартию Украины, Серов арестовал видного лидера украинских националистов, престарелого Кост-Левицкого. Это вызвало взрыв недовольства на Украине, где Кост-Левицкий был весьма популярен. Узнав об этой истории, Берия (с согласия Сталина и Молотова) приказал немедленно освободить старика и отвезти его на родину, во Львов. Возникшая было напряженность была ликвидирована.

Летом 40-го года Берия направил в Черновцы (этот город с прилегающей северной частью Буковины был отобран тогда у Румынии и присоединен к Украине) спецгруппу во главе с капитаном Адамовичем. В эту группу, кстати, входил и чекист Вильям Фишер, которого также спас от ареста (за связь с перебежчиком Орловым-Фельдбиным) Берия. Позднее Фишер стал широко известен под псевдонимом Абель. Группе Адамовича была поручена важ-

ная агентурная работа, но внезапно сам командир группы куда-то исчез. Серов доложил об этом Хрущеву, а тот с перепугу сообщил в Москву. Дело в том, что побег Орлова-Фельдбина не был тогда единственным эпизодом, поэтому чиновники всех рангов боялись измены как огня.

Берия вызвал к себе Судоплатова и потребовал срочно выяснить, куда подевался Адамович. Судоплатов ответил, что, по сообщениям Фишера, Адамович отсутствует всего два-три дня, поэтому пока нет особых причин для беспокойства. В это время раздался телефонный звонок — звонил Хрущев из Киева.

— Что же ты, Лаврентий, — сказал он, — посылаешь ко мне всяких изменников, а мне потом за них отвечать! Ты уж больше не присылай никого, мы тут сами разберемся.

— Никита, — спокойно ответил Берия, — я же не могу заниматься каждой мелочью. Тут вот у меня сотрудник, который может ответить на все твои вопросы, если хочешь.

И он передал трубку Судоплатову. Но Хрущев попросту наорал на молодого чекиста и, не пожелав слушать его объяснений, прервал разговор.

— Ну, и мы с тобой тоже закончим на этом, — сказал Берия. — Даю тебе два дня на все выяснения. Адамович должен быть найден — живой или мертвый. Если жив, немедленно привезти его в Москву.

Но вскоре выяснилось, что Адамович никуда не исчезал и находился... в Москве. Поскольку работа его группы была строго засекречена, ему понадобилось для какого-то сообщения выехать в столицу, чтобы не доверять тайные сведения бумаге или телеграфу. Но на вокзале в Черновцах Адамович сильно напился, ввязался в драку с кем-то и получил сильное сотрясение мозга. Приехав на московскую квартиру, он вызвал врача из поликлиники НКВД, и тот про-

писал ему постельный режим. Когда об этом доложили Берии, он удивленно спросил:

— Но почему же Адамович не сообщил о своем отъезде Фишеру? И почему он не вышел на связь с нами в Москве? Ему, случайно, эти хулиганы память не отшибли? Как он все это объясняет?

— Да никак толком не объясняет, — пожал плечами сотрудник. — По всей видимости, испугался наказания за пьянку и решил прийти в себя, а уж потом доложить. Какие будут распоряжения? Арестовать за разгильдяйство?

— Нет, — покачал головой Берия, — арестовывать не будем. Но из органов таких надо гнать.

Если кто-то из читателей полагает, что увольнение из органов оборачивалось для проштрафившихся арестом или в лучшем случае полуголодной жизнью, то он сильно ошибается. Так, уволенный из НКВД разгильдяй Адамович был назначен заместителем наркома (министра) иностранных дел Узбекистана, а позднее стал и министром. Примечательно, однако, что Берия не стал его арестовывать, хотя оснований для этого — по понятиям тех времен — было предостаточно.

Отметим и другое: Хрущев в подобных ситуациях мгновенно выходил из себя и требовал ареста. Так было и в случае с Адамовичем, которого Хрущев объявил «немецким агентом». Характерен в этом смысле и другой эпизод: Хрущев поручил Серову завербовать известную польскую оперную певицу Бандровску-Турску, оказавшуюся на присоединенной к СССР территории. Но Серов в процессе вербовки еще и завел с полькой роман. В результате она, выехав на гастроли в Румынию, отказалась сотрудничать с НКВД. От группы украинских чекистов, не любивших своего нового шефа, в Москву была направлена анонимка на Серова с обвинениями в срыве важного задания.

Берия вызвал Серова к себе. Как выяснилось, о возможности романа с певицей Серов докладывал Хрущеву, и тот сказал, что, мол, для дела так даже будет лучше. И о неудаче с вербовкой, по словам Серова, было еще рано говорить: Бандровска-Турска могла, опасаясь провокации, до поры до времени сознательно не идти на связь. Серов попросил у Берии разрешения позвонить Хрущеву, чтобы тот подтвердил его слова. Но Хрущев от всего отказался и, потребовав передать трубку Берии, сказал, что тот, если считает нужным, может наказать Серова, а он, Хрущев, просит не впутывать его в «эту грязную историю».

Берия как следует отчитал Серова, но наказывать не стал. Запомним этот эпизод: он важен не только как еще одно свидетельство некрасивого поведения Хрущева. В 53-м году Серов, которого Берия к тому времени считал своей надежной опорой, после недолгого колебания встанет на сторону Хрущева в заговоре против своего начальника. Не зря, видно, горько шутят, что ни одно доброе дело не остается без наказанным.

Отметим, что Хрущев тогда занимал более высокое место, чем Берия, в партийно-государственной иерархии. Он возглавлял Компартию Украины и в 39-м году стал членом Политбюро, в состав которого Берия вошел только через семь лет. Пользуясь своими преимуществами, Хрущев фактически подчинил себе НКВД Украины. Во главе его он поставил Успенского, которого привез с собой из Москвы. Там Успенский возглавлял городское управление НКВД, подчиненное Хрущеву как первому секретарю МК и МГК партии. Вопреки курсу, проводимому в центре, Хрущев не только не прекратил репрессии на Украине, но даже ужесточил их. Успенский беспрекословно арестовывал всех, на кого указывал Хрущев.

Берия каким-то образом удалось добиться согласия Сталина на арест Успенского: это было проще, чем идти на конфликт с Хрущевым, с которым Берия предпочитал сохранять — хотя бы внешне — дружеские отношения. Но Успенский, узнав о предстоящем аресте, скрылся. Испуганный Хрущев был вынужден сообщить об этом в Москву. Но Берия уже узнал о случившемся, он объявил всесоюзный розыск, и вскоре Успенского обнаружили в Омске. На следствии Успенский заявил, что все аресты производились им по личному распоряжению Хрущева, но это не могло ни спасти его, ни повредить Хрущеву: ликвидируя кого-то из своего ближайшего окружения, Сталин, как правило, исходил не из объективных причин, а из собственной прихоти. Кстати, сам Хрущев настаивал на расстреле не только «предателя» Успенского, но и его жены (она помогла мужу организовать побег), что и было сделано.

И тем не менее работа зарубежных резидентур, налаженная Берией после смещения Ежова, в целом продолжалась успешно. В Восточной Польше, а затем и в странах Балтии агентура НКВД обеспечила поддержку прихода Красной Армии некоторой частью населения, сумела нейтрализовать сопротивление националистических и других групп. Присоединение этих и других территорий к СССР накануне Великой Отечественной войны, конечно, было чисто имперским шагом, полностью игнорировавшим волю народов подчиняемых земель. Но предвоенная обстановка диктовала свои условия, которые требовали как можно надежнее укрепить границы. Вряд ли какое-то государство отказалось бы в такой ситуации от возможности отодвинуть свои границы в сторону потенциального противника.

Успешные действия разведки во многом были обусловлены принципиально иным, чем при Ягоде

и Ежове, подходом Берии к подбору основной агентуры. Если до его прихода в кадровой политике преобладал «классовый» принцип и рабоче-крестьянское происхождение обеспечивало достаточно прочный статус, то для Берии главным критерием формирования агентурных кадров был профессионализм и преданность делу. Это, в частности, сыграло важную роль при разведывательных акциях в Прибалтике, где, как не раз говорил Берия своим сотрудникам, столкнулись интересы Германии, Англии и Швеции. А поскольку действия политиков, дипломатов и разведчиков этих стран всегда отличал определенный аристократизм, это требовало и соответствующего ответа.

В начале июня 40-го года, перед оккупацией стран Балтии, Берия направил в Латвию, наиболее сильную из них, Судоплатова и Меркулова, который к тому времени стал первым заместителем начальника управления госбезопасности (контрразведки). Прибыв в Ригу за несколько дней до ввода советских войск, Меркулов и Судоплатов попытались воспользоваться конфликтом внутри правительства Латвии, чтобы поставить во главе его министра иностранных дел В. Мунтерса, который на тот момент устраивал Сталина. Вопрос в принципе был решен, но после ввода советских войск Сталин решил без всяких промежуточных стадий сразу же поставить в странах Балтии просоветские правительства, которые «попросят» принять их в состав СССР. И все же эта операция с Мунтерсом, не давшая прямого результата, дает представление об уровне работы советской разведки тех лет — смена правительственных кабинетов!

Между прочим, среди бериевских сотрудников были и подлинные аристократы по происхождению. К числу наиболее ярких фигур такого рода относился польский князь Януш Радзивилл, арестованный че-

кистами в Восточной Польше в сентябре 39-го года. Когда князя привезли на Лубянку, Берия сразу же распорядился создать ему приличные условия (разумеется, в рамках возможностей внутренней тюрьмы НКВД). В камеру с Радзивиллом посадили полковника польской разведки Станислава Сосновского, который был резидентом в Берлине, но при занятии Красной Армией Восточной Польши также попал в руки НКВД. С обоими поляками вели осторожную «работу», внушая им, что, хотя Польши более не существует, в будущем только ее могучий сосед, СССР, способен помочь возродить ее. Следовательно, настоящие польские патриоты должны сотрудничать с СССР. Однако и Радзивилл, и Сосновский до поры до времени не поддавались ни на какие уговоры.

Тогда Берия решил использовать для вербовки опытного чекиста Петра Зубова. В свое время Зубов должен был сыграть ключевую роль в организации переворота в Югославии, о котором упоминалось выше. Именно Зубов, распознав, что мнимые заговорщики из среды сербских офицеров дурачат советскую разведку, на свой страх и риск прервал с ними контакты. При этом Зубов сохранил для страны значительную сумму (200 тысяч долларов), которую предполагалось передать сербским авантюристам. Но Сталин, не разобравшись в ситуации, приказал Ежову арестовать Зубова. Подручные Ежова жестоко пытали его, требуя, чтобы Зубов «сознался» в предательстве и назвал сообщников, но так ничего и не добились.

Вскоре после смещения Ежова Судоплатов напомнил Берии об обстоятельствах ареста Зубова, пояснив, что он заслуживает не наказания, а награды. Сам Берия познакомился с Зубовым еще в 22-м году. Зубов тогда работал в ВЧК и руководил отделением разведки, занимавшимся грузинскими меньшевиками-эмигрантами и их подпольем в Грузии. Срыв мень-

шевистского восстания в 22-м году и успешное подавление восстания 24-го года в значительной мере были обусловлены тем, что Берия и Зубов тогда обменивались перекрестной информацией, позволявшей контролировать большинство шагов заговорщиков.

Берии не удалось сразу же освободить Зубова, поскольку приказ о его аресте был отдан Сталиным. Но когда встал вопрос о вербовке Радзивилла и Сосновского, Берия решил объяснить Сталину всю ситуацию. Он точно расставил все акценты в истории с сербскими заговорщиками, напомнил, что Зубов, помимо русского и грузинского, свободно говорит на нескольких европейских языках, и заметил, что агента такого уровня грех не использовать по назначению. Сталину явно был не по душе этот разговор, но в конце концов он спросил:

— Ну, и как же ты хотел бы его использовать?

Берия рассказал о Радзивилле и Сосновском, пояснив, что именно такой человек, как Зубов, идеально подходит для их вербовки. И Сталин махнул рукой: делай, мол, как знаешь.

Но когда Судоплатов по поручению Берии собрался ехать в Лефортовскую тюрьму, чтобы забрать Зубова на Лубянку (они прекрасно знали друг друга), начальник следственной части Сергиенко неожиданно отказался оформлять соответствующие документы. Судоплатов сказал, что это приказ Берии, но Сергиенко в ответ заявил:

— Вот пускай нарком лично мне и прикажет. А Зубов, между прочим, арестован за то, что не выполнил прямого приказа товарища Сталина!

Судоплатов пожаловался Берии, и тот вызвал Сергиенко к себе. Обычно Берия разговаривал с подчиненными очень вежливо, причем особую учтивость и такт проявлял в общении с рядовыми сотрудниками: он не раз подчеркивал, что уважение должно

быть взаимным. Но с наглецами и разгильдяями он мог говорить и достаточно резко.

— Ну вот что, Сергиенко, — сухо сказал он, — тебе, говорят, требуется мой личный приказ? Так я тебе приказываю: отправляйся с Судоплатовым в свой кабинет, и если через четверть часа он мне не доложит, что документы на Зубова готовы, сам отправишься на его место! Шагом марш!

Перепуганный чиновник поспешил выполнить приказ. Зубова поочередно подсаживали то к Сосновскому, то к Радзивиллу. И через некоторое время Зубову удалось уговорить поляков сотрудничать с советской разведкой. Это было чрезвычайно важно, поскольку у князя Радзивилла были тогда весьма весомые знакомства в аристократических кругах Запада, а у Сосновского еще сохранялись важные связи в Германии — он был знаком даже с Герингом. После того как стало ясно, что оба поляка уже фактически завербованы, Берия пригласил к себе Радзивилла. Поговорив с князем о том, что интересовало советскую разведку, Берия сказал:

— А в первую очередь, князь, нас интересует высшее германское руководство. Геринг, например...

— Но я почти не знаю его, — развел руками Радзивилл.

— Полно, князь, — улыбнулся Берия. — Он ведь не раз гостил в вашем поместье близ Вильно, вы с ним вместе охотились.

— Откуда вам это известно? — поразился поляк.

— Работа такая, — ответил Берия.

Вскоре Радзивилл был освобожден и при содействии НКВД переправлен в Берлин. Гитлеровцы знали о его аресте, но поскольку об освобождении князя ходатайствовали перед советским правительством видные аристократы Англии, Германии, Италии и прочие, никаких подозрений не возникло. Был окон-

чательно освобожден и Зубов, ставший начальником одного из отделов в аппарате НКВД (Сталин все-таки запретил Берии направлять Зубова за границу).

У кого-то из читателей, возможно, истории, подобные только что рассказанной, вызовут неодобрительную гримасу: вербовка, да еще с подсаживанием одних заключенных к другим! Но это специфика работы *любой* разведки, так сказать, не вполне эстетичная «кухня», которая в итоге дает весьма качественные продукты. Поговорку «Цель оправдывает средства» в свое время осудили, но по своей сути она верна: ведь жизнь то и дело ставит нас перед необходимостью выбора. Иное дело, что некоторые средства недопустимы ни в каком случае, как бы ни были благородны цели, и об этом, конечно, надо помнить.

В сталинскую эпоху, как правило, «принцип» упомянутой поговорки действовал без всяких ограничений. Строительство социализма, «светлого будущего», приказы вождя и партии — вот аргументы, которыми оправдывалось *все*. «Если партия скажет: надо, комсомол ответит: есть» — не так давно весело пела вся страна. И только безумцу могло прийти в голову стать на пути у этого мощного течения. Впрочем, как показала позднее история диссидентского движения в СССР и странах Восточной Европы, даже противостояние общему потоку для некоторых лиц тоже является средством для достижения тех или иных корыстных целей.

Берия не относился ни к безумцам, готовым бросаться под танки, ни тем более к диссидентам брежневско-андроповской поры (настоящим, а не мнимым). Но он не был и простой пешкой, которую, подобно остальным «соратникам», мог по своей прихоти куда угодно передвигать вождь. В предвоенные годы одним из примеров этой непохожести Берии на своих коллег стало так называемое «катынское

дело» — страшное преступление сталинского режима.

Напомним основные факты, ставшие широко известными в последнее время. В сентябре — октябре 39-го года в советском плену оказались десятки тысяч польских солдат и офицеров. Поскольку Польша к тому времени перестала существовать как самостоятельное государство, эти пленные как бы лишились обычных прав, предусмотренных международными конвенциями (впрочем, СССР часто не соблюдал их и в стандартных ситуациях), поэтому, с точки зрения советских властей, с ними можно было делать все что угодно.

Примерно через год с небольшим, когда и Берлину, и Москве стало ясно, что «вечной» советско-германской дружбы не получается и началась обоюдная подготовка к войне, у Сталина возникла мысль использовать пленных поляков в грядущих боях с гитлеровцами. Но в самые первые месяцы их плена вождя все больше и больше раздражала необходимость бессмысленных, по его мнению, затрат на содержание множества «ненужных» пленников, их кормежку и т. д. Отдать их было некому: Польши нет! Просто освободить? Об этом и речи быть не могло: даже где-нибудь на Чукотке Сталину не нужны были десятки тысяч иностранцев, еще вчера живших в свободном мире и способных «испортить» доверчивых чукчей. Оставалось поступить с поляками по «принципу», не раз высказывавшемуся вождем: нет человека (людей) — нет проблемы.

Данные об общем количестве польских солдат и офицеров, попавших осенью 39-го года в советский плен, довольно противоречивы, но, скорее всего, речь идет о цифрах порядка 200—250 тысяч человек. Основную массу «простых» поляков (то есть солдат и только что мобилизованных полуштатских) более или менее быстро растолкали по многочисленным объ-

ектам ГУЛАГа, где они смешались с миллионами других зеков: русских, украинцев, татар... Там им и суждено было умирать, превращаться в инвалидов, а кое-каких «счастливых» через некоторое время отыскивали лагерные канцеляристы, и они влились в польские части, формировавшиеся на советской территории. Примерно так и могла бы решиться проблема, досаждавшая Сталину.

Но помимо рядовых поляков было и несколько десятков тысяч офицеров. Это была своего рода военная элита, армейская аристократия, которую было опасно перемешивать как с отпетыми уголовниками, так и с «врагами народа», способными на любую пакость. И для польских офицеров были наспех оборудованы три отдельных лагеря — в Козельске, Осташкове и Старобельске, соответственно располагавшихся неподалеку от Смоленска, Калинина (ныне Тверь) и Харькова. Лагеря эти, как и все прочие лагеря в СССР, находились в ведении НКВД. Сталин постоянно ждал от этого непривычного контингента заключенных какого-то подвоха: заговоров, побегов, подготовки массовых беспорядков и т. д. Поэтому он то и дело напоминал Берии, что надзор за польскими офицерами должен быть особенно строгим. И нарком внутренних дел подписывал соответствующие секретные директивы. Так, уже 8 октября 39-го года Берия подписал директиву, где, в частности, был такой пункт: «Создание агентурно-осведомительской сети для выявления среди военнопленных контрреволюционных формирований и освещения настроений военнопленных...»

Эта агентурно-осведомительская сеть работала старательно: то и дело в центральный аппарат НКВД поступали доносы, отчеты, докладные записки и т. д., «свидетельствовавшие» о том, что вполне подтверждало подозрения Сталина. Уже в ноябре сту-

качи из Старобельского лагеря донесли, что польские офицеры создали «антисоветскую организацию», и даже уточнили, что, мол, виной этому был лагерный комиссар Киршин, не сумевший наладить среди пленных «культурно-просветительную работу» да еще и «вступивший в преступное сожительство» с какой-то лагерной санитаркой. По доносам сталинской эпохи, подобным этому, социологи будущего могли бы составить идеально точный социальный портрет советского общества: они отражают всю низменность и омерзительность «страстей», бушевавших тогда в душах доведенных до скотского состояния людей.

Берии ничего другого не оставалось, как в ответ на подобные доносы пересылать «provokаторов» в тюрьмы НКВД для ведения следствия. Но Сталина, постоянно справлявшегося о положении в «офицерских» лагерях, это не вполне устраивало. В начале 40-го года он решил, что проще всего будет избавиться от беспокойных пленников совсем. 5 марта на заседании Политбюро Сталин предложил «соратникам» принять соответствующее решение. Никому, конечно, и в голову тогда не могло прийти, что ровно через тринадцать лет (роковое число!) всесильный вождь переселится в мир иной. Никто из присутствовавших на заседании не мог предположить и того, что произойдет спустя несколько мгновений после высказанного Сталиным предложения.

А произошло следующее: Берия невинным тоном осведомился, кто именно будет осуществлять предлагаемую акцию

— Как — кто? — пожал плечами Сталин. — Части НКВД, как обычно.

— А стоит ли вообще это делать? — сказал Берия.

— Что ты хочешь сказать? — нахмурился Сталин. — Не понимаю тебя, Лаврентий, объясни.

— Товарищ Сталин, — решительно сказал Берия, — я уже говорил вам, что события могут повернуться непредсказуемо... Может получиться так, что польские офицеры нам пригодятся. Но даже если и нет, то при чем тут войска НКВД? Речь ведь идет о военных. Может быть, товарищ Ворошилов...

— Если чекисты не хотят этим заниматься, — вмешался Ворошилов, — то красноармейцы с радостью выполнят все, что прикажет партия. Этих поляков не перевоспитать: они нас всегда ненавидели. Лучше уж разом...

— А по-моему, — перебил наркома обороны Жданов, — это все-таки дело НКВД. Как товарищу Берии вообще пришло в голову возражать? Кандидату в члены Политбюро следовало бы держаться поскромнее.

— Ничего, — махнул рукой Ворошилов. — Мы этих полячишек били и будем бить! Как это там поется?.. Ага: «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки!»

— Да, как твоя Конармия била поляков, мы все помним, — хмыкнул Сталин. — Так драпали от Варшавы, что только копыта звенели!

Ворошилов съезжился. Его положение в то время было незавидным: в советско-финской войне, до окончания которой оставались считанные дни, Красная Армия три с лишним месяца не могла разбить войска маленькой Финляндии, понеся при этом огромный урон. В связи с этим Сталин снимет Ворошилова с поста наркома и заменит его маршалом С. К. Тимошенко. А тогда неожиданный спор на заседании Политбюро — явление само по себе уникальное! — завершился тем, что вождь фактически согласился с Берией.

— Ладно, — сказал Сталин, — раз товарищ Ворошилов так рвется в бой, дадим ему пострелять. Надеюсь, что с безоружными поляками его чудо-богаты-

ри справятся лучше, чем с вооруженными финнами.

И в итоге расстрел польских офицеров был осуществлен не войсками НКВД, а частями Красной Армии. Долгое время считалось, что погибло тогда примерно 15 тысяч поляков, но, по последним данным, их число, возможно, доходило до 23—25 тысяч. В апреле 40-го года польских офицеров стали перевозить в Катынский лес, километрах в пятнадцати к западу от Смоленска. Там, неподалеку от санаторного комплекса для сотрудников НКВД, их и расстреляли. И хотя там же находились и более ранние массовые захоронения жертв ВЧК—ОГПУ—НКВД, именно после расстрела поляков было решено посадить над свежими могилами маскировочную рощицу из сосен и березок.

Итак, Берия *впервые* решительно воспротивился воле Сталина. Более того, сразу же после этого заседания Политбюро, принявшего секретное постановление о расстреле поляков, он распорядился негласно развезти по другим лагерям примерно 500—600 польских офицеров и генералов, которые позднее стали ядром новой польской армии. Среди них был и генерал В. Андерс, который вскоре после начала Великой Отечественной войны был освобожден и возглавил формирующуюся польскую армию. Однако большинство польских офицеров было уничтожено, причем расстрелы, как недавно выяснилось, производились не только в Катынском лесу, но и в некоторых других местах.

Но именно Катынскому лесу суждено было стать символом этого страшного злодеяния. Уже в июле 41-го года Смоленск и его окрестности оказались в руках стремительно наступавшей германской армии. И вскоре местные жители рассказали немцам о расстрелах в Катынском лесу и показали замаскированные могилы. Весной 43-го года немцы пригласили в

Смоленск международную экспертную комиссию, в которую входили специалисты из 15 стран (если считать и формально не существовавшую тогда Польшу). Они без труда установили, что в могилах находились трупы польских офицеров, расстрелянных в апреле—мае 40-го года. Палачам Сталина и Ворошилова и в голову тогда не могло прийти, что в соседний с Москвой Смоленск когда-нибудь может нагрянуть международная комиссия. Поэтому на многих трупах сохранились медальоны с фотографиями, часы с дарственными надписями, газетные вырезки и даже личные дневники. Заключение комиссии стали известны всему миру и нанесли огромный удар по международному престижу СССР.

Сталин был вне себя от бешенства. С тех пор он до самой смерти перестал принимать Ворошилова (за редким исключением, когда надо было продемонстрировать пожилого маршала на каком-нибудь публичном приеме-шоу), а Берии сказал:

— Да, Лаврентий, ты был прав: зря мы устроили эту штуку с поляками...

Тем не менее вскоре после того, как Смоленск был отбит у немцев, туда была направлена уже советская комиссия (январь 44-го года). На основе фальсифицированных данных и показаний «очевидцев» она вынесла такое заключение: польские офицеры якобы попали в руки немцев и были ими расстреляны в августе 41-го года. В выводах комиссии многие концы не сходились с концами, но власти Англии и США, поддерживавшие в военные годы союз с СССР, предпочли до поры до времени не разбираться в этой грязной истории. Но вскоре после окончания войны мировая общественность узнала правду. А к концу перестроечного периода и горбачевское руководство нехотя признало вину СССР за уничтожение польских офицеров.

Весьма характерно, что в 53-м году, когда на Берию навесили все возможные преступления, о катынском расстреле и не подумали вспомнить. Почему же? Да потому, что при этом могла выплыть наружу вина... нет, не Берии, а тогдашнего руководства СССР и, конечно, покойного Сталина. А это было ни к чему даже в 56-м году, когда взялись за разоблачение «вождя всех времен и народов».

Впрочем, было бы бессмысленно утверждать, что Берия остался в стороне от *всех* преступлений сталинского режима. Его главное занятие — разведка и контрразведка — было тесно связано с безопасностью страны, и новый нарком внутренних дел, как и во время работы в Грузии, отлично проявил себя в этой должности. И все же работа спецслужб порой подразумевает и дела не совсем чисто плотные — например, тайные убийства, похищения людей, террористическо-диверсионные акции... Избежать этого не в состоянии даже разведки цивилизованных государств (да и не факт, что они к этому очень уж стремятся). А в СССР, с первых же дней существования противопоставившем себя «капиталистическому окружению», никогда не считались с этическими нормами. Выше не раз упоминалось, что и Ленин, и Сталин, и другие советские руководители считали вполне естественным применение тотального террора даже против собственного населения. Так зачем же церемониться с «врагами народа» и агентами капиталистических разведок — как реальными, так и мнимыми?

Из этого же исходил и Берия, действуя против тех, кто считался тогда врагами советской, а следовательно, и *его*, Берии, власти. И надо сказать, с его приходом к руководству НКВД большинство акций внешней разведки — при всей их жестокости и цинизме — осуществлялись профессионально и бе-

зупречно. Правда, по части похищений и убийств советские органы действовали достаточно четко и при Ежове, и раньше. В работах последних лет не раз упоминалось о проведенных за рубежом акциях против белогвардейских генералов, лиц из окружения Троцкого, агентов-перебежчиков и т. д. Многие из этих операций были весьма сложны, включали в себя хитроумные ходы и комбинации.

Так, в сентябре 37-го года в Швейцарии агенты НКВД ликвидировали перебежчика Порецкого, который под фамилией Райсс работал в Европе и незадолго до этого, похитив деньги зарубежной резидентуры, скрылся. НКВД сумело обнаружить Порецкого-Райсса в Лозанне с помощью профессиональной разведчицы Гертруды Шильдбах. Заманив перебежчика в ресторан, она передала его двум агентам-боевикам, которые ловко имитировали вначале дружескую выпивку, затем пьяную потасовку, в ходе которой запихнули свою жертву в автомобиль и, отвезя на глухую окраину города, пристрелили.

Но Ежов, как правило, не слишком вникал в детали подобных операций, перепоручая это своим подчиненным. Берия же, напротив, предпочитал руководить всем лично, внимательно изучал и «сценарий» планируемой акции, и состав «действующих лиц». Он внес в работу зарубежной разведки элемент здоровой авантюры: в операциях стали нередко использовать случайных, ничего не подозревавших лиц, что сбивало с толку контрразведку противника и сводило к минимуму опасность разоблачения настоящих агентов. Нет нужды повторять, что в принципе все это было аморально и цинично. Но в данном случае мы говорим только о профессиональной стороне дела, об умении выйти победителем в поединке, в котором *все* участники заранее отказались от джентльменских правил.

В начале 41-го года Берия мастерски организовал ликвидацию другого агента-перебежчика, Вальтера Кривицкого. Он возглавлял советскую военную разведку в Западной Европе (то есть формально был подчинен не НКВД, а разведывательному управлению Красной Армии) и осенью 37-го года скрылся из Франции вместе с женой, также профессиональной разведчицей А. Порфирьевой. И если многие из перебежчиков предпочитали отстраниться от прежнего рода деятельности, то Кривицкий сотрудничал со спецслужбами Англии и США, выдав им более ста фамилий советских агентов в различных странах. После того как Кривицкий был обнаружен в одной из гостиниц Вашингтона, Берия распорядился убить его, имитировав самоубийство, что и было сделано 10 февраля 41-го года.

Несомненно, основной операцией советской внешней разведки в предвоенные годы — и по масштабам, и по важности — была охота, устроенная за Троцким и закончившаяся его убийством. Сталин придавал этой операции первоочередное значение, но и объективно Троцкий был главным идеологическим противником созданной в СССР системы. В рамках понятий наших дней безжалостное уничтожение Троцкого вполне справедливо квалифицируется как международный терроризм и откровенный разбой. Но в условиях приближавшейся (а затем и начавшейся) мировой войны действовали иные понятия и правила. Имя Троцкого, слова «троцкизм», «троцкисты» вызвали вполне искреннюю ненависть у миллионов советских людей, а газетные сообщения о гибели главного сталинского врага вызвали не менее искреннюю радость. А сколько молодых людей в те дни сокрушалось, что кому-то другому, а не им довелось осуществить справедливое возмездие! И ведь они с радостью взялись бы за это дело, если бы им поручили.

Добровольно! Таковы были реалии времени, в котором относительно недавно жило наше общество.

Для Берии же — в силу его должности — Троцкий был не просто абстрактным злодеем, а непримиримым врагом, борьба с которым должна была вестись не на жизнь, а на смерть. Сразу же после перевода Берии в Москву на пост первого заместителя Ежова Сталин сказал ему, что уничтожение Троцкого — задача номер один. Охота на него к тому времени уже началась, но пока не приносила ощутимых результатов. Обстоятельства сложились так, что Берии пришлось значительно обновить «команду», занимавшуюся выслеживанием Троцкого и близких к нему людей.

Прежде всего это было связано с тем, что резидент НКВД в Испании Фельдбин-Орлов, ценившийся Ежовым как один из лучших разведчиков, почти одновременно с переводом Берии в Москву, в июле 38-го года, неожиданно куда-то исчез. Он не выходил на связь, а спустя несколько месяцев, в начале ноября, Берия вызвал к себе Судоплатова и, поговорив о текущих делах, вдруг сказал:

— Да, и вот еще что: передайте всем, чтобы Орлова больше не искали.

— Убит? — невольно вырвалось у Судоплатова.

— Как же, убит! — усмехнулся Берия. — Живехонек! Он уже в Америке. Прислал оттуда письмо Сталину и Ежову, что мы будто бы собирались его арестовать, вот он и сбежал, чтобы спасти свою жизнь. Обещает иностранцам не помогать, никого из наших не выдавать. Но грозит: если обнаружит, что мы его ищем, сразу выдаст все, что знает. И даже насчет испанского золота...

История с испанским золотом началась еще до назначения Берии заместителем Ежова. Сразу же после того, как в Испании в июле 36-го года вспыхнула

гражданская война, республиканское правительство обратилось к СССР с просьбой принять на временное хранение часть золотого запаса страны. Речь шла о полумиллиарде долларов с небольшим. Золото было морем доставлено в Одессу, а оттуда в Москву. В дальнейшем через Францию в СССР были вывезены и другие испанские ценности. Все они так и остались в нашей стране, и только уже при Брежневe испанцам отчасти компенсировали эту потерю поставками нефти по минимальным ценам.

Конечно, если бы история с испанским золотом стала известна тогда, в конце 30-х годов, это нанесло бы огромный ущерб престижу СССР. Ведь советская пропаганда уверяла, что СССР помогает испанским республиканцам совершенно бескорыстно. Много вреда могло бы нанести и раскрытие Фельдбиным-Орловым агентурной сети советской внешней разведки. Поэтому Сталин распорядился не преследовать его, надеясь, что и перебежчик будет соблюдать это «джентльменское соглашение». Орлов действительно не раскрыл никаких тайн и в своих мемуарах писал только об очевидных преступлениях сталинского режима. Но в ситуации с подготовкой убийства Троцкого это уже ничего не могло изменить: очень многое Берии пришлось создавать заново, поскольку до этого все нити готовившейся операции находились в руках Орлова.

Пока шла гражданская война в Испании, эта страна оставалась своего рода перевалочной базой для советских разведчиков, охотившихся за Троцким. Но к концу 38-го года стало очевидно, что республиканское правительство вскоре лишится своих последних опорных точек. Это означало, что режим работы советской разведки в Испании вот-вот придется резко изменить, проще говоря, свернуть эту работу до минимума. Следовательно, и основные оперативные дей-

ствия предстояло перенести непосредственно в Мексику, где находился Троцкий. Общий язык и традиции позволяли разведчикам-«испанцам» без особых сложностей прижиться и в Мексике. Но в то же время осложнялась и связь с центром. Словом, проблем было немало.

В марте 39-го года, за считанные дни до падения республиканского правительства в Испании, Сталин вызвал к себе Берия и Судоплатова. Берия после своего назначения наркомом менял не только ежовскую агентуру за рубежом, но и отчасти центральный аппарат. Он предложил Сталину поставить во главе внешней (сам вождь предпочитал по старинке именовать ее закордонной) разведки НКВД Судоплатова, которому тогда было всего 32 года. Поскольку операция по ликвидации Троцкого вступала в завершающий этап, Сталин пожелал лично взглянуть на молодого бериевского выдвиженца и, похоже, остался доволен.

На этой встрече Берия отчитался перед Сталиным об основных зарубежных операциях разведки, рассказал и о подготовке убийства Троцкого. Зная, какое значение придает этому Сталин, Берия намекнул, что троцкистское движение может привлечь в свои ряды многих представителей левых сил, включая и коммунистов, как уже показали события в Испании.

— Поэтому, — продолжал он, — ликвидация Троцкого приобретает...

— Никакого «троцкистского движения» нет! — резко оборвал его Сталин. — Это не движение, а шайка бандитов. И ни одной мало-мальски заметной политической фигуры среди них тоже нет. Кроме самого Троцкого, конечно... Как только НКВД покончит с Троцким, рухнет и все это «движение»! Ежовские кадры не смогли этого сделать, и теперь вся надежда на новое руководство наркомата.

Берия молчал. Он отлично понимал, что Сталин разыгрывает небольшой спектакль для Судоплатова: пусть, мол, «юноша» поймет, в чем его главная задача. А с Берией вопрос о Троцком Сталин обсуждал уже не раз. Тем не менее вождь с нарочито суровым видом продолжал:

— Старика, то есть Троцкого, необходимо ликвидировать в течение года. Вот-вот грянет большая война. Немцы со дня на день захватят всю Чехословакию, но на этом не остановятся. Могут двинуться на Францию, а могут и на Польшу. А после Польши мы окажемся с ними с глазу на глаз... Что дальше? Какую позицию займет Англия? Америка? Нам необходимо, чтобы коммунисты по всему миру в случае нападения на СССР немцев или японцев поддержали нас, а не расплылись на какие-то там «движения»! А такая опасность есть и будет сохраняться, пока жив Троцкий.

Походив по кабинету, Сталин подошел вплотную к Судоплатову и, пристально глядя ему в глаза, спросил:

— Вы готовы умереть за Родину?

— Так точно, товарищ Сталин! — отчеканил Судоплатов и, вдохнув побольше воздуха, добавил: — Но только после выполнения задания.

— Вот, Лаврентий, учись у молодежи! — обернулся Сталин к Берии. — Выполнить задание любой ценой, даже ценой жизни. Молодец! Ладно, утверждаю его твоим замом по закордонной разведке и пускай лично возглавляет операцию в Мексике. А если акция пройдет успешно, мы наших разведчиков не обидим. Погибнут — семьям поможем.

Видимо, не очень обрадованный такой перспективой, Судоплатов сказал, что не знает испанского языка и поэтому просит включить в мексиканскую группу боевиков, участвовавших в гражданской войне в Испании.

— Привлекайте кого хотите, — ответил Сталин. — Но при одном условии: предельная секретность. Доставим вам нужных людей хоть с Северного полюса, но до последнего момента знать об операции должны только вы и товарищ Берия. Ясно?

Вернувшись на Лубянку, Берия обсудил с Судоплатовым последние детали операции. Поговорили и о возможных кандидатурах для мексиканской группы. Во главе ее, как и всей нелегальной резидентуры в США и Мексике, Судоплатов предложил поставить Эйтингона, которого он хорошо знал. Берия согласился. Это в каком-то смысле спасло Эйтингона, так как он, вернувшись буквально за несколько дней до этого из Франции, обнаружил, что оперативный отдел НКВД ведет за ним слежку.

— Болваны! — сказал Берия Судоплатову, когда узнал об этом. — Даже следить толком не умеют. А ведь лучше Эйтингона наших «испанцев» никто не знает. Кому же руководить ими в Мексике, как не ему?

Берия, разумеется, понимал, что усиленная слежка ведется не только за Эйтингоном, но и за всеми, кто возвращался из-за рубежа. Бдительность и сверхсекретность, необходимые для работы разведки, он никогда не подменял тотальной подозрительностью, воцарившейся в НКВД (да во многом и по всей стране) при Ягоде и особенно при Ежове. В те годы многие разведчики-профессионалы по возвращении в СССР были арестованы, некоторым из-за угрозы ареста пришлось скрываться на Западе (как, например, Фельдбину-Орлову), но при Берии репрессии почти прекратились. Только в тех случаях, когда команда на арест поступала от Сталина, новый нарком не мог ничего сделать.

Итак, операция «Утка» (так была названа акция по устранению Троцкого) вступила в решающую фазу. Почти все агенты, которых при желании мог бы ра-

зоблачить Орлов, были сменены. Среди них, кстати, была и разведчица Мария де Лас Эрас, подбравшаяся к Троцкому наиболее близко и несколько лет работавшая одной из его секретарш. В 70-е годы в СССР вышел и был очень популярен кинофильм «Салют, Мария», созданный на основе ее биографии. Имя Троцкого в нем, разумеется, вообще не упоминалось: его вплоть до горбачевских времен старались избегать даже в негативном контексте. Советская мифология предполагала не только создание дутых фигур, но и изъятие из массового сознания ярких личностей, способных вызвать «нездоровый» интерес. Так позднее произошло и с именем Берии.

В Мексику постепенно были стянуты агенты, имеющие длительный опыт зарубежной работы, или иностранцы по происхождению. Среди последних, естественно, предпочитались испанцы или латиноамериканцы. С согласия Берии Эйтингон сформировал из них две основных группы. Одну из них, условно названную «Конь», возглавил сорокалетний мексиканский художник Давид Сикейрос, впоследствии ставший всемирно знаменитым. Коммунист Сикейрос был завербован НКВД во время гражданской войны в Испании. В отличие от многих агентов-иностранцев, которых НКВД шантажировало или подкупало, Сикейрос помогал родине социализма вполне искренне и добровольно. Руководство другой группой («Мать») было поручено испанской аристократке Каридад Меркадер, которая в гражданской войне воевала в анархистском отряде на стороне республиканцев и также была завербована чекистами. Эйтингон (еще при Ежове) завербовал и сына Каридад, Рамона, а в начале лета 38-го года увез их обоих с собой в Париж: оставаться в Испании становилось все опаснее.

При переброске советских агентов из Испании, Франции и других европейских стран в Мексику воз-

никли — наряду с другими — и материальные сложности. По самым минимальным расчетам, для переброски и закрепления групп на местах, требовалось примерно триста тысяч долларов. Переправлять такую сумму из СССР через всю Европу (а потом еще и в Америку) было довольно рискованно. Эйтингон предложил Берии получить значительную часть этой суммы от своих состоятельных родственников в США, разбогатевших на торговле пушниной.

— А может быть, попробуем выйти на Орлова, — задумчиво сказал Берия. — Мы встречались с ним в Грузии году в 21-м, он тогда командовал партизанским отрядом. Что, если вы передадите ему от меня привет — с глазу на глаз, конечно, — напомните, что мы не преследуем ни его, ни его родных здесь? Пускай хоть немного поможет, раз уж так навредил нам.

— Опасно, Лаврентий Павлович, — с сомнением сказал Эйтингон. — Пока что он молчит и, даст Бог, будет молчать. А если начнем донимать его разными просьбами... Как говорится, не буди лихо, пока оно тихо.

— Да, — согласился Берия, — пожалуй, и впрямь опасно. Что ж, попробуйте обратиться к своим родственникам. Возможно, и мне удастся кое-что предпринять по линии родни. Ведь в Париже живет дядя моей жены, Евгений Гегечкори. При меньшевиках он был министром иностранных дел Грузии.

И Берия действительно попытался завязать контакты и с Е. Гегечкори, и с другими членами так называемого правительства Грузии в изгнании, обосновавшегося в Париже. Из этого в конечном счете ничего не получилось, но зато в 53-м году Берии это припомнили. И к длинному ряду обвинений против него присоединилась и «попытка наладить связь с империалистическими разведками через своих родственников, находящихся в эмиграции».

Наконец необходимые средства были добыты, и все агенты, утвержденные Берией для операции «Утка» (часть их подобрал он сам), съехались в Мексику. Непосредственный ход операции многократно освещался в литературе, в особенности в последнее время. Напомним ее основные детали. В апреле 40-го года в помощь группам «Конь» и «Мать» была создана еще одна, резервная. Во главе ее встал молодой профессиональный разведчик И. Григулевич, отец которого был владельцем крупной аптеки в Аргентине. (Между прочим, впоследствии Григулевич стал известным историком-латиноамериканистом, автором многих книг, получил звание члена-корреспондента Академии наук.) И уже 23 мая группа Сикейроса при поддержке Григулевича (будущий историк сумел подружиться с телохранителем Троцкого, и тот открыл ему ворота хорошо охраняемой виллы) совершила дерзкий налет на дом Троцкого. По его комнате несколько боевиков вели огонь из автоматов, но Троцкий и его жена чудом успели скатиться под кровать и остались невредимы.

Берия узнал об этом неудачном покушении... из сообщения по радио: шифровка, отправленная Эйтингоном через Нью-Йорк и Париж, задержалась в пути. Немедленно вызвав к себе на дачу Судоплатова, Берия устроил ему разнос. А спустя еще пару дней через Париж поступил небольшой отчет от Эйтингона. Он сообщал, что Троцкий уцелел совершенно случайно, и предлагал поручить его убийство Рамону Меркадери, сумевшему завести роман с Сильвией Агелоф, секретаршей будущей жертвы. Этот вариант Берии пришлось утверждать у Сталина, поскольку тот очень ценил информацию, приходившую из ближайшего окружения Троцкого. Меркадера, ставшего после знакомства с Сильвией основным источником такой информации, в случае покушения, естественно,

невозможно было бы далее использовать (даже если бы ему удалось остаться в живых). Сталин, считавший главной задачей ликвидацию Троцкого, дал согласие на новый поворот операции.

20 августа 1940 года Рамон Меркадер, проникнув на виллу Троцкого, смертельно ранил его небольшим альпинистским ледорубом, незаметно для охраны пронесенным под плащом. Спустя сутки Троцкий умер в больнице. Меркадер был тут же арестован и, согласно приговору, провел двадцать лет в мексиканской тюрьме. После этого Меркадер жил в Москве, последние годы — на Кубе, где и умер в 78-м году.

Убийство Троцкого — если, конечно, оценивать его не с моральной, а с оперативно-технической стороны, — стало одним из главных успехов Берии на посту руководителя разведки. Между тем надвигавшаяся с Запада война уже ставила перед ним и его ведомством новые задачи.

Глава 4

ЗРИМЫЙ И НЕЗРИМЫЙ ФРОНТЫ

О тревожной весне и начале лета 41-го года написано столько книг (научных и художественных), поставлено столько кинофильмов и спектаклей, что, кажется, рассказать об этом периоде нашей истории что-то новое просто невозможно. Большинство наших соотечественников хорошо усвоили главные положения этого потока информации, включая и противоречивые точки зрения, поэтому даже споры на эти темы лишены смысла: ведь каждая из сторон (например, сталинисты и антисталинисты) заранее знает все контраргументы своих оппонентов.

И тем не менее многое из того, что связано с Великой Отечественной войной и ее предысторией, мы все еще представляем довольно смутно. Стереотипы настолько утвердились в нашем сознании, что даже принципиально новые данные мы, как правило, истолковываем по старым меркам. Сталинистов ничто не может переубедить в том, что Сталин был величайшим стратегом и полководцем, только благодаря гению которого СССР в конечном счете и выиграл войну. А их оппоненты и слышать не хотят об определенных заслугах Сталина (а тем более — Берии!): они убеждены, что

именно «великий стратег» виновен в провальном для СССР начале войны.

Между тем истина и многограннее, и противоречивее этих крайних точек зрения. Сталина можно (и должно!) обвинять во многом, однако ни глупцом, ни самоубийцей он несомненно не был. Все его действия — в том числе и в период войны — были направлены на предельное упрочение собственной власти и, следовательно, на укрепление могущества советской империи. И его поведение, его поступки в последние месяцы перед войной и в ее начале диктовались именно этим. Иное дело, что мышление у Сталина было далеко не «компьютерным», как выразились бы сегодня: учитывая одни обстоятельства, он нередко упускал из виду другие.

Поясню эту мысль, стараясь не повторять доводы, уже ставшие банальными. Не так давно стало достоянием гласности выступление Сталина в Кремле на банкете для выпускников военных академий 5 мая 1941 года. Сталин тогда, в частности, сказал:

— Теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом... Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная.

Естественно, поклонников Сталина публикация этого выступления обрадовала: ведь эти слова вождя как бы подтверждали, что он «не дремал», был в постоянной готовности и, стало быть, не мог прозевать нападение Германии. Но с другой стороны, это говорило и о неосмотрительности Сталина. Реально наступать в мае 41-го года Красная Армия могла толь-

ко против Германии или Японии, с каждой из которых, между прочим, СССР связывали пакты о ненападении. Германская разведка, как известно, работала великолепно, и конечно же о выступлении Сталина через считанные дни (а возможно, и часы) стало известно в Берлине. И это — как и попытка СССР включить в сферу своего влияния Югославию, о чем будет сказано подробнее чуть позже, — окончательно утвердило Гитлера в его решении напасть на СССР еще до завершения войны с Англией.

Но если об ответственности Сталина за неудачи в начале войны споры не прекращаются до сих пор, то по поводу будто бы отрицательной роли Берии в этих неудачах мнения едины. Разница лишь в том, что, по мнению одних, Берия заодно со Сталиным не верил в возможность германского нападения. Другие же полагают, что Берия, получавший от зарубежной агентуры сведения о приближении войны, сознательно не давал этой информации хода, чтобы не навлекать на себя гнева Сталина.

В действительности все обстояло совершенно иначе. Берия самым внимательным образом анализировал тревожные сообщения, поступающие от разных информаторов. Но дело в том, что эти сообщения были отнюдь не так однозначны, как принято считать. Еще в ноябре—декабре 40-го года Москва получила первые сведения о подготовке фашистами нападения на СССР. Поначалу эти сведения носили отрывочный характер, по ним трудно было определить силу намечавшегося удара, а сроки колебались в районе весны—лета 41-го года. Начиная с января число тревожных сообщений от советских разведчиков стало расти, но ясности в них так и не появилось.

Исследователи порой ссылаются на то, что еще в конце июня 40-го года Сталин получил секретное письмо от Черчилля, в котором английский премьер-

министр предупреждал: после разгрома Франции Германия направит свою агрессию на Восток. Но ведь это было чисто умозрительным заключением Черчилля! Вплоть до ноябрьского визита Молотова в Берлин Гитлер всерьез рассчитывал использовать материальные и людские ресурсы СССР для того, чтобы добить Англию. Сталин также был не прочь расширить советскую сферу влияния и включить в нее Балканы (или хотя бы их часть), черноморские проливы, Иран, возможно, и другие территории. Советско-германские отношения в тот период выглядели настолько прочными, что Сталин даже проинформировал Гитлера о предупреждениях Черчилля (их было несколько), придавая этой откровенности символическое значение: вот, мол, Черчилль старается поссорить нас, но я, Сталин, не поддамся на эту уловку!

Не остался секретом для советского руководства и план «Барбаросса». Он был окончательно утвержден 18 декабря 1940 года, а уже в январе Берия получил полный текст плана от зарубежной агентуры и тут же ознакомил с ним Сталина. К сожалению, и это не изменило настроения Сталина. Он повторил Берии то, что говорил уже не раз:

— Я и без этого плана знаю, что Гитлер рано или поздно нападет на нас. Вот если бы кто-то точно сказал мне, *насколько* рано...

СССР, разумеется, тоже готовился к войне. Как известно, Сталин старался сделать эту подготовку как можно менее заметной, чтобы не спровоцировать Гитлера поторопиться с нападением, но это не меняет сути дела. Данные о росте продукции советской военной промышленности в предвоенные годы и месяцы хорошо известны, и они весьма впечатляющи. А когда по каналам разведки к Берии стала поступать информация о том, что в германской армии участи-

лись оперативно-стратегические учения, характер которых явно говорил о подготовке к большой войне, Сталин пошел на беспрецедентный шаг. Он распорядился организовать для германского военного атташе в Москве ознакомительную «экскурсию» по новым военным заводам в восточных районах СССР. Эта поездка состоялась в начале апреля. Военному атташе показали все новейшие танки, орудия и самолеты (естественно, в такой форме, которая не позволяла усвоить суть технологических секретов), довольно правдиво отвечали на его вопросы об объемах производства. Агенты Берии, внимательно следившие за поведением дипломата, сообщали, что увиденное произвело на него огромное впечатление.

Трудно сказать, чего больше принесла СССР эта акция — пользы или вреда. По замыслу Сталина (и, возможно, Берии) Гитлер, получив отчет своего военного атташе, должен был приостановить подготовку к нападению на СССР и как минимум отодвинуть его сроки. Но ведь могло получиться и наоборот: сообразив, что при подобном развитии дел шансы Германии на успех будут таять с каждым днем, Гитлер мог приказать предельно форсировать подготовку нападения.

Отступление вообще не в характере диктаторов. Конечно, и Гитлер, и Сталин думали только о наступлении. Но первый из них находился в ту пору на гребне успеха и стремился, не теряя темпа, развить его. А Сталин после потрясения, вызванного безусловно «провальной» финской войной (несмотря на формальную победу СССР), не мог не проявлять предельной осторожности. Ведь просчеты в предстоящем поединке с германской армией принесли бы куда более катастрофические результаты, чем многодневное топтание у мощных линий финской обороны. Но Сталин никогда не упускал возможности сделать шаг на-

ступательного характера, если он не грозил особым риском. Именно этим и объяснялся спектакль с «экскурсией» для германского военного атташе.

А вот действия Сталина в отношении Югославии были уже сродни самому настоящему наступлению. В феврале 41-го года (возможно, несколько раньше) он поручил Берии организовать в Югославии государственный переворот, который должен был привести к смене прогерманского правительства промосковским. Берия немедленно предпринял целый ряд сложных акций, конечной целью которых был переворот. Агенты НКВД, внедренные в аппарат Наркомата иностранных дел, завербовали посла Югославии в СССР Гавриловича, который, впрочем, работал и на английскую разведку. На полную мощь заработала и советская агентура в Югославии, на укрепление которой были спешно направлены дополнительные силы, в том числе генерал-майор Мильштейн, заместитель начальника военной разведки. Берия послал в Белград одного из своих лучших агентов Алахвердова. И успех, как казалось, был полным: 27 марта прогерманское правительство Югославии было свергнуто.

Однако почти сразу же после этого Берия получил сообщения, что по всему периметру югославской границы (Югославия граничила в то время с Италией, Германией, Венгрией, Румынией и Болгарией) к ней выдвигаются германские войска. Берия немедленно доложил об этом Сталину. Представители нового югославского правительства были срочно приглашены в Москву, где 5 апреля был подписан советско-югославский договор о дружбе и ненападении. Сталин был убежден, что эта демонстративная акция остановит немцев.

Но получилось иначе: буквально на следующее утро германские дивизии с разных сторон вторглись в

Югославию. В результате советскому руководству осталось только наблюдать, как отборные части вермахта расправляются со слабой югославской армией. Через две недели все было кончено: немецкие войска оккупировали Югославию (а заодно и Грецию). И тем не менее свою задачу (переворот) ведомство Берии выполнило отлично, а конечную неудачу следует отнести на счет политиков и дипломатов, не сумевших проявить той же активности и изобретательности, что и разведка.

Очевидный проигрыш «югославской партии» в очередной раз напомнил Сталину о необходимости соблюдать крайнюю осторожность. Но с другой стороны, этот эпизод стал и подтверждением твердой решимости Гитлера ни в чем не уступать своих позиций. Оставалось только разгадать, касается ли это лишь *уже завоеванных* позиций или и намеченных тоже. И найти эту разгадку предстояло Берии.

Но, судя по всему, к тому моменту у Берии уже было решение: война с Германией начнется в ближайшее время и к ней надо срочно готовиться. 18 апреля, когда югославская армия из последних сил еще продолжала сопротивление, Берия распорядился направить всем зарубежным резидентурам кодированную директиву — впредь вести связь и прочие действия по режиму *военного времени*. Такую же директиву отправила своей агентуре и военная разведка.

Примерно тогда же, в середине апреля, работа зарубежной разведки по приказу Берии вообще была резко активизирована. Особое внимание при этом уделялось Швейцарии: Берия решил превратить ее в своего рода базовый центр всей европейской резидентуры. В условиях практически полного диктата фашистской Германии в континентальной Европе, конечно, и в нейтральной Швейцарии не было гарантий от провалов. Но все же традиционный статус этой

страны, ее географическое положение (самый центр Европы!) вполне оправдывали выбор Берии. Связь с агентами во Франции, Германии, Италии, Бельгии и других странах во многом стала осуществляться не напрямую из Москвы, а через швейцарский центр. Это повысило степень безопасности, а незначительные потери во времени вскоре были сведены на нет благодаря быстро отлаженным новым каналам связи.

Параллельно был проведен ряд других мер, никак не вписывавшихся в традиционную версию, согласно которой Сталин и Берия искусственно сдерживали подготовку страны к оборонительной (а возможно, и наступательной) войне, так как опасались спровоцировать германскую агрессию. По приказу Берии разрабатывались варианты создания на территории СССР национальных воинских формирований (польских, чешских и пр.) для будущих действий против Германии. А вскоре после нападения Германии на Югославию Сталин приказал передислоцировать из Сибири крупные воинские соединения в районы у западных границ СССР. Эти переброски осуществлялись с середины апреля в течение двух месяцев с соблюдением правил строжайшей конспирации. Еще активнее стала вестись работа с русскими и другими эмигрантскими группами в Европе: Сталин и Берия намеревались в случае начала войны использовать эмигрантов в агентурных акциях разведки.

Вместе с тем Сталин продолжал верить, что на все эти подготовительные меры у него есть еще год или около того. В ряде донесений разведчиков, о которых немедленно докладывали Сталину, говорилось, что германское нападение намечено на конец мая, на начало июня, на середину июня, несколько раз фигурировала даже дата — 15 июня. В хорошо известном заявлении ТАСС от 14 июня Сталин (текст заявления он продиктовал сам) хотел дать понять Гитле-

ру, что сведения о подготовке германского нападения у него есть, но он, Сталин, считает их провокацией. Предполагалось, что по реакции официальных немецких газет (а может быть, и германских руководителей) удастся хоть немного прояснить реальные намерения Германии. Но в Берлине как бы «не заметили» заявления ТАСС: никакой реакции на него не последовало вообще.

Поздно вечером 15 июня Берия попросил Сталина принять его. Когда он вошел в кабинет, Сталин спросил:

— Ну, что там немцы? Так и молчат?

— Молчат, товарищ Сталин, — подтвердил Берия.

— Вот видишь! А пятнадцатое июня, между прочим, прошло. Какие теперь сроки придумают твои аферисты? Нельзя же дергаться из-за каждой провокации!

— Но и не докладывать о таких важных сведениях они не имеют права, — возразил Берия. — А анализировать и принимать решения — это уже наше дело. Вот, кстати, — он положил на стол перед Сталиным листок бумаги, — только что расшифровали радиogramму. Это из Японии, от...

— Да знаю, знаю, — отмахнулся Сталин. — Сидит там на миллионах, а толку — пшик!

Он взглянул на листок. В сообщении от Зорге действительно указывалась новая дата германского нападения — 22 июня. Сталин хмыкнул и написал прямо по тексту наискосок: «немецкая дезинформация».

Но уже на следующий день Берия снова попросился на прием. На этот раз он принес докладную записку от Фитина, начальника 1-го управления НКГБ. В записке говорилось о новых тревожных донесениях из-за рубежа, в частности о сообщении от информатора, работавшего в штабе ВВС Германии. Он называл ту же

дату — 22 июня. Записка завершалась выводом Фитина: «Все говорит о том, что подготовка вооруженного выступления против СССР полностью закончена и удар можно ожидать в любое время».

— Лаврентий, тебе еще это не надоело? — спросил Сталин, берясь за карандаш и начиная писать. — На вот, отдай Меркулову.

Берия взял фитинский доклад, попрощался и вышел из кабинета. За дверью он остановился и взглянул на резолюцию Сталина. Она гласила: «Т-щу Меркулову. А не послать ли вам этот «источник» из штаба герм. авиации к е..ной матери? Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.». Вздохнув, Берия спустился в вестибюль, вышел на кремлевский двор, сел в свою машину и поехал на Лубянку — «обрадовать» Меркулова.

Итак, разведка в предвоенный период делала свое дело честно и вполне достойно. Это же касается и действий Берии, Меркулова и других руководителей разведки. Через день после того, как Сталин послал сведения о готовящемся германском нападении «к е..ной матери», Берия получил срочное сообщение от Зои Рыбкиной (Воскресенской). Разведчица, побывавшая на коктейле в немецком посольстве в Москве, заметила, что со стен исчезли наиболее ценные украшения и картины. Побродив по посольству, Рыбкина обнаружила и другое: кое-где явно паковали вещи для отъезда. Стало ясно, что нападение Германии — вопрос ближайших дней.

За эти оставшиеся дни Берия начал создавать особую спецгруппу разведчиков-диверсантов во главе с П. Судоплатовым. Группа должна была действовать по двум направлениям. Опасаясь, что гитлеровцы в поисках предлога для начала войны устроят пограничную провокацию, как это было перед нападением на Польшу, Берия приказал Судоплатову держать груп-

пу в постоянной готовности. Разведчиков предполагалось спешно перебросить в район возможной провокации, чтобы сорвать ее. Кроме того, планировалась заброска этой спецгруппы в ближний германский тыл для диверсий против армейских складов снабжения, прежде всего с танковым горючим. Формирование спецгруппы шло стремительно, оно должно было завершиться к 29—30 июня...

К сожалению, мощи и масштабов первого германского удара, начавшегося на рассвете 22 июня, не мог представить даже Берия. Не размениваясь на какие-либо провокации, немцы обрушили стремительный и страшный по силе удар не только на пограничные части, но и на тылы Красной Армии. В первый же день войны было уничтожено 1,2 тысячи советских самолетов, несколько сот танков, множество армейских складов. И только силы Балтийского и Черноморского флотов практически не понесли потерь: по приказу наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова они были заранее приведены в состояние повышенной боеготовности.

Конечно, разведку можно было бы обвинить в том, что она не смогла определить всех деталей стратегических намерений Германии. Однако следует учитывать, что и германская контрразведка действовала отлично, постоянно проводя отвлекающие, ложные акции. Этим, кстати, объяснялась и чрезмерная осторожность (но никак не беспечность!) Сталина, который опасался, что Гитлер его перехитрит, и в итоге все же оказался обманутым. Берия действовал несравненно активнее и решительнее (во многом рискуя при этом нарваться на скандал, вызвать гнев вождя), но все-таки позиция Сталина в значительной мере влияла и на него, не говоря уже о Голикове, начальнике Главного разведывательного управления (военной разведки).

Говоря о тех или иных неудачах советских войск в ходе войны — в особенности на ее начальном этапе, необходимо признать, что Красная Армия, в конечном счете одержавшая победу, далеко не во всем проявила себя той «несокрушимой и легендарной», как мы, большинство из нас, привыкли ее представлять. Не так давно у нас наконец были опубликованы, например, данные об успехах лучших германских летчиков в годы второй мировой войны. Они вызвали подлинное потрясение: ведь нас долго уверяли, что лучше наших асов Кожедуба и Покрышкина, которые сбили соответственно 62 и 59 самолетов противника, никого и быть не может. Но, как выяснилось, немец Эрих Хартман сбил 352 самолета, кроме того, еще 33 немецких летчика сбили более 150 самолетов каждый. Кожедуб и Покрышкин заняли бы в этом списке место в конце второй сотни!

Мы также привыкли считать, что на СССР были брошены едва ли не все силы Германии и ее союзников. Но и это не совсем так. Да, примерно 70—75 процентов пехотных соединений Германии постоянно находились на советском фронте, по танковым частям этот показатель был несколько ниже. А вот в отношении авиации дело обстояло совершенно иначе. Ведь вплоть до лета 44-го года реальным противником Германии в наземных боях в континентальной Европе была только Красная Армия (действия англо-американских войск, высадившихся годом раньше на юге Италии, носили чисто местный характер). И тем не менее более половины германских ВВС и в этот период не участвовало в боях на восточном фронте: эти силы сражались с авиацией Англии и США, действовавшей с английских (а затем и с североафриканских) аэродромов. А после высадки союзников в Нормандии немцы оставили на восточном фронте лишь треть своей авиации, а все остальное бросили на за-

пад. А общая эффективность самолетовылетов у Германии в течение всей войны была в несколько раз выше, чем у СССР (причем к концу войны этот разрыв даже увеличился).

Примерно такая же картина обнаруживается при сравнении действий танковых войск, артиллерии СССР и Германии, их непосредственных боевых потерь. На этом фоне выгодно отличались действия советской разведки и контрразведки, все чаще и чаще переигрывавших германских «коллег». Высокий профессионализм разведчиков во многом способствовал успеху ряда сражений и армейских операций. Трудно сказать, чем могло бы закончиться, например, сражение на Курской дуге летом 43-го года, если бы армейское командование заранее не было оповещено о планах гитлеровцев по каналам разведки.

В последнее время много говорят и пишут о пагубной роли в годы войны войск НКВД, о заградотрядах и т. д. Однако значительная часть войск НКВД с первых же дней войны участвовала в боях на общих основаниях, только сражались они, как правило, лучше армейских подразделений. Что же касается заградотрядов, то, конечно, в идеале лучше было бы обойтись без них. Но это легко говорить сейчас, в мирной и относительно безмятежной обстановке. А как иначе можно было спасти положение в 41—42-м годах, когда на ряде участков фронта бегство наших войск приобретало массовый характер?

Следует сказать и о другом. В условиях панического бегства многие офицеры еще до введения заградотрядов (или там, где их не было) сами пытались остановить бежавших, нередко применяя при этом оружие. И с учетом критической боевой обстановки вряд ли можно квалифицировать эти действия как преступные. Но в армейской среде было и то, чего нельзя оправдать никакими исключительными усло-

виями. Армейский «беспредел», о котором наши средства массовой информации заговорили лишь недавно, зародился именно в годы Великой Отечественной войны. Чем это объяснить? Видимо, тем, что на и без того нелегкую, напряженную атмосферу советской жизни наложились крайние жестокости войны и постоянная, ежеминутная опасность смерти (для тех, кто находился в действующей армии). Ну, а в подобной обстановке нередко начинает действовать «закон», блестяще выраженный в крыловской басне «Волк и ягненок» словами: «У сильного всегда бессильный виноват». И многие офицеры, сержанты, да и солдаты от души выплескивали на «бессильных» весь груз накопившихся отрицательных эмоций.

Примеры? Их сколько угодно. Весной 43-го года при инспекционной проверке одного из артиллерийских полков выяснилось, что комполка майор В. Гавевский, его политзаместитель майор Г. Бабкин, начальник штаба майор А. Авдеев в пьяном состоянии то и дело зверски избивали солдат и даже офицеров, не раз устраивали инсценировку расстрела. Впрочем, однажды расстрел оказался настоящим. Майор Авдеев расстрелял сержанта Навака за то, что тот осмелел попросить у него денек-другой отдыха из-за высокой температуры. Сходных случаев было зафиксировано немало, гораздо больше их, естественно, осталось за рамками документов. Колотили своих подчиненных и многие генералы, некоторые из них (в том числе Конев и Еременко) не расставались с увесистыми палками, постоянно пуская их в ход. Словом, тем, кто любит говорить о жестокостях энкавэdistов на фронте, не стоит забывать, что атмосфера жестокости, насилия и беспредела была в ту пору *всеобщей*.

Вернемся к начальному этапу войны. Скорость, с которой немецкие армии рвались вперед, превосхо-

дила все ожидания и прогнозы. К 9—10 июля немцы оказались уже на подступах к Смоленску, за которым открывался непосредственный путь на Москву. В те первые военные недели связь с зарубежной агентурой во многом была нарушена, хотя разведчики, успевшие получить инструкции из Центра, продолжали вести активную работу. Однако на создание новых каналов связи и на восстановление старых (когда это было возможно) требовалось время. Берия, Меркулов и другие руководители разведки принимали все усилия для того, чтобы как можно быстрее пройти этот «вакуумный» период.

В этой сложнейшей обстановке Берия предложил Сталину провести отвлекающую акцию, которая позволила бы выиграть время. Среди многочисленных агентов НКВД из числа иностранцев был и болгарский дипломат Иван Стаменов, завербованный еще в Риме в 34-м году. Через несколько лет Стаменов был назначен послом Болгарии в Москве. По замыслу Берии планировалось сообщить Стаменову, что СССР готов заключить перемирие с Германией на выгодных для нее условиях. Напомним, что Болгария была союзницей Гитлера, поэтому после передачи Стаменовым этой информации в Софию она автоматически дошла бы до Гитлера.

Особая сложность этой операции заключалась в необходимости соблюдать исключительную секретность. Берия не был уверен в том, что Стаменов сумеет никому не проговориться о ложном характере советского предложения, — и тогда весь замысел операции был бы сорван. Нельзя было исключать и того, что Стаменов мог оказаться перевербован немцами. Поэтому было решено, не посвящая Стаменова ни в какие детали плана, просто попросить его передать в Софию, что Москва готова на переговоры с Берлином.

Сталин согласился с предложением Берии и сам продиктовал «условия уступок», которые СССР будто бы готов был сделать Германии. В обмен на прекращение военных действий немцам предлагались Украина, Прибалтика, Бессарабия, Буковина и Карельский перешеек. Берия хотел сам встретиться со Стаменовым, но Сталин и посвященный в суть операции Молотов считали, что это следует сделать по обычным каналам связи, чтобы для Стаменова все выглядело предельно естественно.

Берия поручил поговорить со Стаменовым П. Судоплатову, через которого обычно и осуществлялась связь с болгаринном. 25 июля Судоплатов, детально проинструктированный Берией, пригласил Стаменова в ресторан «Арагви». В отдельных кабинетах «Арагви», как и некоторых других ресторанов Москвы, были искусно спрятаны микрофоны, через которые разговоры записывали на магнитную пленку. Выслушав Судоплатова, Стаменов сказал:

— А нужно ли это? У Германии все равно не хватит сил для такой войны. Рано или поздно вы победите.

— Война есть война, — пожал плечами Судоплатов. — Надо, по крайней мере, хотя бы понять, готовы ли Гитлер в принципе пойти на переговоры.

— Думаю, что из этого ничего не выйдет, — сказал Стаменов.

Тем не менее он пообещал сообщить о советских предложениях в Софию для их дальнейшей передачи немцам. Но своего обещания Стаменов не сдержал. Советская контрразведка, владевшая ключами к шифрам болгарского посольства, точно установила, что подобная информация в Софию не уходила. Была, впрочем, и вероятность того, что Стаменов отправит эти сведения по иным каналам связи. Но разведчица А. Кочергина, работавшая в среде болгарских дипло-

матов и болгар-эмигрантов, живших в Москве, сообщила, что и этого не было. По всей вероятности, Стаменов, искренне сочувствовавший СССР, на собственный страх и риск решил не передавать советских предложений, которые, по его мнению, могли привести к потере СССР значительных территорий.

Спустя двенадцать лет, в ходе следствия по «делу Берии», этот эпизод пытались представить как попытку Берии вступить в тайный сговор с гитлеровцами. От Судоплатова, арестованного в августе 53-го года, упорно добивались соответствующих показаний. Но он твердо заявил, что это была ложная, отвлекающая акция, о которой прекрасно знали не только покойный Сталин, но и Молотов. Любопытный факт: спустя несколько лет, когда Молотов оказался в опале, от Судоплатова (он провел в заключении пятнадцать лет и вышел на свободу в 68-м году полным инвалидом) уже стали требовать показаний, что инициатором «предательской акции» со Стаменовым был Молотов. Это косвенно подтверждает, что и прочие обвинения против Берии были столь же надуманны. Берию обвиняли не за мнимые преступления, а за то, что он был соперником в борьбе за власть. А конкретные «обвинения» брались при этом с потолка и, как показывает упомянутый эпизод с Молотовым, при случае могли тасоваться, словно карты в колоде.

Конечно, Стаменова можно было не «попросить», а просто приказать ему передать в Софию советские предложения, и он, как агент НКВД, обязан был бы выполнить это распоряжение. Но когда выяснилось, что болгарин схитрил, необходимость в повторном поручении уже отпала. К концу лета 41-го года темпы германского наступления заметно снизились и, судя по донесениям советских разведчиков, германские войска уже начали испытывать перебои в снабжении горючим и боеприпасами. А в октябре и ноябре со-

ветский разведчик Арвид Харнак, работавший в министерстве экономики Германии, несколько раз сообщил, что речь идет уже не о перебоях, а о серьезном кризисе. Эти сообщения были в числе причин, позволивших Сталину и советскому командованию 5—6 декабря начать контрнаступление под Москвой.

С первых же дней войны Берия вошел в состав Государственного Комитета Обороны (ГКО), но его основным занятием, разумеется, оставалось руководство разведкой и контрразведкой. В годы войны зарубежная агентурная сеть советской разведки (как, впрочем, и другие ее подразделения) работала превосходно. И хотя экранно-книжный Штирлиц со всеми его подвигами был выдумкой, в реальной деятельности разведки встречались не менее яркие фигуры.

Среди них была, например, актриса Ольга Чехова, родственница нашего знаменитого писателя сразу по двум линиям. Во-первых, она была племянницей его жены, О. Л. Книппер-Чеховой. А во-вторых, в 1916 году Ольга Чехова вышла замуж за актера Михаила Чехова, племянника писателя (правда, их брак длился всего несколько лет). До сих пор неясно, когда же именно Чехова была завербована советской разведкой, не исключено, что еще до 1922 года, когда она уехала на учебу в Германию, где и осталась. Но, скорее всего, это произошло уже в последние предвоенные годы, когда вербовочная работа в среде иностранцев, и особенно русских эмигрантов, резко активизировалась. К тому времени Ольгу Чехову прекрасно знали в артистическом мире Берлина, среди ее подруг были любимая актриса Гитлера Марика Рокк и его любовница Ева Браун; информация, которую Чехова получала от последней, была поистине бесценной. Несколько раз по приглашению Евы Браун О. Чехова гостила в загородном доме Гитлера.

Агентов уровня Чеховой Берия нередко не фиксировал ни в каких документах, даже под кодовыми именами. Поэтому когда в мае 45-го года советская контрразведка арестовала в Берлине О. Чехову и отправила в Москву, где ее начали допрашивать, никому и в голову не могло прийти, что эта эффектная, уже 50-летняя дама — один из наиболее ценных агентов Берии. С соблюдением всех мер секретности Берия довел до сведения руководителей контрразведки, что, мол, ни к чему держать у нас эту Чехову: человек она известный, может подняться скандал. И Чехова возвратилась в Германию, где продолжала работать на советскую разведку.

Между прочим, и упомянутая Марика Рокк, любимица Гитлера, также помогала советской разведке. Она не была нашим агентом в полном смысле слова, но в качестве сочувствующей не раз сообщала Ольге Чеховой и другим разведчикам важные сведения, причем делала это вполне сознательно. А знала Марика Рокк немало: она часто бывала в семье Геббельсов и, как утверждают некоторые исследователи, даже была любовницей гитлеровского министра пропаганды, ухитряясь при этом дружить и с его женой. Словом, данные, полученные от знаменитой актрисы, шли с самого верха фашистского рейха.

Еще с 1940 года активно работал в Берлине князь Радзивилл, о котором упоминалось в предыдущей главе: По личному заданию Берии Радзивилл поддерживал светские контакты с хорошо знавшим его Герингом. Правда, после начала войны связь с Радзивиллом осложнилась: ведь советское посольство, куда князь то и дело заходил якобы за справками о своем поместье в Литве, было закрыто. Но вскоре удалось наладить новые каналы связи с Радзивиллом (в частности, через Ольгу Чехову).

С Радзивиллом и Ольгой Чеховой Берия связывал планы террористических актов против Гитлера и других руководителей рейха. В качестве непосредственных исполнителей для этого, конечно, не годились ни тот, ни другая. По замыслу Берии актриса и князь должны были просто ввести советских агентов-боевиков в соответствующие круги, а те уже действовали бы сами, по обстоятельствам. Боевики высокого класса по приказу Берии забрасывались в Германию еще до начала войны. С ними Берия связывал те же планы, что и со спецгруппой во главе с Судоплатовым, создание которой началось в самые последние дни перед началом войны.

Однако вскоре Берия решил, что людей Судоплатова лучше будет использовать для акций на оккупированных немцами советских территориях. А руководителем группы боевиков он назначил Игоря Миклашевского, известного советского боксера, который вполне легально прибыл в Берлин в роли предателя. Поскольку еще летом 41-го года в Германии в таком же статусе оказался и дядя Миклашевского, убежденный противник большевизма, не вызвал никаких подозрений и поступок племянника. В Берлине Миклашевский познакомился с лучшим германским боксером, знаменитым Максом Шмелингом, который с готовностью представил советского разведчика своим высокопоставленным знакомым. Вскоре Миклашевский сообщил в Москву через О. Чехову, что подобраться к Гитлеру довольно сложно: он редко бывает в свете, да и охрана у него отменная. А вот, например, с Герингом, сообщал разведчик, все куда проще, это можно устроить.

Но в ноябре 42-го года, когда тревожная ситуация под Сталинградом вдруг-разом изменилась в пользу СССР, Сталин окончательно убедился, что победа в войне останется за ним. Пусть на это уйдет год, два,

десять! — время уже неумолимо работало против Германии. Впрочем, оно работало против нее и в июне 41-го года, но тогда только считанные люди понимали это. А едва наметившийся успех под Сталинградом ясно показывал, что пора думать об условиях будущего мирного договора и вообще об устройстве послевоенного мира. В те дни Сталин приказал Берии:

— Вот что... Передай в Берлин этим своим головорезам, чтобы больше не охотились за Гитлером. И вообще, в Берлине пускай не шумят, понял?

— Понял, товарищ Сталин, — без особого энтузиазма ответил Берия.

— Чувствую, что не до конца понял, — усмехнулся Сталин. — А мог бы быть и подогадливее. Ну, подумай сам: вот пришьлем мы Гитлера, а что дальше? Придет новое правительство и предложит мир англичанам и американцам. С Гитлером, конечно, ни Черчилль, ни Рузвельт договариваться бы не стали, а вот с новыми... Не знаю, не знаю. И что тогда?

— А тогда немцы бросят на нас все свои силы, — сказал Берия. — И Англия, и Штаты нам уже помогать не будут. Придется воевать в одиночку.

— Вот именно, — кивнул Сталин. — Так что иди и передай им: отбой, или как там у вас...

И в итоге боевикам Миклашевского пришлось заняться не столь эффектными, но также крайне нужными делами: сбором информации, диверсиями и пр. Разумеется, в целом гораздо продуктивнее действовали группы и агенты, задачи которых были детально разработаны Центром и в дальнейшем не менялись. Не конкретные задачи (они, естественно, были разными), а их круг, их направленность.

Характерно, что наиболее успешно действовали агенты, находившиеся в Европе как минимум несколько лет, — именно те, которых Берии удалось спасти от массовых репрессий, приостановленных по

его инициативе в конце 38-го года. В Германии это были такие профессионалы, как Белкин, Парпаров, Гиршфельд, супруги Зарубины и многие другие. В Польше советский резидент Гудимович и его жена Морджинская с помощью других агентов (в том числе и завербованных ими с согласия Центра) вели постоянное наблюдение за перебросками войск и стратегических грузов. Советская агентура отлично действовала и в других странах, в частности во Франции, Швейцарии, Италии, где давнему резиденту Рогачеву удалось завербовать племянника министра иностранных дел графа Чиано.

Прекрасно работала разведка и на советских территориях, оккупированных немцами. На основе спецгруппы Судоплатова, не успевшей вступить в дело к началу войны, Берия уже 5 июля 41-го года образовал в НКВД особую группу примерно с тем же кругом задач (диверсионно-террористические акции и агентурная работа), но несравненно более масштабную. Боевые силы особой группы для конспирации были сведены в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, в которую уже в начале войны вошло 25 тысяч человек. В бригаду подбирались профессионалы-боевики (в том числе и известные спортсмены), в нее вошло и несколько тысяч иностранцев — немцев, испанцев, австрийцев, поляков, чехов и т. д.

С первых же дней войны на основе этой мотострелковой бригады (а также войск НКВД в целом) стали формироваться крупные диверсионные группы. Их забрасывали в немецкий тыл для единовременных акций или для постоянной работы. В последнем случае такая группа превращалась в партизанский отряд. Так называемое партизанское движение, знакомое нам по многочисленным кинофильмам и книгам, — во многом очередной советский миф. Даже из мемуаров

известных командиров партизанских соединений (например, Д. Н. Медведева, С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова и других), опубликованных еще при Сталине, нетрудно заключить, что основное ядро этих соединений забрасывалось в немецкий тыл по воздуху. Украинские, белорусские и прочие крестьяне вовсе не горели желанием покинуть свои теплые и уютные избы, чтобы, скитаясь по холодным лесам или горам, время от времени вступать в малоперспективное состязание с отборными частями вермахта. Занимались этим, разумеется, профессионалы. Иное дело, что когда чекистам-партизанам требовалось пополнить свои ряды, они проводили по окрестным селам «мобилизацию», отказ от которой был равносителен самоубийству в буквальном смысле слова. Об этом вполне открыто писали в перестроечный период, а белорусский писатель Василь Быков даже создал целый цикл повестей, в которых так или иначе затрагивается эта трагическая тема.

Но сегодня, когда страсти и эмоции времен перестройки улеглись, можно взглянуть на эту страницу истории Великой Отечественной войны более спокойно и объективно. Конечно же основным занятием диверсионных групп НКВД в тылу противника был не сгон беспомощных крестьян в партизанские отряды, а вполне конкретная и эффективная борьба с гитлеровскими войсками и гарнизонами. Можно привести длинный ряд многократно публиковавшихся цифр, но, видимо, и без этого ясно: эта борьба в тылу чрезвычайно способствовала действиям Красной Армии на фронте, в особенности в 43—44-м годах, когда диверсионные группы уничтожали фашистские коммуникации, затрудняя немцам отход на запад.

В последние годы героический образ чекиста-разведчика (тут, конечно, в первую очередь следует вспомнить легендарного — и никогда не существо-

вавшего — Штирлица) в значительной мере был потеснен в нашем массовом сознании мрачной фигурой палача, пытающего знаменитого ученого, боевого генерала или еще какого-нибудь хорошего человека. Но реальная жизнь, как правило, сложнее кинематографа и даже литературы, и эти, казалось бы, совершенно противоположные ипостаси порой могли сочетаться даже в одном человеке. Все, например, знают о прославленном разведчике Николае Кузнецове, который, идеально владея немецким языком, в мундире офицера вермахта не только добывал ценнейшую информацию (в частности, сообщил в Москву о запланированном фашистами уничтожении Сталина, Черчилля и Рузвельта в ходе тегеранской встречи), но и сумел убить нескольких видных гитлеровских чиновников в Западной Украине.

Но мало кому известно, что еще с 39-го года Кузнецов (ему было тогда всего 28 лет), выдавая себя за актера балета или оперетты, по заданию НКВД вращался в артистических кругах Москвы. Правда, главной задачей при этом было проникновение в среду германских дипломатов, и Кузнецову отчасти это удалось. Но основных успехов на этом поприще он достиг довольно оригинальным способом: используя свою эффектную внешность, чекист вступал в половую связь с любовницами немцев-дипломатов из среды молодых балерин. Малопривлекательное и циничное занятие, не правда ли? И тем не менее все то, что мы знаем о героических подвигах Кузнецова в годы войны, — истинная правда.

Особая группа Судоплатова, находившаяся в непосредственном подчинении у Берии, уверенно действовала и в дни обороны Москвы. Когда в середине октября 41-го года возникла угроза, что передовые немецкие части могут ворваться в столицу, Берия приказал бойцам отдельной мотострелковой брига-

ды особого назначения занять позиции у Кремля и ряда других важных правительственных сооружений. Некоторые крупные здания, которые в случае захвата Москвы явно использовались бы немцами как важные военные и гражданские объекты, были заминированы. Чекисты не раз делали это и в других городах (в Киеве, Одессе и пр.), в дальнейшем взрывая эти здания с помощью радиосигналов или иных устройств. Берия распорядился заминировать и подмосковные правительственные дачи (кроме дачи Сталина в Кунцево, разумеется), поскольку и там могли бы разместиться крупные германские чины. Между прочим, в 53-м году и эта акция была интерпретирована обвинителями Берии как его попытка «ликвидировать советских руководителей».

Но даже в самые опасные для Москвы и всей страны дни не прекращалась активная разведывательная работа в глубоком германском тылу. Как раз в это время появились первые сведения о том, что в Германии ведутся работы по созданию баллистического ракетного оружия. Стало также известно, что центром этих работ является городок Пенемюнде на северо-востоке Германии, где еще с 37-го года действовал крупный исследовательский комплекс. Берия решил высадить близ Пенемюнде группу десантников и попытаться добыть секретные документы, позволяющие разобраться в сути ведущихся немцами разработок. После этого (либо в случае явной невозможности завладеть документами) предполагалось уничтожить весь комплекс.

В группу, которую планировалось забросить в Пенемюнде, был включен и сын Берии Серго. Он в первые же дни войны с согласия отца пошел добровольцем в десантную школу.

— Маме вот только надо как-то объяснить, — сказал тогда Серго.

— Ничего, — махнул рукой отец. — Мама все поймет.

И действительно, узнав о намерении сына, Нина Теймуразовна сказала ему:

— Что ж, делай, как решил. Война не такое дело, чтобы прятаться за мамину юбку.

— А я и не собирался прятаться, — обиженно ответил Серго.

К сожалению, акция по раскрытию секретов Пенемюнде и его уничтожению сорвалась. Самолет с десантниками, вылетевший из Москвы в середине декабря 41-го года, благополучно миновал линию фронта, но над Балтийским морем вошел в густую полосу тумана. Летчик опустил до высоты бреющего полета, но видимость оставалась нулевой. В этих условиях можно было попасть под огонь орудий немецкой береговой обороны, и из Москвы по радио передали команду: отменить операцию и вернуться обратно. Через три дня была предпринята повторная попытка, но и на этот раз самолет, уже приблизившийся к Пенемюнде, вновь был отозван: в последний момент выяснилось, что явка, на которую должны были прибыть десантники, оказалась небезопасной.

И все-таки в конце концов попытка проникнуть в секреты Пенемюнде удалась (правда, в несколько меньшем объеме, чем планировалось). Весной 42-го года эта же группа была направлена в Северный Иран, который еще с августа 41-го года был оккупирован советскими войсками. Оттуда разведчики перебрались в Турцию, формально соблюдавшую нейтралитет, но поддерживавшую доброжелательные отношения с гитлеровцами. Агенты советской разведки в Турции (в основном из среды курдов) помогли группе по подложным документам переправиться в Болгарию, союзницу Германии. После долгих приключений до Пенемюнде добрался лишь один член группы, немец-

антифашист. Он был хорошим физиком и сумел устроиться на работу в центр в Пенемюнде, став источником ценнейшей информации. Весной 45-го года американцы вывезли в США часть работников центра во главе с его руководителем Вернером фон Брауном. С ними уехал и советский разведчик. Остальные участники группы, пытавшейся проникнуть в Пенемюнде, либо погибли, либо благополучно сумели вернуться через линию фронта. В числе последних был и Серго Берия.

Провалы в работе разведки случались, но они были значительно реже, чем могло бы быть в условиях повышенного риска военного времени. По мере возможности Берия следил за всеми проводимыми в тылу у гитлеровцев акциями и, как правило, давал команду приостановить работу, если возникала угроза провала. Среди наиболее серьезных неудач можно назвать арест фашистами в Брюсселе 13 декабря 41-го года радиста и шифровальщика резидента советской разведки Гуревича. В результате этого провала немцам в дальнейшем удалось арестовать и руководителей знаменитой «Красной капеллы» в Германии, Франции и Швейцарии. Среди них был упомянутый Гуревич, а также Леопольд Треппер и Шандор Радо. К сожалению, гитлеровской контрразведке удалось представить дело так, будто бы все названные разведчики оказались предателями. В результате после войны они оказались уже в советской тюрьме, где Треппер и Радо настаивали, что изменником был Гуревич.

Эта печальная история отражает общую атмосферу подозрительности и шпиономании, царившую в сталинскую эпоху в нашем обществе и не до конца изжитую и сегодня. Треппер, Радо и Гуревич были освобождены в 55-м году. Но если первые двое были реабилитированы, то Гуревича выпустили по амнистии, продолжая числить его «предателем». В дальней-

шем Гуревичу пришлось провести еще пять лет в тюрьме, и только в 91-м году он был реабилитирован, правда, Разведывательное управление Генерального штаба (Гуревич числился агентом военной разведки) наотрез отказалось выплатить ему компенсацию и назначить ветеранскую пенсию.

Особые надежды Берия связывал с разведчиками, добывавшими информацию о новых видах оружия, причем не только в Германии, но и в США, и в Англии, входивших тогда вместе с СССР в антигитлеровскую коалицию. Постепенно становилось ясно, что главное место в этом ряду занимают работы по созданию атомной бомбы (в СССР ее тогда некоторое время именовали урановой). Первая информация о таких исследованиях пришла к Берии еще в 40-м году. Он запросил комиссию Академии наук о перспективах таких разработок. Глава комиссии академик В. Г. Хлопин дал обтекаемый ответ: мол, перспективы довольно сомнительны, но в принципе неплохо бы следить за этими исследованиями по научным публикациям. Но как раз примерно в то время соответствующие публикации во всех западных изданиях (даже в специальных) были прекращены.

Для Берии это явилось подтверждением, что речь идет о серьезной проблеме. Он приказал начальнику отделения научно-технической разведки НКВД Квасникову обратить особое внимание зарубежной агентуры на сбор информации о работах по созданию урановой бомбы. Примерно тогда же, в апреле 40-го года, Берия распорядился освободить и выслать в Германию видного немецкого физика Ф. Хоутерманса, который еще с начала 30-х годов работал в СССР, а в 37-м году был арестован. Перед освобождением Хоутерманс пообещал сотрудничать с НКВД и поставлять информацию о всех работах в области ядерной физики. Но когда Хоутерманс оказался в Германии,

гестапо в свою очередь заподозрило в нем советского агента и арестовало. За Хоутерманса тут же вступились известные немецкие физики (Гейзенберг, Шуман, Ган, Гратек, Вайцзекер и др.), а когда его выпустили из гестапо, он подключился к работам коллег и отказался от контактов со связниками советской разведки: видимо, перспектива снова оказаться в гестапо, находившемся под боком, беспокоила его больше, чем обязательства, данные далекому НКВД.

Правда, когда в 41-м году из Германии эмигрировал физик Ф. Райхе, Хоутерманс попросил его передать зарубежным коллегам, что в стране полным ходом идут работы по созданию сверхмощной (атомной) бомбы. Райхе, прибывший в США в апреле 41-го года, сразу же сообщил эти новости американским физикам. А поскольку в их среду к тому времени уже были внедрены советские агенты, о сообщении Райхе вскоре стало известно резиденту НКВД в Нью-Йорке Овакимяну. Он немедленно отправил соответствующее донесение в Москву. Сведения о развернувшихся в Германии работах приходили и из других источников. Но если Берия практически сразу же понял всю степень важности ведущихся исследований, то Сталин поначалу относился к его докладом скептически и советовал «не делать из мухи слона».

Тем не менее, когда в середине октября 41-го года Берия отправлял в Вашингтон профессиональных разведчиков супругов Зарубиных, он поручил им в качестве одной из основных задач отслеживание всего, что касалось американских работ над атомным проектом. Последние были развернуты после того, как руководство военной разведки доложило Рузвельту о ведущихся в Германии исследованиях. И американский президент в отличие от Сталина тут же дал согласие на широкомасштабное проведение таких работ и в США.

Между прочим, Сталин перед отправкой Зарубиных в США пожелал увидеться с новым секретарем советского посольства в Вашингтоне Зубилиным — под таким именем должен был действовать Зарубин. Встреча, состоявшаяся 12 октября, была недолгой. Задав Зубилину несколько уточняющих вопросов, Сталин на прощание сказал:

— И помните: ваша главная задача — расширять нашу агентуру влияния и через нее усиливать воздействие на политическое руководство США.

Берия, присутствовавший на этой встрече, вполголоса сказал Зарубину, когда они вышли из сталинского кабинета:

— На агентуру влияния лишнего времени не трать. Пока идет война с Гитлером, мы и так будем с американцами в одной упряжке. Почаще повторяй короткое слово «уран». Это для нас сейчас гораздо важнее.

В США ситуация сложилась так, что Василий Зарубин (Зубилин) в силу занимаемого им положения сразу же оказался на виду, в том числе, естественно, и у американской контрразведки. Поэтому его личные контакты с действующей в США советской агентурой пришлось свести к минимуму. В результате основные нагрузки легли на его жену. Елизавета Зарубина была довольно эффектной женщиной с внешностью западноевропейского типа, ей тогда едва исполнилось сорок лет, в США она быстро завязала контакты в светских кругах. По происхождению Зарубина была румынской еврейкой, но помимо румынского и русского языков прекрасно знала также английский, немецкий и французский. Американцы охотно принимали ее практически в любом обществе: ведь многие советские дипломаты в ту пору (да и позднее) с трудом выговаривали «хау ду ю ду» и «гуд бай». А тут настоящая европейская дама с велико-

лепными манерами, — ну как не приветить такую?

Зарубина была подлинным мастером вербовки: непринужденно заводя то или иное знакомство, она стремительно определяла, насколько оно полезно для главного дела, и далее уже действовала исходя из этого. Опыт Зарубиной был огромен, она работала в разведке еще с 1919 года. Тогда ее мужем был знаменитый чекист Блюмкин, в июле 18-го года застреливший посла Германии в Москве графа Мирбаха. До сих пор не до конца ясно, были ли это убийство и последовавший за ним мятеж левых эсеров, так сказать, игрой стихии или хитроумной провокацией ВЧК. Во всяком случае, за убийство посла Блюмкина «простили», и он продолжал преспокойно работать в ведомстве Дзержинского. Но когда в 29-м году Блюмкин завел тайные связи с опальным Троцким (тогда жил в Турции) и имел неосторожность проговориться об этом жене, Елизавета немедленно настучала по начальству. Блюмкина, разумеется, арестовали и вскоре расстреляли.

Со стороны будущей Зарубиной это было, конечно, некрасивым поступком (чем-то сродни тому, что совершил вскоре печально знаменитый Павлик Морозов), но, с точки зрения чекистского руководства, подобное поведение сотрудника было идеальным. Никаких страстей, никаких личных привязанностей — только беззаветная преданность делу. Мощная энергия, исходившая от личностей типа Зарубиной, подавляла окружающих, в каком-то смысле гипнотизировала их. Вербуемые, подобно несчастному кролику, прыгающему в пасть удава, не успевали и глазом моргнуть, как уже — вольно или невольно — работали на советскую разведку. Так случилось, например, с женой знаменитого скульптора С. Т. Коненкова (он до 46-го года жил в США), которая по указанию Зарубиной подружилась с самыми знаменитыми аме-

риканскими физиками А. Эйнштейном, Р. Оппенгеймером и другими. От них через Коненкову к Зарубиной шла суперценная информация.

Между прочим, до сих пор не до конца ясна позиция самих Эйнштейна и, в особенности, Оппенгеймера в отношении СССР. Некоторые данные позволяют утверждать, что они, опасаясь возникновения не только германской, но и американской ядерной монополии, вполне сознательно старались, чтобы и в СССР были в курсе работ, ведущихся американцами по атомному проекту. Это гарантировало бы, как стали говорить позднее, ядерный паритет и сделало бы будущее атомное оружие, образно выражаясь, не дубинкой, а именно щитом.

Хорошо известно, что подобную позицию занимал, например, знаменитый датский физик Нильс Бор. Зная по разным каналам (в частности, от своего германского коллеги Гейзенберга), что в Германии активизируются работы по созданию атомной бомбы, Бор попросил знакомых физиков каким-либо образом передать это в СССР. Об этом же, кстати, просил и сам Гейзенберг, рискуя жизнью. И в 43-м году эти сведения дошли до корреспондента ТАСС в Швеции Косого, который незамедлительно передал их... нет, не в ТАСС, а по месту основной работы — в НКВД. Берия и другие руководители советской разведки давно знали об этом, но позиция Бора и других ведущих физиков мира весьма характерна: они видели именно в СССР противовес созданию *любой* (не только германской) ядерной монополии.

Особенно важную роль в добыче стратегической информации на этом участке сыграли (помимо супругов Зарубиных) резидент советской разведки в Сан-Франциско Хейфец и профессиональный оперативник С. М. Семенов, еще в 37-м году направленный на учебу в Массачусетский технологический

институт. Хейфец, занимавший пост вице-консула СССР в Сан-Франциско, на приемах и собраниях вполне официально общался с ведущими американскими учеными (в том числе и с Оппенгеймером) и довольно умело устанавливал роль каждого из них в атомном проекте.

Этим же занимался и Семенов. Ему удалось завести обширный круг знакомств в Массачусетском технологическом институте, и его информация, в силу обстоятельств, носила предельно конкретный характер. Весной 42-го года, например, Семенов установил, что в американском атомном проекте занят крупный специалист по взрывчатым веществам Кистяковский, украинец по происхождению. Берия немедленно приказал через агентуру в среде русской эмиграции осуществить вербовку Кистяковского. Но, несмотря на все усилия, подходов к нему найти так и не удалось. Не слишком большую помощь Семенову оказали и супруги Юлиус и Этель Розенберги, завербованные нью-йоркским резидентом Овакимяном еще в конце 30-х годов: их положение в атомном проекте было второстепенным, и они знали лишь мало-существенные детали. Но Семенов, сам будучи отличным физиком, мог даже из обрывков информации, поступавшей к нему из самых разных источников, складывать вполне связную картину.

В 1942 году наконец изменилось и отношение Сталина к тогда еще загадочному супероружию. В мае молодой физик Флеров прислал Сталину письмо, в котором довольно убедительно показывал разрушительные возможности атомной бомбы. Берия, контролировавший переписку Сталина, вызвал к себе Флерова и предложил ему исправить письмо, сделав его попроще. Он уже достаточно хорошо изучил привычки Сталина и знал, что тот не любит излишне сложных технических подробностей, предпочитая им крат-

кость и суть дела. Переписанное Флеровым письмо было передано адресату. Как и предполагал Берия, Сталина оно крайне заинтересовало, хотя, в сущности, ничего нового в нем не содержалось. Но вождь порой проявлял странное внимание к «голосу масс», что и использовал Берия.

Прочитав флеровское письмо, Сталин вызвал Берия и попросил ознакомить его с дополнительными обстоятельствами дела. У Берии все уже было наготове. Он доложил Сталину в общем виде о сообщениях разведчиков, следящих за работами над созданием атомной бомбы в Германии и США. Впрочем, о наиболее важном Берия докладывал и прежде, но теперь Сталин впервые выслушал это внимательно, не раз останавливал наркома и задавал уточняющие вопросы.

— А кроме того, — добавил Берия в конце доклада, — пришло сообщение из Харькова. Туда явился Хоутерманс. И он уже несколько дней в тамошнем физико-техническом институте выясняет, что у нас сделано в последние годы по добыче урана для стратегических нужд...

— Подожди, — остановил его Сталин. — У них там что же, работает научный институт? При немцах?

— Да, товарищ Сталин, — развел руками Берия. — Но там есть наши люди, они постоянно докладывают обо всех работах.

— Хоутерманс... — задумчиво сказал Сталин. — Это тот, который пообещал работать на нас и обманул?

— Да, — кивнул Берия. — А теперь вот приехал с охраной, да еще и в эсэсовской форме.

— А кто просил его выпустить? — прищурился Сталин. — Кто мне за него ручался?

— Моя вина, — согласился Берия. — Но в разведке стопроцентного результата не бывает. Главное, чтобы такие вот проколы были исключением, а не пра-

вилом. И пока что нам это удается, — помедлив, Берия добавил: — Товарищ Сталин, если понадобятся еще какие-то уточнения... Я в марте направлял вам докладную записку. Довольно большую. Там все подробно изложено.

Сталин вскинул бровь.

— Намекаешь, что товарищ Сталин игнорирует доклады наркома внутренних дел? Не уделяет должного внимания, да? — и после зловещей паузы продолжил: — Читал я твою записку, читал. Но, видимо, придется еще разок почитать. Повнимательнее.

Тем не менее Берии еще долго пришлось убеждать Сталина в необходимости не просто внимательно наблюдать за германскими и американскими исследованиями, но и бросить оптимальное количество — с учетом условий военного времени — научных и прочих сил на создание собственной атомной бомбы. Сталин соглашался с тем, что это, мол, дело нужное, но тянул с принципиальным решением вопроса: опасался, как бы ресурсы, брошенные на атомный проект, не сказались на мощи армии и военной промышленности. Если бы не эти затяжки, послевоенное течение мировой истории могло бы быть иным...

Наконец, в феврале 43-го года советские разведчики из Норвегии и Англии сообщили, что английская диверсионная группа совершила налет на завод тяжелой воды в норвежском городке Веморке. Берия немедленно проинформировал об этом Сталина, объяснив, что тяжелая вода необходима для атомного реактора, который, следовательно, у немцев есть либо вот-вот будет.

— И вот что характерно, товарищ Сталин: мы с англичанами договорились сообщать друг другу о подобных операциях заранее. Иногда бывает, как вы знаете, что даже вместе их и проводим. А на этот раз

от них ни слова, — сказал Берия, завершив доклад.

— То есть не только немцы хотят нас обставить, но и англичане? — уточнил Сталин. — Не только враги, но и «друзья»?

— И не только англичане, но и американцы, — добавил Берия. — И у них, как я вам уже докладывал, дело продвинулось гораздо дальше, чем у остальных.

Еще с весны 42-го года при Государственном комитете обороны действовала консультативная группа, которая анализировала информацию об атомных исследованиях, поступавшую из-за рубежа. Создать такую группу предложил Сталину Берия. Поскольку никаких затрат на это не требовалось, вождь согласился. На том этапе особенно важную роль в консультативной группе играл академик А. Ф. Иоффе. В октябре 42-го года Сталин по совету Берии принял на кунцевской даче Иоффе и его учителя В. И. Вернадского (также одного из «неформальных лидеров» группы), которому было тогда 79 лет. Перед этой встречей Берия подробно объяснил Вернадскому и Иоффе, как следует отвечать Сталину, чтобы наконец добиться его согласия на запуск в дело советского атомного проекта. Некоторые исследователи пишут, что эта встреча Сталина с учеными оказалась едва ли не решающей в данном направлении. Это не так: встреча хотя и была важной, но все же являлась лишь одним из многочисленных шагов, последовательно предпринимавшихся Берией.

Ведущие ученые (в частности, П. Л. Капица) не раз предлагали Сталину и Берии привлечь к намечавшимся работам зарубежных коллег, готовых, по их мнению, на такое сотрудничество. Капица даже советовал пригласить в СССР самого Нильса Бора, чтобы именно он встал во главе атомного проекта. В результате Бору было отправлено письмо, написан-

ное Капицей, но «отредактированное» Молотовым. Однако тогда Бор уже намеревался уехать в США. Поэтому, когда по поручению Берии с ним беседовал советник посольства СССР в Лондоне Горский (на самом деле он был резидентом советской разведки), знаменитый ученый, несмотря на самые заманчивые обещания, не выразил желания работать на сталинскую империю.

После капитуляции немецких войск под Сталинградом исход войны стал очевиден. И Сталин 11 февраля 1943 года подписал постановление о начале широкомасштабных работ над атомным проектом. Куратором этих работ от Политбюро Сталин назначил Молотова, но фактически все с самого начала было подчинено Берии. Сталин дал ему указание сделать сбор информации по атомной проблеме основной задачей внешней разведки. Но, как вы помните, Берия на свой страх и риск вот уже несколько лет именно так и ориентировал зарубежную агентуру. Теперь же он получил возможность делать это, не опасаясь получить нагоняй от Сталина.

Спустя два месяца, в апреле, на окраине Москвы начала работу спецлаборатория во главе с И. В. Курчатовым. Формально она входила в систему Академии наук, но реально находилась в прямом подчинении у Государственного Комитета Обороны и лично у Берии. Он постоянно общался с Курчатовым, ученый сам не раз просил Берию о встрече для решения тех или иных текущих вопросов. В частности, Курчатов составил и передал Берии нечто вроде вопросника для зарубежных агентов НКВД, исходя из которого им следовало добывать информацию. Берия создал в рамках НКВД группу «С» во главе с П. Судоплатовым, в которой была сконцентрирована вся работа по раскрытию секретов атомной проблемы.

Курчатов и другие ведущие ученые из его специализированной лаборатории по указанию Берии получили прямой доступ к Судоплатову, периодически знакомящему их со всеми новыми документами, полученными от разведчиков. Всего таких документов за военные годы по линии НКВД было добыто около трехсот. Это помогало Курчатову и его сотрудникам постоянно корректировать собственные разработки, сверять их направленность с последними достижениями зарубежных ученых. Одновременно Берия координировал действия своей агентуры с руководством военной разведки; с начала 44-го года в дополнение к частым взаимным консультациям стали проводиться и совместные совещания ведущих сотрудников двух разведок. Словом, все делалось для того, чтобы информация, в дальнейшем поступающая к ученым, была предельно конкретной и ясной.

Конечно, большое значение играла и спокойная, доверительная атмосфера, которую старался создать для ученых Берия. Из многих публикаций перестроечных времен можно сделать вывод, будто бы в сталинскую эпоху ученым и деятелям культуры приходилось творить в атмосфере страха и постоянного нервного напряжения. Но это скорее можно отнести лишь к периодам так называемых кампаний (например, к пресловутой борьбе с «космополитизмом» в конце 40-х годов), да и в такие времена в творческой среде сохранялись энтузиазм и преданность делу. И все же общая обстановка была далека от подлинно демократической: страх и нервозность не преобладали, но как бы «дремали» на периферии сознания, что, разумеется, не шло на пользу делу. Берия справедливо считал, что и такого не должно быть. Вполне достаточно было добросовестного, ответственного отношения людей к порученной им работе.

Ведущие ученые из лаборатории Курчатова (в особенности А. И. Алиханов, И. К. Кикоин и, конечно, сам Курчатов) постоянно бывали в гостях у ближайших подчиненных Берии, он и сам не раз приглашал их отобедать в своем особняке. Рабочий день ученых был, естественно, ненормированным, нередко приходилось работать и ночами. Чекисты, периодически бывавшие в лаборатории, присутствовали там не как надзиратели, а в качестве своего рода младших коллег, они часто помогали в разных мелочах, давали нужные справки по секретным документам и т. д. При этом обстановка в лаборатории отнюдь не была спартанской: можно было и выпить (в разумных пределах, конечно), и поговорить о том о сем, и поесть, не тратя времени на магазины и столовые. Многие ученые и чекисты — совершенно независимо от званий, должностей и возрастов — по-настоящему подружились. Берия в определенном смысле «дирижировал» всем этим: в сталинскую эпоху подобная доверительность и раскрепощенность могли идти только с самого верха «пирамиды власти».

Доносчики и завистники, к сожалению, бывали и остаются во все времена. Сталин не раз пенял Берии: жалуются, мол, на тебя, распустил ты «своих» ученых. Берия терпеливо объяснял, что необходим не просто результат, а результат творческий, который вряд ли можно получить палочными методами. Но в действительности позиция Берии не была такой расчетливо-циничной. Просто он понимал, что на Сталина действуют лишь практические, деловые объяснения. Самому же Берии все больше нравились веселые, энергичные ученые, да и по возрасту они принадлежали к одному поколению: большинству сотрудников Курчатова было, как и Берии, сорок с небольшим лет или даже меньше.

Правда, должность Берии обязывала его быть в курсе всех контактов своих «подопечных». Этому же требовали и интересы секретности их работы. Но и здесь Берия избегал карательных мер, которые в определенных ситуациях тогда принимались автоматически. Как рассказывает П. А. Судоплатов в книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль», однажды кто-то стукнул ему, что младший брат Кикоина в частной беседе непочтительно высказался о Сталине: как же мог, мол, великий вождь допустить, чтобы фашисты оказались под Москвой и на берегах Волги. Судоплатов, как и было положено, немедленно доложил об этом Берии.

Немного подумав, Берия сказал:

— Ты вот что, Павел, отдай-ка мне этот донос и навсегда забудь о нем. А сам вызови Кикоина... нет, даже лучше съезди к нему домой и посоветуй поговорить с братом — пусть прекратит болтать, добром это не кончится. Прослушка у него в квартире стоит?

— Так точно, — кивнул Судоплатов. — Как и у всех курчатовцев.

— Значит, потом проверишь: говорил ли он с братом, что именно сказал, что ответил брат, ну, и все прочее. И доложишь мне.

На следующее утро Судоплатов сообщил Берии, что разговор братьев Кикоиных прошел нормально. Старший отчитал младшего за неосмотрительность, а тот едва не расплакался, сообразив, какой опасности подвергал себя и родственников.

— Ох уж эти мне интеллигенты, — вздохнул Берия. — Ты ведь днем собирался ехать к Курчатову, да? Ну и я с тобой съезжу.

Приехав в лабораторию, Берия пригласил в отдельную комнату Курчатова, Кикоина и Алиханова, усадил за стол и сказал:

— Ну, Кикоин уже рассказал вам про своего братца? Ладно уж, конспираторы, вижу, что рассказал.

Учтите, друзья: ни я, ни генерал Судоплатов, который вам помогает по моему поручению, никогда не тронем ваших родственников и знакомых. Но и вы уж пойдите нам навстречу: объясните им, что можно говорить и чего нельзя. К тому же я... ну, в общем, я не всевластен. Поняли меня? Вот и хорошо.

Берия внимательнейшим образом следил за тем, чтобы ученые, работавшие над атомным проектом, ни на минуту не отвлекались на бытовые мелочи и вообще не испытывали недостатка ни в чем. Им были предоставлены хорошие квартиры и дачи, а снабжение и медицинское обслуживание ученые получали едва ли не на уровне государственных руководителей. Еще недавно, когда у нас была в моде «борьба с привилегиями», подобные факты могли бы вызвать раздражение у многих читателей. Но сегодня, когда привилегии вчерашних «борцов» превысили все мыслимые пределы, вряд ли стоит доказывать, что человеку свойственно желание жить достойно и обеспеченно. Проблема лишь в том, насколько законно и честно осуществляется это желание. Берия хотел обеспечить ученым, работающим на благо государства сверх всяких норм, достойные жизнь и быт, все это закреплялось соответствующими решениями правительства, — так что же здесь плохого? В определенной степени этим же стремлением Берии определялось и создание так называемых «шарашек», в которых для зеков-ученых были созданы льготные по сравнению с лагерными условия.

В гораздо более сложных условиях приходилось действовать сотрудникам зарубежной агентуры, нередко рисковавшим свободой и даже жизнью. И все же они постоянно вели сбор информации, расширяя при этом круг своих контактов, а следовательно, повышался и риск разоблачения. Так, резидент в Сан-Франциско Хейфец чрезмерно активно пытался вес-

ти вербовку в кругах американских евреев и коммунистов, наивно полагая, что поддержка первых едва ли не гарантирована ему по национальному признаку, а помощь вторых — по идеологическому. По агентурным каналам Берия не раз советовал Хейфецу проявлять в этом предельную осторожность, но резидент, обещая «все учесть», таки не отказался от рискованной практики. В результате некоторые американские коммунисты, завербованные Хейфецем (а также Зарубиным), стали чересчур назойливо крутиться вокруг Оппенгеймера и его семьи. И Оппенгеймер, видимо опасаясь провокации, попросил спецслужбы оградить его от этих горе-следопытов. К счастью, ни к каким неприятностям для профессиональных советских разведчиков это не привело. Напротив: Хейфец и другие стали действовать осторожнее.

В целом же героические действия разведчиков, поистине титаническая работа Курчатова и его коллег привели к тому, что уже в 44—45-м годах отставание советских работ по атомному проекту от исследований, ведущихся в США, Германии и Англии и начатых значительно раньше, сократилось почти до минимума. К моменту создания и успешного испытания в США атомной бомбы (июль 45-го года) советским ученым-ядерщикам предстояло не спешно начинать нечто новое — так почему-то до сих считают многие, — а лишь сделать своего рода последний, решающий бросок. И основная заслуга в этом принадлежала Берии, руководившему и работой разведки, и ходом исследований атомщиков. В сентябре 43-го года Берии было присвоено звание Героя Социалистического Труда «за особые заслуги в области усиления производства вооружения и боеприпасов в трудных условиях военного времени» — так говорилось в указе.

В годы войны Берия в качестве представителя Ставки и члена ГКО не раз выезжал к местам боев, в

особенности туда, где сражались части НКВД или предстояли акции, подготовка которых требовала исключительной секретности. Так, в конце лета 42-го года, когда возникла угроза захвата немцами Кавказа и выхода к бакинским нефтеносным источникам, Сталин направил Берия в Грузию. В то время главным командующим войсками Северо-Кавказского направления был маршал С. М. Буденный, воспетый в многочисленных песнях и кинофильмах, но абсолютно не разбиравшийся в современной военной стратегии. По прибытии на место Берия быстро выяснил, что на ряде участков фронта оборона практически не организована. В ответ на его недоуменные вопросы Буденный заявил, что «танки Клейста прут как сумасшедшие» и их, мол, все равно не остановить. Берия по телефону доложил о сложившейся обстановке Сталину, который немедленно снял Буденного с должности главкома.

Там же, на Кавказе, Берия обнаружил, что в действиях некоторых генералов присутствуют суета и растерянность. Например, командующий 46-й армией Сергацков, опасаясь, что немцы прорвутся через кавказские перевалы, перебросил туда значительную часть войск, а это ослабляло оборону в долине, где фашисты в любой момент могли высадить десанты с моря или с воздуха. К тому же из-за большого скопления советских войск на узких тесных перевалах они несли непомерно большие потери.

Приказав Сергацкову отозвать обратно часть войск, Берия выдвинул свой план обороны перевалов. Из войсковых соединений (в том числе и из войск НКВД) были отобраны лучшие стрелки, которых снабдили снайперскими винтовками со специальными звукогасителями, делающими выстрелы почти бесшумными. Этих стрелков объединили в ряд особых групп, которые были выдвинуты на линию фронта (а

при возможности и немного за нее). Снайперам был передан приказ Берии: вести предельно эффективный отстрел, обращая особенное внимание на офицеров противника. В результате потери фашистов резко возросли, а в некоторых подразделениях почти не осталось офицеров. У нас в подобных ситуациях на офицерские должности, недолго думая, ставили сержантов, а порой и рядовых, но у педантичных немцев такого произойти не могло. В их наступлении возникла заминка, а вскоре из Северного Ирана (а позднее и с Дальнего Востока) подоспели подкрепления, о которых Берия просил Сталина. Ни Кавказа, ни бакинской нефти немцы так и не получили.

А вскоре войска Красной Армии на Кавказе перешли в контрнаступление. Этому во многом способствовало руководство Берии, принятые им решительные меры. Он не только добился снятия Буденного, но сместил и нескольких командующих армиями, заменив их молодыми генералами, в частности К. Н. Леселидзе и А. А. Гречко, будущим министром обороны. А среди смещенных оказался и генерал Сергацков, который в 53-м году, во время следствия по «делу Берии», заявил, что будто бы из-за своеволия Берии советские войска понесли на перевалах Кавказа огромные потери. Сергацков «забыл», что войска пригнал на перевалы он сам, а Берия как раз потребовал ограничить их число необходимым минимумом.

Конечно, говоря о деятельности Берии в годы войны (как и в другие периоды), было бы необъективно «не заметить» и его непосредственного участия в ряде жестоких, репрессивных мер советских властей. В конце 38-го года он приостановил репрессии, в начале 40-го отказался участвовать в уничтожении пленных польских офицеров, но он не мог делать это бесконечно. Да в общем-то ничто и не позволяет говорить о том, что Берия был гуманистом в традицион-

ном понимании этого слова. Разумеется, в конечном счете он был сыном своего времени, «ровесником века». И все же в «околосталинской» среде Берия выделялся умом, работоспособностью, умением быстро принимать оптимальные решения в самой сложной обстановке. А гуманизм... что ж, с гуманизмом, как мы уже не раз говорили, в сталинскую эпоху дело вообще обстояло неважно. Тем не менее почему-то именно Берии выпало сыграть в советской мифологии роль самого ужасного злодея. Факты, однако, позволяют назвать его *наиболее* гуманным деятелем в антигуманной сталинской верхушке.

Много говорят, например, о массовых расстрелах в первый период войны тех заключенных, которые ни при каких условиях не должны были попасть в руки гитлеровцев, с точки зрения сталинского руководства, конечно. Да, эти расстрелы, как правило, осуществляли войска НКВД, формально возглавляемые Берией, но соответствующие списки утверждал лично Сталин, он же их и составлял при помощи Маленкова, Молотова, Ворошилова, Хрущева и других «соратников».

Вместе с тем под многими из этих расстрельных списков стоит подпись Берии. Но при его должности — нарком внутренних дел и генеральный комиссар госбезопасности — иначе и быть не могло: подобные акции проходили по его ведомству. Вот, например, приказ за номером 2756 от 18 октября 41-го года, предписывающий специальной группе сотрудников НКВД выехать в Куйбышев и расстрелять там 21 «врага народа», а попутно еще четверых человек надо расстрелять и в Саратове. Среди этой четверки, кстати, был и видный чекист Михаил Кедров, который, как теперь стало известно, еще летом 18-го года руководил в Архангельске массовыми расстрелами меньшевиков, эсеров, анархистов

и прочих врагов советской власти. В 18-м году Кедров был среди тех, кто раскручивал кровавое колесо террора и репрессий, безжалостно перемалывавшее «врагов», а спустя двадцать лет в их числе оказался и он сам.

Ничего нового большевики не изобрели. Нечто похожее было и во времена Французской революции конца XVIII века: ее вожди, начав, как водится, со строительства самого справедливого общества, в конечном счете истребили друг друга, а попутно — тысячи других французов. Масштабы, конечно, были не те, что у нас, а суть одна и та же. Революционные эпохи, как правило, порождают атмосферу своего рода массового психоза, в котором если кто-то и виноват, то лишь те, кто начинал революции и придумывал их «правила». В число таковых Берия, как известно, не входил — он втянулся в этот водоворот позже, хотя и ненамного.

Между прочим, Кедров, в отличие от многих других строителей новой жизни на чужих костях, до самой смерти помнил об архангельских расстрелах. В документах сохранились его слова: «Я старался убедить себя в том, что подобные лица должны беспощадно уничтожаться, хотя бы они и служили орудием в руках других. Тем не менее колебался: всю жизнь я боролся против виселиц и расстрелов. Неужели теперь нужно прибегать к тем средствам, которые никогда раньше не достигали цели? Неужели рабоче-крестьянская власть не может обойтись без казней?»

Оказалось, что не может. По многим причинам и, в частности, потому, что справедливая власть должна быть только общенародной или хотя бы стремиться к этому. Если же власть заранее объявляет себя служащей лишь одной части народа («рабоче-крестьянская!»), то она заранее обречена быть несправедливой и жестокой.

Среди жестокостей советской власти была и такая, которой еще не ведала история человечества. Правда, в ней были не так уж редки случаи геноцида — истребления какого-либо народа по национальному (или религиозному) признаку. Многие века в разных странах подвергались страшным гонениям евреи, в Османской империи истребляли греков и сербов, болгар и арабов, а в 1915 году перебили полтора миллиона армян. Но еще ни одно государство не использовало в качестве осознанной и планомерной политики насильственное переселение *множества* народов (депортацию).

Депортации в СССР начались не в конце войны, как считают многие, и даже не в ее начале, когда в отдаленные районы страны были высланы поволжские и прочие немцы. Первая «репетиция» была проведена на рубеже 20-х и 30-х годов в ходе высылки сотен тысяч «кулаков». Но тогда во главу угла ставился не национальный, а социальный признак, причем надуманный: ведь «кулаками» были всего-навсего крестьяне, сумевшие успешно и доходно организовать и вести свое хозяйство. В определенном смысле к депортациям можно отнести и кампанию расказачивания, начатую еще в январе 19-го года. Тогда наряду с истреблением казаков из некоторых станиц и хуторов их отселяли куда подальше. Но начало «классических» депортаций относится уже к середине 30-х годов.

Первыми жертвами этой своеобразной национальной политики оказались 35 тысяч поляков и 10 тысяч немцев, которые в мае 36-го года были выселены из приграничных районов Украины в Карагандинскую область Казахстана. Соответствующее постановление на этот счет было 28 апреля издано Совнаркомом за подписью Молотова, ну, а исполнение его, естественно, было возложено на НКВД. В постановлении,

между прочим, довольно педантично расписывалось, какие совхозы и МТС (машинно-тракторные станции) следует создать для переселенцев на новых землях, какую технику им выделить (включая грузовики, цистерны, трактора и т. д.), как организовать их быт. Предусматривалось даже создание «медико-санитарной сети и культурно-воспитательных учреждений», которые строжайше предписывалось в рамках одного-полутора месяцев укомплектовать необходимым персоналом и оборудованием. Более того, переселенцы даже могли перевезти с собой в Казахстан на государственном транспорте весь свой скот. Словом, на том этапе как бы соблюдался (во всяком случае, формально) один из наших традиционных лозунгов времен социализма: «Все во имя человека, все для блага человека».

И уж совсем неслыханный гуманизм советские власти проявили осенью 37-го года, когда в связи с обострением отношений с Японией (спустя год это вылилось в военный конфликт у озера Хасан) с Дальнего Востока были спешно переселены в Казахстан и Узбекистан 171,8 тысячи корейцев. Но при этом у переселяемых спрашивали, а не хотят ли они вернуться на историческую родину. Такое желание выразили примерно 200 семейств, и — поразительное дело! — их отпустили в Корею.

Были в предвоенные годы выселения и «по мелочам». Так, в июле того же 37-го года в пограничной полосе Армении, Азербайджана, Туркмении, Таджикистана и Узбекистана отыскали 1325 курдов, и перевезли их, в общем, не так уж и далеко — в Киргизию и Казахстан, но подальше от границы. Боялись, что курды будут шпионить на турецкую или на иранскую разведку? Кто теперь разберет...

К этим первым переселениям Берия вообще не имел никакого отношения, поскольку вплоть до ле-

та 38-го года работал в Тбилиси, на посту первого секретаря Закавказского крайкома и ЦК Компартии Грузии. Но после того как он возглавил НКВД, разумеется, акции подобного рода автоматически оказались в сфере его занятий. Между тем масштабы переселений как раз в это время резко расширились. В связи с присоединением к СССР восточных районов Польши, а затем Бессарабии, Северной Буковины и стран Балтии, поток высылаемых потянулся и оттуда. Депортации проводились якобы против офицеров, полицейских, чиновников и «представителей эксплуататорских классов» (то есть фабрикантов и помещиков), которые застряли на присоединенной территории и не успели бежать. Хотя куда было, например, бежать из Восточной Польши, если ее остальную часть захватили гитлеровцы? Но фактически круг депортируемых произвольно расширялся и мог включать в себя любые категории населения. Критерий при этом был один — недовольство новой властью. Общие указания по высылке давал Сталин, а секретные приказы и директивы составлялись в НКВД и были подписаны наркомом, то есть Берией.

После начала Великой Отечественной войны настала очередь и немцев, которых в СССР к тому времени насчитывалось более полутора миллионов. В первые дни войны советских немцев на общих основаниях призывали в армию, некоторые из них уходили на фронт добровольцами. Но еще 22 июня Наркомат госбезопасности в секретной директиве предписал усилить контроль за «подозрительными» немцами. Начались первые аресты. А 12 и 28 августа последовали совместное постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б), а затем указ Президиума Верховного Совета о выселении немцев Поволжья в Казахстан, Киргизию, Алтайский край, а также в Новосибирскую и Омскую области.

Акции по высылке немцев Сталин придавал особо важное значение. Он был искренне уверен в том, что «среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья» — именно так говорилось в продиктованном им тексте указа от 28 августа. Еще до этого, в конце июля, Сталин отправил в город Энгельс, столицу Республики немцев Поволжья, Берию и Молотова. Им было поручено ознакомиться с обстановкой в республике и продумать детали будущей депортации, вопрос о которой Сталин к тому времени уже в принципе решил.

Между прочим, в семье Берии долгие годы жила немка, бывшая учительница Элла Эммануиловна Альмедингер. Она была у них и экономкой, и домработницей, помогала Серго готовить уроки, когда тот еще учился в школе. Супруги относились к ней как к члену семьи. В начале войны, когда пошли слухи о предстоящей высылке немцев, Элла Эммануиловна забеспокоилась. Видя ее состояние, Берия как-то раз сказал ей:

— Элла Эммануиловна, не тревожьтесь. Никто вас не тронет.

Но когда началась депортация, какие-то «доброжелатели» доложили Сталину, что Берия, мол, не считает нужным подчиняться законам и не желает регистрировать в списках на высылку «свою» немку. Вскоре Сталин без предупреждения заехал в бериевский особняк, подгадав как раз к обеду. Вся семья уже была за столом, там же, как обычно, сидела и Элла Эммануиловна. Уселся перекусить и гость. Через некоторое время Сталин как бы между прочим сказал:

— Оказывается, Элла Эммануиловна, вы — гитлеровский агент? Вот незадача: столько раз вас видел — и не мог раскусить.

Все замерли. Но Берия, хорошо изучивший все повадки Сталина, включая и интонации, понял, что «хозяин» решил пошутить, и подхватил в тон ему:

— А главное, что я не сумел ее раскусить. Хорош нарком внутренних дел!

— Что ж, — усмехнулся Сталин, — решим так: Эллу Эммануиловну помилуем, а товарища Берию за потерю бдительности — к высшей мере! Ну, спасибо за обед. Мне пора.

Он поднялся и двинулся к двери. Берия, вышедший его проводить, спросил:

— Так я не понял, товарищ Сталин, как же мне быть?

— Твой расстрел пока отложим, — ответил Сталин. — А Элла Эммануиловна пускай живет, как и жила... под твою ответственность.

И Элла Эммануиловна так и осталась жить в семье до лета 53-го года, когда Берия был арестован, а его жена и сын отправлены в ссылку.

Но другим советским немцам, как известно, повезло меньше. Из одной только Республики немцев Поволжья уже в сентябре 41-го года было отселено в Казахстан, Узбекистан, Киргизию и другие отдаленные области 446 тысяч немцев, а всего к концу 42-го года число высланных немцев возросло до 1,2 миллиона человек. Это была самая крупная национальная группа «спецпоселенцев» — так обозначалась в документах эта категория населения (см.: Сборник документов: И. Сталин — Л. Берии: «Их надо депортировать»/ Сост. Н. Ф. Бугай. М., 1992).

Немцев выселяли, так сказать, профилактически — из опасения, что «по сигналу из Германии» они начнут что-то взрывать в советском тылу. А в

43-м году стали выселять те народы, которые Сталин скопом счел виновными в «пособничестве гитлеровцам». И пособничество безусловно было, однако вина за него ложилась на сотни, порой на тысячи вполне конкретных людей, но никак не на весь народ. Хорошо известно, что сотрудничали с немцами и даже воевали на их стороне десятки тысяч русских, украинцев, грузин и т. д., но подавляющее большинство все же воевало, как и положено, в своей, то есть в Красной Армии, — иначе исход войны был бы прямо противоположным. Впрочем, будь у Сталина такая возможность, он, скорее всего, выселил бы куда-нибудь и русских с украинцами, но это было нереально.

А вот с относительно небольшими народностями великий вождь не церемонился. Уже осенью 43-го года были выселены с родных мест карачаевцы, в начале 44-го года — калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, кабардинцы, в мае из Крыма было выселено 180 тысяч татар. Выселялись также (полностью или частично) и многие другие национальные группы, и все эти акции руководились Берией, причем далеко не формально. Он неоднократно выезжал на места, нередко сообщал оттуда в Государственный Комитет Оборона, что в ходе акций возникают непредвиденные сложности, и просил позволить ему задержаться.

Если исходить из параметров, заданных привычным мифом о Берии, то последнее можно истолковать как излишнее служебное рвение, можно даже — при желании — назвать Берию «верным цепным псом Сталина». Да, он всегда добросовестно исполнял порученное ему дело, даже когда это дело было несправедливым, бесчеловечным, как в случае с депортациями. Но и в этих ситуациях его действия разитель-но отличались от традиционно сложившихся пример-

но к середине 30-х годов «правил поведения» ближнего сталинского окружения. В этом окружении всем правили покорность и исполнительность, а Берия то и дело шел против течения, возражал там, где это было не принято, в том числе и Сталину. И если прочие «малые вожди» автоматически выполняли порученное, то Берия — как ни странно это прозвучит для читателей, вынужденных вот уже почти полвека питаться мифом о человеке в пенсне, — постоянно старался самостоятельно оценить сталинский приказ, понять меру его справедливости. И пытался повысить эту меру, когда, по его мнению, она была недостаточной или вовсе отсутствовала.

Приведем несколько примеров. Еще до войны, в июле 40-го года, секретарь ЦК Компартии Таджикистана Протопопов прислал в Москву докладную записку. В ней предлагалось отселить из района афганской границы, «имеющего большое стратегическое значение», бывших кулаков и прочих социально чуждых элементов, — их спецпоселения находились там уже лет десять. Речь шла, казалось бы, о «ерунде» — каких-то 2710 человек. Тем не менее Берия, вопреки уже сложившемуся порядку — автоматически реагировать на подобные «рацпредложения», 5 октября 40-го года в записке на имя Сталина и Молотова отметил, что никакой «антисоветской деятельности» спецпоселенцы не ведут, положенных правил не нарушают, а посему «НКВД СССР считает, что отселение спецпоселенцев из пограничной полосы в настоящее время не вызывается необходимостью». По тем временам это было поступком беспрецедентным. И — что самое удивительное! — далеко не единственным в биографии Берии.

Вот еще один пример. В октябре 44-го года Берия в ответ на запросы с мест разрешил освобождение из спецпоселений родственников офицеров и солдат

Красной Армии, если последних не планировалось демобилизовать после уже близившегося конца войны. Правда, это разрешение сопровождалось существенным ограничением: освобождаемые могли жить в любом месте, *кроме* своей родины (Крыма, Кавказа и т. д.). Но, к сожалению, иных вариантов не было. Даже в наше сверхдемократическое время поволжским немцам и крымским татарам так и не удалось по-настоящему вернуться в родные места, поскольку для этого пришлось бы выселять их новых обитателей.

Весной 45-го года выяснилось, что из Крыма наряду с татарами начали переселять и караимов — представителей маленькой народности, корни которой до сих пор не во всем ясны, но, вероятно, они родственны евреям. Соответствующий запрос из Крыма Берия получил в конце марта, и уже 2 апреля он распорядился не выселять караимов. Конечно, на фоне насильственного гона с насиженных мест сотен тысяч людей такого рода шаги на первый взгляд мало что меняют. Возможно, и так, но это еще раз подтверждает добросовестность Берии, его постоянное стремление — не переборщить, не перегнуть палку. Другой бы на его месте гнал эшелон за эшелонам на Восток — какие там еще караимы? Берии же пришло в голову задать себе в общем-то естественный вопрос: если даже в рамках жесточайших инструкций есть шанс какие-то группы людей спасти от депортации, то как же можно этого не сделать?

Наиболее наглядно эта позиция Берии проявилась в вопросе с другой маленькой народностью — лазами, жившими в Аджарии (а также в Турции). 25 марта 1945 года известный аджарский писатель Мухамед Ванлиши, член аджарского правительства, в письме на имя Берии просил наркома вернуть из мест

спецпоселений лазов, которых выселили «за компанию» с турками-месхетинцами, курдами и хемшинами. Берия поручил одному из своих заместителей, В. В. Чернышову, разыскать *всех* выселенных лазов и вернуть их в родные дома. При этом он особо подчеркнул, что несправедливо выселенным следует возместить материальный ущерб и вернуть брошенное при депортации имущество. И в результате лазы были возвращены домой. Их было немного — всего 68 человек, но ведь за каждым именем стояла человеческая судьба, которую можно было либо раздавить, либо спасти. Берия же предпочел второе, — конечно, когда такой выбор был в его власти.

Трудно переоценить важность подобного подхода. Ведь изначально в основе депортаций лежала идея гарантировать тылы Красной Армии (или государства в целом, если дело происходило в мирное время) от возникновения «пятой колонны», то есть относительно крупных групп населения, помогающих противнику. И такая опасность не была надуманной, высосанной из пальца. Это можно было бы подтвердить многочисленными примерами, но они и так достаточно хорошо известны. И к сожалению, масштабы перехода на сторону врага порой были такими, что удивлялись даже сами гитлеровцы. Так, в январе 43-го года войска НКВД частично ликвидировали в Чечено-Ингушетии четыре группы немецких диверсантов. Возглавлявший все эти группы полковник абвера О. Губе был доставлен в Москву и на допросе сказал: «Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им». А в Прибалтике, на Украине, в ряде других районов возникали довольно крупные боевые соединения, активно противодействовавшие Красной Армии. Все это не миф, а вполне реальные факты.

Сегодня, когда СССР распался на 15 самостоятельных государств, во многих из них те, кто сражался в годы войны против Красной Армии (в союзе с фашистами или самостоятельно), считаются национальными героями, борцами за свободу и т. д. Не будем здесь с этим спорить, допустим даже, что такая точка зрения тоже имеет право на существование. Но тогда, в военных условиях, ни бойцы Красной Армии, ни войска НКВД, естественно, не могли испытывать сочувствия к этим «борцам за свободу», стрелявшим им в спины. Советские солдаты тоже стреляли в ответ. А НКВД и НКГБ осуществляли те меры, которые были необходимы для ликвидации боевых групп внутреннего противника.

Если бы все ограничилось именно такими мерами и депортации не носили бы поголовного характера, а были бы направлены только против потенциальных врагов (хотя кто взял бы на себя смелость определять подобный потенциал, да еще в военных условиях?), вероятно, и не было бы особых оснований для споров. Ведь и американцы, например, в начале 42-го года отселили всех «своих» японцев из штатов, близких к тихоокеанскому побережью, — всего 120 тысяч человек. После войны, правда, американские власти признали это «перебором», однако превращать в предмет национального позора, как любят в последнее время делать в России, не стали. Стараясь хоть в чем-то, хоть в самой малости ограничить чрезмерные масштабы депортаций, Берия в каком-то смысле действовал «по-западному», то есть без присущих сталинской эпохе крайностей.

Пройдет не так уж много времени, и сразу же после смерти Сталина именно Берия начнет кампанию за возвращение депортированным гражданских прав. Если на момент смерти Сталина общее число депортированных составляло 2,8 миллиона человек,

то уже к концу 53-го года их оставалось в спецпоселениях чуть больше миллиона. И хотя Берия исчез с политической арены еще в конце июня, активная ликвидация спецпоселений безусловно была его заслугой.

К концу Великой Отечественной войны авторитет Берии значительно возрос. Он подтвердил свою репутацию умелого и решительного главы разведки и контрразведки (фактического, ибо формально он соответствующих должностей уже не занимал), а в ряде областей проявил себя превосходным хозяйственником и администратором. И то, что Берия по воле Сталина с самого начала оказался во главе стремительно набиравших скорость работ по созданию атомной бомбы, выглядело вполне естественно и логично: иную кандидатуру на это место было просто невозможно найти.

Столь же логичным и справедливым — с точки зрения обстоятельств и реалий тех лет — было и присвоение Берии звания маршала 9 июля 45-го года. Советские писатели и кинодраматурги любили именовать разведку и контрразведку «незримым фронтом». Со временем это превратилось в заезженный штамп, но суть-то дела от этого не меняется: Берия фактически руководил фронтом, который действовал ничем не хуже остальных. И в его рамках все отчетливее вырисовывался еще один «незримый фронт», совершенно самостоятельный — работа над атомным проектом.

Глава 5

РОЖДЕНИЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ

Так уж повелось, что большинство наций и стран в одних случаях подсознательно, а в других — вполне осознанно стремятся хоть в чем-то, хоть чуть-чуть выглядеть лучше других. В общем-то ничего страшного в этом нет, примерно так же многие люди искренне убеждены, что их дети отличаются какими-то особыми талантами, что в их квартире есть что-то такое, чего нет ни у кого другого, и т. д. Эта вера в «особенность» своего отечества (в его «особенную статью», как полтора века назад поэт Тютчев сказал о нашей с вами России) законна, объяснима и совершенно безобидна, если, конечно, при этом не приносятся и не перечеркиваются заслуги других стран и народов.

Но помимо эмоциональной веры, существуют и объективные понятия. Вовсе не собираясь обидеть, например, маленькую Молдавию или какую-нибудь Эфиопию, можно смело сказать, что США или Япония несколько помощнее их в промышленном, финансовом, военном и ряде прочих отношений. А, к примеру, нынешняя Россия послабее бывшего СССР — это без труда доказывается бесстрастными цифровыми показателями. Именно на основе

таких вот объективных показателей, их совокупности через некоторое время после окончания второй мировой войны возникло понятие «сверхдержавы». О том, что входит в это понятие, можно долго спорить (ниже поговорим на эту тему и мы), но на данный момент история распорядилась так, что его вплоть до начала 90-х годов применяли только в отношении двух стран — США и СССР.

Эти неполные полвека называют также периодом «холодной войны», поскольку вся мировая политика и международные отношения тех лет определялись постоянным и жестким (порой крайне жестким, а порой и несколько смягченным) противостоянием двух «сверхдержав». И в течение этого времени мир жил под угрозой перерастания «холодной войны» в «горячую», в которой почти наверняка обе стороны применили бы ядерное оружие. Когда воюют всерьез, не на жизнь, а на смерть, обычно не ограничивают себя в средствах.

Конечно, статус «сверхдержав» достался именно США и СССР в значительной мере благодаря их военно-промышленной мощи. Но венцом этой мощи (во всяком случае, в те годы) безусловно было ядерное оружие. Наверное, без ядерной бомбы, без стратегических ракет этого «сверх» просто не возникло бы: ведь до тех пор ни США, ни СССР, ни, например, Германию или Англию так не именовали. Но ядерное оружие не только вывело американцев и нашу страну в разряд «сверхдержав», не только придавало каждой из сторон уверенности в начавшемся противостоянии. Сегодня мы уже твердо можем сказать: то, что ядерное оружие оказалось в распоряжении *обеих* «сверхдержав», а не одной из них, спасло мир от «горячей», от новой мировой войны. Ибо, когда нашим или американским руководителям отказывала выдержка и угроза страшной всеуничтожающей войны ста-

новилась осязаемой, реальной, их в последний момент останавливало только одно: сознание, что противник немедленно нанесет столь же сокрушительный ответный удар.

А поскольку первыми секрет ядерного оружия раскрыли американцы, дальнейшая судьба нашей страны (а возможно, и всего мира) в значительной мере зависела от того, успеет ли СССР также овладеть этим секретом *прежде*, чем уже начавшееся противостояние приведет к смертоносной вспышке. Сейчас, когда все это осталось позади, можно говорить, что американцы и не думали нападать на нас, что им атомная бомба была нужна «на всякий случай», для защиты от возможного советского нападения, но как теперь это проверишь, да и нужно ли? Понятие паритета, в особенности паритета военного, придумано не в связи с этой ситуацией, оно существует давно. Паритет — залог стабильности, и спорить с этим бессмысленно.

В истории создания советского ядерного оружия Берия сыграл важнейшую роль, которая ныне не просто извращена, а вовсе перечеркнута, как будто вся жизнь этого человека состояла из жестоких расправ над заключенными и изнасилования доверчивых школьников. Между тем именно под руководством Берии с самого начала и фактически до его уничтожения осуществлялся советский атомный проект.

О том, как это происходило, уже не раз рассказывали мемуаристы, исследователи и писатели. Но если в этих рассказах и возникала фамилия Берии, то лишь для того, чтобы показать, как он все портил, всему мешал, подгонял падающих от усталости ученых, грозил им арестами и т. д. Все это весьма далеко от действительности. Поэтому есть смысл снова вернуться к этой теме, начатой в предыдущей главе, и попытаться восстановить истинную роль одного из главных персонажей.

Как известно, в результате интенсивных научных исследований американцы к началу лета 45-го года овладели секретом атомной бомбы и рано утром 16 июля провели ее успешное испытание на полигоне в Аламогордо, в штате Нью-Мексико. А на следующий день в берлинском пригороде Потсдаме началась конференция руководителей СССР, США и Англии, то есть Сталина, Трумэна и Черчилля. Оба западных лидера узнали о рождении нового сверхразрушительного оружия сразу же, и теперь им предстояло известить об этом Сталина. О «холодной войне» еще и разговора не было, три великих державы сохраняли военно-политический союз, и СССР, согласно обещанию Сталина, должен был вскоре помочь американцам и англичанам довершить разгром Японии. Казалось бы, ничто не предвещало грозы...

Но формальное сохранение союза США, Англии и СССР никого не могло обмануть. Было очевидно, что японцы будут добыты в самые ближайшие месяцы или даже недели. А в мирное время вновь выйдет на первый план то, о чем «союзники» в военную пору предпочитали не вспоминать, — принципиальная несовместимость двух противоположных систем, капитализма и социализма. Ни западные страны, ни, разумеется, СССР не собирались отказываться от избранного пути развития. Конечно, при этом совсем не обязательно было враждовать, можно было даже попытаться в том или ином виде продолжить сотрудничество и после окончания войны. Но все же, все же, все же...

Словом, западные «союзники» вовсе не собирались делиться новым оружием с СССР. Нет никакого сомнения, что точно так же поступил бы и Сталин, если бы какими-то причудами судьбы атомная бомба появилась в нашей стране раньше, чем на Западе. Но поскольку эпоха явного противостояния еще не

наступила, следовало в какой-то форме известить Советскую Россию о фантастическом успехе американских ученых и военных.

Эту миссию взял на себя Трумэн. После недельных раздумий он 24 июля, после окончания очередного заседания конференции, подошел к Сталину и сказал ему:

— На днях наши военные испытали новое оружие. Это совершенно необычный тип бомбы, с колоссальной разрушительной силой! Теперь нам есть чем сломить волю японцев продолжать сопротивление.

Черчилль, стоявший в нескольких метрах от них, внимательно следил за Сталиным, пытаясь угадать, о чем он спросит Трумэна прежде всего: о мощности бомбы, о ее размерах, о каких-либо технических характеристиках... Но Сталин только вежливо кивнул и сказал:

— Благодарю вас, господин президент, за эту приятную новость. Надеюсь, что ваша новая бомба поможет приблизить нашу общую победу.

Позднее Черчилль напишет в своих воспоминаниях, что, видимо, Сталин в первый момент просто не понял всей грандиозности случившегося. Но это не так. Еще несколько дней назад советские разведчики из США передали в Берлин довольно подробное сообщение об успешном испытании атомной бомбы в Аламогордо. Сообщение получил генерал Серов и немедленно доложил о нем Берии, который входил в состав советской делегации. А Берия соответственно тут же передал все необходимые сведения Сталину.

Вот потому-то Сталин и не проявил 24 июля в разговоре с Трумэном никаких эмоций, что все они уже достались на долю Берии. Разгневанный вождь отругал Берию и потребовал ответить, когда такое же оружие будет у СССР. Берия, поколебавшись, ска-

зал, что года через два, может, и пораньше. Сталина это, естественно, не устроило. Он приказал предельно ускорить работы по ядерному проекту, а спустя несколько дней, после разговора с Трумэнном, снова поторопил Берия. Тот ответил, что будет сделано все возможное, но быстрее, чем в два года, вряд ли удастся уложиться.

6 августа американцы сбросили атомную бомбу на японский город Хиросиму. Эффект был потрясающим: погибло несколько десятков тысяч человек, значительная территория подверглась радиоактивному заражению. Через три дня вторая атомная бомба была сброшена на Нагасаки. В этот же день, 9 августа, советские войска, выполняя данное союзникам обещание, начали военные действия против японцев в Маньчжурии и Корее. Вскоре Япония капитулировала, но Сталин был крайне недоволен: он считал (и не без оснований), что хребет японцам переломила не его армия, а американская чудо-бомба.

20 августа Государственный Комитет Оборона (он был распущен только через две недели, после официальной капитуляции Японии) постановил создать специальный комитет для форсирования работы над ядерным проектом. Первоначально в спецкомитет вошли девять человек, включая таких видных ученых, как И. В. Курчатов и П. Л. Капица, главой его был назначен Берия, заместителем — Маленков. Весьма символично, что этот спецкомитет был распущен мгновенно после устранения (или убийства) Берии, в тот же день! Все его функции и большинство сотрудников тогда же отошли к так называемому Министерству среднего машиностроения, созданному для тех же самых целей. Вы спросите, для чего же понадобилось превращать спецкомитет в министерство? Понятно зачем: чтобы вытравить малейшую память о Берии. Ведь он был не просто формальным

главой комитета, но его душой, мотором, источником его энергии.

Пройдет несколько лет, и Курчатову, одному из главных создателей атомной бомбы, следователи, ведущие «дело Берии», будут предлагать дать показания против бывшего начальника. Ну, например, признать, будто бы Берия всячески мешал работе ученых. Но Курчатов, по свидетельству Серго Берии, категорически откажется от вранья и твердо заявит:

— Если бы не Берия, у нас и до сих пор не было бы атомной бомбы. Ее создание в такие сжатые сроки — исключительно его заслуга.

Не все проявили такую стойкость и — с учетом нравов тех лет — мужество. Так, один из членов бериевского спецкомитета, видный хозяйственник А. П. Завенягин в июле 53-го года на Пленуме ЦК КПСС (он был специально созван для рассмотрения «дела Берии») с готовностью скажет все то, чего не могли добиться следователи МВД от Курчатова. Оказывается, Берия единолично принимал важнейшие решения, не докладывая о них Центральному Комитету. А поскольку кто-то все-таки, видимо, дерзнул сказать на Пленуме о положительной роли Берии в работе ядерного спецкомитета, Завенягин решительно заявил:

— Мне кажется, в оценке Берии как работника имеется преувеличение его некоторых положительных качеств. Всем известно, что он — человек бесцеремонный, нажимистый, он не считался ни с кем и мог продвинуть дело. Это качество у него было... Без лести членам Президиума ЦК могу сказать: любой член Президиума ЦК гораздо быстрее и глубже может разобраться в любом вопросе, чем Берия. Он слыл организатором, а в действительности был отчаянным бюрократам. После смерти товарища Сталина Берия особенно заметно стал демагогически вести игру

в экономию. Американцы строят новые большие заводы по производству взрывчатых атомных веществ. Тратят на это огромные средства. Когда мы ставили вопрос о новом строительстве, Берия нам говорил: «К черту, вы тратите много денег, укладывайтесь в пятилетку». Мы не могли с этим мириться, государство не может мириться. Берия же повторял нам: «К черту, укладывайтесь в утвержденные цифры».

Этот бред, видимо, не стоит и комментировать. Или все-таки стоит? Конечно, Берия «вел игру в экономию» не только после смерти Сталина, но и с самого начала деятельности атомного спецкомитета. Как известно, в тяжелые послевоенные годы «свободных» денег в стране не было: надо было отстраивать разрушенные города и села, поднимать промышленность и сельское хозяйство. На нужды армии, на форсированную разработку атомного проекта шли огромные средства, возможно, и не такие большие, как в процветающих (в сравнении с нашей страной) США, но для нас — предельные. Куда же еще было их наращивать? А «игра в экономию», по всей вероятности, позволяла делать хоть что-то для удовлетворения повседневных нужд населения. Да и к 53-му году наше положение с финансами не так уж изменилось в лучшую сторону. Так что ставить в вину Берии его нежелание транжирить народные деньги по меньшей мере странно.

Впрочем, таких, как Завенягин, оказалось немного. Подавляющее большинство тех, кто работал под руководством Берии над атомным проектом, крайне высоко отзывались о его организаторских способностях, называли их поразительными. Берия, в свою очередь, также дорожил каждым членом «атомной команды», которую он собрал, по сути дела, в одиночку, сам.

Очень интересно складывались его отношения со знаменитым физиком П. Л. Капицей, который три-

надцать лет провел в первоклассных лабораториях Англии. Вернувшись в СССР в 1934 году, Капица не считал нужным скрывать своей, мягко говоря, неприязни к советской власти. Но его, как ни странно, не трогали, правда, и за границу уже больше не выпускали. Еще до создания спецкомитета Берия предложил Капице принять участие в работе над атомным проектом, но ученый категорически отказался.

Если исходить из официальной легенды о Берии, точнее говоря — из ее духа, то за этим отказом, конечно, должен был последовать арест Капицы, жестокие пытки и все прочее в этом роде. Но произошло иное: Берия сумел уговорить ученого работать над проектом. Каким же образом? Трудно сказать... Одни пишут, что пригрозил, запугал арестом: на тебя, мол, академик, материалов выше крыши. И действительно, некоторые из «коллег» исправно сообщали по инстанции об антисоветских высказываниях Капицы. Другие утверждают, что именно уговорил. Проскальзывают даже упоминания о каком-то феноменальном бельгийском ружье-двустволке, которое Берия будто бы лично подарил строптивому ученому. Так или иначе, вскоре Капица приступил к работе над проектом.

Энергия и напор Берии, его поразительная работоспособность потрясали всех. Специальных знаний у него, разумеется, не было, но он быстро освоил незнакомую терминологию, уловил главное в динамике работы и мгновенно отсеивал первоочередные проблемы от второстепенных. Соответственно они и решались: сперва — главное, а потом — все остальное. Благодаря четкой организации работы, дополнительных средств (вспомните обвинения Завенягина на июльском Пленуме ЦК в 53-м году!), как правило, и не требовалось.

Как-то раз даже Капица, человек малоэмоциональный и невозмутимый, сказал своему другу Н. Н. Семенову, ведущему специалисту по химической физике:

— Поразительно, откуда у этого Берии на все хватает сил? Жаль только, что такой способный человек работает на большевиков!

Семенов в ответ расхохотался:

— Ну, что уж теперь поделаешь! Лаврентия Павловича вряд ли удастся перевоспитать (см.: Берия и я С. Мой отец Лаврентий Берия. М., 1994).

Независимая позиция Капицы, его неосторожные «вольные» высказывания, конечно, бросались в глаза. С друзьями вроде Семенова это, разумеется, было неопасно, но и они просили Капицу быть посдержаннее. А недруги академика, как уже говорилось, старательно стучали на него. Берия, к которому так или иначе попадали эти доносы, не давал им хода, а на недоуменные вопросы обычно отвечал:

— Ну, предположим, Капица или кто-то другой считает, что мы сволочи, так? Ну, и Бог с ним, это его личное дело. Главное, чтобы хорошо и честно работал.

В таком же духе Берия отвечал и на соответствующие вопросы Сталина, который, впрочем, и сам считал, что специалистов высшей квалификации трогать не следует, пускай себе болтают. Однажды Сталину принесли донос на физика-ядерщика Ю. Б. Харитона, также привлеченного к работе над проектом. Поскольку Харитон, как и Капица, в 20-е годы работал в Англии, в лаборатории знаменитого Эрнеста Резерфорда, в доносе его представили глубоко законспирированным английским шпионом, призванным сорвать работу над атомным проектом.

Сталин вызвал к себе Берию, ознакомил с «делом Харитона» и потребовал объяснений. Берия от-

ветил то же, что уже говорил по поводу «вольнолюбия» Капицы, и добавил:

— Всех людей, работающих над этим проектом, я отбирал лично. И за каждого из них могу поручиться. Не за их взгляды и симпатии, конечно, а за реальные действия. Все они честно работают, отлично работают и на предательство, на подлость никогда не пойдут. А шпионаж... Для таких обвинений нужны факты, а не фантазии.

— Ну, смотри, — сказал Сталин. — В случае чего ответишь головой. И не только за Харитона...

Мы уже упоминали случаи, когда по распоряжению Берии из заключения освобождали видных представителей науки (да и не их одних, разумеется). Теперь нередко встречаются утверждения, что делалось это из чисто практических целей, что свободу бывшие арестанты получали весьма условную и порой жили на полулагерном, казарменном положении. Вспоминают и про печально известные «шарашки». Что ж, особым гуманизмом ни Берия, ни прочие советские руководители действительно не отличались. Однако ни при Ежове, ни при тех, кто еще в сталинскую эпоху сменил Берию на посту руководителей органов госбезопасности (Меркулов, Абакумов, Игнатьев), подобные инициативы практически не проявлялись, известны лишь единичные случаи. И даже если признать, что за этими «гуманными» шагами Берии стояли исключительно корыстные соображения, то в конце концов радость освобожденных от этого была не меньше.

Работы по атомному проекту активно развернулись в СССР, как вы помните, еще с февраля 43-го года. Как же получилось, что во главе их встал мало кому тогда известный сорокалетний И. В. Курчатов? Референт Берии В. А. Махнев свидетельствует, что в самом начале работ, когда возник воп-

рос о научном руководителе, Сталин сказал Берии:

— Конечно, ближе всех к атомным делам стоят Иоффе и Капица. Но у них уже мировая слава, к тому же они — директора институтов. Если поручить им решение такой важной проблемы, то это, пожалуй, будет серьезной помехой в их повседневной работе. Так что полной отдачи от них ждать не придется. Поэтому надо подыскать талантливого и относительно молодого физика, пускай он и возглавит работу над созданием атомного оружия. Для такого человека решение этой задачи станет единственным делом его жизни. Ну, а мы дадим ему большую власть, сделаем его академиком и, конечно, будем зорко контролировать все его действия.

После этого разговора Берия пригласил к себе Иоффе, Капицу и Семенова, поговорил о деле и спросил у Иоффе, кого из своих учеников он может рекомендовать в руководители атомного проекта. Иоффе назвал фамилию Курчатова, которого тут же привезли из еще частично заблокированного немцами Ленинграда (в январе 43-го года блокада была прорвана, но лишь на очень узком участке). Говорят, правда, что Иоффе назвал Берии несколько фамилий (Серго Берия даже утверждает, что была «добрая полусотня кандидатов»), но выбор в конечном счете остановился на Курчатове.

Берия явился к Сталину и в общем виде доложил ему, почему Курчатов больше других подходит на роль руководителя атомного проекта. Немного подумав, Сталин сказал:

— Ладно, пускай будет Курчатов. Раз ты считаешь, что он годится, — так тому и быть. Только учти: эти маститые академики будут сильно сопротивляться твоему Курчатову.

В первые годы работы над атомным проектом (до создания спецкомитета) было немало организацион-

ной путаницы. Сталин поручил курировать проект сразу нескольким членам Политбюро. Формально общее руководство было возложено на Молотова, кроме того, и такое важное дело, как разведку и промышленную добычу урановой руды, должен был курировать тоже он. Но Молотов, известный тем, что никогда ничего не отваживался решать самостоятельно, конечно, не смог справиться с этим заданием.

В начале 45-го года, по мере продвижения советских войск по территории Германии, стало известно о больших запасах урановой руды в Саксонии. Берия немедленно направил туда группу опытных геологов (Сталин к тому времени уже отобрал курирование у Молотова, видя, что тот не в состоянии справиться с делом), поставив во главе их генерала Серова. Выяснилось, что часть «уранового» района занимают американские войска, хотя, согласно Ялтинским соглашениям, он полностью должен был входить в советскую зону оккупации Германии. Серов срочно связался с Берией, тот позвонил Жукову, и маршал настоял на отводе американских войск.

Запасы саксонской урановой руды оказались огромными. В Саксонию были направлены дополнительные специалисты, рабочие. Войска прочно оцепили весь район разработок, тем не менее по приказу Берии был принят ряд маскировочных мер. Было даже создано акционерное общество «Висмут», которое возглавил генерал Мальцев. Ему же подчинялись и приданные «акционерному обществу» войска, штаб которых поначалу располагался в Дрездене. Но в огромном городе, пусть и сильно разрушенном в результате авианалетов, не очень-то замаскируешься. Поэтому штаб вскоре перевели в городок Ауэ, который, по сути дела, после этого был сделан «закрытым».

Шахты в районе разработок были частично разрушены, но и те, что сохранились целыми, давно

не использовались. Раньше в них добывали в основном серебро и кобальт, теперь их предстояло срочно приспособить для добычи урановой руды. Берия внимательнейшим образом следил за своевременной доставкой в район работ необходимого оборудования, других материалов, продовольствия для рабочих. Из берлинского института Кайзера Вильгельма, также работавшего над атомным проектом, чехисты доставили в Ауэ всех физиков-ядерщиков, которых удалось отыскать. Среди них оказался и директор института выдающийся физик Манфред фон Арденне, другие видные ученые. Был привлечен к работам и знаменитый Густав Герц, лауреат Нобелевской премии. Герца, правда, почти сразу же перевезли в Крым, где по приказу Берии была развернута одна из секретных лабораторий в рамках атомного проекта.

Таких лабораторий в Крыму и на Кавказе (помимо тех, что существовали в Москве и ее окрестностях) было создано несколько. А в районе Сухуми возник крупный исследовательский центр, в котором, по данным Серго Берии, работало около 200 германских ученых и примерно 120—130 советских. Там же, близ Сухуми, возник небольшой городок из уютных коттеджей, построенный специально для ученых из Германии. В городе были магазины, бани, парикмахерские, столовые, гаражи, кинотеатр, парк — словом, все необходимое для нормальной жизни. Секретность, конечно, соблюдалась самая строгая, но условия, в которых трудились немецкие ученые, никак нельзя назвать тюремными. В свободное время они могли посещать Сухуми, а очередной отпуск проводили по своему выбору где угодно (правда, только в пределах СССР). В 1954—1955 годах немецким специалистам было разрешено вернуться на родину.

Справедливости ради заметим, что такие «санаторные» условия (если не говорить о жестких правилах секретности, несомненно, необходимых) были созданы отнюдь не только для иностранных ученых. Берия считал, что специалисты, напряженно работающие над атомным проектом, порой не лежащие спать по несколько дней кряду, не должны испытывать недостатка ни в чем. Он старался исключить любую мелочь, вплоть до бытовых, которая могла бы чем-то расстроить ученых, отвлечь их внимание от основной работы. Конечно, им руководили и чисто практические соображения: ведь рабский труд, как и труд из-под палки, непроизводителен. Ну и что? В этом первоочередном для страны деле необходимо было учитывать *все*, абсолютно все, и именно из этого Берия и исходил.

Эту сторону деятельности Берии на посту руководителя атомного спецкомитета вынуждены признать — правда, без особой охоты — даже самые активные защитники традиционного мифа. Так, А. В. Антонов-Овсеенко пишет: «Надо признать, что Берия лично, за редким исключением, не пользовался рычагами устрашения. Ученых-атомщиков он привлекал сказочными по тем временам материальными благами и, что для многих специалистов было главным, перспективой исследовательской работы в новых лабораториях на переднем крае науки. Свои предложения Берия подкреплял обещанием тройных, десятикратных окладов, предоставлением прекрасных квартир, особняков, курортного лечения... Если некий специалист ссылаясь на состояние здоровья или семейные обстоятельства, Лаврентий Павлович с готовностью брался все устроить — немедленно и с превышением. Кто осмелится отклонить настойчивые предложения сталинского фаворита, владыки Лубянки?» Ну и что же, спросим, в этом плохого?

Неужели было бы лучше, если бы Берия использовал «рычаги устрашения»?

Но заслуги Берии в осуществлении атомного проекта заключаются не только в превосходной организации работ, в подборе кадров и обеспечении их всем необходимым. Еще в декабре 45-го года Сталин приказал Берии сдать полномочия наркома внутренних дел С. Н. Круглову (правда, соответствующие указы были подписаны лишь 16 января) и заниматься только атомным проектом. Однако независимо от поста, который в тот или иной момент занимал Берия, разведка и контрразведка всегда оставались одной из основных сфер его деятельности. Впрочем, для атомного проекта это оказалось как нельзя кстати. Советские разведчики активнейшим образом работали в США, Германии, Англии, других странах, собирая информацию, которая могла бы помочь успеху атомного проекта хотя бы в малейшей степени. Берия еще с начала 40-х годов был в курсе практически всех важных шагов, предпринимаемых учеными разных стран в области ядерных исследований.

Разумеется, наряду со сбором информации, важнейшую часть работы разведчиков составляла вербовка. По указанию Берии вербовать старались всех, кто мог реально помочь в работе. Естественно, что при этом главное внимание уделялось крупным специалистам. Помимо тех, о ком уже говорилось в предыдущей главе, крайне важную роль играл и немецкий физик-ядерщик Клаус Фукс. Летом 1933 года он эмигрировал из Германии и вскоре оказался в Англии, где работал в лаборатории другого немца-эмигранта, знаменитого Макса Борна, одного из основоположников квантовой механики. В мае 40-го года, после начала активных военных действий в Западной Европе, англичане интернировали Фукса,

как и прочих немцев, и даже успели выслать его в Канаду. Но в Англии к тому времени уже разворачивались собственные работы по созданию атомной бомбы. По ходатайству видных английских ученых Фукса срочно привезли обратно и подключили к этим работам. А вскоре ему даже дали английское подданство.

Трудно сказать, когда именно на Фукса вышли советские разведчики. Одни полагают, что это произошло в Англии еще в 41-м или в 42-м году. Другие называют даже более ранние сроки. А академик Ю. Б. Харитон вообще полагал, что Фукса никто не вербовал и он сам сумел каким-то образом связаться с советскими разведчиками в Лондоне и предложить им свои услуги. В принципе это могло быть, так как, еще живя в Германии, Фукс то ли поддерживал тесные связи с коммунистами, то ли даже был членом Компартии Германии. Но возможность дилетанта выйти на глубоко законспирированных, профессиональных разведчиков вызывает большие сомнения. Видимо, все-таки инициативу проявил не Фукс, а ведомство Берии.

В декабре 43-го года англичане отправили в США группу специалистов-ядерщиков, чтобы объединить и этим ускорить ход исследований. В составе группы был и Фукс. Контакты с ним продолжались и в США, даже стали еще активнее. Фукс принимал непосредственное участие в создании атомной бомбы, и, естественно, вся известная ему информация (а знал он практически все) оперативно уходила в СССР. Когда в январе 50-го года английской контрразведке удалось наконец разоблачить Фукса (в Англию он вернулся в 46-м году), западные специалисты в области ядерной физики ахнули. По их мнению, информация Фукса ускорила создание атомной бомбы в СССР лет на пять или даже больше. Не будучи специалистом в

данной области, не рискну комментировать эти оценки. Однако можно смело сказать, что Фукс *очень* помог нашим ядерщикам.

Можно сказать и другое: умелое и профессиональное руководство Берии обеспечило вербовку таких ценных помощников, как Фукс и многие другие специалисты. Что же касается дальнейшей судьбы Фукса, то английский суд приговорил его к четырнадцати годам тюрьмы, из которых он отсидел в заключении девять, после чего переехал в ГДР и работал там по специальности до самой смерти, наступившей его в феврале 88-го года. Удивительная судьба!

Меньше повезло американским физикам, супругам Розенбергам, также связанным с советской разведкой. В начале 50-х годов они были разоблачены и казнены по приговору суда. Оба этих провала связаны не с какими-либо упущениями советской разведки, а со случайными обстоятельствами (в частности, Этель Розенберг и ее муж были выданы братом Этель), к тому же в те годы формально разведкой руководил не Берия.

В отличие от более поздних времен провалы советских разведчиков и их агентуры были тогда крайне редким явлением, а предательство — редчайшим. Зато успехи были просто поразительными. О многих из них в силу ряда обстоятельств и сегодня известно далеко не все. В мемуарах Серго Берии, например, рассказывается совсем уж невероятная история, из которой следует, что с советской разведкой был связан (во всяком случае, в течение некоторого времени) и... руководитель американского атомного проекта Роберт Оппенгеймер!

Могло ли такое быть? Ведь в этом случае (а если еще и вспомнить о Фуксе) непонятно, почему же советская атомная бомба была создана на четы-

ре с лишним года позже американской, а не примерно тогда же или даже раньше? Впрочем, эпизод, о котором вспоминает Серго Берия, относится к концу 39-го года. Именно тогда в Москву приехал и прожил недели две в доме Берии «довольно высокий худошавый англичанин лет тридцати», судя по внешности, еврей. Звали его Робертом. Говорил он и по-немецки, и — еще лучше — по-английски, целыми днями где-то пропадал, а находясь дома, много читал и изредка беседовал с Серго. Отец предупредил его:

— Можешь рассказывать Роберту обо всем, что ему будет интересно. Только вот сам, смотри, ни о чем его не расспрашивай.

Лишь спустя несколько лет, уже во время войны, Сергей узнал, что их загадочным гостем был Оппенгеймер. Избегая упоминания его фамилии, Берия сказал сыну:

— Роберт приезжал к нам для того, чтобы предложить реализовать атомный проект. Ну, ему ответили: преждевременно, мол. А теперь вот он руководит этим проектом в Америке.

— Так он что же, приезжал в СССР нелегально? — спросил удивленный Серго.

— Ну, можно и так сказать... А иначе разве американцы доверили бы ему нынешний пост?

— А сейчас ... сейчас он нам помогает?

— Нет, — решительно ответил Берия. — Да это и ни к чему: нам и без него есть кому помогать.

Эту часть воспоминаний Серго Берии уже успели высмеять в нашей печати. Но не поторопились ли? Ведь Оппенгеймеру в начале 50-х годов в США тоже «шили» сотрудничество с советской разведкой. Доказать, правда, ничего не удалось, но от ведущихся тогда работ над водородной бомбой Оппенгеймера все-таки отстранили.

Но вернемся к непосредственной работе над советским атомным проектом. Она кипела полным ходом. В многочисленных лабораториях велись исследования. В Саксонии и ряде рудников на территории СССР — часть их (например, на севере Казахстана) открыли разосланные повсюду по приказу Берии специальные геолого-изыскательские партии — шла интенсивная добыча урановой руды. Параллельно разворачивались работы и в смежных направлениях. Так, уже в 1947 году в подмосковных Подлипках возник своеобразный городок, примерно такой же, что и близ Сухуми. Туда также привезли около двухсот немецких специалистов, но не ядерщиков, а тех, которые были связаны с производством ракет Фау.

К тому времени уже многим становилось ясно, что бомбардировка с самолетов (в том числе и атомная) вот-вот утратит свою эффективность. Резкое усиление средств ПВО, создание мощных локационных систем превращали бомбардировщики в весьма уязвимые мишени. Оба главных потенциальных противника в будущей войне обладали гигантскими территориями, их разделяли огромные океанские пространства. Только в одном месте, у Берингова пролива, территории СССР и США сближались, но ни на советской Чукотке, ни на американской Аляске бомбить было особенно нечего, а до важных промышленных и военных объектов надо еще было лететь и лететь. Поэтому созданию мощных ракет, которые были бы способны нести ядерные заряды, придавалось не меньшее значение, чем непосредственной работе над созданием и усовершенствованием атомной, а затем и водородной бомбы. Ракеты конструировались в Подлипках и ряде других центров, не менее надежно засекреченных. А в районе подмосковного Малоярославца возник центр

(ныне Обнинск) по обогащению урановой руды. Берия был главным куратором всех этих работ.

В те годы Берия постоянно бывал в новых городках и поселках, с самого начала следил за их строительством. Более того, для большинства из них он сам (или его уполномоченные) подбирал места, исходя при этом из интересов секретности. Он же определял создание системы надежной транспортной связи с новыми центрами, условия их продовольственного и прочего снабжения, да практически и все другие вопросы. Второстепенного в этом важнейшем деле быть не могло. На своем личном самолете или на спецэшелоне Берия разъезжал по всей стране, стараясь не по докладам, а непосредственно, своими глазами наблюдать за ходом всех работ. Это в значительной мере гарантировало бесперебойность абсолютно всех процессов: чисто научных, строительных, хозяйственных, бытовых.

Некоторые исследователи сетуют на то, что, мол, «ради Берии», ради этих вот разъездов приходилось срочно прокладывать шоссейные и иные дороги, даже железнодорожные ветки. Но эти ветки и дороги в дальнейшем использовались для нужд тружеников, живущих в новых городках и поселках, да и для местного населения. Между прочим, Берия всегда внимательно следил за тем, чтобы все экстренные и сверхурочные работы оплачивались достойным образом. И это касалось не только ученых, инженеров и строителей, но и тех, кто вдруг оказывался, как говорится, на подхвате. Известны слова одного ветерана-железнодорожника: «У нас тут часто ездил на своем спецпоезде Берия, и мы тогда ежемесячно получали по две зарплаты». Можно, конечно, и за этим усмотреть какой-то злобный замысел, но что же тогда руководит действиями иных нынешних администраторов, которые считают возможным не пла-

тить людям *ни одной* зарплаты? Видимо, какие-то очень глубоко скрытые гуманные цели.

Следует сказать и еще об одной заслуге Берии: умении сплотить разные, часто противоречивые интересы работников, создать деловую рабочую обстановку. Не секрет, что когда какое-то важное дело, процесс вовлекает в себя две или более профессиональных сфер, между ними непременно возникают трения и конфликты. В работе над атомным проектом (включая и разработку ракетной техники) так случилось с интересами ученых и военных. Однако Берия сумел не только четко разделить область занятий и компетенции тех и других, но и устранил почву для конфликтов, во многом совместив, казалось бы, взаимоисключающие интересы.

Здесь уместно и обоснованно будет сослаться на свидетельство Серго Берии, принимавшего непосредственное участие в работе над ракетной техникой. Он пишет: «Мой отец всегда настаивал на том, чтобы военные привлекались с начала разработки. Когда мы проводили испытания новой техники, он мне всегда говорил об этом... Военные не тогда должны изучать то или иное изделие, когда оно поступит в войска, а с момента начала разработки. Тогда и во все тонкости вникнут, и по ходу дела что-то обязательно подскажут дельное... Ни одна разработка без каких-либо огрехов, как ни крути, не обходится. Я всю жизнь работаю на оборону, но никогда не считал зазорным принять дельный совет кого-то из тех, кому придется в будущем иметь дело с нашими разработками». Именно так, взаимно консультируясь и помогая друг другу, работали над советским атомным проектом ученые и специалисты-военные. Вряд ли стоит подчеркивать, как способствовали этому энергия и напор Берии, его авторитет.

Не будем отрицать, что в определенной мере на людей действовал и фактор страха перед наказанием со стороны органов, которые как бы олицетворял собой Берия. Но атмосфера строгости, повышенной ответственности царила тогда повсюду: на заводах и фабриках, в колхозах и творческих союзах. Наверное, это было излишней крайностью, нередко оборачивавшейся и жестокостью. Но Россия вообще страна крайностей, промежуточные величины у нас усваиваются плохо. И если выбирать, что лучше — крайняя (пусть и сверхкрайняя) строгость или расхлябанность и равнодушие к делу, — вероятно, мало кто решится дать однозначный ответ.

К тому же Берия, как уже говорилось, крайне редко пользовался «рычагами устрашения», предпочитая им нормальный деловой разговор. Лишь в исключительных случаях он считал нужным пригрозить нерадивому подчиненному. Академик А. Д. Сахаров вспоминал, что летом 52-го года полковник (или генерал) Н. И. Павлов, один из уполномоченных Берии, дал безграмотное производственное указание, которое привело к срыву работ на одном из участков. На очередном совещании Берия сказал по этому поводу:

— Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное, — при этих словах Берия, как пишет Сахаров, «страшно» зажмурился. — А вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Пока что мы вас не будем наказывать. Надеемся, что вы еще исправите ошибку. Но имейте в виду: у нас в тюрьме места много!

Кстати, и в судьбе А. Д. Сахарова Берия также сыграл определенную роль. Ведь Сахаров и в молодые годы не считал нужным скрывать свои взгляды. Конечно, в ту пору они еще не были настолько «антисоветскими», как позднее, но в сталинскую эпоху для

ареста вполне могло хватить и просто неосторожного слова (а нередко, как известно, обходились и без него). Кроме того, незаурядные, новаторские научные идеи Сахарова, которые он обычно горячо отстаивал, некоторые маститые ученые встречали в штыки. Все эти сведения «доброжелатели» поспешили включить в досье Сахарова, которые по указанию Берии подбирались на всех перспективных молодых ученых, становившихся кандидатами для включения в работы над атомным проектом. И хотя многие видные специалисты пытались отсоветовать Берии привлекать к этим работам Сахарова (неконтактный, мол, вздорный и т. д.), он настоял на своем решении, а в дальнейшем решительно отвергал все доносы и «сомнения», связанные с Сахаровым.

Совершенно не укладывается в привычный «имидж» Берии и дальнейшее развитие его отношений с П. Л. Капицей. Хотя Берия и старался оградить Капицу от жалоб доносчиков, у него с академиком порой возникали споры о сроках работ, их приоритетных направлениях и т. д. Капице казалось, что Берия ничего не понимает в существе проблемы, и если говорить о чисто научной стороне, то, скорее всего, так оно и было. Но Берия лучше видел всю совокупность задач, связанных с атомным проектом, точнее понимал привязанность этих задач к международной обстановке, наконец, не мог не выполнять жесткие указания Сталина о сроках. После одного из споров Капица в ноябре 45-го года написал Сталину жалобу на Берию, а также на Маленкова и Вознесенского.

Это письмо Капицы сейчас нередко приводится в «доказательство» будто бы пагубного влияния Берии на работы по атомному проекту. Но давайте попробуем вдуматься в содержание письма Капицы с чисто человеческой стороны. Вот он пишет, что у

Берии «дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть Ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру. У тов. Берии основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берии слабо. Я ему прямо говорю: «Вы не понимаете физику, дайте нам, ученым, судить об этих вопросах»... Я ему предлагал учить его физике, приезжать ко мне в институт. Ведь, например, не надо самому быть художником, чтобы понимать толк в картинах... Но для этого нужно работать, а черкать карандашом по проектам постановлений в председательском кресле — это еще не значит руководить проблемой... Следует, чтобы все руководящие товарищи, подобные Берии, дали почувствовать своим подчиненным, что ученые в этом деле ведущая, а не подчиненная сила...»

В конце письма Капица подчеркивал, что это — не донос, и просил Сталина ознакомить с его посланием Берию. Что ж, в свете легенды о Берии этот поступок Капицы можно было бы прокомментировать как отчаянный и отважный шаг, вызванный его искренним беспокойством за судьбу проекта. Ведь с Берией, как известно, шутки плохи! Но не странно ли: академик довольно резко говорит о Берии, приводит свои обидные слова, сказанные Берии в лицо, наконец, специально просит Сталина показать его письмо, так сказать, объекту жалобы? Для пользы дела было бы логичнее спокойно, без эмоций перечислить свои претензии и высказать конкретные предложения. Похоже, что Капица совсем не боится мести ужасного палача, не так ли? Да, именно так. Но почему-то никому не приходит в голову, что объяснением этого совсем не обязательно должно быть бесстрашие знаменитого физика. По-моему, куда логичнее был бы такой вывод: Капица не

боялся Берии потому, что бояться было *нечего*. Их отношения были чисто деловыми, рабочими, допускаящими и споры, и конфликты, и даже обращение к руководству (к Сталину), но именно как к третьей, а не как к карающей инстанции.

Ситуация осложнялась тем, что на Капицу стали поступать доносы не только как на «антисоветчика»: выше говорилось, что Берия оставлял таковые без внимания. Но некоторые участники атомного проекта (называются, в частности, имена М. К. Сукова и И. П. Усюкина) писали клеветы, в том числе и Сталину, из которых следовало, будто бы ряд технологических разработок Капицы порочен и даже вреден для дела. Возмущенный Капица, в свою очередь, жаловался Сталину, пытался пояснить несостоятельность обвинений. В конфликте разбирались экспертные комиссии, которые возглавляли партийные чиновники — Первухин, Сабуров и другие. Не особенно вникая в суть спора, они, как правило, давали неблагоприятные для Капицы отзывы.

В конце концов летом 46-го года Капица был отстранен от работы над проектом. Многие исследователи настаивают, что «за кулисами» этой акции стоял Берия (а кто же, мол, еще?). Опровергнуть эти утверждения довольно сложно, разве что сослаться на то, что Берия стремился задействовать в атомном проекте все лучшие научные силы, не считаясь ни с какими побочными соображениями. Но, в общем, это не доказательство.

Известно, правда, и другое. Отстраненный от работы над атомным проектом, Капица заметно потерял в заработке. То, что он бедствовал, как порой приходится читать, — явное преувеличение. Тем не менее переход из одного материального статуса в другой, более низкий, конечно, всегда воспринимается болезненно. Берия вызвал к себе друга Капи-

цы Н. Н. Семенова и дал понять, что будет впредь выписывать на его имя завышенные премии с тем, чтобы Семенов передавал «лишние» деньги Капице. Зачем бы, спрашивается, Берия стал это делать, если бы так уж хотел «расправиться» с Капицей? Не говоря уж о том, что при желании он мог использовать для этого куда более действенные меры, чем отстранение от работы. Как говорится в известном анекдоте: «А ведь мог бы и бритвой по глазам...»

Между тем работа по атомному проекту шла, и шла успешно. Как определить, какую роль в этом сыграли огромные усилия, приложенные к делу непосредственно Берией? Не исключено, что решающую, о чем не раз говорили и сами ученые до июня 53-го года, когда имя Берии стало «запретным». Можно, впрочем, напомнить, что Курчатов и тогда, в ходе следствия по «делу Берии», не побоялся заявить: «Если бы не Берия, у нас и до сих пор не было бы атомной бомбы». А может ли быть что-либо авторитетнее свидетельства ведущего создателя этого грозного оружия?

Сталин продолжал торопить со сроками, но все-таки есть объективные процессы, ускорять которые можно только до определенных пределов. Не раз у части специалистов создавалось впечатление, что атомная бомба «почти» готова и можно, мол, переходить к испытаниям. Но Берия, как и ведущие ученые, был категорически против преждевременных испытаний, считая, вопреки пословице, что в данном случае необходимо отмерить не семь, а семьдесят семь раз. И эту позицию Берия нередко отстаивал перед Сталиным.

Так, осенью 47-го года Сталину кто-то донес, будто бы атомную бомбу уже можно испытывать и только Берия с непонятной целью тормозит все дело. И во время очередного доклада Берии Сталин в

раздражении спросил его, сколько же еще можно топтаться на месте. Тот, как обычно, ответил, что испытания можно будет провести только тогда, когда будет полная гарантия их успеха.

— Что-то ты темнишь, Лаврентий, — недовольно бросил Сталин. — Над нами скоро смеяться начнут!

— А кто начнет? — вмешался присутствовавший при разговоре Молотов. — Иностранцы? Так давайте публично объявим, что у нас с этим делом все в порядке.

— Вот ты и объяви! — распорядился Сталин.

И 6 ноября 47-го года, накануне 30-летия Октябрьской революции, Молотов заявил, что вот, мол, на Западе говорят о каком-то секрете атомной бомбы, а никакого секрета *«давно уже не существует»*. Но этот явный блеф никого не обманул: у американцев и англичан были приборы, позволяющие зафиксировать проведение ядерного взрыва. Правда, даже они не могли определить, *когда* такой взрыв может быть произведен реально. Американские специалисты считали, что примерно в 51—52-м годах, не раньше.

Не знали на Западе и того, что почти все основные материалы по американским атомным исследованиям рано или поздно попадали к Берии, а затем — к Курчатову и его сотрудникам. И те агенты, о которых рассказывалось в предыдущей главе, и Клаус Фукс, и многие другие вели кропотливую работу по сбору необходимой информации. Об этих мужественных людях, постоянно рисковавших жизнью, немало написано, исследователи стремятся выделить среди них «наиболее главных» (чаще других называют имя С. М. Семенова), но при этом по-прежнему упорно игнорируется роль Берии — координатора и руководителя всего этого гигантского механизма, включавшего в себя и труд ученых, и работу разведчиков и их помощников.

В действиях последних один из ярчайших эпизодов был связан с именем курьера Лоны Коэн. Осенью 45-го года, вскоре после появления у США атомной бомбы, она сумела передать сотруднику консульства СССР в Нью-Йорке, разведчику А. Яцкову, подробные чертежи и прочую техническую документацию по только что созданному новому оружию. В штате Нью-Мексико, откуда везла эти документы Л. Коэн, проверка была особенно строгой, но ей удалось перехитрить службу безопасности. К этому времени к Берии уже поступили предварительные данные по атомной бомбе из ряда других источников, а материалы, доставленные через Л. Коэн, делали картину полной.

В условиях крайнего дефицита времени невозможно было ставить в основу работ свои, советские исследования. Да и в определенном смысле это было бы «изобретением велосипеда». Скорость тогда решала все, и для начала важно было предельно качественно скопировать американскую атомную бомбу. При этом в ряде вопросов требовались профессиональные консультации ведущих зарубежных ядерщиков. Берия предложил отправить в Данию к Нильсу Бору академика Капицу, но Сталин, хорошо осведомленный о независимых взглядах Капицы, побоялся, что тот останется за границей. В итоге к Бору в ноябре 45-го года были отправлены чекисты Василевский и Терлецкий (последний был профессиональным физиком, но в атомном проекте у Курчатова не работал). По просьбе Берии перед поездкой Капица проконсультировал Терлецкого, объяснив, что необходимо выяснить у Бора в первую очередь. И Терлецкий сумел получить ответы на все основные вопросы.

В дальнейшем Берия предлагал использовать в атомном проекте и выдающегося французского физика Ф. Жолио-Кюри. С ним уже вел предварительные переговоры специально выезжавший в Европу

Василевский. Жолио-Кюри был коммунистом, он даже выразил готовность переехать в СССР. Но Сталин тогда был увлечен идеей создания на Западе мощного антивоенного движения, в котором по его замыслу Жолио-Кюри должен был стать одной из центральных фигур. Поэтому он запретил Берии «выдергивать» француза из Европы: пускай, мол, помогает нам там, а уж с атомной бомбой как-нибудь разберемся.

И в конце концов разобрались! 29 августа 49-го года в пустынном месте к югу от Семипалатинска была успешно испытана первая советская атомная бомба. Берия в течение нескольких дней не уезжал с полигона, наблюдая за всеми подготовительными работами от начала и до конца. Страшное и потрясающее зрелище взрыва привело всех в состояние экстаза. О возможности всемирной катастрофы, которую несло в себе новое оружие, в те секунды не думали: ведь люди освободились от гигантского напряжения работы, которой они отдали несколько лет жизни. Забыв о рангах и чинах, все хохотали и обнимали друг друга.

— Ну, Игорь, — сказал Берия, обнимая Курчатова, — слава Богу, что все обошлось! Кто знает, что могло бы всех нас ждать в случае неудачи...

Да, неудачи Сталин мог и не простить. Он и тогда пришел в негодование, поскольку через некоторое время американские и другие газеты оповестили весь мир: в СССР испытана атомная бомба. Вождь решил, что это дело рук повсюду мерещившихся ему американских шпионов. Но Берия объяснил ему (и уже не в первый раз), что факт атомного взрыва можно установить с помощью технических средств. Тогда Сталин распорядился опубликовать сообщение ТАСС, в котором снова утверждалось, будто бы «секрет атомной бомбы» был раскрыт советскими учеными еще

два года назад, а в данном случае речь шла о мифических «больших взрывных работах с применением новейших технических средств». Нельзя же было в самом деле *вторично* объявлять, что атомная бомба создана, и этим как бы перечеркивать давнее заявление Молотова!

Практически без всякой передышки работы по атомному проекту были продолжены. Теперь все силы были брошены на создание еще более мощной бомбы — водородной. Если до этого советские ученые постоянно догоняли американцев, в основном ориентируясь на похищенные у них данные, то теперь роли постепенно менялись. Правда, в ноябре 52-го года американцы испытали в Тихом океане, на атолле Эниветок, примитивное водородное устройство, но оно еще не было «полноценной» бомбой.

А в СССР к тому времени работы вступили в завершающую стадию. Берия, следя за соблюдением предельной секретности, после смерти Сталина практически перестал перед кем-либо отчитываться о ведущихся работах. Летом 53-го года было намечено испытание водородной бомбы, и оно было успешно проведено, но уже после ареста (или уничтожения) Берии. А его поспешили обвинить еще и в том, что, мол, «подлец Берия» пытался испытать бомбу в обход ЦК.

Конечно, статус сверхдержавы предполагал не только наличие атомного и прочего суперсовременного оружия. И не только финансово-экономическую мощь (хотя с этим у СССР дело обстояло заметно хуже, чем у американцев). Сверхдержава должна была иметь своего рода «ожерелье» из подвластных ей стран. Правда, США, как государство цивилизованное, предпочитали удерживать вокруг себя союзников не властным и суровым диктатом, а единст-

вом политических целей и общностью подхода к вопросам социального развития. Именно поэтому создание, например, организации НАТО не потребовало оккупации Англии или Турции американскими войсками. А когда уже в 60-е годы Франция, а за ней и некоторые другие члены НАТО стали проявлять самостоятельные позиции по ряду вопросов, в эти страны отнюдь не устремились американские танки и десантники, чтобы показать им, как выражался Хрущев, «кузькину мать». Самое поразительное, что эти разногласия в принципе мало что изменили: союз США и других ведущих стран Европы и мира (не только в рамках НАТО, конечно), окончательно сформировавшийся именно в годы «холодной войны», при всех расхождениях в их позициях, остается надежным и прочным по сей день.

Совершенно иное понятие союзов и блоков сложилось в СССР в сталинскую эпоху (а зарождалось оно еще при Ленине и Троцком, мечтавших о мировой революции, но «непременным обгазом» во главе с Советской Россией). О равноправии не было и речи. Даже гигантские Китай и Индию Сталин рассматривал как покорных дворняжек, обязанных — после проведения с ними соответствующей «работы» — исполнять любую его команду. По мнению вождя советской империи, только сила и страх могли обеспечить ему «верность» стран-сателлитов. В предвоенные годы, следуя такой концепции, СССР просто присоединил к себе страны Балтии, Восточную Польшу, некоторые другие территории.

Затем, когда на первый план вышел поединок сверхдержав, Сталин стал предпочитать прямому захвату и присоединению оккупацию и подчинение. Это легко позволяло посадить в фактически захваченных странах «братские» правительства и гарантировало, что в дальнейшем там не появится каких-

либо иных органов власти, «небратских». Были, разумеется, и варианты: гигантский Китай, например, просто физически было бы невозможно наводнить советскими войсками, даже если в них начали бы призывать с пионерского возраста. Поэтому для подчинения таких крупных стран Сталин предполагал использовать иные средства: экономическую зависимость, идеологический диктат и надежную, сильную разведывательную агентуру. Она позволяла бы мгновенно извещать Кремль (через находящуюся неподалеку от него Лубянку) о своевольных замыслах строптивых «братьев», прогнозировать и в корне пресекать те или иные нежелательные процессы и т. д.

К деятельности внешней разведки Берия продолжал иметь самое прямое отношение и после ухода с поста наркома внутренних дел, поскольку руководство атомным проектом предполагало постоянное знакомство с информацией от зарубежных резидентур. Большое значение при этом сохранял и его авторитет профессионального руководителя разведки и контрразведки (правда, в годы войны весьма авторитетной фигурой в этом смысле стал и Абакумов, глава грозного СМЕРШа).

В период «холодной войны», особенно пока США сохраняли атомную монополию, Сталин постоянно ощущал уязвимость своей империи, хотя вслух и не признавался в этом. И даже когда у СССР появилась своя атомная бомба (а за ней вторая, пятая, десятая...), вождю пришлось столкнуться с печальным фактом: в тот период ядерная война привела бы к неминуемому разгрому СССР, — мы остановимся на этом подробнее в самом конце главы. Поэтому Сталин стремился к предельному расширению сферы советского влияния, абсолютно не считаясь при этом с национальными особенностями стран и территорий, намеченных для «освоения». Вряд ли нужно подчер-

кивать, сколь важное значение в этой связи придавалось зарубежной агентуре: она должна была не только дать сверхточную информацию о степени уязвимости будущей жертвы, не только предоставить «сценарные разработки» предстоящего захвата или иного варианта подчинения какой-либо страны, но и обеспечить создание там мало-мальски значительных «дружественных сил».

Руководитель Компартии Грузии А. И. Мгеладзе вспоминал, как в 46-м году Сталин пригласил его на кунцевскую дачу. Там были также Берия, Молотов, Маленков, другие «соратники». В разгар традиционного обеда Сталину привезли последнее издание карты СССР: разглядывание политических карт и раздумья над ними были страстью вождя с юношеских лет. Сталин тут же вышел из-за стола, приколот новую карту кнопками к стене и принялся похаживать рядом.

— Так-так, — бормотал он, — посмотрим, что у нас получилось. Ну, на Севере все нормально. Ленинград защищен надежно, финнам мы еще разок прищемили хвост. Так... Прибалтику снова вернули, так. Белоруссия, Украина, все старые земли собрали. Что там дальше? Поляки, немцы, чехи... Ну, с этими тоже порядок. На Западе все нормально. Пойдем на Восток, — и Сталин подошел к восточному краю карты. — А что у нас здесь? Южный Сахалин вернули, Курильские острова тоже теперь наши — хорошо! Китай... Порт-Артур наш, Дальний тоже наш, КВЖД наша. Маловато... Ну, с Китаем еще будем работать, — он снова пошел «на запад», взглянул на видневшийся на карте север Индии, похмыкал, а у Кавказа остановился и, недовольно помахав трубкой вдоль границы СССР с Ираном и Турцией, сказал: — А вот тут мне наша граница не нравится. Совсем не нравится!

О Турции и Иране (Персии) русские цари мечтали еще со времен Екатерины II, да и Петр I поглядывал в ту сторону. Сталин отлично помнил, что в случае благополучного исхода первой мировой войны Россия должна была получить черноморские проливы и Стамбул. А в годы последней войны он уже сам направил свои войска на север Ирана (по обоюдному соглашению с англичанами, занявшими тогда же юг страны), но — увы! — потом их пришлось оттуда вывести. Правда, за несколько военных лет СССР создал в Иране мощную агентурную сеть, которую впоследствии предполагалось использовать для отторжения северных районов, — их на советских картах той поры уже поспешили назвать «Иранским Азербайджаном». Азербайджанцев в Иране и в наши дни живет немало, но они (за исключением советских агентов) никогда не собирались «воссоединяться» с северными соплеменниками.

И все-таки советской агентуре удалось организовать на севере Ирана в послевоенные годы довольно мощное восстание. Помимо заброшенных из СССР диверсионных групп в нем участвовали и местные жители. Но не столько азербайджанцы по крови, сколько курды — национальное меньшинство, которое и сегодня в ряде ближневосточных стран (Иран, Ирак, Турция, Сирия) добивается автономии или полной независимости. В те годы признанным лидером курдов был мулла Мустафа Барзани, который и возглавил восстание.

Несмотря на завуалированную поддержку СССР, повстанцы в конце концов были разгромлены гвардией иранского шаха. Сталин отдал приказ граничным войскам пропустить отступавших курдов в СССР. Их разместили в нескольких военизированных поселках, предполагая в дальнейшем использовать для новых «восстаний». Глава МГБ Абакумов не

раз отправлял в Азербайджан (там были сосредоточены эти поселки) Судоплатова, который под видом одного из руководителей ТАСС вел переговоры с Барзани. Курдских боевиков вплоть до смерти Сталина обучали разным премудростям в области террора и диверсий советские специалисты (в основном бывшие смершевцы Абакумова), но в конце концов из этой затеи так ничего и не вышло. Правда, наиболее способных «учеников» иногда использовали для единичных акций, но остальных курдов (их было несколько тысяч) отселили в Узбекистан, от греха (и от иранской границы) подальше. В 58-м году боевики Барзани по заданию КГБ участвовали уже в Ираке в военном перевороте, который завершился успешно (с точки зрения советского руководства). Но это уже выходит за рамки нашего повествования.

Несравненно бóльшую роль в планах Сталина играли в середине 40-х годов евреи — как советские, так и прочие. Еврейский антифашистский комитет, созданный (между прочим, во многом по инициативе Берии) осенью 41-го года, в принципе был призван, как и предполагало его название, вести массированную антифашистскую пропаганду среди евреев США, Англии, других стран. Но, естественно, НКВД по приказу Сталина использовало его и для агентурной работы. Через ЕАК, в частности, нащупывались подходы к атомным исследованиям в США и Англии. Наиболее видного из руководителей ЕАК, знаменитого актера Соломона Михоэлса, неизменно сопровождал в зарубежных поездках поэт И. Фефер, давний агент НКВД.

Конечно, игры с ЕАК и с евреями вообще не означали, что зоологический антисемитизм Сталина претерпел какие-либо изменения, стал «помягче». Действуя по старой как мир формуле «цель оправдывает средства», вождь просто разыгрывал при-

шедшуюся тогда к случаю «еврейскую карту». Но стоило американцам в начале 42-го года намекнуть, что неплохо бы выпустить из заключения и ввести в состав ЕАКа руководителей еврейского социалистического союза Бунд В. Альтера и Г. Эрлиха (НКВД арестовало их осенью 39-го года в Восточной Польше), как Сталин распорядился объявить, будто бы оба они расстреляны в конце 41-го года за «вредительскую, антисоветскую деятельность». На деле они были еще живы, но вскоре Эрлих умер (по другим данным, покончил с собой), Альтера же расстреляли в феврале 43-го года по указанию Сталина.

С помощью лидеров ЕАКа Сталину удалось добиться от состоятельных американских евреев крупных пожертвований на нужды комитета. С учетом тяжелой военной ситуации следует признать, что все — или почти все — эти средства действительно пошли на оборону СССР, безусловно отвечавшую и интересам советских евреев. Но в стремлении увеличить поток пожертвований Сталин не останавливался и перед откровенными провокациями. Так, еще в период подготовки выселения татар из Крыма он через Молотова «рекомендовал» руководителям ЕАКа обратиться к нему с официальным предложением создать в Крыму Еврейскую АССР (см.: Судоплатов П. А. Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930-е—1950-е годы. М., 1997. С. 466). В феврале 44-го года такое письмо было составлено.

Но на деле Сталин вряд ли всерьез собирался создавать еврейскую республику. Эта акция понадобилась для того, чтобы богатые евреи Запада (там уже были распушены соответствующие слухи) поняли, как хорошо живется евреям в СССР, и раскошались поактивнее. А спустя несколько лет ЕАК был объявлен «вредительской сионистской организацией», его руководителей репрессировали. В приго-

воре им припомнили и письмо о республике в Крыму, которое объявили «планом отторжения Крыма от СССР».

В 47-м году Сталин вновь попытался разыграть «еврейскую карту»: в ООН обсуждалось создание еврейского государства в Палестине, и Сталин решил прибрать его к рукам, создав в будущем Израиле просоветский форпост на Ближнем Востоке. Поэтому СССР всячески поддерживал создание Израиля, а когда на молодое государство напали соседи-арабы, в Израиль по тайным каналам потекло оружие из СССР (а также из Чехословакии и Румынии, не говоря уже о капиталистических странах). Но и этот замысел вождя ни к чему не привел: вскоре стало очевидным, что Израиль предпочитает союз с демократическими странами Запада, а не с непредсказуемой сталинской империей.

Берия не принимал участия в этих играх, если не считать того, что в годы войны он пару раз приглашал к себе Михоэлса и объяснял, какую именно поддержку предпочтительнее получить от зарубежных евреев (прежде всего от американских). Но, как уже говорилось, финансовая и иная помощь зарубежных евреев использовалась на благие цели — борьбу с гитлеризмом. А в истории с мифической еврейской республикой в Крыму Берия сразу заподозрил подвох и держался от этого в стороне. Характерная деталь: Сталин, не раз говоривший в узком кругу, что Берия, мол, окружил себя «своими» мегрелами, однажды добавил: «и евреями». А когда началась печально известная кампания борьбы с «космополитами», Сталин спрашивал у Абакумова, не влезает ли Берия в его дела, не заступается ли за евреев.

Раздражение вождя в тот период вызывали не только не оправдавшие его надежд евреи (такая «мелочь», как курды, его не слишком волновала). Югославия, занимавшая важное место в планах Сталина,

вдруг осмелилась высказывать собственное мнение по ряду вопросов. Летом 48-го года советско-югославские отношения обострились до предела. С этого времени Сталина не оставляла идея ликвидировать «агента империалистов» Тито. Планов было немало, по одному из них уже упоминавшийся И. Григулевич, который к тому времени ухитрился стать послом Коста-Рики (!) в Югославии и Италии, должен был во время беседы с Тито с глазу на глаз отравить его бактериями легочной чумы. Но пока готовилась эта операция, Сталин умер, а Берия, возглавив МВД, немедленно отменил все акции против Тито и Югославии.

Крайне важное (возможно, важнейшее) место занимал в планах сталинской сверхдержавы Дальний Восток. Сталин еще в конце войны намеревался отобрать у Японии не только Курильские острова, но и самый северный из четырех главных Японских островов — Хоккайдо (или хотя бы его часть). В секретном послании президенту США Г. Трумэну от 16 августа 45-го года Сталин потребовал предоставить советским войскам право на оккупацию северной части Хоккайдо. Вождь уже привык, что американцы и англичане, как правило, уступали его претензиям, споря лишь иногда, как бы для проформы, а потом все равно уступая. Однако на сей раз Трумэн ответил Сталину вежливым, но твердым отказом, да еще и заявил при этом, что американцы хотели бы иметь базу для своих ВВС на одном из Курильских островов, отходящих к СССР.

Сталин настолько не ожидал такой отповеди, что не сдержался и ответил Трумэну, так сказать, на грани приличий. А касаясь американской базы на Курилах, он и вовсе показал оскал: написал, что такое, мол, можно требовать у побежденного государства, которое не способно постоять за себя. «Я

не думаю, — еле сдерживая злобу, писал Сталин, — чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств». Но о Хоккайдо пришлось забыть и ограничиться Курильскими островами.

Гораздо более важным объектом «освоения» Сталин всегда считал Китай. На его земли (в частности, на Маньчжурию) зарилось еще царское правительство, а Сталин перехватил эту «эстафету» во второй половине 20-х годов. Он, правда, долго не мог разобраться, на кого же следует делать ставку — на коммунистов или на национально-патриотическую партию Гоминьдан во главе с Чан Кайши. Но к концу 40-х годов его симпатии стали все заметнее склоняться на сторону коммунистов. И хотя он рассчитывал примирить коммунистов с Гоминьданом — естественно, при главенстве первых, — время быстро показало призрачность подобных надежд.

После окончательного захвата коммунистами политической власти в Китае (октябрь 49-го года) и вытеснения ими остатков войск Гоминьдана на остров Тайвань все сомнения, разумеется, остались позади. Лидер китайских коммунистов Мао Цзэдун сразу же после этого попросил Сталина помочь «освободить» Тайвань, но советский вождь, отлично понимавший, что это может привести к вмешательству американцев, отказался. В его голове уже зрел тогда иной план — использовать китайскую армию для захвата Южной Кореи и присоединения ее к коммунистическому Северу. Еще в марте 49-го года, принимая в Кремле лидера северокорейских коммунистов Ким Ир Сена, Сталин интересовался у него состоянием северокорейской армии, ее численностью, оснащенностью, способностью соперничать с южнокорейцами и т. д.

Вслед за этой встречей начались интенсивные поставки советского вооружения северокорейцам. Со-

ветские советники учили ким-ир-сеновских офицеров современной стратегии, делая упор на наступательные операции. В мае 50-го года Сталин сообщил Мао Цзэдуну, что, мол, СССР «согласен с предложением корейцев приступить к объединению». Но при этом подчеркнул, что без согласия Китая акцию придется отложить. Китайцы возражать не стали: создание единой социалистической Кореи отвечало и их интересам. Мао Цзэдун не без оснований считал, что это расширит сферу китайского влияния, а вовсе не советского.

Агрессия Северной Кореи началась утром 25 июня 50-го года. И хотя СССР, Китай и все социалистические страны заявили, будто бы нападение начато южанами, а северяне только «обороняются», это не могло обмануть мировую общественность. По решению Совета Безопасности ООН на помощь Южной Корее были направлены международные силы (в основном это были американские войска), которые мгновенно отбросили коммунистические дивизии, успевшие прорваться далеко на юг. В ответ китайцы под прямым давлением Сталина бросили против южнокорейцев десятки своих дивизий, назвав их «добровольцами». Резко возросло и число советских советников, а многие советские летчики, танкисты и артиллеристы — при соблюдении тщательной конспирации — непосредственно участвовали в боях на стороне северокорейцев.

Эта сталинская авантюра ни к чему не привела. Китай и Северная Корея понесли огромные материальные и людские потери, велики были потери и южнокорейской армии, однако границы сохранились неизменными. Мирные переговоры начались еще при жизни Сталина и через три с половиной месяца после его смерти завершились соглашением о прекращении огня. Это было первым серьезным поражени-

ем сталинского режима на международной арене: ведь ставка делалась *только* на победу, ради «ничьей» не стоило и начинать дела.

Берия не имел прямого отношения к корейской войне: все его силы и внимание были отданы в то время атомному проекту. Но обстоятельства сложились так, что в событиях той войны возникло имя Серго Берии, его сына. Младший Берия тогда стал одним из ведущих конструкторов ракетной техники, созданию и усовершенствованию которой Сталин придавал такое же (или почти такое же) значение, как и атомному проекту. Впрочем, уже в те годы становилось все яснее, что это, по сути дела, смежные направления. Будущее было не за весьма уязвимыми бомбардировщиками, а за стремительными ракетами с ядерными боеголовками.

Когда в сентябре 50-го года американские войска под флагом ООН начали высаживаться на Корейском полуострове, Сталину стало ясно, что его план «объединения Кореи» терпит крах. И вождь решил пустить в дело «изделия» Серго Берии и его коллег — противокорабельные ракеты, незадолго до этого успешно прошедшие испытания и запущенные в серийное производство. Он вызвал в Кремль конструкторов, чтобы уточнить боевые качества новой ракеты. Разговаривал Сталин в основном с Серго Берией, так как хорошо его знал и не сомневался в высоком профессионализме молодого человека (Серго тогда было 26 лет).

— На каком расстоянии действуют ваши ракеты? — спросил Сталин.

— Минимум — сто километров, товарищ Сталин, — ответил Серго. — А в принципе могут и больше.

— Это хорошо, — кивнул Сталин. — А сколько, вы говорите, ракет уже готово? Пятьдесят? Так... —

Он походил по кабинету, что-то прикидывая в уме. — А чтобы пустить на дно боевой американский корабль... или, например, транспортный, достаточно будет одной вашей ракеты, а?

— Это зависит от типа корабля, от того, куда попадет ракета, а еще... — но тут Серго вспомнил, что Сталин предпочитает рассуждениям точные, ясные ответы, и торопливо выпалил: — Думаю, товарищ Сталин, так: для транспортного корабля хватит одной ракеты, для боевого — двух, а для авианосца... для авианосца, пожалуй, понадобятся четыре-пять ракет.

Сталин молчал. Молчали и присутствовавшие на встрече политические и военные руководители. И вдруг Берия-старший сказал:

— Товарищ Сталин, по данным внешней разведки, в случае нашего непосредственного вмешательства в корейский конфликт американцы планируют десять — двенадцать атомных ударов по нашим основным промышленным центрам. Москва, Ленинград, Киев, Баку, Горький, Свердловск и так далее... Их бомбардировщики могут летать на высоте восемнадцати-девятнадцати километров, а полетный потолок наших истребителей — пятнадцать километров. Зенитки бьют еще ниже. Взлетать американцы могут с аэродромов в Западной Германии, Норвегии, Турции, Японии... Могут подтянуть авианосцы в Черное море и на Балтику. А чем мы на это ответим?

— Ты струсил, что ли, Лаврентий? — сердито посмотрел на него Сталин.

— Почему струсил? — пожал плечами Берия. — Просто докладываю о реальном положении дел. Зачем зря лезть на рожон? В обычной войне мы им не уступим. А если дойдет дело до атомной...

— На рожон... — проворчал Сталин. — Научился русскому языку! А за что ты со своими академиками хлеб ешь, если не можете наштамповать столько

бомб, сколько у американцев? И что ты там болтаешь насчет наших истребителей и зениток? Неужто они так плохи и не сумеют справиться с американскими бомбардировщиками? Ты твердо уверен в этом?

— Пускай выскажутся военные, — кивнул Берия в сторону маршалов и генералов. — Они-то уж должны знать точно.

Но и военные подтвердили, что пока шансы СССР на успех в ядерной войне против США ничтожно малы. Тем не менее Сталин никак не хотел отказаться от своей идеи — нанести удар по американскому флоту, поддерживавшему группировку в Корее. И тут вдруг в разговор вмешался Серго Берия.

— Товарищ Сталин, — нерешительно сказал он, — наши ракеты в принципе готовы, но надо бы еще провести дополнительные испытания...

— А разве вы не проводили испытания? — подозрительно спросил Сталин. — Скажите прямо, готовы ракеты или нет?

— Испытания были, — ответил Серго, — и ракеты готовы, но...

— А раз готовы, то нечего влезать в разговор! — отрезал Сталин. — Отвечай только на то, о чем тебя спрашивают. Сделали ракеты, — значит, молодцы! А как и где их применить, мы разберемся без ваших советов. Ишь, разговорились! Можете идти.

И Серго с товарищами покинули кабинет Сталина. Но разговор на этом не закончился. Берия, а также маршал Василевский (он тогда был министром обороны) и начальник Генерального штаба Штеменко в конце концов убедили Сталина, что, если американцы решат провести атомную бомбардировку советских городов, защититься от этого будет крайне трудно.

— Ну, и долго такое положение будет сохраняться? — спросил раздосадованный вождь.

— Серго и эти ребята, которые тут были, готовят не только противокорабельные ракеты, но и ракеты для ПВО, — заметил Берия. — Насколько мне известно, через некоторое время они и их запустят в серию.

— Так зачем же мы их выгнали? — удивился Сталин, как будто не сам это сделал. — Ну-ка верните их обратно!

Когда Серго и его коллеги вернулись, Сталин начал расспрашивать их о готовящихся противовоздушных ракетах. Выяснилось, что они могут поражать воздушные цели на высоте до 25 километров. Но работы еще не были доведены до конца.

— Даю вам год и ни одним днем больше, ясно? — сказал Сталин.

И по истечении года ракеты для ПВО были готовы. Когда они были поставлены на боевое дежурство вокруг Москвы, Сталин распорядился провести их испытание в условиях, предельно приближенных к боевым. Четырнадцать реактивных самолетов имитировали атаку на Москву (разумеется, на безопасном расстоянии от нее), затем все летчики катапультировались, и тут же в дело вступили ракеты. Часть самолетов была сбита первыми же ракетами, для остальных потребовался повторный залп. Так вокруг Москвы возникла новая система ПВО.

Сталин, правда, еще некоторое время ворчал, что атака на столицу была, мол, «ненастоящей», и требовал повторить рискованный эксперимент. Но Берии удалось отговорить его от этой затеи. «Подопытные» самолеты, объяснил он Сталину, не могут приблизиться к Москве вплотную: ведь поставленные на автопилот, а затем сбитые ракетами, они могли бы рухнуть на пригороды Москвы, а то и на сам город! Сталин, на глазах терявший былые энергии и напор (ему шел уже 73-й год), согласился с этими доводами.

К концу сталинской эпохи СССР можно было именовать сверхдержавой без всякой натяжки. Страна владела атомной бомбой, полным ходом шла работа и над водородной. Довольно внушительной выглядела и система ПВО. Во главе мощной армии стояли генералы и офицеры, прошедшие уникальную школу второй мировой войны. Правда, принципиально расширить сферу влияния СССР с конца 40-х годов не удавалось, провалилась и корейская авантюра, но и существовавшая империя выглядела могучей и непобедимой.

А Берия, сыгравший решающую роль в успешном завершении работы над атомным проектом, оказался совсем рядом со сталинским тронem. Но не следует думать, что это произошло само собой. Для успешной карьеры в рамках советской номенклатуры требовались незаурядные качества, необходимо было быть подлинным «гроссмейстером» придворных и прочих интриг. И Берия с честью выдержал этот «поединок гроссмейстеров», о чем еще будет сказано в 7-й главе.

Глава 6

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

Личная жизнь советских руководителей, вплоть до перестроечных времен, была тайной за семью печатями. И касалось это не только их личной жизни в традиционно узком понимании (кто жена и дети, велики ли квартира и дача, есть ли любовницы, кто они и т. д.), но и вообще всего бытия за пределами основной работы. Правда, руководители порой появлялись в театрах и на концертах, но это было в своем роде демонстрацией себя народу и никак не позволяло делать выводы об их вкусах и пристрастиях. Сталин, например, раз пятнадцать смотрел «Дни Турбиных», ну и что? Разве на основании этого можно заключить, что он был поклонником откровенно травимого властями (и в конце концов затравленного) Булгакова? Никто не знал, какую музыку любят вожди (разве что Ленин как-то раз обмолвился, что ему нравится «Аппассионата» Бетховена, — нечеловеческая, мол, музыка), какие книги читают в часы досуга, что предпочитают видеть на обеденном столе, где проводят отпуска...

Поэтому неудивительно, что когда в конце 80-х годов все наши руководители, словно по команде, дружно принялись рассказывать о себе, обществен-

ность была приятно поражена. Горбачев, например, сообщил, что любит на досуге почитать с Раисой Максимовной (помнится, Достоевского) или побродить по лесным тропкам. Ах, эти сладостные времена гласности! Нам тогда искренне казалось, что происходит удивительное единение, даже братание народа и властей, что мы вот-вот одной огромной семьей зашагаем по этим лесным или каким-нибудь иным тропинкам в светлое будущее, до которого, как нас учили с 17-го года, уже рукой подать. Мечты, мечты... Сегодня уже очевидно, что и та нарочитая откровенность тоже была хорошо срежиссированным спектаклем, только мы по своей наивности в очередной раз этого не поняли.

Кстати, за рубежом — да и у нас в былые времена — не без оснований считалось, что имидж лидера должен быть предельно полным и не ограничиваться его гордо вздернутой головой в кепке, фуражке, тюрбане или вовсе без них. Конечно, в образах лидеров, которые создавались и создаются средствами массовой информации где-то там, за кордоном, тоже немало фальшивого и показного. Но, по крайней мере, созданию таких имиджей за рубежом всегда придавалось большое значение, а у нас на это просто махнули рукой. Мол, доверчивый русский (советский) народ и так будет любить своих руководителей, даже не представляя, что же они за люди. А ведь при желании (и, естественно, при соответствующей команде сверху) какие могучие образы можно было бы создать, какие реки слез выжать из глаз счастливого населения!

За все десятилетия советской власти, исключая ее упомянутые финальные годы, это странное ограничение — табу на освещение личной жизни вождей — не коснулось только двух лидеров: Ленина и Берии. Но и оба этих случая вовсе не нарушали, а,

скорее, подтверждали правило. Ведь вся необъятная Лениниана — исследования и мемуары, пьесы и кинофильмы, песни и даже сказки — ни по времени, ни по содержанию не имела никакого отношения к *живому* Ленину. Это был колоссальный, сложенный из тысяч мозаичных кусочков миф о божестве, своего рода Новый Завет, без которого (в разных формах, конечно) не может обойтись ни одна цивилизация.

Примерно такой же принцип соблюдался и при создании мифа о Берии, только все делалось с противоположным знаком. Почему? Да потому, что там, где есть Бог, должен быть и дьявол: иначе свершения первого не будут выглядеть столь величественными и дерзкими. И не беда, что в реальной жизни Ленину противостоял вовсе не Берия, а совсем другие люди и группировки. У мифов и легенд свои законы, свои правила, в них бессмысленно искать логику, а тем более — истину. Советской мифологии был просто необходим дьявол (своего рода антибог, «антিলенин»), и его пытались вылепить еще до Берии. Наиболее подходящим «дьяволом» был, конечно, Троцкий, но Сталину была крайне неприятна популяризация — даже в подобном виде! — ненавистного соперника, поверженного с таким трудом.

А с Берией все оказалось куда проще. Зловещие легенды о его загадочной личной жизни начали зарождаться — правда, очень робко и слабо — еще в ту пору, когда он был правой рукой всемогущего Сталина. Ну, а после «разоблачения» Берии просто грех было не воспользоваться этими мифами! Формально они не играли определяющей роли в обвинениях против Берии, которого группировка Хрущева объявила иностранным агентом. Но мало ли таких высокопоставленных и известных всей стране «агентов» было в советской истории? Нет, этим народ не удивишь.

Хотел свергнуть законное правительство в личных целях? Для высшей меры годится, но в общем и такое обвинение — тоже песенка знакомая. Сладострастный развратник, насильник и садист — вот что могло потрясти обывателя и искоренить в массовом сознании всякий намек на симпатии к «дьяволу».

И в итоге многочисленные истории о любовных похождениях Берии стали достоянием гласности. Правда, поначалу, в декабре 53-го года, когда проходил суд над Берией (либо инсценировка такового), это было сделано довольно скупно, «пунктиром». Затем, в недавние перестроечные годы, эти рассказы стали куда откровеннее и красочнее. При этом некоторые из бывших жертв любовной страсти Берии довольно охотно сообщали средства массовой информации различные пикантные подробности и даже публиковали мемуары. Казалось бы, картина складывалась более или менее ясная. Правда, благодаря наиболее энергичным мемуаристкам зловещий оттенок все больше ускользал из этой картины, и она постепенно превращалась в некое подобие авантюрного романа в стиле Дюма.

Тем интереснее попробовать разобраться в том, что же в действительности представляла собой личная жизнь Лаврентия Берии, кого и что он любил, как проводил свой досуг, каким он был мужем и отцом. Многочисленные публикации последних лет, заметно бóльшая, чем прежде, доступность документов — правда, все еще далеко не полная — вполне позволяют сделать такую попытку.

Как уже говорилось, весной 20-го года Берия провел несколько месяцев в кутаисской тюрьме. Тогда он и познакомился со своей будущей женой, Ниной (Нино) Теймуразовной Гегечкори. 15-летняя Нино приходила в тюрьму на свидание к своему дяде, Александру Гегечкори, с которым Берия сидел в одной

камере. Судя по всему, именно тогда, во время этих свиданий, и зародилась их любовь, хотя молодые люди видели друг друга только мельком.

Кем же была Нино Гегечкори? Не в пример своему будущему мужу, она отличалась знатным происхождением: ее отец, Теймураз Гегечкори, был дворянином, а предки матери, Дарико Чиковани, происходили из княжеского рода. И для отца, и для матери этот брак был вторым. Когда умер первый муж Дарико, на руках у нее остались две дочери и сын. А вот Теймураз, овдовев, одновременно лишился и двоих детей: они вместе со своей матерью в считанные дни умерли от тифа. Нино была единственной дочерью Теймураза и Дарико. Односельчане (семья Гегечкори жила тогда в Мартвили) добродушно шутили, что и это, мол, удивительно: ведь Теймуразу было в то время далеко за пятьдесят.

Нино училась в четырехклассной сельской школе в Мартвили, потом родители отдали ее в кутаисскую гимназию. Там Нино узнала о гибели отца: в самом начале 1917 года он участвовал в крестьянских волнениях и во время их усмирения получил семь огнестрельных ран. Правда, богатырское здоровье помогло ему более или менее оправиться от ран, и родные надеялись, что теперь-то все обойдется. Но через год Теймураз все-таки умер. Брат покойного, Александр, взял 13-летнюю Нино в свою семью, она переехала в их тифлисский дом. Там же, в Тифлисе, девочка закончила гимназию.

Любопытная деталь: Александр Гегечкори, фактически ставший для Нино приемным отцом, был большевиком. А по соседству жил третий из братьев Гегечкори, Евгений, который в ту пору занимал в меньшевистском правительстве Грузии пост министра иностранных дел. Впрочем, в конце 1910-х годов это совсем не было редкостью: межа неприми-

римости, извилистой змеей расползшаяся по всей стране, без разбора рассекала и семьи. До поры до времени разные взгляды не мешали Александру и Евгению поддерживать вполне нормальные отношения. Но когда первый оказался в тюрьме, брат-министр и пальцем не пошевелил для облегчения его участи.

В начале 1921 года, после завоевания Грузии войсками Советской России, Александр Гегечкори вместе с другими политзаключенными оказался на свободе. А его сокамерник Лаврентий Берия, как вы помните, был освобожден по требованию Кирова еще при меньшевиках. Спустя некоторое время Берия явился в дом Гегечкори свататься к Нино. И получил отказ! При этом Александр сказал молодому другу, что в принципе не возражает, но девочка, мол, должна еще подрасти. Берия вежливо попрощался и незаметно подал знак Нино: попытайся как-нибудь выйти из дому. Оказавшись на улице, он отошел в сторону и стал ждать. Через некоторое время появилась и Нино.

— Выйдешь за меня замуж? — прямо спросил он. Девушка, покраснев, кивнула.

— А они как же? — качнул Лаврентий головой в сторону дома.

Нино пожала плечами:

— Ты кого замуж зовешь, их или меня?

— Тебя, тебя, — засмеялся Берия. — Что ж, тогда пошли ко мне.

— Сейчас? — удивилась Нино.

— А чего нам дожидаться?

Вот так они и ушли в дом Берии, где стали жить вместе. И прожили в мире и согласии 32 года. В ряде работ этот уход Нино из дома дяди именуется «похищением», но конечно же это преувеличение. Никто никого не похищал, родственники прекрасно

знали, куда ушла Нино, и вскоре примирились со случившимся. Девушка считала себя достаточно взрослой (ей уже шел 17-й год) и имела полное право обойтись без благословения дяди. Впрочем, если судить только по форме — раз уж кому-то так хочется, — можно назвать это и похищением. Но речь сейчас о другом: существуют рассказы об истории этой женитьбы, не выдерживающие никакой критики.

Например, в одной из зарубежных работ приводится совсем уж фантастическая версия. Согласно ей, летом 29-го года Берия приехал в Мерхеули к умиравшей матери, но уже не застал ее в живых. На самом же деле Марта Берия дожила до глубокой старости и умерла только в 55-м году, то есть после гибели сына. Но дальше фантазия автора разворачивается еще энергичнее. Оказывается, после мнимых «похорон матери» Берия некоторое время прожил в Сухуми «в своем роскошном спецпоезде» (которого, естественно, тоже не существовало в природе). Перед отправкой в Тифлис к нему в этот поезд будто бы явилась заплаканная Нино и попросила Берию вступить за ее арестованного брата. Но разве можно ждать сострадания и бескорыстия от злодея? Конечно же нет! Зверски избив незнакомую красавицу, Берия несколько часов подряд насилует ее. Но потом почему-то не вышвыривает на рельсы, а решает на ней жениться: больно уж хороша оказалась провинциальная красотка!

Ну, что можно возразить на подобный бред? Разве что напомнить: к тому времени супруги Берия состояли в браке уже девятый год, а в ноябре 24-го года (то есть почти за пять лет до мифического эпизода в «спецпоезде») у них родился сын Серго. По поводу Серго Берии, кстати, современные исследователи тоже любят пофантазировать, начиная с момента его рождения. Пишут, например, будто бы по-

началу мальчика назвали Отаром, но тут как раз Орджоникидзе был переведен в Москву, и Берия из карьеристских соображений переименовал ребенка в Серго. А почему же сразу не в Иосифа?

А вот то, что Нино была красавицей, — истинная правда. Достаточно короткого взгляда на ее фотографии, чтобы убедиться в этом. Прямой тонкий нос, большие пронизательные глаза, удивительной красоты волосы, безукоризненная фигура, сохраненная, между прочим, до глубокой старости, — Нина Теймуразовна умерла совсем недавно, в 92-м году. А гордая посадка головы и слегка надменный и величественный взгляд говорят именно о княжеском — как минимум! — происхождении. Одевалась Нина Теймуразовна очень скромно: Сталин проповедовал аскетизм, и в его окружении — как ближнем, так и «дальнем» — ничего иного не допускалось. А первая приличная шуба появилась у супруги Берии только в конце 40-х годов: сын, конструировавший ракетную технику, получил Сталинскую премию и решил сделать подарок матери.

Отсутствие роскоши Нина Теймуразовна компенсировала хорошим вкусом: сама придумывала свои наряды, шила у недорогих, но отличных портных. (Позднее, во время следствия по «делу Берии», эпизоды с портными и портнихами превратятся в «эксплуатацию наемного труда» — ни больше ни меньше!) Между прочим, одной из ее портних была мать Алексея Аджубея — будущего зятя Хрущева. Нина Теймуразовна дружила с ней, общались они, как и с другими портнихами, только на «ты». Как-то раз, уже после женитьбы Аджубея на дочке Хрущева Раде, его мать Нина Матвеевна пожаловалась подруге:

— Знаешь, Нино, а ведь у Хрущевых меня не принимают. Видно, считают, что простая портниха — это не их уровень.

— Да как же это может быть? — изумилась Нина Теймуразовна. — Ты ничего не путаешь? К тому же ты не рядовая портниха, а настоящий мастер! Да и потом, какое это вообще имеет значение? Ведь ты теперь их родственница!

Мать Аджубея горько вздохнула:

— Для тебя с Лаврентием Павловичем это, конечно, не имеет значения. Но у вас одни традиции и привычки, а у Хрущевых — другие. Они считают себя элитой, особым кругом...

Впрочем, ничего удивительного и необычного в поведении Хрущевых не было. В «особом круге» так и было принято. Исключением были как раз демократические — а точнее говоря, нормальные, человеческие — нравы, царившие в семье Берии, где всегда сохранялся вольный дух многолюдных кавказских пирушек и посиделок. Именно этот дух вольности заставлял Нину Теймуразовну иной раз нарушать негласный запрет, существовавший для кремлевских жен (да и для мужей тоже), — «не выделяться!». Она очень любила верховую езду и позволяла себе иногда посещать динамовский манеж. Никаких личных лошадей и тем более конюшен, о которых пишут иные «исследователи», у нее, разумеется, и в помине не было. Изредка в манеж приезжал и сам Берия — полюбоваться мастерством жены и заодно тоже сделать пару-тройку кругов. Говорят, что в седле он держался превосходно, несмотря на грузную фигуру.

Отпуск супруги обычно проводили на Кавказе, несколько раз были и в Крыму. Берия, как уже упоминалось, предпочитал отдыхать поближе к Сталину, но основное время он, конечно, находился с женой. Людных мест они старались избегать, часто уходили в горы ранним утром и бродили там до обеда. Катались на лодке, вместе ходили на байдарке по дальним речкам. Рассказывают, что Берия был отличным

гребцом, великолепно плавал. В одном из персонажей современного грузинского кинофильма «Пловец» усматривают намек на Берию. А в Москве супруги-южане быстро освоили лыжи и по выходным на целые дни устраивали лыжные прогулки в районе своей дачи.

Кстати, и про дачу Берии тоже рассказывают множество небылиц. Что же было на самом деле? После переезда в Москву семья Берии получила маленький домик в три комнаты у села Ильинское по Рублевскому шоссе. Как-то раз, весной или в начале лета 39-го года, туда в гости заехал Сталин. Посидел, выпил немного вина, сделал пару комплиментов Нино, а потом, хмыкнув, сказал:

— Слушай, Лаврентий, тебе не стыдно в такой конуре жить?

— А что? — пожал плечами Берия. — Нас трое, вполне хватает...

— Да я в ссылке лучше жил! Все, собирайте вещи! — решительно заявил Сталин и поднялся.

На следующий день семья получила дачу неподалеку, в районе села Успенского. Это уже был вполне приличный, добротный дом, но отнюдь не роскошный и не огромный — всего пять комнат. Берия с сыном-подростком сами оборудовали там небольшую спортивную площадку: разровняли землю, прочно вкопали крепкие шесты, натянули на них волейбольную сетку.

Примерно такая же история произошла и с городской квартирой Берии. Вначале семью поселили в хорошо известном доме на улице Серафимовича (теперь его, с легкой руки писателя Юрия Трифонова, называют «домом на набережной»), в котором жили ведущие военные, наркомы, партийные деятели. Но однажды и туда заглянул Сталин и едва ли не с порога сказал:

— Вам еще не надоело в этом муравейнике жить? А ну, собирайте вещи и переселяйтесь ко мне, в Кремль!

— Нет, Иосиф Виссарионович! — твердо возразила Нино. — Слишком уж высокая честь.

Сталин усмехнулся:

— Ладно, черт с вами. Не хотите — как хотите... Но и здесь вам оставаться ни к чему. Скажу Власику, чтобы подыскал для вас какой-нибудь особняк.

И спустя несколько дней семья переехала в тот самый особняк на углу Вспольного переулка и Малой Никитской улицы, который пользуется такой дурной славой по сей день. Ныне в нем находится посольство Туниса, но каждый желающий может подойти поближе и воочию убедиться, что это отнюдь не дворец. Многие «новые русские» сегодня живут куда роскошнее. А если еще учесть, что в особняке постоянно находилось десятка полтора охранников и прислуги (некоторые из них здесь и жили)...

Нина Теймуразовна, не боявшаяся при случае возразить и Сталину, с мужем, естественно, спорила значительно чаще. Когда летом 38-го года встал вопрос о переезде Берии в Москву, она решительно заявила мужу:

— Ты можешь делать все что хочешь, а я с Серго останусь в Тбилиси!

— Но почему? — удивился Берия.

— А ты разве не видишь, что там творят Сталин с Ежовым? И тебя ведь тоже в это втянут!

— Но дело не только в Сталине и Ежове. Меня ведь отзывают по решению Политбюро...

Нино в ответ только махнула рукой. Все в стране хорошо знали строчки из стихов Маяковского: «Мы говорим — партия, подразумеваем — Ленин». Не хуже знали и другое: теперь — конечно, когда шла речь о важных решениях, — за понятиями «партия» и «По-

литбюро» стоял Сталин. Нино наотрез отказалась переезжать в Москву, и Берия уехал туда один. Но через несколько месяцев в Тбилиси явился начальник сталинской охраны Власик и передал Нине Теймуразовне категорическое распоряжение «хозяина» немедленно отправляться в столицу, к мужу. Пришлось подчиниться.

К моменту отъезда Нина Теймуразовна успела закончить аспирантуру при субтропическом факультете Тбилисского сельхозинститута. Защищать кандидатскую диссертацию ей пришлось уже в Москве. Несколько лет она работала по специальности в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, но вскоре после войны ушла из нее. В конце концов любая нормальная женщина, муж которой достаточно хорошо обеспечен, предпочитает отдавать основные силы дому и семье. Или самой себе, но к Нине Теймуразовне этот вариант никакого отношения не имел.

Еще меньше уделял внимание собственной персоне сам глава семейства. Берия, правда, следил за своим здоровьем: он не курил и не пил крепких напитков, предпочитая им хорошее грузинское вино. Но зато любил сытно поесть, и с годами это стало отражаться на фигуре. Когда в особняк на Вспольном приезжал его постоянный портной Фурман, чтобы снять мерку для костюма, Берия добродушно ворчал:

— Да сколько же можно мерить! Шей, как и шил, только попросторнее, с запасом.

Впрочем, даже эти мешковатые костюмы сидели на грузной фигуре Берии удивительно элегантно. Наверное, поэтому многие зарубежные исследователи, основываясь на фотографиях, упорно пишут, что Берию, мол, обслуживали самые лучшие европейские портные. Но дело, разумеется, не в костюмах, а в отличной спортивной закалке, которая даже при

внешней полноте позволяла ему сохранять красивую мужественную осанку.

Вплоть до последних дней жизни Берия любил играть в волейбол, а особенно в футбол. Порой даже в шутку гонял мяч по двору особняка вместе с охранниками. А в молодости, когда футбол в Грузии только начинал развиваться, Берия несколько раз выступал полузащитником в составе сборной Тифлиса. Однажды, году в 23-м, сильная сборная Москвы приехала в гости к тифлисским футболистам, устроив им серьезнейший экзамен. Берии тогда довелось «держать» молодого нападающего Николая Старостина, впоследствии ставшего знаменитым игроком. Но и в те времена Берия заметно уступал Старостину в классе, хотя «закрыл» он его довольно плотно. И все-таки незадолго до конца матча московскому форварду удалось обыграть своего упрямого опекуна и забить решающий гол.

Когда в 36-м году начались постоянные розыгрыши первенства СССР по футболу, у многих команд появились высокопоставленные болельщики и покровители. Еще в 23-м году по инициативе легендарного Дзержинского было создано общество «Динамо», и с тех пор все динамовские команды и спортсмены — совершенно независимо от конкретного вида спорта — негласно считались чем-то вроде частной собственности органов. Поэтому выглядело вполне естественным, что в Тбилиси Берия взял под свою опеку местное «Динамо», а после переезда в столицу — московское.

Как и прочие именитые меценаты, Берия прилагал все усилия — разумеется, со скидкой на скромные условия тех лет, — чтобы футболисты были обеспечены более или менее приличным жильем, заработками, разнообразными бытовыми удобствами. Он внимательно следил за состоянием спортивных пло-

щадок и тренировочной базы. В 30—40-е годы большинство футболистов для поддержания формы зимой играли в хоккей с мячом (так называемый «русский»). Берия то и дело приходил к большому катку на Патриарших прудах, где в ту пору хоккейные команды состязались за звание чемпиона Москвы. Короткий Вспольный переулок, начинавшийся у его особняка, выводил прямо к катку. Как-то раз Берия заметил среди хоккеистов «Спартака» Старостина и в перерыве позвал его. Бывшие соперники, конечно, сразу же узнали друг друга. Берия сказал сопровождавшим его офицерам:

— Вот, познакомьтесь. Это знаменитый Николай Старостин. Однажды в Тифлисе он очень ловко убежал от меня. Лет, пожалуй, пятнадцать назад... Или побольше? А, Николай?

— Да, Лаврентий Павлович, примерно так, — ответил Старостин.

— Видите, как любопытно жизнь складывается, — не без грусти вздохнул Берия. — Вы, Николай, до сих пор в отличной форме, а из меня какой теперь спортсмен? — Он прищурился. — Зато и у меня появилось одно преимущество: если сейчас вам и удастся снова убежать от меня, то недалеко.

Все расхохотались, но Старостин при этих словах невольно поежился. Вплоть до конца жизни он будет считать, что Берия задумал отомстить ему за старую «обиду» и в конечном счете осуществил это желание. Но арестовали братьев Старостиных значительно позднее, в 42-м году, когда Берия был членом Государственного Комитета Обороны и занимался вопросами разведки и контрразведки, а также оборонного строительства. Органы к тому времени уже возглавлял Меркулов (тогда уже шло разграничение функций НКВД и НКГБ, и во главе последнего наркомата был поставлен Меркулов), а санкцию на арест

братьев дал секретарь ЦК Маленков. К тому же судьба Старостиных сложилась лучше, чем у многих других репрессированных: формально братья получили по десять лет лагерей, но фактически они находились на положении ссыльных. Гулаговские генералы, в руках которых оказались знаменитые футболисты, использовали их в качестве тренеров «своих» команд.

Спору нет — и такое заключение-ссылка было вопиющей несправедливостью: ведь Старостины были абсолютно невиновны. Но, как известно, в сталинскую эпоху в подобное положение — и куда более худшее! — попадали миллионы людей. И вряд ли нужно доказывать, что, если бы человек с возможностями Берии загорелся желанием кому-то отомстить, он сделал бы это безжалостно и без всяких промедлений.

Да, верно сказал Старостину Берия: любопытно складывается жизнь. Ведь повернись она чуть-чуть иным боком — и Берия мог бы стать любимцем тбилисских болельщиков, а его место в Кремле занял бы совсем другой человек: Хрущев или Маленков, Микоян или Каганович... Да мало ли кто! Тот же Чкалов, например, — и тогда знаменитый летчик запечатлелся бы в нашем сознании совсем в ином виде. А Берия стал бы если не футболистом, то архитектором или художником, как мечтал в детстве. Любовь к живописи он сохранил на всю жизнь, в особняке во Вспольном было немало его карандашных рисунков, акварелей, этюдов... А в тбилисском доме их оставалось еще больше.

Как-то раз, году в 32-м, произошел такой случай. В школе, в которой учился Серго Берия, был кружок «октябрат-безбожников». Молоденькая учительница сказала малышам, что они, мол, должны и у себя дома искоренить религиозный дурман. Вернувшись с занятий кружка, маленький Серго изо-

рвал в клочья икону бабушки Марты, которую та уже давно убрала в шкаф, чтобы лишний раз не раздражать сына-атеиста.

Вечером вернулся с работы Берия. Он сразу же заметил, что мать чем-то расстроена, и спросил у нее, в чем дело. Старушка только пожала плечами, а Серго поспешил похвастаться своим «геройством». Вздыхнув, Берия велел сыну принести изуродованную икону. Но исправить ее было невозможно: мальчишка разорвал полотно прямо вдоль фигуры Богородицы. Тогда Берия содрал остатки холста, умело натянул на рамку новый и сказал жене:

— Ну-ка, Нино, присядь поближе к окну. Побудь на пару часов Богородицей.

И взялся за кисть. Через некоторое время икона была восстановлена, точнее — написана заново. Протянув свою работу обрадованной матери, Берия сказал:

— Ты уж, мама, не сердись на него. Теперь их всех так воспитывают. А ты, Серго, мог бы уже быть и поумнее. Не веришь в Бога — и правильно делаешь! А бабушка-то тут при чем? Учись уважать чужие убеждения!

— Чего там уважать? — проворчал Серго. — Раньше хоть и вправду Богородица была, а теперь-то — наша мама.

— А маму надо еще больше уважать! — засмеялся Берия.

Конфликты в семье, конечно, порой случались, но они, как правило, носили такой вот мирный характер. Правда, однажды в Тбилиси «доброжелатели» сообщили Нино, что ее муж частенько навещает одну красотку, родственницу известного писателя. Дождавшись, когда муж вернется с работы, Нино назвала ему имя любовницы и потребовала объяснений. Берия засмеялся. Тогда Нино заявила:

— Вот что, Лаврентий: если ты немедленно не разорвешь эту непристойную связь, я заберу Серго и уйду от тебя!

— Куда же ты уйдешь? — осведомился супруг.

— Найду куда! — отрезала Нино.

Далее разговор пошел на повышенных тонах, но в конце концов Берия попросил у жены прощения и пообещал прекратить отношения с молодой красавицей. Свое слово он сдержал.

С годами Нино стала более терпимой и не так остро реагировала на любовные похождения мужа, которые занимают столь значительное место в мифе о Берии. Недобрая слава сладострастного развратника и насильника настолько приклеилась к имени Берии, что в каком-то смысле стала его визитной карточкой. Недавно я беседовал с одним английским профессором-историком. Когда я сказал ему, что пишу книгу о Берии и что далеко не все в биографии этого человека так ясно и однозначно, как нам пытаются представить, англичанин с оттенком явного изумления спросил:

— Как?! Вы хотите сказать, что Берия не ездил вечерами по Москве на своем огромном автомобиле и не похищал прямо с улиц красивых женщин? А потом не насиловал их?

Да, так уж устроено человеческое сознание, что подобную пикантную тематику оно фиксирует в первую очередь, а куда более серьезные, но «скучные» факты оседают где-то на его периферии или вовсе не замечаются. В наши дни, как видите, даже иностранцы «знают», что Берия был отвратительным развратником. Однако все сведения об этом стали «народным достоянием» лишь после ниспровержения Берии (то есть начиная с лета 53-го года), когда по велению сверху они стали активно внедряться в массовое сознание.

Из множества современных работ можно заключить, будто бы истории о зловещих «романах» Берии стали известны значительно раньше, будто бы об этом, мол, «все знали» и втихомолку возмущались бесчинствами сталинского любимца. Надо совершенно не представлять меры задавленности общества в сталинскую эпоху, чтобы допустить возможность такого рода пересудов, да еще и в отношении ближайшего сподвижника вождя! Подобные темы могли тогда обсуждать лишь отдельные смельчаки в узко ограниченном кругу самых доверенных друзей, но, разумеется, ни о каком «все знали» и «все говорили» даже речи быть не могло.

А помимо всего прочего, необходимо помнить, что абсолютная «закрытость» личной жизни обитателей кремлевского Олимпа в принципе исключала возникновение какой-либо информации на этот счет в среде простых смертных (помимо слухов, которые большинство граждан предпочитали не обсуждать). «Открыть» данную тему могли только сами власти, что они и сделали, но... лишь 35 лет спустя, в конце 80-х годов. А особое «исключение» для Берии, как уже говорилось, тоже явилось следствием их верховного решения.

А что же было в действительности, в самом ли деле Берия был «советским Синею Бородой»? Судя по всему, успехи героя этой книги на «любловном фронте» были заметно весомее, чем у большинства его скучных, скованных коллег. Крайне трудно представить в роли героя-любовника дородного Маленкова или, например, зашоренного по самую макушку Молотова. Правда, иные из «малых вождей» также славились любовной прытью. В своем роде рекорсменами считались Киров, а в более поздние времена — Булганин, причем оба отдавали предпочтение молоденьким балеринам и актрисам. Но куда им

было до еще не старого, энергичного кавказца! В краях, где вырос Берия, и в наши дни мужской «досуг» посвящен, как правило, дружескому застолью и женщинам. Да и не только на Кавказе большинство мужчин почему-то отдают свободное время совсем не посещению оперных театров и даже не невинной рыбалке...

Но с Берией дело обстояло несколько иначе: ему ставили в вину многочисленные насилия, злоупотребление своим высоким положением ради удовлетворения любовной похоти. И если бы подобные обвинения были доказаны, то, конечно, следовало бы говорить не о безобидных развлечениях стареющего вельможи, а об очевидном преступлении. Однако в том-то и вся загвоздка, что никаких юридических доказательств насилия и прочего криминала со стороны Берии так и не появилось.

Ну и что с того? Разве в те времена требовались доказательства, чтобы обвинить и осудить человека (в том числе и по таким статьям)? Спустя пять лет после уничтожения Берии, в 58-м году, на основании *только* показаний некой девицы был осужден к длительному заключению знаменитый футболист Стрельцов, виновный, как выяснилось позднее, лишь в неосмотрительном выборе друзей и подруг. А в случае с Берией отсутствие доказательств — и не только в «женском вопросе» — власти постарались компенсировать масштабностью косвенных обвинений. В практике советской жизни подмена качества количеством была хорошо испытанным приемом.

Когда летом и осенью 53-го года раскручивался тщательно разработанный спектакль следствия по «делу Берии», соответствующие инстанции весьма активно собирали показания у его знакомых женщин, а также их родных и близких. Однако «криминал», содержащийся в подобных показаниях, носил весь-

ма сомнительный характер. Так, например, супруг некой Нины Ш. сообщил следствию, что в конце 46-го года с Ниной в парикмахерской познакомилась какая-то Галина Стефановна. Она-то вскоре и завлекла его жену в особняк Берии, хотя не совсем понятно, для чего «жертва» туда пошла. Коварный злодей будто бы продемонстрировал своей пленнице бассейн из черного мрамора, а вдобавок еще и собственные труды (зачем, чего ради?!). Нина Ш. пыталась сопротивляться и даже, как утверждает ее супруг, сказала Берии:

— Лаврентий Павлович, ну, зачем я вам, такому человеку? Я маленькая, глупенькая...

— Да, — будто бы ответил Берия, — я нахожусь на большой государственной работе, но в личной жизни я — простой человек, с пороками и хорошими качествами, такой же мужчина, которого влечет и свежесть молодой девушки, и ее красота.

Довольно странный текст для насильника, не правда ли? Но подобные «мелочи» следователей не беспокоили, и они старательно заносили эту чушь в протокол (да-да, все это не выдумка автора книги, а почти дословный пересказ протоколов следствия). Далее супруг Нины Ш. поведал, что прямо при его жене Берия сделал себе «какой-то укол» и, придя в возбужденное состояние, приступил к насилию. В дальнейшем он будто бы завлекал ее к себе каждую неделю, причем некоторое время просто насиловал, а затем «начались половые извращения».

Заметим, что в ту высоконравственную эпоху под половыми извращениями подразумевались совокупления в любых мало-мальски вольных позах (кроме классической), не говоря уж об оральном или анальном сексе, которые в цивилизованных обществах давно уже не считались извращениями. Но у нашей страны, как известно, во всем «особенная статья». Не-

кая Ж., также объявившая себя жертвой похоти Берии, задала следствию загадку, сделав такое заявление: «Берия предложил мне сношение противозачаточным способом, от чего я отказалась. Тогда он предложил другой, тоже противозачаточный способ, на что я согласилась». Что ж, это весьма познавательно, только где же здесь насилие или зверство?

Не убеждают в этом смысле и пространные показания полковника Саркисова, начальника охраны Берии. Сейчас принято считать, что именно он, как правило, заманивал женщин в бериевский особняк либо привозил их туда силой. Задержанный одновременно с арестом Берии (или, по другой версии, его убийством при попытке ареста), Саркисов сразу же начал давать показания. Правда, заявив о «многочисленных связях Берии со всевозможными случайными женщинами», Саркисов назвал лишь несколько имен. В числе их была некая «гражданка С.», ее приятельница из Дома моделей, студентка Института иностранных языков Майя, гражданка М. из Тбилиси, какая-то София, «18-летняя девушка Ляля»... Саркисов также сообщил следствию, что по указанию Берии он вел список его знакомых женщин, и там значилось «более 25 имен».

Следственное дело пополнялось все новыми и новыми показаниями такого рода и «документами». Вскоре возникли еще какие-то списки женщин (всего на 62 фамилии), а к декабрю 53-го года, когда состоялся суд, в деле фигурировали фамилии 221 женщины (исследователи называют и более значительные цифры — вплоть до 700!). Конечно, это отнюдь не мировой рекорд, достойный занесения в Книгу Гиннеса. Но по советским понятиям тех лет — совершенно астрономическое число. Ведь у нас еще относительно недавно даже на человека, вторично всту-

пающего в брак, смотрели косо: что ж, мол, ты так, братец... А «дела» о супружеских изменах нередко рассматривались партийными и комсомольскими организациями. Внедряя в массовое сознание образ Берии-развратника, новые власти, по всей вероятности, рассчитывали вызвать у народа еще большее презрение к «агенту мирового империализма». Эффект, однако, получился несколько иной. Конечно, сами по себе подобные амурные похождения совсем не соответствовали «моральному облику советского человека», тем более руководителя такого ранга: ведь считалось, что они должны быть примером во всем. И тем не менее вокруг имени Берии возник этакий романтический ореол, хотя и с несколько зловещим оттенком.

Наиболее правдоподобными (из-за обилия деталей) выглядели показания все того же Саркисова. Вот несколько выдержек из них: «Знакомство с женщинами Берия завязывал различными способами. Как правило, такие знакомства намечались во время его прогулок. Прохаживаясь около своего дома, Берия замечал какую-нибудь привлекательную женщину. В этом случае он посылал меня, моего заместителя Надарая или сотрудников охраны узнать ее фамилию, имя, адрес и телефон. Я шел вслед за этой женщиной и старался разговориться с нею... Таким же путем Берия заводил знакомства и во время поездок по улицам на автомашине. Ездил он, как правило, очень тихо и всегда рассматривал проходивших женщин. Если какая-нибудь из них нравилась Берии, он велел мне установить связь. Если это удавалось, я докладывал Берии и по его указанию ездил за женщиной либо посылал машину, предварительно договорившись о встрече...»

Стоп! Вас ничего не смутило в последних фразах Саркисова? Например, в его словах «если это удава-

лось» — по поводу приказа Берии наладить связь с той или иной женщиной. Ведь миф о Берии подразумевает, что этот злодей творил свои бесчинства совершенно беспрепятственно, а тут вдруг — «если удавалось», да еще какие-то договоренности с будущими жертвами о встрече. Не насильственное умыкание со связанными руками, а именно *договоренности!* Все это можно квалифицировать как распутство, даже разврат, но где же здесь насилие? И разве слова Саркисова «если удавалось» не предполагают, что у объекта внимания Берии была возможность уклониться от его предложения о «встрече»?

Могут, конечно, сказать, что в случае такого отказа женщинам грозила жестокая расплата. Но ведь никто, кажется, не отменял таких юридических понятий, как «доказательства», «улики». Да, в свое время по указке сверху были распущены многочисленные байки о том, что многих женщин, ставших жертвами насилия Берии — либо напротив: отказавшихся стать таковыми — затем ликвидировали. Говорили, будто бы существуют какие-то подмосковные карьеры и даже тайные подвалы в самой столице, буквально забитые трупами этих несчастных (или, как порой пишут, их перемолотыми специальной дробилкой костями). Но, разумеется, *ни единого факта* такого рода или хотя бы намек на него нет ни в следственных материалах по «делу Берии», ни где-либо еще.

Зато есть нечто другое. Оказывается, одним своим сожительницам Берия помогал прописаться в Москве, а другим даже подбирал подходящие квартиры (не сам, конечно, а через своих порученцев — тех же Саркисова или Надараю). Встречаются сведения и о подарках — правда, совсем недорогих, — которые Берия вручал своим дамам, наконец, просто об оплате, когда в особняк Берии доставляли обычных проституток. Ну, тут уж, естественно, и речи не могло

быть ни о каком насилии. Разве что проститутки могли бы посетовать, что платили им немного, но такая уж тогда была такса — 200—250 рублей (в исчислении до реформы 1961 года). Особенно жаловал Берия некую проститутку Беллу, которую в качестве поощрения зачислили официанткой в одно московское кафе, где она и не думала работать, но зарплату исправно получала.

Надо сказать, что знакомство с материалами, касающимися бериевских любовниц (как со старыми, так и с теми, которые стали достоянием гласности в последние годы), оставляет весьма противоречивое впечатление. Но главный вывод очевиден: из всех этих показаний, свидетельств и опубликованных ныне мемуаров никак *не складывается* портрет злобного насильника и растлителя. Вызывает серьезные сомнения и огромное — пускай и не «рекордное» — число этих то ли любовниц, то ли жертв Берии. Почему? Ну, хотя бы потому, что даже для эпизодического общения с каждой из них требовалось (в сумме) немалое время, а ведь многие женщины утверждали, будто бы Берия общался с ними постоянно. Но у «государственных людей» гораздо меньше свободного времени, чем это кажется обывателю со стороны. Если же говорить о нагрузках, лежавших на плечах именно Берии, то непонятно, как он вообще с ними справлялся. Откуда же могло взяться время на две с лишним сотни любовниц? Куда реальнее выглядит цифра 25, упомянутая Саркисовым в самом начале следствия, но ее все увеличивали и увеличивали...

Для чего это делалось? Да просто по принципу: вали до кучи! А вот по поводу того, *как* возникла идея превращения Берии в сексуального маньяка, вполне можно высказать определенные соображения. В воспоминаниях Хрущева, человека крайне эмоцио-

нального и потому не всегда сдержанного, есть любопытный эпизод. Хрущев рассказывает, что сразу же после заседания 26 июля 53-го года, на котором был «разоблачен» и арестован Берия (либо просто убит), к нему подошел взволнованный Булганин. Он сообщил, что с ним уже успел каким-то образом переговорить начальник его, Булганина, охраны. Когда это могло произойти? Не подсел же охранник прямо на заседании к министру обороны? Загадка... Но не будем излишне придирчивы. Итак, этот охранник будто бы рассказал следующее:

— Товарищ Булганин, я узнал, что только что задержали Берию, и я сейчас хочу сообщить вам о том, что Берия изнасиловал мою падчерицу — ученицу седьмого класса. Год или даже больше тому назад умерла ее бабушка, а жена получила инфаркт и лежала в больнице. Девочка осталась одна в доме. Однажды вечером она бежала за хлебом, как раз около особняка, где живет Берия. Там она встретилась со стариком, который пристально на нее посмотрел, и она испугалась. Потом ее вызвали чекисты и привели в дом Берии. Берия усадил ее с собой ужинать, предложил тост за Сталина. Она отказывалась, но он настоял, что за Сталина надо выпить. Девочка согласилась, выпила, а потом заснула, и он изнасиловал ее.

Что ж, давайте попробуем пойти по стопам Шерлока Холмса и заняться дедуктивным анализом. Все мы знаем, что, согласно официальной легенде, Берия был коварным искусителем, сердцеедом и насильником, обесчестившим не одну сотню женщин. И это будто бы было отлично известно не только высшим руководителям партии и правительства, но даже рядовым москвичам, а в особенности москвичкам, с наступлением темноты не выходящим на улицы из страха пополнить список жертв злодея-сладо-

страстника. Предположим на минуту, что так все оно и было.

Но в таком случае совершенно непонятна столь острая реакция Булганина, а затем и Хрущева именно на этот частный эпизод. Ну, разве не странно? Ведь если об этом «все знали», если речь шла *о сотнях* обесчещенных женщин, то с чего бы Булганина и Хрущева могла так сильно разволновать печальная история *одной* из них — ужасная сама по себе (особенно если посчитать ее правдивой), но, как ни ничинно это звучит, банальная при заданных параметрах мифа о Берии? Ответ напрашивается сам собой: такого просто не могло быть и психологическая фальшивость этого эпизода очевидна.

Позволим себе, возможно, не слишком корректное сравнение. Представьте, что идет война — Великая Отечественная, в Афганистане, в Чечне или какая-то другая. Она приносит сотни, тысячи, десятки тысяч жертв, — все это ужасно, невероятно, однако самое ужасное заключается в том, что наше сознание, подчиняясь неумолимым законам психологии, понемногу свыкается с этим. И вот вы узнаете из сообщения по радио (или читаете в газете), что в бою, например, за деревню или кишлак *Н.* погибли два-три наших бойца. Как вы на это отреагируете? Может быть, вздохнете, может быть — если настроение совсем плохое, — чертыхнетесь в сердцах: да когда же это кончится, мать их! Но вы *ни при каких условиях* не отнесетесь к этому как к чему-то неслыханному, невероятному, поскольку — увы! — что-то в вашем сознании уже притупилось.

Но тогда откуда же мог взяться этот рассказ булганинского охранника? Да мало ли откуда! Во-первых, его вполне можно было придумать, и это весьма вероятно, особенно если учесть, что в рассказе много «дежурных» ситуаций, вскоре растиражирован-

ных в десятках похожих повествований: случайная встреча с Берией у его особняка, появление чекистов, уводящих жертву на заклание, тост за Сталина, от которого невозможно отказаться, и т. д. Вторых, такое в принципе могло произойти в действительности, но как единичный эпизод (или один из двух-трех, пяти, но никак не из сотен!), — и тогда изумление и возмущение Булганина и Хрущева были бы вполне логичны и объяснимы. Но в легенду, согласно которой на донжуанском счету Берии числились *сотни* жертв, этот случай с семиклассницей — в таком вот виде и контексте — не вписывается ни с какой стороны!

А если все-таки поверить в этот «испорченный телефон» — то есть в рассказанное охранником Булганину, Булганиным — Хрущеву, а тем — всему миру? Тогда вполне можно было бы выстроить примерно такую логическую цепь: друзья и соратники еще *до этого* знали, что Берия любит «пошалить» — как и все они в мере, определяемой привычками и темпераментом, — но не видели в этом ничего исключительного. А тут вдруг и события потекли по-новому, и подвернулся этот охранник со своим рассказом. И у вчерашних соратников Берии возникла идея: слепить из этой «мухи» огромного «слона», выставить Берию перед народом страны и всем миром «современным Синей Бородой», а заодно и подкрепить обвинения против него по другим пунктам. Такое весьма вероятно.

Попутно отметим и другое. История с охранником (разумеется, если она не придумана) косвенно свидетельствует о том, что Берия все-таки был не арестован и спустя полгода осужден и расстрелян, а прикончен сразу же, на месте. Ибо никакой охранник мгновенно после мнимого ареста Берии не кинулся бы рассказывать *такое* — если, конечно, он

психически нормален. Ведь все еще могло повернуться в другую сторону: «коллективное руководство» могло бы передумать и лишь ограничить полномочия Берии, но не расправиться с ним физически. Или, например, Берия мог освободиться и сам, — да мало ли что еще могло случиться! Поэтому охранник — а им ведь мог быть *только* профессиональный сотрудник органов — пошел бы на подобный риск лишь в одном случае. Вы уже догадались в каком? Правильно: если бы Берии уже *не было в живых* и любое возмездие с его стороны исключалось.

Начиная с перестроечных времен, к следственным материалам по «делу Берии» прибавился ряд мемуаров и интервью женщин, которые настойчиво утверждают, что в свое время были изнасилованы или соращены Берией. Однако знакомство с этой литературой только множит вопросы и сомнения. Наиболее фантастичны в этом смысле воспоминания малоизвестной певицы тех лет Нины Алексеевой. Но и в них, между прочим, мы не находим и намека на какие-либо зверства или иные пакости Берии. Напротив: из рассказов Алексеевой мы узнаем, что Берия был весьма гостеприимен и хлебосолен — «осетрина горячего копчения, семга, черная икра, салаты и соусы, петрушка, укроп, кинза, мандарины и яблоки, бутылки в плетеных формах с позолоченными этикетками, большая коробка шоколадных конфет» и т. д. Лаврентий Павлович оказался также на редкость галантен и старателен в постели, к тому же «опрятен, чист, на нем всегда было свежее белье». Свежими и накрахмаленными были также простыни и наволочки, а по утрам мадам Алексееву неизменно ожидала «ароматная горячая ванна». Словом, вопреки всем неприятным предчувствиям Алексеевой, в тот день, когда пресловутый Саркисов в августе 52-го года впервые привез ее в

особняк во Вспольном, партнером ее оказался «не монстр, не садист, не извращенец».

В алексеевских мемуарах есть и весьма сомнительные места: к примеру, она пишет, что в ноябре 52-го года Берия якобы привез ее на прием на кунцевскую дачу Сталина и там познакомил с вождем (мы еще остановимся на этом эпизоде). Но в целом в ее описании возникает вполне правдоподобный портрет вежливого, заботливого мужчины, весьма приятного в общении. Разумеется, и это тоже можно было сочинить, однако почему-то фантазии Алексеевой и прочих мемуаристок разворачиваются именно в этом направлении. А вот о насилии, садизме или иных мерзостях практически никто не рассказывает. И только в следственном деле порой встречаются упоминания (как правило, неясные и туманные) о «криминале». Но и они тонут среди множества довольно безобидных историй: пригласил, угостил и повел в спальню.

А иногда в этих рассказах «выскакивают» и подробности, даже вызывающие к Берии чисто человеческую симпатию. Так, домохозяйка К., жившая в центре Москвы, рассказывала на следствии, что в день похорон Жданова траурная процессия прошла прямо под ее балконом, и она видела Берию (они к тому моменту уже были знакомы), несущего гроб. А через некоторое время, когда с Красной площади еще доносились заунывные звуки траурных мелодий, Берия позвонил К. по телефону и предупредил, что сейчас заедет за ней. Вскоре подъехала машина. К. спустилась вниз, села рядом с Берией и с изумлением сказала:

— Как же так, Лаврентий Павлович? На Красной площади такое печальное событие, а вы...

— Ах, дорогая, — махнул рукой Берия, — когда сталкиваешься с чем-то грустным, то всегда тянешься к живому.

— А откуда же вы мне звонили? — машинально спросила К.

— Да из Мавзолея, — небрежно ответил Берия. — Там все есть.

Конечно, при желании это можно назвать и кошунством, но почему бы в самом деле не посмотреть на это чисто по-житейски? Еще нестарый, полный сил мужчина, несмотря на не совсем подходящий для этого момент, вдруг воспылал желанием и немедленно отправился к приятельнице, наплевав при этом даже на придворный церемониал.

В компании скучных кремлевских манекенов (достаточно вспомнить, например, постную физиономию Суслова) Берия всегда выделялся живостью и эмоциональностью. Практически никогда не покидая территории СССР (послевоенные поездки по оккупированным странам Восточной Европы не в счет), он каким-то образом ухитрялся больше тяготеть к западной раскованности, чем к стереотипам тогдашней советской жизни. Той же гражданке К., в частности, он предлагал — к ее полному изумлению — заняться групповым сексом. Нет-нет, мы вовсе не хотим сказать, что таковой предпочтительнее секса традиционного — речь лишь о совершенно нетипичной для лиц из сталинского окружения раскрепощенности Берии.

До сих пор ходит много разнообразных слухов о внебрачных детях Берии. Но достоверно известно только о его дочери от Ляли Гальпериной — той самой «18-летней девушки», о которой сразу же упомянул Саркисов. Как-то раз, прогуливаясь с сыном по улице, Берия подстроил «случайную» встречу Серго со сводной сестрой. Они немного поиграли, пошутили, а когда девочка со своей матерью прошли дальше, Берия спросил сына:

— Ну, понравилась девчонка?

— Ага, — кивнул Серго.

Помолчав, Берия продолжал:

— Вот что, Серго. Ты уже парень взрослый и должен знать... Ну, в общем, это твоя сестра. Малышка, маленький человечек, но мне она не безразлична. А рассказал я тебе об этом потому, — добавил он, видя немой вопрос в глазах сына, — что в жизни всякое может случиться... В общем, никогда не забывай, что у тебя есть сестренка, помогай ей, если вдруг придется. Только давай договоримся: маме об этом мы ничего говорить не будем. Хорошо?

Потрясенный неожиданной новостью, Серго машинально кивнул и пробормотал:

— А может быть, мне ее удочерить?

— Это ни к чему, — засмеялся Берия. — У нее ведь есть мать.

Марта, внебрачная дочь Берии, стала такой же красавицей, как и ее мать. Когда девочка выросла (она родилась в 40-м году), у нее появилось множество поклонников, одним из которых оказался сын В. В. Гришина, первого секретаря Московского горкома партии. И вскоре он заявил отцу, что намерен жениться на Марте. Нетрудно представить себе ужас Гришина, типичного кремлевского аппаратчика: он, член брежневского Политбюро, мог оказаться свекром ужасного Берии, пусть и давно покойного! Однако сына отговорить не удалось, и тогда перепуганный Гришин поспешил доложить обо всем Брежневу. Тот выслушал и неторопливо ответил:

— Ну, и что ты так волнуешься? Если они любят друг друга, то пускай женятся. Во-первых, на ней не написано, кто ее отец. А во-вторых, мы ведь еще и сами толком не разобрались, что за человек был Берия... Хрущев с ним сильно перемудрил.

И этот удивительный — по советским понятиям — брак состоялся. Супруги прожили вместе довольно

долго, но в 85-м году развелись. Отметим, что в годы перестройки Ляля Гальперина и ее дочь, несмотря на все усилия репортеров, так и не снабдили их никакой «клубничкой», касающейся Берии.

Истории об амурных похождениях Берии, о сотнях любовниц не могут не вызвать естественного вопроса: а как же все это совмещалось с тем, что в особняке во Вспольном жили его жена и сын? Конечно, личный особняк — не коммунальная квартира: там можно, не привлекая излишнего внимания, уединиться с любовницей раз, другой, десятый... Но чтобы систематически, да еще и в таких масштабах?! К тому же некоторые авторы утверждают, будто бы то одна, то другая любовница по нескольку дней (или даже дольше) оставались «пожить» в бериевском особняке. Могло ли такое быть?

Позиция самих сына и вдовы Берии хорошо известна: Серго Лаврентьевич и Нина Теймуразовна (напомним, что она скончалась в 92-м году) утверждали примерно одно и то же — отдельные любовные связи у Берии были, но ни о каких сотнях любовниц и тем более об их систематическом появлении в особняке во Вспольном (не говоря уж о проживании там!) не могло быть и речи. Оба они, мать и сын, не раз давали понять, что, по их мнению, большинство женщин, объявивших себя любовницами Берии, на деле были его агентами по НКВД—МВД (или осведомительницами). Но поскольку после ареста (или убийства) Берии новые власти учинили во всей структуре МВД подлинный погром, эти дамы предпочли именно амплуа любовниц, а не какое-либо иное, чреватое неприятностями.

Правда, здесь есть одно «но». Когда в 53-м году жена и сын Берии некоторое время содержались под арестом, Нина Теймуразовна на одном из допросов заявила, что из-за многочисленных любовных связей

мужа она еще в 41-м году отказалась от каких-либо интимных контактов с ним. В таком случае можно предположить, что она просто махнула рукой на похождения Берии, предоставив ему полную свободу, включая и возможность приводить любовниц в семейный дом. Только многого ли стоят показания арестованной женщины, от которых она отказалась, едва оказавшись на свободе? Напомним классический пример из истории: в начале XVII века вдова Ивана Грозного Мария Нагая вначале признала Лжедмитрия своим сыном, затем отреклась от его остывающего трупа, а спустя некоторое время признала «настоящим» сыном еще одного Лжедмитрия. А куда денешься, когда над головой занесена секира или в затылок упирается пистолет?

Кроме того, на всех следственных материалах по «делу Берии» лежит явная печать верховного указания: как можно старательнее вывалить в грязи поверженного соперника. В показаниях Саркисова значится даже, что Берия в последние десять лет жизни... болел сифилисом! А долгие годы возглавлявший санитарный отдел чекистского ведомства Грузии врач М. Ванцян сообщил следствию (кстати, нарушая при этом врачебную тайну, если предположить, что таковая была), будто бы еще в 32-м году Берия болел гонореей. Впрочем, подобные откровения следствие приписывало даже самому Берии, который якобы на соответствующий вопрос ответил, что в 43-м году «заразился сифилисом и прошел курс лечения».

Что на это сказать? Вообще-то больному человеку (даже когда речь идет о таких мало привлекательных болезнях) следует посочувствовать, а не злорадоваться. Но если говорить всерьез, то практически невероятно, чтобы Берия — профессионал разведки! — мог допустить такие «проколы» и, спать с

кем попало. И уж совсем невозможно представить, что человек с его положением (пускай и бывшим), с его чувством собственного достоинства, да еще и кавказец стал бы униженно отчитываться перед кем бы то ни было в подобных вещах! Словом, эту историю с мнимыми венерическими заболеваниями Берии можно было бы и вовсе не обсуждать, если бы и она не была отголоском незатейливой «методики», по которой строился миф о Берии.

Если герой нашей книги все-таки не был уничтожен 26 июня 53-го года и прожил еще шесть месяцев, до официальной даты расстрела, одним из самых горьких для него разочарований в те полгода, скорее всего, было то, что его предали практически все друзья. Те, кто был наиболее близок ему из сталинского окружения (Хрущев и Маленков), стали во главе заговора по ниспровержению Берии. Но и друзья, так сказать, рангом пониже, которым он столько помогал (Меркулов, Деканозов, Гоглидзе, Багиров, Кобулов и др.), во время следствия дружно поливали Берию грязью, стремясь вымолить себе прощение. Впрочем, проницательный Берия, видимо, и до этого понимал, что в кремлевских коридорах власти, как и в их низовых ответвлениях, о настоящих друзьях нечего и мечтать. Там могли быть союзники, «подельники», но никак не друзья.

Может быть, именно это ощущение одиночества и толкало его несколько чаще, чем следовало бы, в компанию людей случайных? И так ли уж удивительно, что — в силу положения Берии и «условий игры» в целом — этими людьми могли быть только женщины-любовницы? Наивные надежды! Сейчас, конечно, трудно определить, кто из этих дам в ходе следствия фантазировал, а кто говорил правду, но практически *ни одна* из них не сказала о Берии доброго слова. На фоне того, *что* они рассказывали, даже

формулировки из упоминавшейся докладной записки Меркулова, представленной им Хрущеву спустя месяц после ниспровержения Берии, звучали почти безобидно.

А между тем в резюме этой записки Меркулов писал следующее: «Отрицательные черты характера Берии, о которых я выше говорил, были мне, конечно, известны, но я никогда не подозревал Берию в политической нечестности и не думал о том, что он может оказаться врагом партии и народа, авантюристом худшего пошиба, буржуазным пережитком и агентом международного империализма... Думая о том, что произошло, хочется проклясть день и час моего знакомства с Берией, с этим авантюристом, врагом партии и народа, своим преступлением запятнавшим биографии десятков и сотен честных людей, которые волею сложившихся обстоятельств были когда-то в какой-то степени близки к нему».

Когда-то, в какой-то степени... Верными Берии до конца оставались только жена и сын (а их единичные, не вполне лестные слова в адрес мужа и отца, оброненные на следствии, в силу понятных обстоятельств можно не учитывать). О Нине Теймуразовне уже говорилось выше, осталось сказать о Серго. Он рос во многом похожим на отца: пылким, энергичным, трудолюбивым, склонным к риску. Как-то раз в конце 40-х годов его приятель, известный летчик-испытатель Амет-Хан Султан, дважды Герой Советского Союза, сказал Серго:

— Слушай, друг, не странно ли получается: татар из Крыма выселили, а мне, крымскому татарину, до сих пор стоит в родном селе бюст. Может, мы и его «выселим», а?

И друзья, работавшие тогда как раз на полигоне близ Керчи, темной ночью добрались до бюста Амет-

Хана и ухитрились до рассвета выкопать и увезти его. А ведь за такую самодеятельность могло в то время очень не поздоровиться, и сын Берии отлично это понимал.

О профессиональных занятиях Серго мы уже писали в конце предыдущей главы. Он стал доктором физико-математических наук, хотя в 53-м году его лишили этого звания (разумеется, совершенно незаконно). Во время Великой Отечественной войны С. Берия не раз участвовал в боевых операциях (о некоторых из них было рассказано в этой книге), нередко сопровождал отца в поездках к местам боевых действий, был с ним и в Тегеране, где в конце 43-го года состоялась конференция Сталина, Рузвельта и Черчилля. Там Серго — вместе с другими специалистами — была поручена прослушка апартаментов американского президента и английского премьер-министра. Сталин в те дни не раз вызывал к себе Серго и на основе распечатки материалов прослушки просил уточнить, с какой именно интонацией Черчилль или Рузвельт произносили ту или иную фразу, что могло за этим стоять, не было ли скрытого подтекста и т. д.

Женился Серго довольно рано. Его подругой стала внучка Горького, Марфа Максимовна Пешкова. Будущие супруги учились в одной школе (кстати, вместе с дочкой Сталина Светланой) и уже в старших классах решили пожениться. После того как в конце 54-го года Серго Берия, проведя полтора года в Лефортовской и Бутырской тюрьмах, вынужден был отправиться вместе с матерью в Свердловск (фактически это было ссылкой), семейная жизнь Серго и Марфы осложнилась. Через некоторое время супруги разошлись.

В середине 60-х годов Серго Лаврентьевич и Нина Теймуразовна перебрались в Киев, где С. Берия

вплоть до нынешнего времени успешно работает по специальности. Вместе с ним живет и сын, а две дочери остались в Москве, с матерью. Одна из них, Нина, вышла замуж за финна и теперь живет в Финляндии. У всех троих детей С. Берии уже давно появились собственные дети, правнуки Лаврентия Павловича. Сам же Серго, как упоминалось выше, в последние годы сумел опубликовать несколько работ, посвященных жизни и деятельности своего отца. В этих работах содержится немало весьма важной информации, порой сомнительной, но в целом заслуживающей доверия или как минимум пристального внимания.

А нам еще предстоит знакомство с последними несколькими годами жизни Лаврентия Берии.

Глава 7

ПОЕДИНОК ГРОССМЕЙСТЕРОВ

«Холодная война» и гонка вооружений создавали напряженную атмосферу не только на международной арене, они накладывали свой неизгладимый отпечаток и на внутривнутриполитическую жизнь многих стран, прежде всего, конечно, СССР и США, а также их ближайших союзников. Малоприятная перспектива оказаться испепеленными в огне ядерной войны держала сотни миллионов людей в постоянном страхе и неуверенности, а средства массовой информации, то и дело напоминая людям о вероятности ужасного побоища, раскаляли эту обстановку, углубляли ее, нагнетая психоз почти до степени безумия. И неважно, в какой классовой тональности это делалось, — людям одинаково не хочется умирать ни на заброшенной свалке, ни в роскошных дворцах.

Правда, если, говоря условно, «на свалке» умирающий хотя бы ничего не теряет (а кто-то, вероятно, и радуется, что эта проклятая, нищенская жизнь наконец остается позади), то «во дворцах» терять приходится многое. Богатство и власть — к этому стремились и стремятся большинство людей, сколько бы ни убеждали нас философы и проповедники,

что власть всегда дурна и жестока, что бедность не порок и т. д. Наверное, они правы, но жить нам всем пока что приходится не в идеальном мире, а в том, который есть. Бытие определяет сознание, и если неумолимые силы стихии или оплошности людей не позволяют улучшить бытие, то нелепо сетовать на те или иные ущербы сознания.

Кремлевское бытие после 17-го года выработало совершенно особый тип сознания, удивительным образом сочетавший в себе манию величия и комплекс неполноценности. Обитатели «верхушки» обладали почти сказочной властью, но в любой момент могли лишиться не только ее, но и самой жизни. Не стоит думать, что это не касалось Сталина, а тем более Берии, Молотова и т. д. Всевластие и всемогущество Сталина такой же миф, как и многое другое в нашей истории. И мания преследования, которой страдал вождь, была не только плодом его больной психики, но и следствием осознания вполне реальной опасности.

Вряд ли стоит доказывать, что традиции советской номенклатуры оттесняли на ее задворки энергичных, неординарно мыслящих людей (а к таковым, безусловно, относились и Сталин, и Берия), выталкивая наверх серость и посредственность. Последняя тенденция достигла апофеоза уже в наши дни в образе генсека Черненко — человека с интеллектом и кругозором колхозного счетовода-недоучки. А в сталинскую эпоху — при всех ее недостатках и, прямо говоря, преступлениях — в высшем руководстве еще порой сохранялись «нетипичные» фигуры. С одной стороны, именно они пользовались наивысшей властью и авторитетом. Но с другой — их с гораздо большей вероятностью, чем прочих, могли «смахнуть» в отставку, а то и вовсе в небытие только что упомянутые традиции.

В принципе эту главу можно было бы назвать «Поединок двух гроссмейстеров», поскольку речь в ней пойдет в основном о конкуренции между Сталиным и Берией, зародившейся в послевоенные годы и постепенно растущей. Но в определенной мере в эти же годы борьбу если не за сам кремлевский «трон», то за подступы к нему вели и другие гроссмейстеры: Жданов (он умер в 48-м году) и — в меньшей степени — Хрущев и Маленков. С начала 30-х годов, в особенности после гибели Кирова, подобная борьба казалась уже немыслимой: Сталин как бы подмял под себя всех остальных и по собственной воле перемещал их или вовсе убирал «с доски», как и подобает истинному гроссмейстеру. Но новые международные реалии, сложившиеся к концу второй мировой войны и по ее завершении, несколько оживили и статичную структуру кремлевского Олимпа.

Конечно, наиболее мощным потенциальным лидером был Берия. В полной мере он проявит это сразу же после смерти Сталина, за что и будет почти мгновенно уничтожен посредственными, но безжалостными в едином стремлении сохранить завоеванную власть соперниками. Однако Берия и при жизни Сталина не желал оставаться пешкой в руках всевластного вождя. Победа в страшной войне утвердила Сталина в вере в собственное всемогущество, придала ему сил. Но это ощущение некоего божественного всемогущества, рожденное ходом войны, было, конечно, лишь химерой: Сталин был неважным стратегом, и его ошибки в ходе войны (отнюдь не только в ее начальный период, как полагают многие) не раз приводили к плачевным последствиям. Победу нам принес, конечно, не Сталин, а сложившийся и окрепший уже в ходе войны новый талантливый генералитет (взамен разгромленного Сталиным в конце 30-х годов), блестящие действия разведки во главе с Бе-

рией и, разумеется, безропотность многострадального народа, который в буквальном смысле слова принес себя в жертву сталинским амбициям.

Мы уже говорили и в последующих главах еще расскажем о том, что Берии не были безразличны судьбы простых людей. При малейшей возможности он старался облегчить их — и когда речь шла о несправедливо арестованных, и когда приходилось иметь дело с разведчиками, военными, учеными-атомщиками и т. д. Цинизм же Сталина в отношении народа был поистине беспределен. Вечером 24 мая 45-го года, на приеме в Кремле в честь ведущих генералов, Сталину вдруг вздумалось произнести тост за здоровье *русского* народа, который он назвал «наиболее выдающимся и руководящим» среди всех народов СССР. Конечно, правильное было бы сказать просто: наиболее многочисленный. Украинцы и грузины, казахи и белорусы, армяне и татары воевали и трудились в тылу ничем не хуже русских. Однако Сталин в этом знаменательном тосте смешал с грязью не только *нерусские* народности СССР, но и самих русских. Касаясь отчаянной ситуации начала войны, он сказал:

— Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии.

Иной народ... Да, пожалуй, любой *иной* народ не стал бы терпеть такого. Полунищенское существование, безжалостные репрессии, необъяснимые никакой логикой, почти 30 миллионов погибших в войне и тысячи разрушенных городов, сел, заводов, шахт, которые предстояло спешно восстанавливать. Но русский народ, казалось, и впрямь был готов вытерпеть

все. И этой победой Сталин в самом деле мог гордиться.

Что же касается Берии, то у него после войны были более весомые основания для гордости и уверенности в своих силах и возможностях. Возглавляемые им разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны действовали почти безупречно: это признавали даже авторитетные противники сталинского режима. Немалую роль играло и то, что Берия стоял во главе, выражаясь по-современному, силового ведомства — ведь это делало ощущение власти несравненно более осязаемым и весомым, чем если бы он руководил, например, дипломатией или сельским хозяйством. Вполне реальные силы, находившиеся в его непосредственном подчинении, в какой-нибудь латиноамериканской стране могли бы стать опорой для государственного переворота или даже развязывания гражданской войны.

Ни о чем подобном Берия, разумеется, и не помышлял. Как и положено «ровеснику века», он был предан советской власти, а следовательно, и тому, кто стоял во главе ее, — Сталину. Но, будучи человеком крайне честолюбивым (горячая кавказская кровь!) и реально мыслящим, Берия считал себя достойным занять второе место в государстве, не применяя для этого никаких насильственных средств и пользуясь лишь вполне мирными придворными интригами. А поскольку Берия был ровно на двадцать лет моложе Сталина, он с полным основанием мог надеяться в обозримом будущем стать его преемником. Но для этого, не дожидаясь смерти Сталина, следовало тем или иным способом оттеснить от трона всех прочих претендентов на него.

Именно этим определялось поведение Берии во всех внутривнутриполитических играх послевоенной поры. Он стремился предельно утвердить себя в уже до-

стигнутом положении и понемногу, не привлекая излишнего внимания, продвигаться дальше. Примерно по такой же схеме пытались действовать и некоторые другие из «малых вождей», но их ограничивали недостаток энергии, таланта и смелости, позволяющей порой балансировать на лезвии ножа. Поэтому успех Берии — конечно, при условии невмешательства каких-либо внешних обстоятельств — был в значительной мере предопределен заранее. В честной борьбе ему, по всей вероятности, уступил бы даже Сталин, но вождь уже давно находился на недостижимой высоте, освященной, как тогда было принято считать, «волей партии и народа».

Все это очевидно сейчас, когда можно спокойно сопоставить документы, мемуары, исследования и прочие материалы, касающиеся сталинской эпохи, непредвзято проанализировать их. Но если бы нам удалось мысленно перенестись, скажем, в 46—47-й годы и проникнуться их атмосферой, то, пожалуй, Берия оказался бы в лучшем случае третьим человеком в государстве. А второе место было тогда весьма основательно обжито Андреем Ждановым. Ровно десять лет — после убийства Кирова и вплоть до конца 44-го года — он был первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии, мифология той поры наградила его славой руководителя обороны Ленинграда в период блокады. В реальной жизни Жданов, ничего не смысливший в военном деле, едва не провалил эту оборону, и только талант лучших сталинских полководцев (Жукова, Говорова и др.) спас второй по значению город страны от захвата гитлеровцами. Правда, даже это не могло спасти примерно полтора миллиона ленинградцев от голодной смерти: Жданов не сумел ни обеспечить достаточные запасы продовольствия в городе, ни организовать его снабжение позднее, уже в условиях блокады.

Впрочем, при всем этом он блестяще владел мастерством придворных интриг и считался в сталинском окружении лучшим специалистом по искусству, литературе, истории и даже почему-то по философии. Секретарем ЦК ВКП(б) Жданов стал в 34-м году, а спустя пять лет вошел в состав Политбюро. Перебравшись в канун 45-го года в столицу, Жданов принялся понемногу (но и не особенно медля) группировать вокруг себя людей, на поддержку которых он всегда мог рассчитывать. В марте 46-го года А. А. Кузнецов, ставший после «кировской чистки» правой рукой Жданова в Ленинграде, был назначен секретарем ЦК, отвечавшим за кадровые вопросы, — исключительно важная должность! К Жданову тяготели также глава Госплана и первый заместитель председателя Совмина Н. А. Вознесенский, другой заместитель председателя Совмина (не первый) А. Н. Косыгин, секретарь ЦК и глава Московских обкома и горкома партии Г. М. Попов, председатель Совмина России М. И. Родионов и ряд менее значительных фигур. За самим Ждановым была закреплена неофициальная должность второго секретаря ЦК, то есть как бы заместителя Сталина во главе партии. Особая близость Жданова к Сталину подчеркивалась и тем, что они породнились: 27-летний сын Жданова женился на дочери Сталина Светлане. «Заодно» Жданов-младший стал заведующим отделом науки ЦК.

Конечно, никакие передвижки и назначения на высоком уровне невозможно было осуществить, минуя Сталина. Но на его волю можно было влиять: надо было только уметь вовремя подсказать, посоветовать, подсунуть на подпись ту или иную бумажку... Жданов делал все это мастерски, и если бы не хронический алкоголизм, которым страдал этот вельможа, ему, видимо, удалось бы кое-что изменить и в советской мифологии, и в нашей реальной истории.

Но для этого ему не хватило времени: подорвав свое здоровье беспробудным пьянством, Жданов уже в 48-м году умер, оставив свою «команду» на растерзание соперникам, которые с этим не медлили (о подробностях мы расскажем чуть позже).

Главным соперником, естественно, был Берия. Как уже говорилось, Сталин в конце 45-го года освободил его от должности наркома внутренних дел. На словах вождь объяснил это Берии тем, что необходимо все силы и внимание сосредоточить на руководстве атомным проектом. Но Берия, могущество которого к концу войны заметно укрепилось, не без оснований воспринял этот шаг как своего рода предостережение: не зарывайся! Сталин впервые давал понять своему любимцу и земляку, что *слишком большая власть* может быть в этом государстве только у одного человека. Берия отлично усвоил это и в дальнейшем действовал с предельной осторожностью. Правда, это несколько связывало ему руки в невидимой борьбе со ждановской группировкой, но Берия понимал, что его соперники вскоре неминуемо вызовут раздражение Сталина своей ретивостью.

Если Жданов ориентировался в качестве помощников на фигуры, так сказать, второго плана (хотя влияние Вознесенского, Кузнецова и — в меньшей степени — Косыгина довольно быстро росло), то Берия рассчитывал на поддержку куда более мощных деятелей: Маленкова, Хрущева, Булганина. Но ждановская «команда» находилась в Москве, а Берия как раз в те годы на время лишился непосредственной помощи Хрущева и Маленкова. Хрущев до декабря 47-го года был Председателем Совнаркома Украины и в основном находился в Киеве. При этом до марта 47-го года он был еще и первым секретарем ЦК Компартии Украины. В коротком промежутке с марта по декабрь Хрущев стал гораздо чаще бывать в Москве,

и Берия предполагал, что Сталин сделает его секретарем ЦК. Но вместо этого Сталин (видимо, не без влияния Жданова) в конце 47-го года снова отправил Хрущева руководить Украинской компартией, и Берия стал видаться с влиятельным союзником только на заседаниях Политбюро.

Еще хуже получилось с Маленковым. В мае 46-го года Сталин без какой-либо видимой причины отправил его на работу в Среднюю Азию, правда, при этом не лишив постов секретаря ЦК и заместителя Председателя Совмина. Такие перемещения были довольно типичны для сталинской манеры игры. Они, как правило, означали, что вождь наметил очередную жертву, которая вот-вот отправится в мир иной. Однако то ли судьба улыбнулась Маленкову, то ли Берии каким-то образом удалось переубедить Сталина, но не миновало и года, как Маленков был возвращен в Москву. И все же Жданов и его группировка (ее иногда обобщенно именуют «ленинградской», что не совсем точно) в те годы стояли ближе к Сталину, чем Берия и его союзники.

В послевоенное время Сталин, как уже говорилось, намеревался разыграть «еврейскую карту»: то он планировал создать для советских евреев республику в Крыму, то делал ставку на Израиль. Но от первой идеи отказался он сам, а вторая не осуществилась помимо его воли. Наряду с этим в стране постепенно начинала раскручиваться антисемитская кампания — естественно, с санкции вождя. Уму непостижимо, каким образом Сталин намеревался соединить эти два противоположных направления. Государственный антисемитизм, разумеется, вызвал бы крайне отрицательную реакцию в Западной Европе и в США, что вскоре и произошло, когда сперва развернулась во всю мощь борьба с «космополитами», а затем, уже перед смертью Сталина, возникло «дело врачей».

Характерно, что в самом начале этого процесса, в 46—47-м годах, Сталин явно намеревался отдать роль «первой скрипки» Жданову. У того хорошо получались пафосные обличительные речи, их простой язык легко мог понять любой слесарь или комбайнер. Словом, ситуация сложилась так, что в Жданове Сталин в ту пору видел *реального* помощника, которому надлежало постоянно находиться под рукой. И эта приближенность к вождю, пусть и довольно зыбкая, весьма укрепляла положение Жданова в Кремле.

Конечно, и Берия занимался вполне реальным и важным (даже суперважным!) делом — атомным проектом. Но как раз для этого ему постоянно приходилось находиться на заводах и испытательных площадках, на многочисленных строящихся объектах, много разъезжать по стране. Сохраняя значительное влияние и гигантский потенциал, Берия внешне как бы отошел на второй план, сближаясь с вовсе неизвестными для общества учеными-ядерщиками. И в результате прочное положение Жданова подкреплялось еще и своего рода психологическим фоном. Спокойного и осторожного Берию это вряд ли могло смутить, а вот Жданов от излишней самоуверенности становился все менее осмотрительным. В частности, он несколько раз позволял себе сверх всякой меры напиваться во время «посиделок» на кунцевской даче Сталина, что было небезопасно. Вождя — в зависимости от настроения — такие истории порой веселили, но могли и вызвать раздражение.

Но до гнева Сталина в данном случае дело не дошло. Здоровье Жданова становилось все хуже, подорванное пьянством сердце то и дело давало сбои. И 31 августа 48-го года последовал вполне логичный итог — Жданов скончался. Некоторые исследователи намекают (а то и прямо утверждают), что, мол, «и к этому акту Берия руку приложил» (выражение

А. В. Антонова-Овсеенко). Но доказательств этого нет. Скорее всего, в истории со Ждановым судьба просто в очередной раз улыбнулась Берии. Зато спустя пять лет она предъявила ему счет полной мерой...

Так или иначе, к осени 48-го года расстановка сил в сталинском окружении вновь изменилась. Резко повысилась роль Берии (возглавляемая им работа над атомным проектом шла все успешнее) и возвращенного в Москву Маленкова. Жданова не стало, Хрущев по-прежнему в основном находился в Киеве, а влияние Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микояна и других представителей «старой гвардии» понемногу падало.

Вместе с тем Сталин, как ни странно, продолжал покровительствовать ждановским выдвигенцам, прежде всего Вознесенскому и Кузнецову. С позиций наших дней их вряд ли можно считать серьезными соперниками для Берии, но тогда все это выглядело иначе. Сталин несколько раз дал понять, что видит своего преемника в Вознесенском, он даже прямо говорил об этом (правда, «соратники» редко могли понять, шутит ли вождь или говорит серьезно). Бывали случаи, когда Сталин почему-либо не являлся на заседания Совмина и поручал вместо себя вести их Вознесенскому. А порой вождь, даже присутствуя на заседании, ленивым взмахом руки указывал Вознесенскому на председательское кресло: давай, мол, распоряжайся, у тебя хорошо получается.

И в итоге почти все кремлевские обитатели стали — каждый, конечно, по-своему — интриговать против Вознесенского. Не меньшее раздражение вызывал в этой среде и другой ждановский фаворит, Г. М. Попов. Жданов использовал его для контроля над ведущими министрами, которые формально должны были подчиняться главе московской парторганизации. Но глуповатый Попов продолжал эту

практику и после смерти могущественного покровителя, чем не замедлил воспользоваться Маленков. Он сообщил Сталину, что, мол, Попов пытается создать «независимый от Политбюро партийный центр». Сталин поначалу назвал это чепухой, но жалобы на Попова поступали и от других.

В начале 49-го года вождь, наконец, уступил. Попов был лишен важнейших должностей секретаря ЦК и руководителя московских коммунистов (правда, Сталин до 50-го года еще держал его председателем исполкома Моссовета), и обе они были переданы Хрущеву, естественно, тут же вернувшемуся из Киева в Москву. Трудно сказать, в какой мере повлиял на это Берия: ведь закулисные кремлевские игры на то и назывались закулисными, что никто не знал их подробностей, кроме самих участников. А они предпочитали молчать. Тем не менее очевидно, что Берия прямо или косвенно сыграл значительную роль в этой «рокировке» (то есть замене Попова на Хрущева), поскольку основные выгоды от возвращения в столицу Хрущева, а еще раньше — Маленкова получал именно он.

Примерно тогда же решилась судьба и главных выдвиженцев покойного Жданова. В феврале 49-го года Политбюро приняло довольно загадочное постановление. В нем Кузнецов, Родионов и руководитель ленинградских коммунистов П. С. Попков обвинялись в «антипартийных действиях», которые будто бы принесли стране «огромный экономический ущерб». Речь шла всего-навсего о Ленинградской всесоюзной оптовой ярмарке, которые обычно устраивались для реализации залежавшихся товаров и приносили государству вовсе не ущерб, а немалые прибыли, да и для населения подобные ярмарки были выгодны.

Разумеется, ничего антипартийного в Ленинградской ярмарке не было, в Москве прекрасно о ней

знали и при желании могли бы давным-давно все прекратить. Здесь видна рука опытного интригана, которым мог быть Берия или Маленков. Возможно, и кто-то другой, но это менее вероятно. Не исключаю, что идея удара по «ленинградцам» принадлежала самому вождю, и прежде часто менявшему круг своих любимцев.

Далее события разворачивались по привычной схеме. Кузнецова, Родионова, Вознесенского, ряд других лиц вначале «понижили», то есть перевели на второ- и третьестепенные должности, а затем арестовали (впрочем, некоторые были арестованы сразу). По печальной «традиции» сталинской эпохи, все они вскоре признались в самых разнообразных грехах, и этих «признаний», полученных под пытками, оказалось вполне достаточно для смертного приговора. В сентябре 50-го года на закрытой выездной сессии военной коллегии Верховного суда в Ленинграде шесть человек (в том числе Вознесенский, Кузнецов, Родионов и Попков) были приговорены к смертной казни, остальные — к разным срокам заключения.

Все обвинения против них основывались на вынужденном самооговоре обвиняемых. Мало-мальски реальных обвинений (хотя и они были вздорными) набралось лишь два: пресловутая оптовая ярмарка и то, что на выборах в ходе объединенной партийной конференции коммунистов Ленинграда и области будто бы произошла фальсификация результатов. Небольшая фальсификация действительно была: против руководителей было подано по нескольку голосов (случалось порой и такое), а с трибуны объявили, что они, мол, избраны единогласно. Обычно «не замечали» и более крупных подтасовок (достаточно вспомнить историю с бюллетенями, поданными против Сталина на XVII съезде партии), но судьба «ленинг-

радцев» была predetermined заранее, поэтому весомость и убедительность обвинений не волновали судей.

Так называемое «ленинградское дело» не ограничилось этим судилищем и расстрелом шести основных обвиняемых, последовавшим 1 октября 50-го года. Репрессии против партийно-административной элиты Ленинграда продолжались еще полтора года, более двухсот человек было отправлено в ГУЛАГ, некоторых расстреляли. Это преступление сталинского режима окончательно сделало Берию, Маленкова и Хрущева наиболее близкими к вождю людьми. Заметьте, речь идет о *трех* людях! Но многие исследователи, согласно традициям мифа о Берии, почему-то считают именно его конструктором «ленинградского дела» и главным палачом.

Логика тут проста: во-первых, Берия вообще «запрограммирован» в наш менталитет как главный злодей, во-вторых, устранение Вознесенского, Кузнецова и прочих было в его интересах. Последнее верно, но, повторяем, эта расправа устраивала и других, прежде всего Маленкова и Хрущева. Да, возражат нам, но ведь их возможности (в смысле влияния на следствие, суд и т. д.) были значительно меньше, чем у Берии. При этом все упорно игнорируют тот очевидный факт, что с декабря 45-го по март 53-го года Берия *не был* министром внутренних дел и формально не имел отношения ни к этому ведомству, ни к Министерству госбезопасности.

Возражения, конечно, найдутся и на это: ерунда, все это пустые формальности, а на деле Берия, мол, всегда держал органы в своих руках, какой бы пост он сам ни занимал. Что ж, в определенной степени это верно: авторитет и связи Берии в органах всегда оставались огромными. Но речь шла о довольно близких к Сталину людях, а в такой ситуации делать что-либо исподтишка, за спиной у вождя было крайне

рискованно. И Берия, при всем его опыте и при всем знании коварной натуры Сталина, никогда не пошел бы на такой риск. Впрочем, при желании у него было немало возможностей действовать настолько незаметно, что не только Сталин, но и сам Шерлок Холмс не обнаружили бы его вмешательства.

Для этого было достаточно всего-навсего шепнуть кое-что верным людям в органах, и тогда... Но тут-то мы и подходим к весьма важному обстоятельству, которое при анализе придворных интриг того периода исследователи не то чтобы игнорируют, но, как правило, числят в разряде второстепенных деталей. Дело в том, что после ухода Берии с поста руководителя ведомства внутренних дел произошло заметное перераспределение сил и полномочий органов. Инициатором этого, как нетрудно догадаться, мог быть только Сталин.

Что же конкретно произошло? В течение четверти века с лишним фигуры Дзержинского — Менжинского — Ягоды — Ежова — Берии олицетворяли собой мощь карательного ведомства, которое после ряда переименований стало называться НКВД. Его главой и был Берия, пока в декабре 45-го года Сталин не переключил его полностью на руководство атомным проектом. Вскоре после этого наркоматы были переименованы в министерства, но это было чисто декоративной переменной, так сказать, сменой вывески. Гораздо важнее было другое: с уходом Берии его ведомство окончательно отошло на второй план, уступив место Министерству государственной безопасности, существовавшему и раньше, но не пользовавшемуся таким весом.

Прежний нарком (министр) государственной безопасности В. Н. Меркулов был не только знаком Берии по работе в Грузии — они были друзьями (конечно, с поправкой на их разное положение в ста-

линской номенклатуре). Когда Берия сменил Ежова во главе НКВД, он сделал Меркулова своим первым заместителем. Но Сталин вскоре после начала войны назначил Меркулова наркомом госбезопасности. В результате Берия фактически контролировал и свой, и меркуловский наркоматы: поэтому-то последний и считался как бы придатком первого. Да и мало кто в те годы смог бы толково объяснить, чем же различались их функции.

Совсем иное дело — военная контрразведка. Даже неспециалисту понятно, что она призвана раскрывать какие-то секреты чисто военного значения и предотвращать военные провокации врагов. То есть быть, как могли бы выразиться в те годы, дозорным отрядом Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны Главное управление армейской контрразведки было важным и совершенно независимым от *обоих* бериевских наркоматов ведомством. Его успехи в военные годы были огромны, что Сталин отметил особой честью: в 43-м году он лично придумал для управления «секретное» наименование, которое, естественно, вскоре узнали и свои, и чужие. СМЕРШ (то есть «Смерть шпионам» — отдадим должное мрачной фантазии вождя) — этот зловеще-загадочный титул и сегодня способен вызвать легкое содрогание. А во главе СМЕРШа был поставлен 35-летний (если говорить о 43-м годе) красавец гренадерского роста Виктор Абакумов.

Миф о Берии предполагает, что Абакумов был его ставленником, правой рукой и т. д. Это не имеет ничего общего с действительностью. Абакумов работал в Ростовском управлении НКВД и в Москву попал незадолго до начала войны, поскольку быстро уловил новые («бериевские») веяния и выпустил на свободу в Ростове и области больше половины «необоснованно репрессированных». Тем не менее отно-

шения Берии и Абакумова были весьма прохладными. Достаточно сказать, что Берия, дома и на даче у которого постоянно было полно гостей, никогда не приглашал к себе Абакумова.

Однако на посту начальника СМЕРШа Абакумов действовал превосходно. Его разведчики работали ничуть не хуже бериевских агентов-профессионалов. Но и не лучше. Поэтому Сталин, не раз говоривший Берии, что абакумовцы, мол, работают лучше, чем твои, делал это из любви к интриге, а вовсе не потому, что на деле считал так. В то же время Сталин весьма точно разглядел в Абакумове соперника (а возможно, и преемника) Берии в роли руководителя разведки и контрразведки, карательных органов в целом. В мае 46-го года Сталин снимает Меркулова с должности главы МГБ и ставит на его место Абакумова. И в считанные месяцы это второразрядное министерство становится тем, чем до этого было бериевское НКВД, хотя его никто и не думал упразднить, сменился лишь глава (место Берии занял С. Н. Круглов). Но Абакумов с самого начала развил такую бурную деятельность, что заставил всех обратить на себя внимание.

Одним из первых шагов Абакумова во главе МГБ стала попытка чистки высших военных кадров. С учетом специфической ситуации это могло быть как выполнением прямого указания Сталина, так и проявлением личной инициативы министра, стремившегося с предельной эффективностью дебютировать на новом месте. Не исключено и то, что Абакумов, в ходе войны постоянно наталкивавшийся на противодействие генералитета в тех или иных ситуациях, решил свести с военными счеты. Так или иначе, вскоре после своего назначения Абакумов доложил Сталину, что еще в годы войны летчики жаловались ему на невысокие боевые качества советских само-

летов в сравнении с немецкими. Свой доклад он дополнил рядом данных, в частности привел сравнительные цифры успехов советских и германских летчиков (они уже приводились в этой книге). Вождь был крайне недоволен и даже поначалу не был склонен верить Абакумову. Но тот заявил, что все данные выверены и подтверждены специалистами.

В результате Сталин дал Абакумову разрешение арестовать Главного маршала авиации и командующего ВВС А. А. Новикова и министра авиационной промышленности А. И. Шахурина. Вскоре они и другие арестованные «сознались» в надуманных преступлениях, а заодно показали, будто бы маршал Жуков готовил то ли заговор, то ли военный переворот. Но Сталин, по-своему любивший Жукова, не позволил Абакумову арестовать и его. Вождь решил ограничиться разбором «провинностей» маршала на заседании Высшего военного совета в июне 46-го года. Надо сказать, что многие известные военачальники с удовольствием приняли участие в публичном поношении полководца. После этого Жуков был лишен должностей главкома Сухопутных войск и заместителя министра обороны (тогда эта должность именовалась «министр вооруженных сил»), а затем отправлен командовать Одесским военным округом.

Принято считать, что инициатором этой истории был Берия, будто бы в итоге очень расстроившийся, так как его конечной целью было физическое устранение Жукова. Но подумаем вот о чем: сферы деятельности Берии и Жукова практически не соприкасались, и соперниками они быть никак не могли (в том числе и в атомном проекте). Кроме того, все материалы на Жукова готовил и представлял Сталину Абакумов. Наконец, как утверждает сын Берии Серго, его отец и Жуков дружили, и Берия-старший всегда старался поддержать маршала, когда у того были

какие-либо неприятности. А вот Абакумов по замыслу Сталина сразу же оказался своеобразным противовесом Берии, призванным отсечь его от влияния на работу органов.

В этой ситуации мощной поддержкой для Берии мог бы стать Круглов, сменивший его во главе Министерства внутренних дел. Но, как уже отмечалось, влияние и полномочия МВД без каких-либо явных мер и директив быстро перетекли к абакумовскому министерству — это тоже было частью замысла Сталина. Кроме того, Круглов был неподходящей фигурой для гроссмейстерских поединков при кремлевском дворе. Он попал в НКВД почти одновременно с Берией (в ноябре 38-го года), был его заместителем, но так и не прижился в этом карательном ведомстве. Круглов оставался типичным аппаратчиком, механически исполнявшим команды начальства. Пока его начальником был Берия, Круглов кое-как справлялся с делами. Оказавшись в роли министра, он действовал беспомощно и неумело, так как не привык что-либо решать самостоятельно.

Абакумов же — даже с учетом неудачной атаки на маршала Жукова — отменно проявил себя в первые же годы пребывания на посту министра госбезопасности. Энергия, напор, решительность и неукоснительное следование указаниям Сталина — а последнее вождь ценил превыше всего. Поскольку как раз в эти годы Сталин заметно охладел к Берии, можно предположить, что он намеревался со временем передать Абакумову бывшие полномочия и роль Берии, а заодно и сопутствующий этой роли «имидж» железного рыцаря, прямого наследника ставшего к тому времени легендарным Дзержинского.

В исследованиях последних лет то и дело можно встретить утверждение, будто Абакумов был ставленником Берии, а потому безраздельное влияние

Лаврентия Павловича на органы сохранялось и после его формального отхода от руководства ими. Это, конечно, не так. И не только по тем причинам, о которых только что говорилось. Конфликт Берии с Абакумовым начался буквально с момента вступления последнего на пост министра ГБ. Абакумов тогда, принимая дела от Меркулова, не выполнил общепринятых технических процедур — пускай и чисто формальных. Берия заметил это и в присутствии нескольких свидетелей довольно резко отчитал новоиспеченного министра.

Правда, Абакумов с самого начала уловил растущую неприязнь Сталина к Берии и, видимо, догадывался, что при обострении конфликта вполне может рассчитывать на поддержку вождя. Тем не менее Абакумов на первых порах старался вести себя корректно по отношению к Берии. Вот характерный пример: в конце 46-го года абакумовскому ведомству была поручена проверка работы МГБ Белоруссии. В ходе проверки выявились многочисленные нарушения законности: неправомочные аресты, длительные сроки заключения, несоразмерные провинностям, и т. д. В то время, правда, нередко закрывали глаза и на более серьезные нарушения, но процедура проверки предполагала повышенное внимание к юридической стороне дела.

В итоге сотрудники Абакумова представили ему пространную докладную записку, в которой перечислялись все провинности белорусских гэбистов, а основная вина возлагалась на их руководителя Л. Цанаву. Необычность ситуации заключалась в том, что Цанаву был выдвинутцем Берии, и все отлично это знали. Не желая обострять отношений с Берией, Абакумов долго не сообщал о результатах проверки в ЦК, а затем представил их в таком виде, что нарушения выглядели малозначительными и эпизодическими.

Немного позднее, осенью 47-го года, сын Цанавы был арестован в Москве за изнасилование. Ему грозило длительное тюремное заключение, а отцу — серьезные неприятности по работе. Цанава срочно приехал в Москву, чтобы попытаться спасти сына. Берия отказался ему помочь, а вот Абакумов устроил Цанаве встречу с находившимся тогда в зените карьеры А. А. Кузнецовым (он же, напомним, курировал органы от ЦК). И Кузнецов распорядился замять дело, насильника Цанаву-младшего выпустили на свободу. Но с какой же стати Абакумову понадобилось влезать в это сомнительное дело? Ведь его положение и вес были значительно солиднее, чем у Цанавы. Судя по всему, он и в этом эпизоде старался снискать благосклонность... нет, конечно же не перепуганного Цанавы, а Берии!

Но на гордого, самолюбивого Берию, горячего кавказца, подобные знаки внимания оказывали совсем иное воздействие. Берия уже привык, что большей властью и могуществом, чем он сам, обладает только Сталин. А тут вдруг какой-то Абакумов подчеркивает, что способен выручить его, всевластного Берию, оказать ему услугу! Разве может такое понравиться? И в итоге неприязнь Берии к Абакумову не исчезает, а продолжает разрастаться. Однако Абакумов, энергичный и умелый в делах разведки и контрразведки, но простодушный в житейских вопросах, долгое время не замечал этого. В Берии он видел союзника и всемогущего покровителя, к которому почему-то охладел еще более всесильный вождь, что, впрочем, могло в любой момент измениться. Но Берия изучил Сталина гораздо лучше, чем Абакумов, и был почти уверен, что эту «фигуру» вождь приберегает для атаки на него, Берию.

А в 48-м году, вскоре после смерти Жданова, началась история, которой суждено было развернуться

во всем масштабе четыре года спустя. Некая Лидия Тимашук, врач кремлевской больницы, написала Сталину письмо, в котором утверждала, что врачи Виноградов и другие применяли к Жданову устаревшие методы лечения, не прислушивались, мол, к рекомендациям «молодых врачей», и вот итог: Жданова спасти не удалось. Тимашук не называла Виноградова и прочих «врагами» или «агентами империалистов», речь шла о чисто профессиональных ошибках. Впрочем, с учетом ситуации и такое обвинение могло означать для «провинившихся» смертный приговор.

Однако Сталин, не очень склонный к экспромтам, мельком просмотрев письмо Тимашук, распорядился отправить его в архив. Абакумов, естественно, после этого не мог заниматься проверкой обвинений против врачей: это было бы нарушением воли вождя. Но именно письмо Тимашук — наряду с другими обстоятельствами — в дальнейшем сыграло роковую роль в судьбе министра госбезопасности.

Сегодня, когда стали доступны различные материалы, касающиеся печально известного «дела врачей», можно с уверенностью сказать, что толчком, с которого оно началось, было вовсе не письмо никому не известной Лидии Тимашук (его ведь поначалу как бы даже не заметили), как полагают многие, а *что-то* стремление устранить Абакумова. Судя по ряду свидетельств и документов, этим «кем-то» был Маленков. Действовал ли он только по своей инициативе или же хотел помочь своему приятелю Берии убрать энергичного соперника? В принципе это не исключено, особенно если учесть, что на рубеже 40—50-х годов невидимый поединок кремлевских гроссмейстеров достиг критической фазы.

Что же конкретно произошло? В следственной части по особо важным делам МГБ работал подполковник Михаил Рюмин, о котором сослуживцы зна-

ли две вещи: в ходе интенсивных допросов Рюмин «раскалывал» абсолютно всех, а его антисемитизм носил прямо-таки патологический характер. Рюмин особенно отличился во время следствия по «ленинградскому делу», когда он в считанные дни добыл от заключенных нужные показания. Весной 51-го года Маленков через своего помощника Суханова поручил Рюмину написать Сталину письмо с обвинениями против Абакумова.

Но эти обвинения следовало хорошо продумать, чтобы вождь не отмахнулся от них как от вздорных (а Сталин делал такое нередко, вспомним, например, о его первоначальной реакции на письмо Л. Тимашук). После некоторых раздумий было решено воспользоваться показаниями врача Я. Г. Этингера, который, измученный допросами, «сознался», будто бы в среде кремлевских врачей существует заговор, имеющий целью физически уничтожить руководителей страны. Мнимыми жертвами «врачей-убийц» якобы уже стали Жданов и первый секретарь МК и МГК партии А. С. Щербаков. В результате усиленных допросов Этингер умер, и вот теперь Рюмин писал Сталину, что врача убили по приказу Абакумова, чтобы скрыть «заговор еврейских буржуазных националистов».

Одновременно Рюмин напомнил вождю и о письме Тимашук, также свидетельствовавшем об этом «заговоре». Это письмо, утверждал Рюмин, также было специально скрыто Абакумовым, поскольку он-де «потворствовал» заговорщикам и был заинтересован в успехе их черного дела. Наконец, Рюмин доложил, что Абакумов, будучи начальником СМЕРШа, наворовал уйму трофейного имущества, а также растратил государственные средства на ремонт и обустройство своей новой квартиры площадью в триста квадратных метров. Это были единственные обвине-

ния против Абакумова, соответствовавшие истине, хотя, надо сказать, грабили побежденную Германию и родное социалистическое государство все, кто только мог (конечно, в масштабах, приличествовавших занимаемой должности).

Разумеется, был об этом осведомлен и Сталин. Знал он и то, что Абакумов и не думал «скрывать» письмо Тимашук, которое велел отправить в архив сам вождь. Тем не менее Сталин, вопреки всякой логике, решил расправиться с Абакумовым. 4 июля 51-го года министр был снят с работы, а 12-го числа его арестовали и поместили в тюрьму МВД, в наши дни хорошо известную в просторечии как «Матросская тишина» (по старинному названию улицы, на которой находится тюрьма). Новым министром госбезопасности Сталин назначил С. Д. Игнатьева, партийного чиновника, до этого работавшего в Бурят-Монголии, Башкирии, Белоруссии, Средней Азии, но не имевшего никакого отношения к органам. Это окончательно превратило МВД и МГБ в ведомства, полностью подчиненные воле Сталина. Могут спросить: а разве до этого они не были подчинены его воле? В принципе да, но фигуры масштаба Абакумова (не говоря уже о Берии), находясь во главе таких министерств, пользовались некоторой самостоятельностью — хотя бы в силу своего опыта, инициативы и профессионализма. Ничего этого у чиновников типа Игнатьева не было и в помине.

Но целью Сталина было не только превращение органов в послушных цепных псов. Судя по материалам допросов Абакумова, от него прямо или косвенно добивались показаний против Берии, — а такое могло быть только результатом прямого указания Сталина. И экс-министру, несмотря на его прежнее положение, пришлось в ходе следствия *впервые* столкнуться со многим из того, что в сталинскую эпоху

доводилось переживать тысячам, так сказать, «рядовых» заключенных. Но Абакумов, судя по многочисленным откликам, был человеком большого личного мужества и держался на следствии стойко. Он не признал ни своего участия в заговоре «еврейских националистов», ни какой-либо причастности Берии к своим мнимым преступлениям.

Тем не менее следствие велось настолько энергично и жестоко, что даже стальные нервы Абакумова давали слаbinу. Он не раз писал из тюрьмы Берии и Маленкову, пытаясь объяснить свою невиновность и рассказать о муках, которые ему приходилось терпеть. Так, в одном из писем к Берии и Маленкову (от 18 апреля 52-го года) Абакумов сообщал: «Со мной проделали что-то невероятное. Первые восемь дней держали в почти темной, холодной камере. Далее в течение месяца допросы организовывали таким образом, что я спал всего лишь час-полтора в сутки, и кормили отвратительно. На всех допросах царит сплошной мат, издевательство, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол... Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером два метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день), я провел восемь суток. Установка включилась, холод все время усиливался. Я много раз... впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал — был обманут... Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг. 23 марта это чуть не кончилось смертью — меня чудом отходили и положили в санчасть... Я все время спрашивал, кто разрешил про-

делать со мной такую штуку. Мне ответили «Руководство МГБ». Путем расспросов я узнал, что это Рюмин, который делает что и как хочет».

Видимо, Абакумов и в самом деле не представлял в полной мере, до какой изощренности были доведены «технические средства» в возглавлявшемся им ведомстве. Конечно, трудно поверить, что устройство в главной тюрьме органов, к примеру, той же холодильной камеры (да еще и с трубопроводной установкой!) могло быть плодом самодеятельности, излишнего рвения каких-либо рядовых гэбистов-палачей. Еще труднее предположить, что о подобных методах выколачивания из подследственных нужных показаний не знали Абакумов и Берия. Не мог же, в конце концов, сам Сталин, минуя все промежуточные звенья, лично направить соответствующие указания низовым работникам! Ну, а если бы каким-то фантастическим образом такое все же произошло, то уж удерживать это в строжайшей тайне было бы никак не возможно: все-таки расположенная в столице тюрьма — не средневековый замок Иф, затерянный в Средиземном море.

Тем не менее Абакумов не кривил душой. Старая русская поговорка гласит: «Сытый голодного не разумеет». Именно по этой причине, как нетрудно догадаться, «сытый» Абакумов слышал про какой-то холодный карцер, а возможно, и сам подписывал бумаги на его переоборудование. А вот когда он оказался в положении «голодного» и стал непосредственным «клиентом» кошмарного холодильника, это показалось ему чем-то неслыханным. Поэтому бывший министр по-своему был искренен, когда писал, что он, мол, «был обманут». По всей вероятности, спустя год с небольшим сходные чувства испытал и герой нашей книги (если, разумеется, он — еще раз уточним — попал в тюрьму, а не был застрелен при аресте).

Что же касается несчастного Абакумова, то холодильник и прочие «прелести» следствия повергли его не только в моральный шок. В архивах сохранилась справка, выданная 24 марта 52-го года начальником санчасти Лефортовской тюрьмы (Абакумова перевели в нее из «Матросской тишины» в феврале): «Заключенный № 15 еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение... Бледен, губы и слизистые с цианотичным оттенком...» и т. д.

Между прочим, в первые недели после ареста Абакумов писал жалобы *только* на имя Берии. Помимо сетований на несправедливость по отношению к нему, Абакумов постоянно намекал, что все время защищал Маленкова, несмотря на чей-то «очень сильный нажим». Очевидно, что речь шла о нажиме Сталина, который не раз проявлял недовольство Маленковым и даже, как уже упоминалось, «ссылал» его на работу в Среднюю Азию. Теперь же Абакумова крайне интересовало, может ли он рассчитывать на ответную поддержку Маленкова. «Меня беспокоит один вопрос, — писал он Берии вскоре после ареста. — Верно ли теперь относится ко мне товарищ М. (так он шифровал в письмах фамилию Маленкова. — *Н. Р.*) при разбирательстве моего дела... У меня какое-то сомнение. Целиком полагаюсь на Вашу помощь. Хорошо бы в какой-то форме дать мне понять, что Вы помните обо мне и делаете все необходимое».

Однако никакой реакции Берии, а позднее и Маленкова на просьбы арестованного министра не последовало. На всех абакумовских посланиях стоят лишь чисто технические пометки Берии, после прочтения отправлявшего их к Маленкову, а затем — в архив нового министра госбезопасности Игнатьева. Судьба Абакумова была предрешена, но «абакумов-

скую карту» еще не раз пускал в ход Сталин, а после его смерти ею успел воспользоваться и Берия (на этом мы тоже остановимся дальше).

В истории с Абакумовым (особенно с подготовкой рюминского доноса на него), в «ленинградском деле» и некоторых других зловещих акциях конца сталинской эпохи по-новому вырисовывается роль Маленкова. Его принято считать человеком слабым и безвольным, неспособным на самостоятельные решения и шаги. В определенной степени все это верно, но нельзя не учитывать и того, что Маленков попал в аппарат ЦК ВКП(б) еще в 25-м году, едва ли не юношей (ему тогда было 23 года). А четверть века, проведенные в таком специфическом обществе, естественно, не могут пройти бесследно. Поэтому при всей своей вялости и мягкотелости, даже на фотографиях бросающихся в глаза (коллеги по Политбюро за дородную, женоподобную фигуру прозвали его Маланьей), Маленков тоже думал о достойном месте в кремлевской иерархии.

Казалось бы, в послевоенные годы такое место прочно закрепилось за ним. Маленков был членом Политбюро, секретарем ЦК, заместителем Сталина на посту председателя Совмина, — куда же больше? Однако внезапная «ссылка» в Среднюю Азию, пусть и непродолжительная, наглядно продемонстрировала Маленкову, сколь шатко его положение. Но здоровье Сталина на глазах становилось все хуже, поэтому Маленков (как и другие, прежде всего Берия и Хрущев) стремился обеспечить себе надежные позиции на подступах к сталинскому трону в преддверии начала открытой борьбы за него.

Дополнительные возможности в создании таких позиций обеспечивало Маленкову то, что в послевоенные годы он по поручению Сталина курировал МГБ и МВД по линии Политбюро (параллельно органы

курировал и секретарь ЦК А. А. Кузнецов, но, как вы знаете, в 49-м году он был арестован, а затем расстрелян). В марте 50-го года Маленков с согласия Сталина создал на базе Сокольнической тюрьмы МВД на улице Матросская Тишина так называемую «особую тюрьму». В истории с этой таинственной тюрьмой немало загадок. Когда во второй половине 50-х годов Хрущев распорядился разузнать о ней все, выяснилось, что тюрьма была рассчитана человек на сорок, в ней было тридцать пять служебных кабинетов (для следователей и охраны), установили там и телефон прямой правительственной связи («вертушку»). Судя по всему, в «особую тюрьму» были переведены главные обвиняемые по «ленинградскому делу», которых оттуда возили к Маленкову на Старую площадь, и он поодиночке допрашивал их в своем кабинете.

Сведения об «особой тюрьме» относятся только к 50-му году. Но вряд ли она создавалась лишь для заранее обреченных «ленинградцев». Из сопоставления различных мемуаров и других документов (например, показаний бывшего помощника Маленкова Суханова, арестованного в мае 56-го года) можно заключить, что Сталин довольно быстро отказался от идеи «особой тюрьмы», короткое существование которой заметно усилило положение Маленкова. Видимо, вождю не хотелось, чтобы это положение укреплялось и дальше. Немалую роль в решении Сталина сыграло и то, что через Маленкова большое влияние на «особую тюрьму» и все, в ней происходящее, получал и Берия. Словом, эта тюрьма исчезла так же стремительно, как и появилась. Ее недолгая история — важный штрих к многообразной панораме «гроссмейстерской партии», затеянной Сталиным в послевоенные годы, но то и дело вырывающейся за рамки намеченного вождем сценария.

И только одно в сценарии этой «игры» оставалось неизменным: при любых поворотах «партии», при всех вознесениях и ниспровержениях прочих «игроков» своим главным соперником Сталин считал Берия. Именно против него так или иначе было направлено большинство «ходов» вождя. К ним безусловно следует отнести и «мегрельское дело», направленность которого против Берии, мегрела по происхождению, была очевидна всем даже при жизни Сталина, когда люди боялись не то что промолвить, но и подумать «лишнее».

Замышляя «мегрельское дело», Сталин планировал воспользоваться услугами генерала Н. М. Рухадзе, который с 48-го года возглавлял Министерство госбезопасности Грузии и был хорошо известен (во всяком случае, на Кавказе) своей неприязнью к Берии. В сентябре 51-го года Сталин, отдохавший на своей даче в Цхалтубо, близ Кутаиси, вызвал к себе Рухадзе. Вождь спрашивал грузинского министра, работает ли его агентура среди грузин-эмигрантов в Турции, в других странах. Рухадзе нерешительно отвечал, что, мол, вся такая работа ведется централизованно, по линии МГБ СССР, а его дело маленькое: что велят из Москвы, то он и исполняет.

Остановив министра жестом руки, Сталин со злобещей усмешкой сказал:

— Значит, боишься проявлять инициативу? Не любишь работать самостоятельно? Плохо! Надо активнее работать! Грузинская эмиграция есть не только в Турции, но и в Иране, и во Франции. Вот послушай, — повернулся Сталин к своему секретарю Поскребышеву. — Во время войны Берия отправил в Париж к меньшевику Евгению Гегечкори его племянника и приказал ему завербовать дядю. Потом этот племянник возвращается. Все сделал, говорит, завербовал. Но что же мы вскоре обнаружили? Ока-

залось, что этот хитрый дядя сам завербовал племянника. Ну, я, конечно, велел Берии арестовать этого предателя... Вы знали про эту историю? — снова обратился он к Рухадзе.

— Нет, товарищ Сталин, — покачал головой министр.

— Плохо! — повторил Сталин. — Плохой ты чекист! Ладно, теперь будешь знать. Ну, и как думаешь, не нарочно ли нам Берия подсунул этого племянничка?

Рухадзе похолодел. Он никогда не любил Берию, но чтобы так вот открыто закладывать его вождю? А с другой стороны, перечить Сталину — дело еще более опасное. Уж не проверка ли это?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — уклончиво ответил Рухадзе. — Надо бы подумать, проанализировать...

— Вот и анализируй! — бросил Сталин. — Для чего же я тебе это рассказываю? Сядь в своем кабинете и анализируй! Ведь Берия чуть что — сразу подсовывает нам мегрельцев. Считает их, понимаешь, самыми умными и талантливыми из всех грузин!

Они поговорили еще немного о текущих делах грузинских чекистов, и Сталин отпустил Рухадзе восвояси. Возвращаясь в Тбилиси, министр старательно обдумывал новую для себя информацию: Сталин не любит Берию — раз... не любит мегрелов — два... хочет, чтобы грузинское ГБ работало независимо от центра — три, но это, пожалуй, не так важно, как первое и второе...

Рухадзе не переставал переваривать все это и в последующие дни. Эти мысли настолько прочно засели в его голове, что через пару недель, прилично выпив и закусив (а возможно, как раз недостаточно закусив) на обеде у председателя грузинского Совмина, он уединился с несколькими приятелями и

пересказал им свой разговор с вождем. Очень уж захотелось похвастать, какие секреты доверяет ему сам Сталин...

А наутро, едва проспавшись, Рухадзе хотел было кинуться к вчерашним собутыльникам и попросить их навсегда забыть о его несдержанной болтовне. А потом решил, что излишняя суета может только вызвать у них нездоровый интерес к его рассказу. Они ведь и так люди опытные, будут держать языки за зубами.

Но не тут-то было! К. П. Бзиава, заместитель министра внутренних дел Грузии, в ту же ночь настроил донос своему фактическому московскому шефу Игнатьеву. Тот, естественно, переслал послание Бзиавы Сталину, все еще отдыхавшему в Грузии. Вождь удовлетворенно похмыкал и велел отправить это письмо по секретной связи первому секретарю Абхазского обкома партии А. И. Мгеладзе. А потом снял телефонную трубку.

— Слушай, Мгеладзе, — сказал он. — Тебе скоро придет от меня пакет. Внутри лежит рапорт за подписью Бзиавы. Ты вот что... Загляни-ка к Рухадзе, когда будешь в Тбилиси, и покажи ему этот рапорт, понял? А когда он придет в себя, достань спички... да-да, спички, и сожги его. Да не Рухадзе, болван, а рапорт. А ему скажешь, что я так велел.

Когда исполнительный Мгеладзе разыграл эту сценку с сожжением рапорта, Рухадзе сообразил, что Сталин не наказывает его за болтливый язык вовсе не из-за великодушия. Вождь давал понять, что Рухадзе теперь придется очень старательно отработать этот должок. А как отработать? На этот счет сомнений не было: Сталин еще до получения рапорта Бзиавы поручил Рухадзе разобраться с взяточничеством сухумских чиновников, которым будто бы покровительствовал второй секретарь Грузинской

компартии Барамия. Большинство взяточников, как и сам Барамия, были мегрелами.

Рухадзе с рвением взялся за дело. Он арестовал нескольких взяточников, а пока разворачивалось следствие, составил обстоятельный отчет и сам отвез его Сталину, на правительственную дачу. Реакция вождя оказалась молниеносной. Не выезжая с дачи, Сталин составил «постановление ЦК ВКП(б)» (оно датировано 9 ноября 51-го года), в котором говорилось, что в Грузии процветают взяточничество, растраты и хищения. Виновниками этого объявлялись члены «мегрело-националистической группы» во главе с Барамией.

Сталинское постановление было немедленно переслано в Тбилиси, и в среде высших грузинских чиновников начались аресты. Многих из арестованных, конечно, можно было вполне документированно обвинить и во взяточничестве, и в хищениях (что и делалось). Но Рухадзе и его подручные исходили не столько из соблюдения законности, сколько из исполнения очевидной воли Сталина — выбить мегрелов из партийно-административной элиты Грузии. И даже не слишком сообразительные люди понимали, что в конечном счете вся эта кампания направлена против Берии.

Впрочем, для такого вывода не требовалось и напрягать мозги. Дело в том, что перед самым началом арестов Сталин распорядился установить подслушивающие устройства в квартире матери Берии, которая так и осталась жить в Грузии. Вождь не без оснований полагал, что, когда развернутся репрессии против мегрелов, Марта Берия может не сдержаться и сказать что-нибудь в защиту «националистов». Тогда можно будет с чистым сердцем арестовать старушку, — и Берия окончательно окажется во власти Сталина. Вряд ли стоит напоминать читателям,

что этот метод Сталин многократно применял и против других своих «соратников».

В те же дни Сталин поручил генералу Огольцову, первому заместителю Игнатьева (самого министра госбезопасности вождь справедливо считал пустым местом), срочно отправить на подмогу грузинским гэбистам группу московских следователей. Им было дано тайное поручение: активно участвовать в допросах арестованных мегрелов и любой ценой добыть от них показания, в чем-либо порочащие Берию или хотя бы Нину Теймуразовну, его жену. До сих пор принято считать, что подобные показания так и не были получены.

А возможно ли это? Ведь «интенсивного следствия» не выдерживали и люди куда более стойкие, чем изнеженные, привыкшие к роскоши грузинские чиновники. Пример Абакумова, мужественно перенесшего все мучения, потому и поражает, что является редчайшим исключением. Неужели арестованные мегрелы были настолько преданы Берии? Да вряд ли. Скорее можно предположить другое: посланцы Огольцова добыли нужные показания, но Сталин почему-то предпочел приберечь их до поры до времени. Он же не мог знать, что судьба отмерила ему этого времени чуть больше года.

Следствие по «мегрельскому делу» шло полным ходом. Между тем Рухадзе, памятуя обвинение Сталина в отсутствии у него инициативы и самостоятельности, решил, наконец, развернуть работу среди грузин-эмигрантов. Идея у него возникла весьма авантюрная: забросить агентов в Париж, сблизиться с Евгением Гегечкори и другими лидерами меньшевиков, а затем... всех их похитить и вывезти в СССР! Тем не менее Сталин одобрил этот план.

Перед тем как отправлять во Францию своих агентов, Рухадзе решил посоветоваться с Судоплатовым,

считавшимся одним из лучших специалистов по террору и похищениям. Министр пригласил Судоплатова в Тбилиси. Но когда московский гость познакомился с агентами, намеченными Рухадзе для отправки во Францию, он был просто потрясен примитивным уровнем их подготовки. Как вспоминал потом Судоплатов, агенты Рухадзе по наивности полагали, что усыпить бдительность эмигрантов им поможет хорошо организованное застолье. Выяснилось также, что параллельно с «похитителями» Рухадзе планировал отправить в Париж делегацию мастеров культуры. Судоплатов без труда определил, что задумал это Рухадзе вовсе не для «прикрытия» (так заявил ему министр), а для того, чтобы отправить в притягательный Париж собственную жену — заурядную певичку местной консерватории.

Судоплатов знал, что к тому времени в Грузию вернулся кое-кто из эмигрантов. Можно было бы попробовать использовать в будущей операции кого-то из них. Прежде всего это касалось профессионального чекиста Гигелии, которого тогда вместе с женой-француженкой было также решено вернуть в Грузию в составе группы реэмигрантов (еще при Абакумове). Но когда Судоплатов спросил у Рухадзе, чем сейчас занимаются вернувшиеся эмигранты, министр не без самодовольства ответил:

— Меры уже приняты. Арестовано сорок семь человек.

— А Гигелия? — спросил пораженный Судоплатов.

— Гигелия с женой арестованы в первую очередь.

По возвращении в Москву Судоплатов доложил Игнатьеву и Огольцову, что при такой подготовке операция несомненно кончится грандиозным провалом. Он подробно рассказал, какую «агентуру» подготовил Рухадзе. Выслушав его, Игнатьев недовольно поморщился, а Огольцов сказал:

— Видите ли... возможно, в чем-то вы и правы. Но товарищ Сталин лично переписывается с Рухадзе. Переписка ведется на грузинском языке, и мы... — Огольцов запнулся. Он едва не проболтался, что переписку вождя на русском языке гэбисты беззастенчиво читали. — Словом, товарищ Сталин полностью доверяет Рухадзе, и в такой ситуации мы не можем... мы не можем...

Самое интересное, что Сталин не просто переписывался (а еще и перезванивался) с Рухадзе, но и конкретно указывал ему, кого еще следует арестовать. Именно Сталин приказал Рухадзе арестовать Гигелию и других реэмигрантов. В запротоколированных телефонных разговорах Сталина и Рухадзе есть такой фрагмент: на вопрос вождя министр отвечает, что на Гигелию, мол, ищут компрометирующие материалы, но пока не нашли «ничего реального». Сталин на это решительно потребовал: «Арестуйте, побейте, расстреляйте!»

Многие аресты Рухадзе произвел и по собственной инициативе, устраняя при этом всех своих соперников и недоброжелателей. Одним из первых, например, он арестовал Бзиаву, который недавно настрочил на него донос Игнатьеву. Узнав, что племянник Евгения Гегечкори, о котором рассказывал Сталин, уже вышел на свободу, Рухадзе распорядился снова арестовать его. Правда, этого бедолагу грузинские чекисты допрашивали так старательно, что вскоре после ареста он едва не умер от побоев. Уточним, что речь идет о Теймуразе Шавдии, человеку загадочной судьбы, которого потом еще не раз освобождали и снова арестовывали.

Между тем Сталин полагал, что «мегрельское дело» раскручивается недостаточно энергично. В решении ЦК от 27 марта 52-го года отмечалось, что «мегрело-националистическая группа Барамии» будто бы

намеревалась отторгнуть Грузию от СССР, а руководство Грузинской компартии и органы не проявили в раскрытии этого злодейского заговора достаточной бдительности.

Понимая, что его вот-вот могут выгнать с работы (это в лучшем случае!), Рухадзе засуетился. Он срочно отправился в Москву, чтобы попросить совета у уже знакомого нам Рюмина. После того как Рюмин (точнее говоря, его донос, составленный под диктовку маленьковского помощника) помог ниспровергнуть Абакумова, он сделал неплохую карьеру: стал заместителем Игнатьева и начальником следственной части по особо важным делам МГБ. Пожаловавшись Рюмину, что следствие по «мегрельскому делу» затягивается и не всегда, мол, удается получить желаемые результаты, Рухадзе попросил московского коллегу поделиться опытом. Рюмин охотно дал кое-какие деловые советы, да еще и отправил в помощь Рухадзе бригаду следователей-костоломов во главе со своим заместителем полковником Цепковым.

С прибытием в Тбилиси цепковской бригады резко ужесточился режим содержания арестованных «мегрельских националистов»: отменили прогулки, перестали выдавать книги, допрашивали преимущественно по ночам... Бить тоже стали куда энергичнее, чем прежде. И тем не менее наглядной картины заговора, нити которого тянулись бы в Париж, Стамбул и другие центры грузинской эмиграции, не вырисовывалось. И в конце концов «мегрельское дело», так резво начавшееся, затопталось на месте. Впрочем, теперь уже мы вряд ли узнаем, в чем заключался замысел Сталина. Как говорилось выше, вполне возможно, что вождю были нужны материалы против Берии. И если они были получены, то отпадала и нужда в дальнейшем разжигании дела. В нужный момент компромат против Берии был бы пущен в ход.

Кстати, своего рода прелюдия к «мегрельскому делу» (если иметь в виду его антибериевскую направленность) была исполнена Сталиным еще летом 48-го года. Тогда вождь вдруг потребовал, чтобы Берия убрал из охраны кунцевской дачи «своих» грузин (в основном это были мегрелы) и заменил их русскими чекистами.

В июне 52-го года незадачливый Рухадзе по распоряжению Сталина был снят с работы, а затем и арестован. Его заключили в Лефортовскую тюрьму МГБ и, судя по всему, пытались выяснить, все ли антибериевские показания были им доложены наверх, не утаил ли экс-министр что-либо. Измученный пытками и сбитый с толку, Рухадзе писал Игнатьеву, что от него требуют показаний «о якобы собирании компромата на Л. П. Берия», но говорить на эту тему он будет только с представителем ЦК. Никаких представителей к нему, разумеется, не прислали. Рухадзе просидел в тюрьме еще около трех лет, а в 55-м году его осудили и расстреляли в Тбилиси вместе с группой «сообщников Берии». А «мегрельское дело» к тому времени давно рассыпалось: арестованных «националистов» Берия освободил почти сразу же после смерти Сталина.

Но это была уже совсем другая эпоха. А тогда, летом и осенью 52-го года, начиналась очередная стадия в гроссмейстерской партии — «дело врачей». Рюмин еще за год до этого, «закладывая» Абакумова, писал Сталину о заговоре «еврейских националистов», которому будто бы покровительствовал бывший министр госбезопасности. Но Абакумов, как известно, никаких показаний на этот счет не давал, мало чего удавалось добиться и от других арестованных заодно с ним сотрудников МГБ (в основном евреев). Только некоторые из них (например, полковники Шварцман и Маклярский) после силового воз-

действия кое-что рассказывали, но недостаточно убедительно и не вполне то, что требовалось следствию. Так, Шварцман сознался, что находился с Абакумовым в гомосексуальной связи и получил от него задание тайно создать в МГБ группу евреев-террористов для убийства руководителей государства. В числе своих любовников Шварцман также назвал двух американских шпионов и... посла Англии в Москве, — от них он якобы получал из-за рубежа инструкции по осуществлению «сионистского заговора».

Подобные показания больше напоминали бред, Сталину же хотелось получить нечто более убедительное. Он, правда, запретил устраивать для Шварцмана психиатрическую экспертизу, о которой тот просил. Но и нелепые признания этого гомосексуалиста-сиониста, разумеется, не могли устроить вождя. Чуть более связные показания давал полковник Маклярский. Будучи «по совместительству» профессиональным киносценаристом, он больше упирал на «антисоветские» и «сионистские» высказывания в родной писательской среде, охотно цитировал соответствующие слова коллег по миру прекрасного — прозаиков, поэтов, драматургов и прочих. Вскоре по наводке Маклярского был арестован другой известный писатель, Лев Шейнин. Он был профессиональным юристом, в 30-е годы активно помогал Вышинскому готовить печально известные процессы. Поэтому Шейнину не составило особого труда на очной ставке опровергнуть фантазии Маклярского. Ни его, ни Маклярского, разумеется, в результате этого не освободили (это сделал лишь Берия весной 53-го года), но и версия о сионистском заговоре, охватившем даже писателей, рушилась на глазах.

Безграмотное ведение следствия Рюминым, выколачивавшим из заключенных бессмысленные показания, но так и не сумевшим сконструировать на-

глядную картину сионистского заговора, необходимую Сталину, в конце концов вывело вождя из себя. По его распоряжению Рюмин был 12 ноября 52-го года уволен из МГБ и отправлен на должность бухгалтера при резерве ЦК. Затем он был старшим контролером в Министерстве госконтроля, а вскоре после смерти Сталина Берия приказал арестовать Рюмина (к этому мы еще вернемся).

Перепуганный Игнатьев после увольнения Рюмина ждал, что сталинский гнев вот-вот сметет и его. Выход был только один — срочно «долепить» дело о заговоре сионистов, так и не завершённое Рюминым. В распоряжении Игнатьева были показания за полтора года до этого умершего Этингера, было письмо Л. Тимашук четырехлетней давности, были добытые Рюминым показания других арестованных врачей высокого ранга — Виноградова, Майорова, Егорова и прочих. В списке их сомнительных злодеяний, правда, так и не значилось ничего существенного, кроме «убийства» Щербакова и Жданова. Но Игнатьев полагал, что этого вполне достаточно. Он решил не мудрить и, сосредоточив все внимание на «деле врачей», вывести из него и сионистский заговор, и зловещее участие в этом буржуазных разведок. Сталина это вполне устроило.

Возникает естественный вопрос: за что же тогда был отстранен от дел Рюмин? Ведь у него были наготове те же самые материалы по врачам плюс кое-какие заготовки по заговору «еврейских националистов» в недрах МГБ. Здесь следует учитывать два момента. Во-первых, Сталину явно начала надоедать эта затянувшаяся возня, и он решил, что лучше преподнести «общественности» менее масштабный заговор, но зато более или менее «доказанный». А Рюмин... что ж, Рюмин, не возвращать же его обратно в самом-то деле! К тому же Рюмин — это уже

будет «во-вторых» — в силу своей малообразованности не умел толком оформить документы, не мог создать из пустоты выбитых пытками «признаний» подлинную поэму. А Игнатьев, профессиональный чиновник, только это и умел делать.

Тема этой книги связана самым непосредственным образом не только с мифом о ее герое — Лаврентии Берию, но и со всей системой советской мифологии, с «методикой» ее формирования. Недолго просуществовавший и сегодня уже основательно подзабытый миф о «врачах-убийцах» — классический в этом смысле пример. Официальная формулировка обвинений против арестованных врачей, обнародованная только 13 января 53-го года, характерна именно неконкретностью, эфемерностью самих этих обвинений.

Приведем некоторые выдержки. «Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного исследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их... Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны... Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки». В качестве последней была названа мифическая «международная еврейская буржуазно-националистическая организация «Джойнт», созданная американской разведкой».

И все! Но этого оказалось достаточно для рождения очередного мифа, мгновенно овладевшего умами десятков миллионов доверчивых советских граждан. Гениальное всегда просто. Разве большинству из нас периодически не кажется, что терапевт или дантист лечат нас «не так», что диагноз какой-то сомнительный, что от прописанных врачами лекарств нам становится только хуже? А с учетом повышенной подозрительности среднестатистического советского гражданина образца 52-го года легко представить, на какую благодатную почву легли эти надуманные обвинения против врачей. Теперь каждый «понимал», отчего у него болят сердце, печень, зубы, — виноваты врачи-убийцы, изверги в белых халатах! Думать так было гораздо приятнее, чем искать вину в себе самом. Кажется, даже Сталин поверил в эту провокацию, хотя она и создавалась на его глазах. А, например, маршал Конев, еще до публикации официального сообщения узнавший о «деле врачей», направил на имя Сталина пространное письмо, где подробно описывал вредительские уклады и процедуры, которым его подвергали садисты-врачи в кремлевской больнице.

«Дело врачей» оказалось последним крупным преступлением (к счастью, не вполне доведенным до конца) сталинского режима из-за случайного стечения обстоятельств. Никто ведь не мог знать заранее, когда именно умрет Сталин. И все же в том, что так случилось, есть своя символика и даже определенная закономерность. Антисемитские настроения Сталина усиливались год от года. Если еще в середине 30-х годов в его окружении было немало евреев, то к концу 40-х из них остались лишь Каганович и прочно задвинутый на второразрядные роли Мехлис. Но дело, разумеется, не только в этом. Ударом по советским евреям Сталин, никогда ничего не забывавший

и не прощавший, судя по всему, хотел как бы отомстить, посчитаться за все неудавшиеся попытки разыграть «еврейскую карту» на международной арене. О некоторых из таких попыток (использование Еврейского антифашистского комитета, заигрывания с Израилем) уже говорилось.

Берия, выросший в многонациональной Грузии, где практически не было антисемитизма, не сразу разобрался в намерениях Сталина. Он искренне и активно поддерживал и создание Еврейского антифашистского комитета (и даже был, как вы помните, одним из инициаторов этого акта), и помощь СССР евреям Палестины в период образования Израиля. Антиеврейские кампании, развязанные по указке Сталина во второй половине 40-х годов, проводились без какого-либо участия Берии. В тот период он был занят в основном атомным проектом, в котором участвовало немало евреев. Но малейшие попытки с чьей-либо стороны бросить тень на «своих» евреев-атомщиков (например, в период борьбы с «космополитизмом») он решительно пресекал.

Мог ли он сделать тогда большее? Попытаться, конечно, мог, но в ситуации, когда отношение Сталина к нему постоянно ухудшалось (о чем Берия, естественно, знал), это было бы сродни самоубийству. Нельзя не учитывать и общего роста антисемитских настроений в стране в те годы. Так, в антикосмополитической кампании охотно и активно участвовали многие известные деятели науки и культуры. И хотя антисемитский характер этой кампании открыто не проявлялся, суть ее была, как отлично понимали все, именно такой. И для того чтобы остаться в стороне от этой грязи, требовалось даже не столько мужество, сколько способность не поддаваться массовому гипнозу, жить по своим правилам и понятиям, а не по тем, которые навязывает эпоха.

Берия не мог, например, вмешаться в акцию по разгрому Еврейского антифашистского комитета, задуманную Сталиным и проведенную ведомством Абакумова. В самом конце 47-го года МГБ арестовало филолога Гринберга и экономиста Гольдштейна, членов ЕАКа. После стандартной «обработки» они дали показания на других своих коллег по комитету и «признались», что ЕАК фактически являлся «законспирированной антисоветской организацией», выполнявшей задания буржуазных разведок. В ход было пущено и уже упоминавшееся письмо руководителей ЕАКа с предложением о создании в Крыму Еврейской АССР, написанное в феврале 44-го года. Теперь оно толковалось как злонамеренная попытка отторгнуть Крым от СССР.

Вскоре, в феврале 48-го года, по личному указанию Сталина был ликвидирован наиболее авторитетный из лидеров ЕАКа, знаменитый актер Соломон Михоэлс. Огромный международный авторитет Михоэлса не позволял просто арестовать его. Актера отправили в командировку в Минск, где его пригласил на свою дачу «в гости» министр госбезопасности Белоруссии Л. Цанава. Абакумов по приказу Сталина уже прислал туда своего заместителя Огольцова. На даче Михоэлса оглушили, сделали ему смертельный укол, ночью отвезли тело в Минск, бросили на пустынной улице и переехали грузовиком. Такую же процедуру проделали и с сопровождавшим Михоэлса театральным критиком Голубовым: он был агентом МГБ, но, так сказать, «начинающим», и потому мог проболтаться. Официально дело было представлено как случайный автомобильный наезд.

В «разоблачительной» литературе периода перестройки (даже в художественных произведениях!) вину и за это преступление Сталина и Абакумова, как правило, возлагают на Берию, который не имел к

нему никакого отношения. Более того, сразу же после смерти Сталина, когда Берия, вновь возглавив Министерство внутренних дел, принялся разгребать накопившуюся там грязь (МГБ тогда было ликвидировано и вошло в состав МВД), он специально допросил Абакумова, Цанаву и Огольцова по поводу гибели Михоэлса. Они честно рассказали обо всех обстоятельствах дела. При этом Абакумов, наотрез отказывавшийся ранее дать ложные показания против Берии, четко заявил, что указание ликвидировать Михоэлса он получил непосредственно от Сталина. Берия составил обо всем этом подробную докладную записку и 2 апреля направил ее в Президиум ЦК КПСС. Не менее энергично и оперативно он разобрался и с рядом других преступлений, на чем мы еще остановимся.

Приписывают Берии и еще одно преступление тех лет — расправу над шведским дипломатом Раулем Валленбергом. Как известно, Валленбергу удалось в годы войны выкупить у фашистов несколько десятков тысяч венгерских евреев и, таким образом, спасти их от гибели. С этой же целью он контактировал с разведками США и Англии, что и сделало его объектом внимания СМЕРШа. Сразу же после занятия Будапешта советскими войсками в январе 45-го года Валленберг был арестован смершевцами и переправлен на Лубянку. Шведское правительство усиленно разыскивало его, но на все запросы Сталин или Молотов отвечали в том духе, что, мол, ни о каком Валленберге ни они, ни их подчиненные и знать не знают. И только в 57-м году, уже при Хрущеве, шведам сдержанно сообщили: да, затесался в наши тюрьмы каким-то образом ваш Валленберг, но — вот незадача! — еще летом 47-го года он умер от инфаркта. В наши дни, впрочем, стало очевидным, что и дата, и причина смерти Валленберга носят чисто условный характер.

Очевидно и другое: Валленберга разрабатывали, а затем арестовали и прикончили люди Абакумова, который последовательно возглавлял и СМЕРШ, и МГБ. Как и почему был ликвидирован шведский дипломат, пока не до конца ясно. Видимо, его пытались завербовать или использовать в каком-то ином плане, но почему-то отказались от этого намерения. А поскольку Швеция упорно допытывалась о судьбе своего пропавшего гражданина, от него на всякий случай решили избавиться.

Нечто похожее ведомство Абакумова проделало в те годы с гражданином США И. Оггинсом. Правда, арестован он был еще НКВД в феврале 39-го года за шпионаж: Оггинс проник в СССР с чужими документами. Берия запретил пытаться его, и вскоре Особое совещание НКВД дало американцу восемь лет лагерей (срок по тем временам на удивление мягкий!). Посольству США после его неоднократных запросов было сообщено о деле Оггинса, американца даже привезли из Норильского лагеря и на рубеже 42—43-го годов дважды показывали представителям посольства. Но ведь по истечении восьми лет его предстояло освободить! И в мае 47-го года Абакумов в рапорте на имя Сталина и Молотова раскрыл своего рода «классическую формулу», по которой советские карательные органы решали подобные проблемы.

Приведем основную часть этой формулы: «Докладываю Вам... Появление Оггинса в США может быть использовано враждебными Советскому Союзу лицами для активной пропаганды против СССР. Исходя из этого, МГБ СССР считает необходимым Оггинса Исаю ликвидировать, сообщив американцам, что Оггинс после свидания с представителями американского посольства в июне 1943 года был возвращен к месту отбытия срока наказания в Норильск и там в 1946 году умер в больнице в результате обост-

рения туберкулеза легких. В архивах Норильского лагеря нами будет отражен процесс заболевания Оггинса, оказанной ему медицинской и другой помощи. Смерть Оггинса будет оформлена историей болезни, актом вскрытия трупа и актом погребения...»

Сталин и Молотов согласились с этим «рацпредложением», и процедура, предложенная Абакумовым, была осуществлена. Нет никаких сомнений, что такой же механизм на деле стоял за «инфарктом» Валленберга и множеством менее известных историй. А вот документов, позволяющих говорить, что к подобной практике имел какое-либо отношение Берия, нет.

5—14 октября 52-го года в Москве, после 13-летнего перерыва, состоялся очередной съезд партии, XIX. Прошел он довольно традиционно, и вряд ли кто-то мог предположить, что сразу же после него, на Пленуме ЦК, дряхлеющий вождь резко активизирует ход гроссмейстерского поединка кремлевских «шахматистов». Впрочем, абстрактный и беспристрастный наблюдатель (если бы таковой был) мог бы заметить, что в профессиональных шахматах столь стремительное ускорение хода партии соответствует эндшпилю — то есть приближению конца игры...

Глава 8

КОНЕЦ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Казалось бы, что может быть более конкретно и осязаемо, чем время? В минуте 60 секунд, в часе 60 минут, в сутках 24 часа, а в году 365 дней. И какие бы бури и смерчи, цунами и землетрясения ни бушевали над планетой — год не сократится до ста, например, дней и не растянется до тысячи. И тем не менее вряд ли кто-нибудь будет возражать, что порой целые десятилетия могут ничего не оставить в человеческой памяти, а иногда год по прошествии времени воспринимается как эпоха. Да что там год! Вспомните, к примеру, не такой уж далекий август 91-го года и последовавшие за ним несколько месяцев. Ведь за этот микроскопический для истории срок для всех нас, экс-советских людей, сменились не только эпоха, не только общественный строй, но и страна, Отечество: мы стали жителями России и Украины, Казахстана и Грузии, Латвии и Молдавии... И не в результате кровопролитных войн и мучительных революций, а как бы между делом, единым росчерком пера (точнее говоря, тремя росчерками). Конечно, профессиональные политики (их, кстати, не так уж и много) могли бы предположить именно такое развитие событий, но никому и в голову не могло при-

ти, что это произойдет столь стремительно и необратимо.

Весной 53-го года наша страна не сменила названия, прежним остался и ее общественный строй, но смерть Сталина и ряд так или иначе связанных с этим событий обозначили смену эпохи. Сегодня, по прошествии почти полувека, очевидно, что своего рода переломом следует считать 14 октября 1952 года — день закрытия заседаний XIX съезда партии. (Забавная шутка истории: ровно через двенадцать лет именно в этот же день завершится еще одна эпоха, хрущевская, первые признаки которой еще даже не обозначились, — они появятся лишь к исходу лета 53-го года.) Не только двумстам миллионам рядовых советских граждан, но и обитателям кремлевского Олимпа в тот далекий день еще не слышались раскаты надвигающейся грозы...

И все же она грянула! Сразу же после съезда, практически без какого-либо перехода события стали набирать скорость. Уже 16 октября состоялся Пленум ЦК, по традиции призванный подвести итоги съезда. Однако на сей раз Пленум оказался не «проходным», как обычно, а невероятным, сенсационным! Он, правда, продолжался, по свидетельству его участников, немногим более двух часов, из которых примерно полтора часа заняла речь Сталина. Но именно выступление вождя и потрясло участников Пленума.

К. Симонов вспоминает, что Сталин «говорил от начала и до конца все время сурово, без юмора, никаких листков или бумажек перед ним на кафедре не лежало, и во время своей речи он внимательно, цепко и как-то тяжело вглядывался в зал, так, словно пытался проникнуть в то, что думают эти люди, сидящие перед ним и сзади. И тон его речи, и то, как он говорил, вцепившись глазами в зал, — все это привело всех сидевших к какому-то оцепенению. Ча-

стицу этого оцепенения я испытал на себе. Главное в его речи сводилось к тому... что он стар, приближается время, когда другим придется продолжать делать то, что он делал, что обстановка в мире сложная и борьба с капиталистическим лагерем предстоит тяжелая и что самое опасное в этой борьбе дрогнуть, испугаться, отступить, капитулировать. Это и было самым главным, что он хотел не просто сказать, а внедрить в присутствующих, что, в свою очередь, было связано с темой собственной старости и возможного ухода из жизни.

Говорилось все это жестко, а местами более чем жестко, почти свирепо, может быть, в каких-то моментах его речи и были как составные части элементы игры и расчета, но за всем этим чувствовалась тревога истинная и не лишенная трагической подоплеки».

Читателям старшего поколения вряд ли требуется разъяснять, насколько невероятно было на исходе 52-го года услышать нечто подобное, а из уст Сталина — вдвойне! Но для более молодых читателей поясню: хотя формально, конечно, никто не ставил под сомнение, что Сталин, как и все прочие люди, смертен, какие-либо рассуждения о возможности его кончины (а уж тем более ухода в отставку при жизни!) были в те времена абсолютно исключены. И сам факт открытого, публичного произнесения Сталиным таких слов — пускай и на полусекретном по своей сути заседании Пленума — уже являлся признаком некой грандиозной перемены, даже перелома.

В годы перестройки, когда едва ли не любому событию нашего прошлого средства массовой информации давали противоположную оценку, быстро нашлось толкование и этому выступлению Сталина: диктатор, мол, всего лишь хотел проверить реакцию «соратников», попросту говоря, играл с ними.

А зачем, скажите на милость, чего ради? Ведь и так было понятно, что все хором загалдят: да что вы такое говорите, товарищ Сталин? Да как же мы без вас? и т. д. Отчего бы не поверить тому же Симонову, очевидцу этой поистине исторической сцены, и вслед за ним не признать, что в словах и поведении Сталина «чувствовалась тревога истинная и не лишенная трагической подоплеки»? Да, Сталин совершил множество вполне доказанных преступлений, были на его счету и грубые политические просчеты, но почему же буквально в *каждом* его поступке следует чуть ли не автоматически видеть коварство и некий злобный умысел? Отчего бы не допустить, что в каких-то случаях (пускай в крайне редких, если уж кому-то так хочется) он мог вести себя вполне естественно и искренно?

Разумеется, едва вождь замолчал (перебить его было немислимо даже в такой ситуации), те, кто сидел вокруг Сталина в президиуме, и участники Пленума в зале дружным хором закричали: «Нет! Нельзя! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!» Любопытная деталь: Симонов, противореча собственным словам об истинной тревоге Сталина и ее трагической подоплеке, далее пишет, будто бы большинство присутствовавших на Пленуме почти сразу же поняли, «что Сталин вовсе не собирался отказываться от поста Генерального секретаря, что это проба, прощупывание отношения Пленума к поставленному им вопросу, — как, готовы они, сидящие сзади него в президиуме и сидящие впереди него в зале, отпустить его, Сталина, с поста Генерального секретаря...». Видимо, это противоречие связано с тем, что воспоминания Симонова писались им в несколько приемов: по горячим следам событий он делал, так сказать, экспресс-конспект, а уже потом (в данном случае — спустя 26 лет) придавал мемуарам за-

конченную литературную форму. Естественно, за четверть века отношение писателя к Сталину и степени его искренности претерпело те же серьезные изменения, что и у всего нашего общества.

Но в продолжительном выступлении Сталина содержалась не только просьба об отставке. С непривычной, исключительной резкостью он обвинил в «нетвердости, трусости, капитулянтстве» и прочих грехах Молотова и Микояна — наиболее давних и, как казалось всем, надежных «соратников». При этом, как отмечают — явно или намеком — некоторые мемуаристы, в воздухе как бы витало острое недовольство Сталина системой МВД—МГБ, а следовательно, и Берией, хотя формально он уже не был ее главой. И этого недовольства, естественно, не мог не почувствовать и сам Берия.

Впрочем, для этого ему не потребовалось проявлять какие-то чудеса проницательности: читатель знает из предыдущей главы, что Сталин к тому времени уже начал своего рода «предварительную чистку» бериевской системы. Арестованный еще в июле 51-го года Абакумов по-прежнему не давал показаний на всесильного шефа, но сам факт продолжения весьма интенсивного следствия (вспомните слезные абакумовские послания Берии и Маленкову!) был весьма знаменательным. Берия был слишком хорошо знаком с механизмом политических интриг вообще, а кремлевских — в особенности, чтобы не почувствовать сигнала опасности как минимум в момент ареста Абакумова, а возможно, и раньше.

Итак, вслед за чисткой органов роковой топор навис над двумя ведущими членами Политбюро (теперь уже Президиума), Молотовым и Микояном. И далеко не один Берия понимал: о случайности тут и речи быть не может и, скорее всего, дело этим не ограничится. Призрак новых «чисток», новых репрес-

сий вырисовывался все явственнее. Внезапная смерть Сталина в марте 53-го года оставляет нам возможность только догадываться, какой же именно масштаб и направленность могла бы приобрести так и не начавшаяся вспышка репрессий. Многие мемуаристы и исследователи убеждены, что планировалась новая атака на «космополитов», завершением которой должен был стать сдвоенный удар по евреям «снизу» (погромы) и «сверху» (массовые аресты, казни и высылка в отдаленные районы). Понятно, что погромы в условиях СССР тех лет никак не могли возникнуть стихийно и их предстояло организовать силами МГБ и МВД.

С другой стороны, немало фактов и свидетельств говорит и за то, что главной задачей будущих репрессий Сталин видел очередную «чистку партийных рядов», причем «чистку» весьма широкую, своеобразные концентрические круги от которой пошли бы по всей стране. Доказать это трудно (практически невозможно), но, судя по всему, в мыслях вождя вызревало нечто грандиозное, возможно, даже превосходящее все прежние масштабы террора. А удар *только* по евреям, конечно, привел бы к громкому международному скандалу, но сама численность этого национального меньшинства как бы заранее ограничивала рамки репрессий и сводила к минимуму возможности «прополки» партийной верхушки, в которой после антикосмополитической кампании евреев оставалось крайне мало. Как показывал печальный опыт 30-х годов, репрессии вполне могли носить «комплексный» характер и обрушиваться на любые группы населения. Скорее всего, именно подобная «объемная» волна террора захлестнула бы страну, если бы Сталин умер на несколько месяцев позже.

Во всяком случае, ясно, что к концу 52-го года одновременно велась и подготовка к «чистке» пар-

тийной верхушки, и начала разворачиваться анти-еврейская кампания. Если исходить из реального положения дел, то и в том и в другом случае Берия — в силу занимаемого им положения в партии и государстве — являлся вторым по важности действующим лицом. Но, как всем нам хорошо известно, внутренняя динамика сталинской эпохи фактически исключала проведение сколько-либо серьезной акции (политического, военного, дипломатического, хозяйственного, культурного и вообще любого характера), если она не была задумана или хотя бы санкционирована Сталиным. Поэтому «второе лицо», в сущности, оставалось такой же пешкой, винтиком, как и прочие двести миллионов советских граждан. (Разумеется, только в смысле влияния на важнейшие государственные решения, во всех же других отношениях положение Берии или, например, Маленкова было несколько предпочтительнее, чем у Ивана Ивановича Пронькина из Рязанской области.)

Насколько же реальной была в тот момент угроза для Берии, мог бы и он еще при живом Сталине разделить печальную участь Абакумова или же вождь просто хотел «попугать» соратника, показать ему, насколько призрачны его власть и положение? Существует весьма любопытное признание полковника Коняхина, в то время бывшего заместителем начальника следственной части по особо важным делам МГБ. Коняхин утверждает, что 20 февраля 1953 года Сталин в беседе с группой гэбистов, ведущих следствие по делу Абакумова, заявил: «Это Берия нам подсунул Абакумова... Не люблю я Берию, он не умеет подбирать кадры, старается повсюду ставить своих людей...»

Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с дилеммой: верить или не верить? Заметим, что это заявление Коняхин сделал уже в сентябре 53-го го-

да, на предварительном следствии по делу Берии, когда любые мнимые и реальные обвинения в адрес поверженного шефа системы МВД—МГБ были в большой чести. Ведь Берия — вспомним анекдот — даже «варенье съел» вместо нашкодившего школьника. Но поскольку на встрече чекистов со Сталиным присутствовали несколько человек, Коняхин, пожалуй, вряд ли стал бы фантазировать, рискуя быть уличенным другими очевидцами. Вкладывать в уста «отца народов» вымышленные слова (пускай и «правильные») было в то время, мягко говоря, небезопасно и могло бы кончиться для выдумщика весьма печально.

Но если такие слова действительно были произнесены Сталиным, то что же могло за ними стоять? «Берия нам *подсунул* Абакумова...» Следовательно, Сталин полагал, что рюминский донос был всего лишь инсценировкой, организованной Берией, так? Что ж, подобное в принципе могло быть: выше не раз говорилось о трениях между Берией и Абакумовым, начавшихся еще в 1946 году, когда последний, вступая на пост министра госбезопасности, не выполнил некоторых технических процедур, за что и получил от Берии суровый нагоняй при свидетелях.

Между прочим, в ходе следствия по делу Берии были получены и другие косвенные указания на то, что Абакумов был «изъят» именно по его команде, а Сталин лишь дал на это соответствующие санкции — отсюда и эта реплика — «нам подсунул Абакумова...». В частности, Саркисов показал на следствии, что незадолго до ареста Абакумова по распоряжению Берии его телефонная связь с обреченным министром госбезопасности была пресечена: Берия не хотел, чтобы Абакумов в момент ареста имел возможность непосредственно связаться с ним и попытаться прояснить пиковую ситуацию. Впрочем,

это не проливает света на то, был ли Берия основным инициатором устранения Абакумова или же соответствующая команда (может быть, в виде намека) поступила от Сталина.

Но если исходить из последнего варианта, то чем же тогда можно объяснить сталинское «Берия нам подсунул Абакумова»? Психологически довольно трудно, почти невозможно поверить в то, что Сталин признался бы каким-то гэбистским «шестеркам» в собственном просчете: едва ли не два года назад Берия подсунул, а великий и всевидящий вождь только теперь распознал обман! Да мыслимо ли такое? Имея свое представление о характере и образе мыслей Сталина, рискну дать такой ответ: да, это вполне мыслимо, *если* для Сталина приведенное высказывание было лицемерной игрой. Ведь одно дело — признаться в том, что тебя обвели вокруг пальца, и совсем другое — проделать это же, но в качестве уловки, ради собственных целей!

Какими же могли быть эти цели? Вряд ли Сталин сомневался в том, что его слова через считанные часы или даже минуты станут известны Берии. Нетрудно предположить, что он намеревался припугнуть Берию, дать ему знать о своем недовольстве: вождь уже не раз и не два проделывал это едва ли не со всеми своими соратниками. Но если, напугав Молотова или, к примеру, Хрущева, Сталин мог позволить себе не расправляться с ними, а оставить, так сказать, «в подвешенном состоянии», то должность и положение Берии такого не допускали. Его слова («Это Берия нам подсунул Абакумова... Не люблю я Берию, он не умеет подбирать кадры, старается повсюду ставить своих людей...») предполагали, что вскоре будет устранен не только Берия, но и те «свои люди», которых он, по вполне справедливому замечанию Сталина, повсюду расставлял. Подобная операция, как

уже говорилось, была проделана с охраной кунцевской дачи.

Еще раз напомним три даты, прямо или косвенно свидетельствующих как минимум об охлаждении отношения Сталина к Берии. 12 июля 1951 года — арест Абакумова. 16 октября 1952 года — Пленум ЦК, на котором Сталин высказывает недовольство деятельностью системы МВД—МГБ и, следовательно, Берией. И наконец, 20 февраля 1953 года Сталин напрямую заявляет группе чекистов: «Не люблю я Берию...» и т. д. А спустя девять дней, 1 марта, Сталина разбивает insult, от которого он умирает то ли сразу, то ли 5 марта.

Конечно, сопоставление этих дат (особенно двух последних) делает весьма убедительной версию Авторханова и некоторых других авторов, согласно которой Сталин был отравлен Берией, точнее говоря — по его приказу. Впрочем, близость приведенных дат вполне могла быть и простым совпадением: ведь в конце концов Сталину, как и любому смертному, когда-то суждено было умереть. И, учитывая нынешнюю тягу журналистов к разного рода догадкам (а нередко и домыслам), любая дата его смерти оказалась бы рядом с тем или иным событием, позволяющим вволю пофантазировать. Подробнее о смерти Сталина и всех стыкующихся с ней обстоятельствах мы еще поговорим в конце этой главы.

А пока еще раз обратимся к воспоминаниям А. Алексеевой, к эпизоду, который она помечает 4 или 5 ноября 1952 года — то есть спустя три недели после памятного Пленума ЦК. В тот день Саркисов привез ее к Берии, который вслед за короткой трапезой сообщил, что хочет сделать «моей девочке» подарок. Автомобиль быстро домчал их до кунцевской дачи, где, как полагает Алексеева, Сталин давал прием по поводу приближавшейся октябрьской годовщины. Гос-

тей было «множество», Сталин с соратниками сидел в дальнем конце длинного стола, тем не менее к приезду Берии он будто бы специально вышел в отдельную комнату встретить его. При этом Берия представил вождю Алексееву, и тот с улыбкой пожал ей руку. Пробыв на приеме примерно полчаса, Берия и его любовница умчались обратно, в особняк во Вспольном.

На первый взгляд вся эта история (как, впрочем, и многое другое в записках Алексеевой) отдает бредом. Алексеева и сама как бы недоумевает: «Собственно, зачем он привозил меня к Сталину, на этот прием?» Правда, тут же находит ответ: «Скорее всего, Лаврентием Павловичем двигало тщеславие: показать мне, каким доверием и вниманием он пользуется у всемогущего самодержца». Подобное объяснение, конечно, бальзам для дамского сердца, но у Берии несомненно были и не столь примитивные возможности тешить свое тщеславие. В то же время история — в особенности история нашей «страны чудес» — не раз показывала, что и не такие невероятные сюжеты могут оказаться правдой. Поэтому можно предположить, что Берии вдруг понадобилось что-то сообщить Сталину лично или же, например, на таких приемах непременно полагалось отметиться, хотя бы в течение получаса. Конечно, он мог бы оставить Алексееву дожидаться в особняке, но вот стукнуло что-то в голову — и Берия решил взять ее с собой. Могло такое быть? Да мало ли чего тогда не бывало!

И если отнестись к этому эпизоду повествования Алексеевой с доверием, то нельзя не заметить несколько любопытных штрихов. Ну, взять хотя бы сам факт появления Берии с любовницей на приеме у вождя. Если бы Берия в самом деле почувствовал охлаждение и недовольство Сталина, разве стал бы он

так «подставляться»? Пусть он палач, негодяй и насильник, но ведь не самоубийца же и не полный идиот! Выходит, отношения Сталина и Берии были тогда таковы, что последний мог, не опасаясь за последствия, позволить себе и такую, в общем-то нелепую и бессмысленную выходку.

Далее. По словам Алексеевой, она сразу же отошла в сторонку, а Берия стал что-то негромко говорить Сталину. Затем все трое двинулись в комнату, где проходил прием, мужчины ушли вперед, и при этом Берия «продолжал что-то быстро и тихо говорить вождю, слегка приближая свою голову к нему, и нечто суетливое и подобострастное появилось в его облике». Следовательно, у Берии действительно было к Сталину какое-то дело, требующее срочного обсуждения. А обсудив необходимое (Берия сидел рядом со Сталиным, а Алексееву усадили в противоположный конец стола), Берия тут же уехал. Ведь не ради же демонстрации смазливенькой любовницы он приезжал к вождю!

И последняя деталь: Алексееву будто бы поразил вид Сталина — «старик небольшого роста, сгорбленный, дряблос, в морщинах лицо покрывали крупные оспины». По возвращении в особняк Алексеева осторожно сказала Берии, что вождь, мол, «не очень похож на свои портреты, которые висят всюду». И тогда — внимание! — «еле заметная усмешка скользнула по лицу Берии и тут же исчезла». Заставим себя поверить Алексеевой и в этом. И получим еще одно подтверждение того, что Берия ненавидел Сталина и заранее радовался неуклонно приближающейся кончине дряхлеющего вождя. Все это выплеснется наружу в марте следующего года, когда Берии даже в присутствии «соратников» не удастся сдержать ликования по поводу смерти Сталина. Но это же, пожалуй, косвенно свидетельствует и о том, что Берия не отрав-

лял вождя: заговорщики и тайные убийцы не ведут себя так наивно и неосмотрительно.

Вернемся в область очевидных фактов. Важнейшим событием последних месяцев и недель сталинской эпохи стало так называемое «дело врачей», о фабрикации и начале которого читатель уже знает. Оно, как известно, не получило завершения, но уже само возникновение этого «дела» привело к новой вспышке антиеврейской кампании, которая, как считают многие, должна была завершиться массовыми погромами, казнями и депортацией евреев в отдаленные районы СССР. Прежде чем еще раз проанализировать обстоятельства этой истории, попробуем поставить несколько простых вопросов и ответить на них.

Мог ли сценарий «дела врачей» и его дальнейшее развитие (если допустить, что в самом деле намечались и публичные казни, и депортация евреев) не быть до мельчайшей детали санкционирован Сталиным? Разумеется, нет. Был ли Сталин профаном, дилетантом в политике, в частности во внешней? Несомненно, и на этот вопрос не только его поклонники, но и подавляющее большинство ненавистников дадут отрицательный ответ. Следовательно, Сталин не мог не понимать, что погромы, публичные казни и высылка нескольких миллионов евреев привели бы не просто к почти тотальной международной изоляции СССР, но и поставили бы его в глазах мировой общественности на одну доску с гитлеровской Германией.

На это, конечно, могут возразить, что, мол, Сталин уже депортировал ряд народностей СССР в отдаленные области страны — и никаких особенных международных скандалов по этому поводу не возникало. Но все дело в том, что в тех случаях советская пропаганда с присущим ей напором объявляла чеченцев, крымских татар, калмыков и прочих «по-

собниками фашистов», и это заранее ставило в неловкое положение тех, кто попытался бы вступить за высылаемые народы. С евреями же все обстояло (точнее — обстояло *бы*) принципиально иначе: пережив ужасы Холокоста, в процессе которого фашисты истребили примерно треть всех евреев планеты, эта нация получила в глазах мировой общественности как бы особый моральный статус, своего рода право на исключительно бережное и внимательное отношение к ее проблемам. Сталин, разумеется, прекрасно понимал все это. На что же, спрашивается, он рассчитывал, если действительно существовал именно такой людоедский сценарий антиеврейской кампании? Не мог же он не предвидеть, что, например, США с их сильной и влиятельной еврейской общиной, по всей вероятности, сочтут своим долгом вступить за советских евреев куда более решительно и эффективно, чем за какую-то Южную Корею! Могло, впрочем, и обойтись, но риск-то был бы огромный.

Перенесемся на минутку из 52-го года на 36 лет вперед, когда в нью-йоркской газете «Новое русское слово» был опубликован роман русского писателя-эмигранта Э. Тополя «Завтра в России». В этом романе-фэнтэзи на тему возможного развития крайне популярной тогда на Западе горбачевской перестройки присутствовал и гипотетический вариант депортации советских евреев в Сибирь (автор условно перенес это событие в начало 90-х годов). В ответ на это Израиль — при политической и прочей поддержке ведущих держав Запада, а также Японии и даже коммунистического Китая — осуществил ряд акций... Впрочем, не будем пересказывать содержание этой части романа. Заметим лишь, что для мнимого «СССР» эта история, по версии Э. Тополя, кончилась весьма плачевно.

Не стоит, видимо, и фантазировать на данную тему, — предоставим это писателям, а история, как известно, не знает сослагательных наклонений. И тем не менее напомним, что если в конце 80-х годов, когда конструировал свою версию писатель Тополь, между США и СССР существовал военный паритет — или, во всяком случае, нечто близкое к нему, — то в 52-м году военный перевес американцев, в особенности с учетом возможности применения ядерного оружия, был несомненным. И если Сталин не желал признавать этого публично, то, так сказать, наедине с собой он отлично понимал, что жестокая расправа с несколькими миллионами евреев может обернуться для СССР страшной катастрофой. Уроки 41-го года убедительно говорили о том, к чему может привести самонадеянность, а Сталин хорошо усваивал уроки и умел учиться на своих ошибках.

Конечно, это лишь рассуждения (все то же сослагательное наклонение), но ведь и те, кто настаивают на подготовке публичных казней и депортации евреев, также исходят из рассуждений, косвенных полусвидетельств: кто-то что-то видел, слышал, догадался и т. д. Фактами же по-прежнему остаются лишь арест в конце 52-го года группы «врачей-вредителей»; следствие по «делу врачей», фактически остановленное Берией уже в начале марта; усиление антиеврейской кампании в советской печати. Между прочим, в официальном сообщении ТАСС об аресте врачей, обнародованном 13 января 1953 года, помимо шести еврейских фамилий были названы и три русских. Заметим также, что в этом списке не был упомянут еще один русский врач, профессор Василенко, зато был назван Я. Г. Этингер, арестованный, как вам известно, значительно раньше и к тому времени умерший в тюрьме. Таким образом, основная группа «убийц в белых халатах» состояла из четырех русских и пяти

евреев (а среди «неглавных» арестованных тоже были русские врачи: Преображенский, Попова, Зеленин и др.). Это если исходить из фамилий, но ведь не опускаться же нам до гитлеровского метода изучения родословных!

Впрочем, вне зависимости от соотношения русских и еврейских фамилий антисемитская направленность «дела врачей» была очевидна, да власти практически и не стремились замаскировать этого. Мы уже упоминали, что в том же сообщении ТАСС говорилось о некоей организации «Джойнт», придуманной то ли Сталиным, то ли кем-то из игнатьевского ведомства (МГБ). Но как это было преподнесено! Снова цитируем сообщение ТАСС: «Большинство участников террористической группы (Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания международной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе». Сообщалось также о признании арестованных, будто бы из США им передано задание «истребить руководящие кадры СССР».

Таким образом, власти указывали населению на традиционного в те времена врага — американцев, и на мифическую «международную еврейскую организацию». А поскольку в СССР той поры американцев можно было отыскать разве что только на территории посольства США, куда советских граждан не пропускали, их справедливое негодование, естественно, направилось на евреев, чего и добивались власти. Результат не заставил себя ждать. Евреев

увольняли с мало-мальски значимой службы, резко усилился бытовой антисемитизм, в воздухе явственно запахло погромами, но начаться они без команды сверху, как уже говорилось, не могли.

Вопрос заключается в том, *насколько далеко* был намерен Сталин зайти в этой кампании. Мы уже высказали свою позицию: при внешнем пренебрежении и даже презрении к мировому общественному мнению (кстати, классически выразившемся в приведенной цитате из сообщения ТАСС) Сталин не мог — в известной степени, конечно, — не считаться с ним. Судя по законам (а точнее говоря, по беззаконию, царившему в сталинскую эпоху) того времени, «врачей-убийц» наверняка приговорили бы к смерти и казнили. И это стало бы еще одним преступлением коммунистического режима. Но, как бы ни было ужасно это очередное преступление, оно — увы! — ничем особенным не выделялось бы из кровавой вакханалии тех лет: ведь речь шла о нескольких людях, а жертвами советского режима, даже по самым скромным подсчетам, стали несколько *миллионов* человек (альтернативные подсчеты, как известно, поднимают эту цифру до 50—60 и даже более миллионов). На чем же тогда основываются защитники версии о готовящихся *массовых* казнях? По какому принципу число жертв в данном случае было бы резко увеличено, за счет кого? Евреев вообще? Евреев-врачей? Либо еще каким-то образом? Ответа на это нет, и искать его можно только в области предположений.

Это же касается и версии о будто бы готовившейся депортации евреев. Сторонники этой версии обычно упоминают, в частности, о никем не оспариваемом эпизоде: группа известных советских евреев (бывший генеральный директор ТАСС Хавинсон, историк Минц, скрипач Ойстрах и другие) направила Сталину письмо с просьбой «охранить евреев от спра-

ведливого гнева русского народа». Поскольку исследователи пересказывают несколько вариантов текста этого письма (а оригинал, естественно, отсутствует), трудно сказать, о чем же все-таки в нем шла речь: просили ли сами его авторы о депортации или же имелась в виду лишь защита от возможных погромов. Но в любом случае сам факт существования такого письма еще не позволяет говорить, что советское руководство планировало депортацию.

А письмо... что ж, письмо, оно было, и это вряд ли подлежит сомнению. О нем упоминают многие солидные люди, видевшие его (некоторые авторы ссылаются, в частности, на свидетельство Ильи Эренбурга, наотрез отказавшегося подписать письмо), и не верить им нет оснований. И если все-таки согласиться с версией о депортации, то подобный документ, конечно, заметно подкреплял бы позиции Сталина и советского руководства. Ведь тогда получалось бы, что евреев депортируют не в качестве наказания, а, напротив — ради их же спасения, да еще и по просьбе видных еврейских деятелей науки и культуры. Но, так сказать, по большому счету даже это письмо вряд ли помогло бы обмануть мировую общественность. К тому же в те годы евреев в СССР было еще около трех миллионов, и решать их судьбы на основании «просьбы» нескольких человек (ну, пускай даже двух-трех десятков) было бы, мягко говоря, несправедливо.

В некоторых работах упоминается еще и об антиеврейской брошюре, будто бы написанной неким профессором философии Чесноковым. Она, как утверждают эти авторы, в феврале 53-го года «была напечатана и спрятана в одном из особо охраняемых подвалов МГБ в Москве. По указанию Сталина в день икс ее надлежало извлечь из подземелья и как можно быстрее распространить по всей стране.

Соответствующие рецензии для всенародного сведения должны были появиться в центральной прессе, переданы по радио и другим средствам массовой информации». Но, согласитесь, подобное «свидетельство», не подкрепленное хотя бы минимумом документов, следует называть домыслом.

В одной из работ А. В. Антонова-Овсеенко (со ссылкой на свидетельство А. И. Микояна) приводится довольно странная сцена. Как-то раз в 52-м году Сталин на заседании Президиума ЦК будто бы заявил: «Существует угроза еврейского погрома. Зарегистрировано много случаев хулиганских нападений на заслуженных евреев. Я думаю, товарищи, что наших евреев надо спасти, уберечь. Как вы полагаете, не лучше ли будет переселить их из Москвы и Ленинграда в безопасное место? Имеется список лиц, о которых мы позаботимся в первую очередь». И якобы Маленков ответил, что, мол, сразу решить этот вопрос не удастся; надо все обдумать, создать комиссию и т. д. Взбешенный Сталин вышел из комнаты. Весьма трудно представить, чтобы Маленков (да и кто-либо другой) мог дерзнуть оспаривать либо даже обсуждать сталинское предложение. Обычно они принимались автоматически. Подобная байка могла родиться только после смерти Сталина в кругу лиц, поддерживавших Маленкова, так что ссылка на Микояна, возможно, не лишена резона.

В защиту версии о подготовке депортации порой приводят и упоминание о многочисленных бараках, будто бы построенных в то время в Биробиджане для приема высылаемых евреев. Что ж, это, безусловно, основательно подкрепило бы данную версию. Но для подобных заключений действительно нужна специальная комиссия, которая, в частности, могла бы установить, что бараки построены именно в конце 1952—начале 1953 года, а не являются, например, остатка-

ми одного из ликвидированных лагерей. В годы перестройки энтузиасты создавали множество комиссий подобного рода, однако в этом случае почему-то дело ограничилось разговорами. Не потому ли, что искомым бараков не существовало? В добрые советские времена я, возможно, и сам съездил бы поискать эти бараки, но сегодня это очень уж накладно.

В современных работах говорится, что существовала даже специальная комиссия по депортации евреев, председателем которой будто бы был не кто иной, как М. А. Сулов, а секретарем — некий Н. Н. Поляков, сотрудник аппарата ЦК КПСС. Приводится даже предсмертный рассказ этого Полякова, записанный непонятно кем: «Для приемки депортируемых в Биробиджане (в частности) форсированно строились барачные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые, секретные зоны. Одновременно составлялись по всей стране списки (отделами кадров — по месту работы, домоуправлениями — по месту жительства) всех лиц еврейской национальности, чтобы никого не пропустить. Было два вида списков — на чистокровных евреев и на полукровок... Операцию было намечено осуществить во второй половине февраля 1953 года. Но вышла задержка...» К сожалению, наш бурный век, как известно, знал столько умелых, детально разработанных фальсификаций (чего стоит хотя бы упоминавшееся выше «катынское дело», когда вначале немцы представили немало убедительных доказательств того, что поляков расстреляли советские солдаты, а затем СССР ловко организовал собственные доказательства того, что преступление совершено немцами), что устное свидетельство какого-то Полякова мало кого может убедить.

Пишет о «деле врачей» и связанных с этим обстоятельствах и Серго Берия. По его словам, «мой

отец не имел к этой подлости ни малейшего отношения». Кроме того, рассказывает сын Берии, в 30-е годы у него было тяжелое осложнение после гриппа, и отец с помощью Серго Орджоникидзе пригласил в Тбилиси двух известных московских врачей. Одним из них был уже упоминавшийся Я. Г. Этингер, умерший (или погибший) в тюрьме в процессе подготовки «дела врачей». Он со своим коллегой фактически спас жизнь Серго Берии, родители которого, естественно, «вспоминали этих московских врачей с огромной благодарностью». Конечно, в сталинском окружении элементарные человеческие чувства не играли решающей роли. У Калинина и Молотова жены сидели в лагерях, а мужья продолжали верно служить Сталину. И тем не менее деталь с Этингером не так уж малозначительна.

Уже в Москве в доме у супругов Берия бывал знаменитый врач из «кремлевки» В. Н. Виноградов. Вскоре после освобождения он снова был приглашен к ним в гости вместе с другим «врачом-отравителем», профессором П. И. Егоровым. Между прочим, во время этого визита Виноградов сказал, что не мог выдержать мучений и был вынужден давать показания. «Но я давал их только на тех людей, — уточнил профессор, — которые умерли еще до моего ареста. Хотя понимал, что могут репрессировать их семьи. Но что оставалось делать?» Если Виноградов свободно говорил с Берией о пытках, применявшихся следователями МГБ, значит, он полностью доверял ему, не так ли? А это уже никак не вписывается в образ злобного и коварного палача и в легенду о Берии в целом.

Многие обстоятельства последних недель и дней сталинской эпохи говорят о том, что Берия готовил компромат, своего рода досье против Сталина. Постыдный спектакль с «делом врачей» должен был сыграть в этих материалах ключевую роль.

После заявления Сталина группе гэбистских следователей о том, что он-де «не любит Берию» (а было это, как вы помните, 20 февраля), тот решил опередить «вождя и учителя» и первым нанести удар. Сроки и в этом случае были предельно сжатыми, поэтому вполне можно допустить, что у Берии попросту не хватило времени на подготовку обширного досье против Сталина. И в итоге он решил ограничиться лишь рамками «дела врачей», материалы которого в последние недели постоянно находились у него под руками. Могло ли такое быть? Ну, а почему бы и нет? Впрочем, гадать в этом направлении можно до бесконечности, а утверждать что-либо безапелляционно и наверняка довольно рискованно — можно попасть в сомнительное положение тех авторов, для которых важна не столько суть дела, сколько налет сенсации.

К обстоятельствам прекращения «дела врачей» и освобождения безвинно арестованных мы еще вернемся. А пока, соблюдая хронологию, рассмотрим один из самых спорных эпизодов в истории СССР (да и России вообще) — смерть Сталина. Из сохранившихся рассказов наиболее приближенных к Сталину лиц, пожалуй, особенно убедительны свидетельства его дочери, Светланы Аллилуевой-Сталиной. Почему? Во-первых, ее воспоминания были опубликованы, когда она уже находилась в эмиграции и могла не страшиться сболтнуть что-либо «лишнее», способное вызвать гнев советских лидеров. А во-вторых, С. Аллилуева по понятным причинам поспешила бы высказать *любые* намеки на заговор против отца, если бы... Правильно! если бы таковые намеки существовали. Молодым читателям данной книги, вероятно, трудно представить, что еще не так давно в России было немало людей (к числу их несомненно относилась и С. Аллилуева), для которых ложь была

органически неприемлема, какими бы благими намерениями она ни оправдывалась.

Итак, приступим. В соответствующей части своих воспоминаний С. Аллилуева сразу же пишет «о тех днях марта 1953 года, которые я провела в доме отца, глядя, как он умирает». Этим она, так сказать, «с порога» опровергает все домыслы о том, будто бы Сталин умер (либо был отравлен, убит) во второй половине дня 1 марта, а не вечером 5 марта, как было объявлено официально. Проще говоря, умер не скоропостижно, и те несколько дней умирания, описанные многими, в самом деле были.

Утром 2 марта Светлану разыскали на занятиях в Академии общественных наук и привезли на кунцевскую дачу (как ей объяснили, «по просьбе Маленкова», — это, видимо, было одним из первых, если не самым первым, обозначением Маленкова как *главного* лица после Сталина, его преемника). У дома отца Светлану встретили заплаканные Хрущев и Булганин, сказавшие ей: «Иди в дом, там Берия и Маленков тебе все расскажут». Тоже весьма характерный штрих: Хрущев и Булганин как бы *уступают* право столь важного рассказа Берии и Маленкову и этим косвенно признают, что слова и поступки последних более весомы, чем их собственные.

«Когда мне сказали, наконец, — продолжает свои воспоминания С. Аллилуева, — что у отца был ночью удар и что он без сознания — я почувствовала даже облегчение, потому что мне казалось, что его уже нет. Мне рассказали, что, по-видимому, удар случился ночью, его нашли часа в три ночи лежащим вот в этой комнате, вот здесь, на ковре, возле дивана, и решили перенести в другую комнату на диван, где он обычно спал... Все подробности уже не имели значения. Я чувствовала только одно — что он умрет. В этом я не сомневалась ни минуты, хотя еще не го-

ворила с врачами... мне было ясно, что иного исхода быть не может».

Последние фразы, конечно, следует отнести на счет эмоций: известно немало случаев, когда даже пожилые больные оправлялись и от инфарктов, и от инсультов. К тому же Светлана еще и с врачами не говорила. Гораздо важнее то, что она пишет о поведении присутствовавших на кунцевской даче, — тем более что это в значительной мере касается героя нашей книги. «Все старались молчать, как в храме, — пишет дочь Сталина, — никто не говорил о посторонних вещах. Здесь, в зале, совершалось что-то значительное, почти великое, — это чувствовали все — и вели себя подобающим образом.

Только один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, — отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть «самым верным, самым преданным» — каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...

В последние минуты, когда все уже кончалось, Берия вдруг заметил меня и распорядился: «Уведите Светлану!» На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал шевелиться. А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был

слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: «Хрусталеv! Машину!»

Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца — которого вообще-то трудно было обмануть. Многие из того, что творила эта гидра, пало теперь пятном на имя отца, во многом они повинны вместе, а то, что во многом Лаврентий сумел хитро провести отца и посмеивался при этом в кулак, — для меня несомненно. И это понимали все «наверху»...

Сейчас все его гадкое нутро перло из него наружу, ему трудно было сдерживаться. Не я одна, — многие понимали, что это так. Но его дико боялись и знали, что в тот момент, когда умирает отец, ни у кого в России не было в руках большей власти и силы, чем у этого ужасного человека».

Трудно сказать, чего больше в этих страстных и по-своему искренних словах. Обиды ли С. Аллилуевой из-за того, что вскоре преступления Берии «пали пятном на имя отца»? Или все же сформировавшейся еще раньше убежденности в том, что Берия — преступник, коварный лицемер, «гидра» и т. д.? Вероятно, все-таки первого. Людям вообще, а женщинам в особенности, свойственно убеждать себя в том, во что очень хочется верить. И объективность при этом нередко отступает на второй план. Из воспоминаний Серго Берии следует, что, когда он учился в одной школе со Светланой, они часто ходили друг к другу в гости и никакой неприязни девочки к своему отцу он при этом не замечал.

А по поводу бурной ненависти к Берии, выплеснувшейся в этой пространной цитате из мемуаров Аллилуевой, Серго Берия пишет: «Она просто пытается какое-то бремя ответственности за советское прошлое снять с собственного отца и переложить на пле-

чи его ближайшего «соратника». Это выглядит правдоподобно, и читатель, привыкший к злодейскому образу Лаврентия Берии, охотно верит словам мемуариста... Я мог бы напомнить Светлане о том, как ее любили в нашем доме, но с ней бессмысленно вступать в полемику».

Этот заочный диалог детей Сталина и Берии в принципе носит чисто бытовой характер, если как бы «забыть» о положении, которое занимали их отцы. Дело, казалось бы, вполне естественное и понятное: дети защищают именно своих, а не чужих родителей, и поэтому каждый из них по-своему прав. Выше среди прочих легенд, созданных в советской империи, мы упоминали про миф о Павлике Морозове, «сдавшем» в ОГПУ собственного отца. Не следует забывать, что и Светлана, и Серго (как, впрочем, и все советские дети того периода) выросли на подобных мифах. И то, что они так эмоционально защищают своих родителей, в определенном смысле делает им честь. Однако при более внимательном анализе их воспоминаний нетрудно заметить, что у С. Аллилуевой повсюду преобладают чувства, тогда как у Серго Берии все конкретно и обстоятельно, он старается осмыслить вместе с читателями практически каждый приводимый им эпизод.

Приведем типичный пример. Как известно, еще в «доперестроечную» эпоху в зарубежной печати была высказана (в частности, Авторхановым) версия о том, что Сталин был убит то ли при помощи яда, то ли посредством инъекции в вену воздуха (либо опять же яда). При этом назойливо упоминается фамилия «майора тайной полиции Александры Накашидзе», которую будто бы Берия завербовал еще в Тбилиси, сделал своей любовницей, а затем перевез в Москву и внедрил в семью Сталина в качестве «домоправительницы».

Л. П. Берия – сотрудник ЧК

С. М. Киров

Г. К. Орджоникидзе

И. В. Сталин с дочерью Светланой

Жена Л. П. Берии – Нина

Группа товарищей: Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин,
В. М. Молотов, С. М. Киров (сидят), К. Е. Ворошилов,
Л. М. Каганович, В. В. Куйбышев (стоят)

Л. П. Берия
со Светланой
Сталиной

И. В. Сталин и И. фон Риббентроп в Кремле.
Август 1939 г.

Перед Парадом Победы: И. В. Сталин, Л. П. Берия,
Г. М. Маленков и М. И. Калинин. 1945 г.

Л. П. Берия – заместитель Председателя СНК СССР,
министр внутренних дел

По этому поводу Серго Берия спокойно поясняет: «Охрана Иосифа Виссарионовича подчинялась моему отцу, поэтому особой нужды в дополнительных осведомителях не было. Относительно Накашидзе все значительно проще: она в самом деле близкая родственница моей матери, хотя и не двоюродная сестра. И в дом Сталина она пришла вовсе не как шпионка, а как воспитательница Светланы. Иосиф Виссарионович хотел, чтобы за дочерью присматривала молодая, образованная и приятная в общении грузинка. Среди десяти кандидатур он выбрал именно Александру. Поскольку все из obsługi входили в службу безопасности, ей, чтобы получать приличную зарплату, присвоили звание майора. Когда Светлана выросла и перестала нуждаться в опеке, Александра Накашидзе покинула свою работу и вышла замуж». Что ж, вполне ясно и убедительно.

Конечно, мне могут возразить, что и это всего лишь слова. Разумеется. И тем не менее нельзя не признать, что спокойный, доброжелательный тон книги Серго Берии (точнее — книг, поскольку их уже несколько) и некоторых других работ, касающихся этой спорной темы, выгодно контрастирует с истерично-мистическим духом «разоблачительной» литературы, содержание которой в значительной мере состоит из искусственных эмоций и домыслов, разбавленных передернутыми фактами.

Ясно, что сейчас, на исходе XX века, никакие экспертизы и исследования уже не смогут точно ответить на вопрос: отравил ли Берия (или кто-либо другой) «отца народов» или нет? Даже наиболее активные сторонники традиционного мифа о Берии не решаются однозначно высказаться за версию отравления. А. В. Антонов-Овсеенко, например, пишет: «Однако многоярусная охрана не спасала от другой опасности — отравления». Но тут же оговаривается:

«Как свидетельствует Светлана Аллилуева, все продукты на кухню, а также хлеб, фрукты, вино доставляли в особых пакетах с приложением актов, подписанных токсикологами и скрепленных гербовой печатью. Берия предпочитал свою кухню, ему блюда, обильно приправленные травами, доставляли в горшочках с его личной дачи. Они слишком хорошо знали друг друга, Лаврентий Павлович и Иосиф Виссарионович.

По условиям игры предполагалось существование еще одного способа покушения на жизнь небожителя — отравление воздуха, которым он дышал на своей кремлевской квартире. Поэтому там периодически брали пробы воздуха на предмет обнаружения диверсии...» Если перевести это на обыденный язык, то выходит, что Антонов-Овсеенко, намекая на возможность отравления, одновременно как бы признает, что таковое практически исключалось.

Впрочем, мог быть и более изощренный способ убийства, по-канцелярски именуемый «неоказанием помощи». Выше мы упоминали, что Светлану привезли на кунцевскую дачу утром 2 марта и сообщили ей, будто бы удар у отца случился той ночью, то есть в ночь с 1 на 2 марта. Однако из воспоминаний Хрущева и других источников следует, что это произошло несколько раньше. Сопоставив все эти свидетельства, получаем следующую картину: поздно вечером 28 февраля Сталин с несколькими «соратниками» приехал на кунцевскую дачу. Началось обычное застолье с разговорами о том о сем, затянувшееся на несколько часов. Гости разъехались примерно в четыре часа утра (то есть уже началось 1 марта). По обыкновению последних месяцев, Сталин выпил немного грузинского вина, правда, если верить Хрущеву, к моменту отъезда гостей хозяин «был довольно пьян». Кто это теперь разберет, да и не все ли равно?

На следующий день Сталин долго не выходил из своей комнаты, на осторожные звонки и стуки встревоженной охраны не отвечал. Вот уже и стемнело, а свет в окнах вождя так и не загорался. Наконец (по свидетельствам охранников и прислуги, было то ли уже 8, то ли даже 9 часов вечера) свет зажегся — сначала в кабинете Сталина, а чуть позже и в столовой. Судя по всему, именно в эти минуты у него и произошел инсульт. Сталин сумел включить свет, добрался до столовой, там и упал, потеряв сознание. Что он хотел сделать? Принять лекарство? Выпить воды? Почему никого не вызвал? Ведь нажать на кнопку звонка было не сложнее, чем включить свет. Или рассудок уже отказал и несколько его последних движений были бессмысленными, машинальными? Загадка...

Перепуганные охранники и прислуга, естественно, не могли видеть сквозь стены (видеокамер или чего-то в этом роде еще не было), но интуитивно чувствовали, что в покоях вождя происходит нечто непонятное и страшное. Прошел еще час, другой... Наконец около 11 часов вечера решились в нарушение всех запретов открыть двери. Тогда-то и обнаружили Сталина лежащим на полу, без сознания. Срочно вызвали на дачу Берия, Маленкова, Хрущева, других руководителей. Они приехали, не без страха посмотрели на перенесенного на диван Сталина. Он по-прежнему был без сознания и только негромко похрипывал. И тут Берия будто бы заявил обслуге: «Чего вы подняли панику? Не видите, товарищ Сталин просто заснул и храпит во сне? А ну, марш все отсюда!»

После этого Берия и прочие руководители уехали. Сталин так и не пришел в сознание, но врачей к нему решились вызвать только глубокой ночью, фактически уже утром. По одним свидетельствам, это сде-

лала охрана, по другим — врачей привез с собой Берия. Вождя поспешно осмотрели и составили медицинское заключение, помеченное семью часами утра. Таким образом, примерно 10—11 часов после инсульта (а возможно, и больше) Сталин оставался без какой-либо медицинской помощи. Несколько первых часов охрана и прислуга не решались войти в сталинские покои, впрочем, они еще не знали тогда наверняка, что с вождем что-то произошло. Получается, что основная часть этого срока ложится на совесть Берии, фактически запретившего оказывать Сталину помощь в те самые часы, которые, возможно, еще смогли бы внести положительный перелом в состояние больного. Об этом ясно пишут и Хрущев, и офицер из охраны Сталина А. Т. Рыбин, и другие мемуаристы и исследователи.

Что ж, картина более или менее ясна. А почему бы не попробовать взглянуть на события тех, не столь уж далеких дней с позиций нынешнего времени? Трудно отрицать, что в нашем обществе многие и сегодня считают Сталина великим государственным мужем, своего рода эталоном «сильного руководителя», на которого и надлежит равняться. Но в целом шквал «разоблачительной» литературы времен перестройки сделал свое дело: в глазах большинства экс-советских граждан (то есть русских, украинцев, казахов, армян и т. д.) Сталин окончательно превратился в самого кровавого палача всех времен и народов. И в данном случае «разоблачители» мало грешили против истины (если, конечно, исключить фантастические истории вроде того, что маленький Со-со Джугашвили обожал потрошить живых кошек и т. д.). Следовательно, его убийство (или устранение, отравление — называйте как хотите!) было делом благим, не так ли? И тогда выходит, что Берия на несколько дней, недель, а может быть, и лет (кто зна-

ет?) ускорил, приблизил конец ужасной и кровавой сталинской эпохи? Можно ведь и так поставить вопрос, если основываться на версии убийства Сталина Берией. Так почему же задним числом не поблагодарить его (мысленно, разумеется) хотя бы за это?

Конечно, переиначив русскую поговорку «Вор у вора дубинку украл», можно было бы сказать, что один палач убил другого и нечего тут разводить какие-то антимионии. Что ж, верно: мало что дает основания полагать, что Берия (как, впрочем, и любой другой советский руководитель тех лет) заботился о благе народа и страны больше, чем о своем собственном. Но даже если так, результат-то все равно был налицо: всемогущего диктатора не стало, его эпоха кончилась, и общество получило возможность наконец-то избавиться от атмосферы страха и забитости.

Поэтому совершенно нелепой и запутанной выглядит логика «разоблачителей», которые, с одной стороны, называют Сталина злодеем и палачом, а с другой — вешая на Берию убийство Сталина, квалифицируют и это как злодейство и преступление. Впрочем, никакой логикой в работах такого рода и не пахнет. Например, тот же Антонов-Овсеенко пишет, что «злоумышленнику (то есть Берии) надо было ответить от себя всякие подозрения» и поэтому, мол, Берия распорядился включить в медицинское заключение о смерти Сталина утверждение о «необратимом характере болезни с момента возникновения кровоизлияния в мозг».

Здесь сразу же возникают как минимум два вопроса. Почему данный автор полагает, что именно Берия диктовал текст медицинского заключения? И отчего бы не предположить, что до смерти перепуганные врачи гораздо больше Берии (и кого бы то ни было) были заинтересованы именно в такой формуловке? Ведь она как бы снимала с них любые воз-

можные обвинения в нерадивости, непрофессионализме и т. д.: делали, мол, все, что только можно, но «предотвратить роковой исход» (слова из того же заключения) уже не могло ничто.

Заметим и другое: если бы Берия стремился «отвести от себя всякие подозрения», он не вел бы себя в последние часы жизни умиравшего вождя, как выразилась С. Аллилуева, «почти неприлично», не стал бы выставлять напоказ «распиравшие его страсти — честолюбие, жестокость, хитрость, власть...». Да и о каких, собственно, «подозрениях» может идти речь, с чьей стороны? «Соратники» и так видели и слышали, что именно Берия «посоветовал» не паниковать и не мешать спать товарищу Сталину. Уж не намекает ли Антонов-Овсеенко на то, что если бы в медицинском заключении не было упомянутых выше слов, то робкая советская «общественность» дерзнула бы высказать какие-либо упреки, да еще и в адрес Берии? Но это, мягко говоря, несерьезно.

Вернемся на кунцевскую дачу. Из самого первого медицинского заключения (2 марта в семь часов утра) следовало, что у Сталина произошло «кровоизлияние в бассейне средней левой мозговой артерии», то есть, выражаясь человеческим языком, инсульт. Прямо на даче было проведено заседание бюро Президиума ЦК под председательством Маленкова. Начальник лечебно-санитарного управления Кремля И. И. Куперин дрожащим голосом доложил ситуацию и пообещал принять все возможные меры. Все молчали, и только Берия сказал Куперину:

— Вы понимаете, что отвечаете за жизнь товарища Сталина? Вы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти товарища Сталина.

Преодолев замешательство, решили наконец, что члены бюро Президиума будут поочередно дежурить на сталинской даче и постоянно собираться на засе-

дания. Следующее из них состоялось спустя считанные часы, в восемь вечера. Но ничего утешительного врачи сообщить, естественно, не могли. Напротив, Куперин доложил, что в сравнении с утренним осмотром «состояние больного стало еще более тяжелым». Подавленные «соратники» с трудом воспринимали перечень спешно проводимых медиками мер: сознание отказывалось совмещать эти будничные слова с именем земного бога. Постельный режим, пиявки, клизмы, свечи с каким-то эйфиллином... Эпоха, еще сутки назад казавшаяся незыблемой и вечной, рушилась на глазах. Вызвали еще нескольких врачей, но, разумеется, и им было не под силу что-либо изменить. Сталин умирал.

«Агония была страшной, — вспоминает его дочь. — Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент... очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, — и это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела».

Вот так вечером 5 марта 1953 года (согласно официальному сообщению, в 21.50) завершилась сталинская эпоха. Бессмертного вождя, которому в массовом сознании был придан статус божества (и даже куда выше: ведь божеств у народов планеты много, а Сталин был один!), поразили вполне земной недуг. Сколоченная им гигантская империя, западным кон-

цом распоровшая Европу надвое, а восточным — уперевшаяся в Тихий океан, замерла в ожидании. Затаив дыхание, ждал дальнейших событий и капиталистический Запад: ведь еще полыхала война в Корее, в ходе которой обе стороны всерьез рассматривали возможность применения ядерного оружия (но, слава Богу, так и не решились на этот шаг, который, безусловно, решительно изменил бы мировую историю). И никто в те поистине судьбоносные дни не мог сказать, будет ли послесталинское руководство Кремля более мягким и уступчивым или же, напротив, займет ужесточенную позицию в сравнении с прежней.

Между прочим, последнее никак нельзя было исключить. В партийных и государственных обращениях к народу первых послесталинских дней, в выступлениях руководителей, в тоне ведущих официальных газет (таковых тогда было две — «Правда» и «Известия») ощущалось нечто предгрозовое, словно материализовался из небытия горьковский буревестник и снова зловеще каркал: «Буря! Скоро грянет буря!» Народ усиленно призывали сплотиться вокруг нового «коллективного руководства», а заодно профилактически предупреждали «поджигателей войны», что, мол, все их надежды извлечь какие-либо выгоды из кончины великого вождя обречены на провал. Все это чем-то напоминало первые дни войны с Германией, когда из маловразумительных сводок с фронтов ничего нельзя было понять, зато не было недостатка в призывах населения к сплочению и в угрозах обнаглевшим фашистам.

Еще за несколько часов до кончины Сталина (или, как настаивают некоторые исследователи, до того момента, который официально был объявлен его кончиной) в Кремле началось совместное заседание ЦК, Совета Министров и Верховного Совета. Писатель К. Си-

монов, бывший тогда кандидатом в члены ЦК, великолепно передает атмосферу испуганного и тягостного ожидания, которая повисла над Россией (СССР) и над всей сталинской империей сразу же после сообщения о «тяжелой болезни» вождя. «Я пришел задолго до назначенного срока, минут за сорок, — вспоминает Симонов, — но в зале собралось уже больше половины участников, а спустя десять минут пришли все. Может быть, только два или три человека появились меньше чем за полчаса до начала. И вот несколько сот людей, среди которых почти все были знакомы друг с другом, знали друг друга по работе, знали в лицо, по многим встречам, — несколько сот людей сорок минут, а пришедшие раньше меня еще дольше, сидели совершенно молча, ожидая начала. Сидели рядом, касаясь друг друга плечами, видели друг друга, но никто никому не говорил ни одного слова, никто ни у кого ничего не спрашивал. И мне казалось, что никто из присутствующих даже и не испытывает потребности заговорить. До самого начала в зале стояла такая тишина, что, не пробыв сорок минут сам в этой тишине, я бы никогда не поверил, что могут так молчать триста тесно сидящих рядом друг с другом людей. Никогда по гроб жизни не забуду этого молчания». Вряд ли это потрясающее по силе и глубине свидетельство очевидца нуждается в комментариях.

Наконец, на сцене появились партийные и государственные руководители и расселись за столом президиума. Всех присутствовавших в зале сразу же поразило, что их было не двадцать пять человек (именно столько было выбрано в Президиум ЦК на XIX съезде), а только десять, причем среди них вдруг оказались Молотов и Микоян, изгнанные Сталиным из Президиума. Симонов замечает, что в ту минуту ему было не до этих рассуждений, и все эти странности он осознал уже много позже, задним числом. Но суть

дела от этого не меняется: ревизия сталинских решений, сталинской воли началась еще в последние часы его жизни.

Первым выступил Маленков, и это еще раз обозначило его роль как *главного* преемника Сталина. Он заявил (в пересказе Симонова), «что товарищ Сталин продолжает бороться со смертью, но состояние его настолько тяжелое, что даже если он возобладает над смертью, то не сможет работать очень длительное время. А на такое время невозможно оставлять страну без полноправного руководства. Нельзя пребывать в неопределенном положении, этого не позволяет и международная обстановка. Поэтому необходимо теперь же, не откладывая, сформировать правительство и произвести все необходимые назначения, связанные с этим».

После Маленкова поднялся со своего места Берия: следовательно, он становился вторым лицом в государстве (либо одним из *двух главных*). Но подошел он к трибуне только для того, чтобы предложить назначить Маленкова Председателем Совета Министров, и тут же отправился обратно на свое место. Симонов упоминает о забавной и вместе с тем символической сценке: Берия «стал подниматься к столу президиума, а Маленков стал спускаться к кафедре. Оказавшись лицом друг к другу, они с трудом разминулись в узком пространстве животами». Но пройдет немногим более трех месяцев, и разминуться им уже не удастся: один сбросит с дороги другого.

Маленков предложил назначить четверых первых заместителей Председателя Совмина (то есть себя самого): Берия, Молотова, Булганина и Кагановича. Такой внеалфавитный порядок означал, что Берия будет, так сказать, первым среди первых. Правда, всего лишь среди первых заместителей... Если такая роль и могла устроить Берия в новой ситуации,

то лишь на время. Впрочем, на одну ступеньку вверх он все-таки уже поднялся: ведь теперь над ним и Маленковым не было Сталина. Физически-то он, правда, еще был... Но совершенно очевидно, что подобного заседания вообще не могло бы состояться, если бы врачи не сообщили Берии и прочим руководителям, что положение вождя безнадежно. Ведь всем участникам этих реорганизаций в случае выздоровления Сталина могло бы — извините за каламбур — не поздоровиться.

На этом же заседании было принято решение сократить состав членов Президиума ЦК и кандидатов в члены в два с половиной раза (то есть в полном соответствии с тем, как все они и появились на заседании: 10 вместо 25). Во всем этом ясно обозначилась тенденция — переместить основную тяжесть власти с Президиума ЦК на Совмин. Конечно, для более или менее молодых читателей все эти технические детали малоинтересны и могут показаться какой-то второстепенной ерундой. Но люди старшего поколения, несомненно, еще помнят, сколь важна была подобная организационно-техническая мишура: порядок фамилий, состав подписей под некрологами, расположение посадочных мест в тех или иных президиумах и даже размеры фотографий в газетах. И в сравнении с этими мелочами то, что власть перетекала из партийных органов в государственные, выглядело своего рода революцией. При желании это вполне можно было бы объявить «подрывом руководящей роли партии»!

Симонов пишет по этому поводу: «Возможно, эта инициатива исходила от Берии, во всяком случае, и впоследствии он активно действовал именно в этом направлении, стремясь и в республиках ставить главных, первых лиц на посты Председателей Совета Министров, а на посты секретарей ЦК —

лиц второстепенных». Но какая же, собственно, разница? — снова могут удивиться малоосведомленные читатели. Ради такого случая поясню: это могло означать лишь то, что более надежной опорой Берии были именно государственные, а не партийные круги. Но вряд ли он один смог бы тогда, в последние часы жизни Сталина, повернуть подобную реорганизацию: для этого необходимо было согласие если не большинства, то, по крайней мере, нескольких влиятельных фигур.

Не так уж сложно вычислить, что таковыми фигурами являлись, скорее всего, Маленков и Хрущев (как минимум). Чем же мог привлечь их на свою сторону Берия? Чтобы снова не углубляться в пространные гипотетические рассуждения, будем на сей раз исходить только из фактов. Маленкову был предложен пост Председателя Совмина, который он и получил. Что же касается Хрущева, то ему, видимо, было обещано ведущее положение в партийных структурах (что также было выполнено), правда, в свете последних изменений это положение, как и сама партийная пирамида, теряло вес.

Заглянем еще раз в воспоминания Симонова. Возможно, мы слишком часто к ним прибегаем, но дело в том, что Симонов, как весьма тонкий писатель, был на редкость наблюдателен и порой видел детали, укрывавшиеся от глаз большинства других. Поэтому крайне важно и здесь упомянуть о потрясшем его в ходе этого заседания чувстве, «от которого я пробовал избавиться и не мог: у меня было ощущение, что появившиеся оттуда, из задней комнаты, в президиуме люди, старые члены Политбюро, вышли с каким-то затаенным, не выраженным внешне, но чувствовавшимся в них ощущением облегчения. Это как-то прорывалось в их лицах — пожалуй, за исключением лица Молотова — неподвижного, словно

окаменевшего. Что же до Маленкова и Берии, которые выступали с трибуны, то оба они говорили живо, энергично, по-деловому. Что-то в их голосах, в их поведении не соответствовало преамбулам, предшествовавшим тексту их выступлений, связанным с болезнью Сталина, было такое ощущение, что вот там, в президиуме, люди освободились от чего-то давившего на них, связывавшего их. Они были какие-то распеленатые, что ли...»

Прекрасно сказано, блестяще! Пожалуй, именно это «распеленатые, что ли» как нельзя лучше определяет состояние не только сталинских «соратников», но и большинства советских людей в те дни. Пережили ли эти люди смерть Сталина или втайне радовались ей (последних, разумеется, было абсолютное меньшинство), но все они — пускай и подсознательно — не могли не ощущать, как с души и с сознания спадали невидимые оковы, незримая пелена страха, неуверенности в завтрашнем дне. Этим, кстати, вполне могла объясняться и несдержанная реакция Берии на сталинский инсульт, так возмутившая С. Аллилуеву. Перед гневом диктатора даже кремлевские обитатели были так же беззащитны, как и простые смертные. И конечно же его кончина в той или иной мере делала их «распеленатыми», освободившимися от постоянного, невыносимого груза.

Заседание завершилось, когда у Сталина уже началась агония. И тут же вся «головка» помчалась в Кунцево (там был оставлен дежурить Булганин), успев прибыть туда то ли к кончине вождя, то ли спустя буквально считанные минуты после нее. Облегчение и «распеленатость» внутренне объединяли всех, но люди еще толком не осознавали этого. С. Аллилуева пишет: «Все они (я не говорю о Берии, который был единственным в своем роде выродком) суетились тут все эти дни, старались помочь и, вместе с

тем, страшились — чем все окончится? Но искренние слезы были в те дни у многих — я видела там в слезах и К. Е. Ворошилова, и Л. М. Кагановича, и Г. М. Маленкова, и Н. А. Булганина, и Н. С. Хрущева...»

Впрочем, здесь же мы находим и реплику Аллилуевой, перекликающуюся с наблюдениями К. Симонова: через несколько минут после смерти Сталина, проведенных в скорбном молчании, «члены правительства устремились к выходу, — надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей. Они поехали сообщить весть, которую тайно все ожидали. Не будем грешить друг против друга — их раздирали те же противоречивые чувства, что и меня, — скорбь и облегчение...»

Чрезвычайно интересные воспоминания об этих минутах оставил Хрущев: «Стоим мы возле мертвого тела, почти не разговариваем друг с другом, каждый о своем думает. Потом стали разъезжаться. В машину садились по двое. Первыми уехали Маленков с Берией, потом Молотов с Кагановичем. Тут Микоян и говорит мне: «Берия в Москву поехал власть брать». А я ему отвечаю: «Пока эта сволочь сидит, никто из нас не может чувствовать себя спокойно». И крепко мне тогда запало в сознание, что надо первым делом Берию убрать. А как начать разговор с другими руководителями? Тогда все подслушивалось, скажешь кому-нибудь, а он продаст...»

Посмотрите, как любопытно! Берия поехал «власть брать», и это нам предлагается считать чем-то ужасным. А то, что другие руководители одновременно начинают тайком готовиться к тому же самому, — это нормально, это в порядке вещей! Но почему? И кто же вел себя более коварно — Берия, даже не потрудившийся скрыть своей радости по поводу смерти Сталина, или те, кто со скорбно-каменными лицами тайно готовились его «уб-

рать»? Характерны и эти полууголовные словечки, ненароком вырвавшиеся у Хрущева: «убрать», «продаст», — они никак не вызывают симпатии к противникам Берии, скорее чувство неприязни. И это чувство усиливается, когда продолжаешь знакомиться с рассказом Хрущева, где он сообщает, как велась обработка «других руководителей». Но к этому мы вернемся в следующей главе.

К концу ночи на 6 марта, уже под утро, тело Сталина увезли на вскрытие. Как свидетельствует Аллилуева, «на второй день после смерти отца, — еще не было похорон, — по распоряжению Берии создали всю прислугу и охрану, весь штат обслуживавших дачу, и объявили им, что вещи должны быть немедленно вывезены отсюда (неизвестно куда), а все должны покинуть это помещение.

Спорить с Берией было никому не возможно. Совершенно растерянные, ничего не понимавшие люди собирали вещи, книги, посуду, мебель, грузили со слезами все на грузовики... Людей, прослуживших здесь по 10—15 лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу. Их разогнали всех, кого куда; многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились в те же дни. Люди не понимали ничего, не понимали — в чем их вина? Почему на них так ополчились?»

Что ж, история, конечно, некрасивая. Но в общем-то ничего удивительного и необычного в ней нет. А уж Берия тут и вовсе ни при чем. Это обычная «совковская» процедура, во многом сохраняющаяся и в наши дни: умершего (или снятого) чиновника — будь он министром, генеральным секретарем или каким-нибудь спикером — мгновенно сменяет новый, причем смена происходит, так сказать, по всей вертикали. Убирают прежние охрану и прислугу (если они полагались по рангу), семью вышвыривают с

государственной дачи, нередко отбирают и городскую квартиру (это когда поверженный чиновник был ранее переведен в Москву из провинции, а ведь таких большинство) и т. д. Правда, в наше демократическое время многие из «бывших» (а если речь идет о смерти, то их семьи) буквально зубами и когтями вцепляются в дачи и квартиры, нипочем не желая их отдавать... Но это уже, как говорится, совсем другая история, и мы не станем в нее углубляться.

Кстати, Антонов-Овсеенко, приведя этот эпизод из воспоминаний Аллилуевой, почему-то делает такой вывод: это, мол, «довершило картину преступления». Но о каком преступлении идет речь? О мнимом отравлении Сталина, что ли? Так ведь свидетелей подобных преступлений не с работы прогоняют, а поступают с ними куда радикальнее. Да и трудно представить, что Берия (или кто бы то ни было) решился бы отравить Сталина в присутствии какой-нибудь поварихи или сержанта из охраны. Но если воспринимать всерьез все несуразности, нагроможденные в работах «разоблачителей», и спорить с ними, то данная книга, пожалуй, могла бы превратиться в многотомную.

Иное дело — свидетельства очевидцев, хотя и они в конечном счете всего лишь обычные люди, которым свойственно заблуждаться, принимать желаемое за действительное, хитрить, наконец. И тем не менее заглянем в воспоминания Молотова, записанные писателем Ф. Чуевым. При этом напомним, что Молотов на XIX съезде партии был выведен Сталиным из руководства ЦК, а в день памятного заседания 5 марта возвращен туда, но не получил поста Председателя Совмина, на который вправе был рассчитывать. По прошествии лет престарелый Молотов, видимо, забыл, что смерть Сталина, по сути дела, спасла его от нависшего над ним топора. А вот

обида на Маленкова и Берию за то, что они оттеснили его на вторые роли, сохранилась. Об этом необходимо помнить, имея дело с молотовскими мемуарами.

Путем умелых расспросов Чуев выводит Молотова на разговор о временном союзе Маленкова, Берии и Хрущева. «Могло быть, — спрашивает Чуев, — что они отравили Сталина, когда выпивали с ним в последний день перед болезнью?» «Могло быть, — отвечает Молотов и повторяет: — Могло быть, Берия и Маленков были тесно связаны. Хрущев примыкал к ним и имел свои цели...» Правда, в другой беседе с Чуевым Молотов отвечает на такой же вопрос несколько иначе: «Возможно. Но кто сейчас это докажет?» Однако настойчивый Чуев снова и снова добивается более внятного ответа и, наконец, на свой очередной вопрос: «Говорят, Сталина убил сам Берия?» слышит следующее: «Зачем же Берия? Смог бы чекист или врач... Не исключаю, что Берия приложил руку к его смерти. Из того, что он мне говорил, да и я чувствовал... На трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года делал такие намеки... Хотел, видимо, сочувствие мое вызвать. Сказал: «Я его убрал». Вроде поспособствовал мне. Он, конечно, хотел сделать мое отношение более благоприятным: «Я вас всех спас!» Хрущев едва ли помог. Он мог догадываться. А возможно...»

Конечно, подобные свидетельства могут рассматриваться лишь как информация к размышлению. Ведь в данном случае нам предлагается без всяких доказательств просто поверить на слово сразу трем людям: Чуеву, передающему слова Молотова, Молотову, передающему слова Берии, и, наконец, самому Берии. Не говоря уже о том, что Берия и в самом деле мог сказать это, но всего лишь для того, чтобы выставить себя в глазах Молотова его спасителем. Что ж, для

сталинских юристов школы Вышинского вполне хватило бы и личного признания, но в цивилизованном мире требуются более веские доказательства.

А если все-таки поверить словам Молотова? Тогда сразу же бросается в глаза деталь, не упоминавшаяся никем другим: Молотов как ни в чем не бывало соглашается с *возможностью* отравления Сталина не только Берией, но также Маленковым и Хрущевым! И этим косвенно как бы подтверждается то, о чем мы уже говорили выше: случись что-нибудь по-другому, повернись события иным боком — и миф о самом страшном убийце и палаче был бы прилеплен к Маленкову (или к Хрущеву), а Берия мог бы войти в нашу историю как «предвестник перестройки». И мы бы вот уже почти полвека наивно верили в эту легенду, — ведь в другие-то верим!

Но стоит ли упрекать в этой доверчивости рядовых советских граждан? Из поколения в поколение, начиная с 17-го года, нас старательно приучали верить в печатное слово, а затем и в то, что вещали по радио и телевидению. Мы и сегодня, когда давно уже нет государственной монополии на средства массовой информации, порой повторяем какую-нибудь чушь, веско уточняя, что это, мол, было написано там-то и там-то. Да мало ли что можно написать! Но это понятно сейчас (да и то далеко не всем), а тогда любой государственный миф укладывался в сознание, по сути дела, автоматически, и даже мысленно оспаривать его могли отважиться лишь единицы.

Поэтому, например, и Симонов, мировоззрение которого сформировалось именно в ту эпоху мифов и легенд, при всей своей прозорливости видит в поступках и даже во внешнем облике Берии только то, что «полагалось» видеть. Задним числом анализируя все реорганизации, сделанные на упомянутом заседании 5 марта и вскоре после него, писатель дела-

ет такой вывод: «Берия создал заранее позицию, наиболее удобную для захвата власти и последующих действий, масштабы и характер которых, учитывая личность Берии, очевидно, носили бы достаточно мрачный и глобальный характер». Нет, с этим прогнозом о каких-то загадочных действиях «мрачного и глобального характера» никак нельзя согласиться. Ведь хорошо известно (знал об этом, разумеется, и Симонов), что за неполных четыре месяца пребывания на вершине кремлевского Олимпа Берия выступил с предложениями таких новаций в области внутренней и внешней политики, которые при советской власти считались недопустимой ересью вплоть до появления Горбачева (мы еще вернемся к этому в следующей главе). Эти предложения, зафиксированные документально, выглядят куда весомее гипотетических «мрачных» действий.

Зато к тем наблюдениям Симонова, которые не носят принципиального оценочного характера, стоит прислушаться. Вот что он пишет о траурном митинге на Красной площади 9 марта, где на похоронах Сталина последовательно выступили Маленков, Берия и Молотов: «Различие в тексте речей мне и тогда не бросалось в глаза, да и сейчас, когда я перечел их в старой газете, они не слишком отличаются друг от друга... Однако та разница, которую сейчас по тексту этих речей не уловишь, но которая была тогда для меня совершенно очевидна, состояла в том, что Маленков, а вслед за ним Берия произносили над гробом Сталина чисто политические речи, которые было необходимо произнести по данному поводу. Но в том, как произносились эти речи, как они говорили, отсутствовал даже намек на собственное отношение этих людей к мертвому, отсутствовала хотя бы тень личной скорби, сожаления или волнения, или чувства утраты, — в этом смысле обе речи были

абсолютно одинаково холодными. Речь Маленкова... чуть меньше обнажала отсутствие всякого чувства скорби. Речь Берии с его акцентом, с его резкими, иногда каркающими интонациями в голосе обнажала отсутствие этой скорби более явно. А в общем, душевное состояние обоих ораторов было состоянием людей, пришедших к власти и довольных этим фактом».

Когда одна эпоха сменяет другую, вместе с ушедшим временем постепенно (а порой и очень быстро) исчезают все его приметы, знаки, символика, пропадает и некое фоновое состояние, составляющее дух умершей эпохи. Вот и сегодня, например, в нашем сознании уже с трудом укладывается, что каких-то 7—8 лет назад за несколько часов до открытия магазинов у их дверей собирались толпы, чтобы успеть купить лимитированный килограмм второсортного мяса; что мы, словно дети, радовались разноцветной пачке печенья, привезенной кем-то в подарок из Будапешта или Софии; что появление на телеэкранах обнаженной женской груди и робкого (под одеялом) подобия полового акта могло вызвать бурные дискуссии в печати... Эпоха, подобно героине пушкинской сказки, «пропала, будто вовсе не бывала».

Ну, а сталинская эпоха в наши дни, естественно, представляется далеким прошлым, так сказать, «советским средневековьем». И уже трудно понять, насколько важны эти внимательные и точные наблюдения писателя (если, конечно, мы действительно хотим проникнуть в суть *тех* событий). Тело вождя, как говорится, еще не успело остыть, а «соратники» уже упоминали о нем и его смерти равнодушно, без малейшего намека на скорбь. Начиналась борьба за власть, в которой были свои правила, во многом создаваемые на ходу, стихийно. Будь эти правила отработаны, тот же Берия, к примеру, мог бы не столь

явно демонстрировать свое стремление к власти, бросавшееся всем в глаза: глядишь, соперники и не отреагировали бы на это так быстро и решительно. Впрочем, мы уже отмечали, что как раз эта, в чем-то наивная несдержанность совершенно не вписывается в образ коварного злодея и авантюриста: такой, разумеется, вел бы себя более умело и осторожно.

Пытаясь понять, что же все-таки представлял собой Берия, Симонов внимательно разглядывает фотографии тех далеких дней. Присоединимся к нему и мы. «У микрофона Маленков в ушанке, а справа от него, между Хрущевым в папахе пирожком и Чжоу Эньлаем в мохнатой китайской меховой шапке, Берия, грузно распирающий широкими плечами стоящих с ним рядом, в пальто, закутанный в какой-то шарф, закрывающий подбородок, в шляпе, надвинутой по самое пенсе, шляпа широкополая, вид мрачно-целеустремленный, не похож ни на кого другого из стоящих на Мавзолее. Более всего похож на главаря какой-нибудь тайной мафии из не существовавших тогда, появившихся намного позже кинокартин. И на второй полосе он же снова между Чжоу Эньлаем и Хрущевым, в том же пальто с шарфом, в той же широкополой шляпе, надвинутой на самое пенсне, идущий за гробом Сталина».

Может быть, пройдет не так уж много времени, и к книгам по истории при продаже будут прилагаться небольшие видеокассеты, как бы иллюстрирующие текст. Не скверно отпечатанные фотографии, как сейчас, а именно видеокассеты. И компьютерная техника «оживит», приведет в движение (на основе имеющихся фотоснимков) Берию, Маленкова, Хрущева, а еще раньше — Сталина, Ленина, Дзержинского... Думаю, что это не такая уж фантазия. Но, к сожалению, гораздо труднее будет оживить то, что осталось запечатленным лишь на бумаге, в простых

шеренгах чернильных, а то и карандашных значков, складывающихся в слова и фразы.

Что я имею в виду? Ну, например, вот эти строчки из воспоминаний писателя Александра Авдеенко, побывавшего в те дни в скорбном Колонном зале Дома союзов, на прощании со Сталиным: «Внимание мое внезапно переключается с людского потока на подвижную, далеко не скорбную фигуру человека в светло-сером костюме, с сегодняшней «Правдой» в кармане пиджака. Это Никита Сергеевич Хрущев. Возглавляет комиссию по похоронам... На какое-то время он исчез — скрылся по другую сторону постамента. Появился уже не один, а со Светланой Аллилуевой, рыжеволосой дочерью Сталина. Они стояли под навесом постамента в полумраке, так сказать, за кулисами похорон, и о чем-то оживленно говорили и даже, мне показалось, улыбались. Никита Сергеевич по-отечески обнимал Светлану одной рукой.

Меня поразило это маленькое событие. Поразило несоответствие их настроения с настроением людей, проходящих мимо гроба...» Еще бы! Простым смертным, для большинства из которых в те дни буквально рушился весь мир (умерло божество! Сверхбожество!), было непонятно, как можно даже думать о чем-то веселом, не говоря уж об открытых улыбках.

Но Берия, Хрущев, прочие «соратники» и даже, как видим, осиротевшая Светлана, находясь рядом с живым божеством и постоянно обжигаемые его «лучами», быстрее других избавились от этого кошмарного гипноза: терпеть его и после кончины Сталина было просто невыносимо, непосильно. Именно поэтому нет никаких оснований считать Берию особенно изощренным злодеем и циником только из-за того, что он почти открыто радовался смерти Сталина. В чем-то сходные чувства охватывали тогда и мно-

гих других обитателей кремлевского Олимпа (ну, может быть, чуть менее бурные, но разве это меняет суть дела?), а вместе с ними даже дочь обратившегося в прах тирана, о чем она писала сама. Так почему же за эти вполне естественные, вполне человеческие чувства укоряют одного Берия?

Да, человек слаб, он отнюдь не идеален (добавим: человек советский, хомо советикус, затравленный и изуродованный десятилетиями советской власти, слаб и беспомощен перед житейскими бурями вдвойне, а то и втройне), но это изъян подавляющего большинства людей. И когда в общечеловеческих грехах и просто недостатках вдруг начинают винить кого-то одного — это неправильно, нелепо и несправедливо. Многие наши сограждане в последние годы дружно обратились в православие, постоянно демонстрирует свою приверженность к нему и нынешнее российское руководство. Поэтому вполне уместно будет напомнить, что Иисус Христос когда-то сказал о блуднице, которую намеревалась растерзать беснующаяся толпа: «Кто из вас без греха, пусть первым бросит в нее камень». Таковых, естественно, не нашлось.

И вслед за этими священными, библейскими словами я хочу еще раз спросить: за что мы судим Берия *больше и суровее*, чем Маленкова и Кагановича, Хрущева и Молотова, Ворошилова и Булганина? За каркающий голос? За пресловутое пенсне? За шляпу с шарфом? *За что?* Вразумительного ответа на это нет и, видимо, быть не может. Но если внимательно проследить за теневой стороной всей этой истории, то ответ может быть только один: «соратники», по велению которых, начиная с лета 53-го года, создавался имидж Берии-людоеда, Берии-палача, от души расплачивались с низвергнутым человеком в пенсне за то, что он оказался более энергичным и лов-

ким, чем они, и только в самый последний момент сплеховал...

А что, если — как бы в развитие метода К. Симонова — попробовать посмотреть на фотографии этих людей без всякого пристрастия, постаравшись забыть при этом про образ Берии-палача, довлеющий над нашим сознанием? Откроем, например, недавно изданную книгу покойного генерала Д. А. Волкогонова «Семь вождей», первый из ее двух томов. Снимки отпечатаны хорошо, четко (редкий случай!). Вот вся «головка» летом 45-го года направляется на парад физкультурников. Впереди Сталин с несколько деланной улыбкой, чуть поотстав — Берия, подхвативший под руки Маленкова и Молотова. Оба его спутника пытаются улыбнуться (видимо, заметили фотографа), но у них это выходит еще хуже, чем у Сталина. А вот Берия спокоен, нет и следа напряжения, его улыбка лишь едва заметна и потому естественна. В лучах утреннего солнца пенсне, которое почему-то не дает покоя «разоблачителям», почти не видно.

Вот другое фото: на нем Берия и вовсе без пенсне. Объектив фотографа выхватил на трибуне Мавзолея (это первомайская демонстрация 52-го года) троих: Сталин обнимается с какой-то очередной малолетней пионеркой, поздравляющей его с праздником, а Маленков и Берия, развернувшись на сто восемьдесят градусов, с улыбкой смотрят на эту трогательную сценку. Берия просто хохочет, рот его растянут, что называется, до ушей, светлый, в легкую полоску костюм делает его похожим не на «главаря тайной мафии» (как увиделось Симонову), а на доброго дедушку, приехавшего навестить внуков.

А на следующем развороте — фотография, уже откомментированная Симоновым, точнее, не фотография, а образ: снимок был сделан в тот же день похорон, но именно о нем писатель не говорил. Гроб

Сталина выносят из Колонного зала, причем самыми первыми его «несут» (на самом деле, как принято, лишь касаются деревянных ручек, а всю тяжесть принимают на себя безвестные здоровяки офицеры) Маленков и Берия, и только уже позади них видны лица Молотова, Булганина, Хрущева... Повторяю: никаких случайностей и экспромтов в ту железную эпоху не допускалось, и такая «расстановка фигур» убедительно свидетельствовала, что именно так и станут отныне распределяться роли — Маленков и Берия, а уж потом и все прочие. В тот холодный мартовский день никому и в голову не могло прийти, что на это «отныне» беспощадная История отведет всего лишь три с половиной месяца...

В то же время никто, конечно, не предполагал, что именно в течение этих трех с половиной месяцев уйдет в небытие, рассеется в ветрах Истории сталинская эпоха — и наступит новая, которую, с легкой руки Ильи Эренбурга, позднее назовут «оттепелью». Впрочем, и это в своем роде миф, хотя и совсем безобидный. Расхожее мнение о том, будто бы понятие «оттепель» родилось из одноименной повести Эренбурга, неверно. На самом деле это словосимвол проникло в массовое сознание в октябре 53-го года, когда в журнале «Новый мир» появилось коротенькое стихотворение Николая Заболоцкого «Оттепель» (написанное, между прочим, пятью годами раньше). А повесть Эренбурга с тем же названием была опубликована в журнале «Знамя» только в мае следующего года.

Но как бы там ни было, «оттепельная» эпоха началась практически сразу же после смерти Сталина, еще не получив этого названия.

Глава 9

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ «ОТТЕПЕЛИ»

Так что же определяло эту «оттепель», из чего, собственно, она возникла?

Прежде всего, из психологического состояния общества, из внезапной раскрепощенности, вольно или невольно охватившей всех, едва было сообщено о смерти Сталина. Спустя несколько лет появится кинофильм «Чистое небо», режиссер которого Григорий Чухрай передаст это состояние именно с помощью оттепели, а точнее говоря — мощного ледохода, вспарывающего необъятные пространства льда и освобождающего водную стихию из плена. Хорошо помню, что моя мама, как и многие, с большим трудом переносившая смену эпох, огорченно сказала по этому поводу: «Не могу с таким согласиться! Сталин умер — а у Чухрая чуть ли не «ура» кричат». Да, это слишком прочно лежало в сознании большинства людей тех поколений (а у многих и по сей день лежит): Сталин мог ошибаться, мог что-то делать неправильно, и все-таки его смерть навсегда осталась для тех людей трагедией, а отнюдь не поводом для ликования. Судить о прошлом с позиций настоящего и будущего, конечно, можно, но лишь умозрительно. А вот требовать от людей,

например, средневековья, чтобы они жили, действовали и мыслили по законам нового времени, по меньшей мере неумно.

И тем не менее (раз уж мы заговорили о глубинных исторических сдвигах) те же люди средневековья исподволь ощущали наступление новой, буржуазной эпохи. Они могли противиться этому, могли, напротив, торопливо приноравливаться к переменам, но ощущение некой, пользуясь терминологией наркоманов, «ломки», то есть нарастающего внутреннего беспокойства, от которого невозможно избавиться, испытывали практически все. Примерно такая же «ломка» происходила весной 53-го года и с нашими согражданами. Поначалу это был чисто психологический феномен, и только считанные люди могли хладнокровно фиксировать конкретные знаки перемен. Ведь даже многоопытный Симонов признается, что все эти соображения по поводу интонаций, поз, выражений лиц, навечно запечатлевшихся на фотоснимках, возникли у него много позднее, а тогда, в переломном марте 53-го года, было не до этого.

Но вскоре перемены обрели вполне зримый и осязаемый характер. Чуть ниже мы приведем свидетельство К. Симонова о том, что сразу же после официального объявления о фальсифицированности «дела врачей», от начала и до конца, ограниченный круг лиц — а именно: членов и кандидатов в члены ЦК — ознакомили с теми документами этого дела, в которых усиленно педалировалась зловещая роль Сталина. Об этом свидетельствует не только К. Симонов, но и другие мемуаристы. И даже для этой избранной публики, казалось бы обязанной давным-давно привыкнуть ко *всему*, подобная откровенность властей (да еще и направленная *против* Сталина!), конечно, была чем-то неслыханным.

Правда, простым смертным было сообщено лишь о прекращении «дела врачей» и об освобождении невинно арестованных. Космический авторитет Сталина при этом, естественно, не подвергался и тени сомнения. Но и сам тот факт, что советская власть впервые за 36 лет своего существования публично призналась в собственном просчете (да еще в каком!), произвел на народ впечатление — извините за затаканый штамп — разорвавшейся бомбы. Эта «бомба» взорвалась утром 4 апреля, когда в газетах было опубликовано сообщение МВД о том, что «врачи-убийцы» были арестованы «неправильно, без каких-либо законных оснований». И уже одно это было немислимым по тем временам сотрясением основ.

Но в сообщении МВД содержалось и нечто еще более поразительное и в своем роде «революционное». Черным по белому там было написано так: «Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами методов следствия». Те, кому не было в то апрельское утро хотя бы лет пятнадцать-шестнадцать, вряд ли смогут в полной мере понять, какие водовороты чувств бурлили в душах людей, прочитавших эти вот бесстрастные слова.

Конечно, довольно быстро стало ясно, что основы ленинско-сталинской системы от этого не сотряслись, никто и не думал под них подкапываться (кроме разве что героя нашей книги, но об этом чуть позже). Речь шла лишь о перетряске *внутри* этой системы, правда, о перетряске поразительной и неслыханной. Ведь с самого своего возникновения в декабре 1917 года органы государственной безопасности

(тогда — ВЧК) считались верным и непогрешимым охранно-боевым отрядом партии. И вдруг оказывается, что в процессе следствия эти прославленные органы применяют «запрещенные методы». Не требовалось быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться: речь идет о пытках, причем о пытках зверских, которые позволяют добиться от подследственных *любых* показаний.

Тогда же, в газетах от 4 апреля, было сообщено и о том, что у Лидии Тимашук, с которой, собственно, и началась вся история с «врачами-убийцами», отобран орден Ленина. Конечно, никому, кроме нескольких «осведомленных лиц», тогда и в голову не могло прийти, что еще накануне вечером Л. Тимашук доставили во внутреннюю тюрьму МГБ (точнее, к тому времени уже отошедшую к МВД) на Лубянке и заключили в одиночную камеру. Некоторые исследователи утверждают, что при этом ее на пару минут завели в кабинет Берии, где он то ли приказал Тимашук снять орден Ленина, то ли сам сорвал его с незадачливой доносчицы.

А спустя еще два дня газеты известили пораженное население, что в истории с врачами лично повинен бывший министр госбезопасности С. Д. Игнатьев (после слияния в марте МГБ с МВД исчез и пост Игнатьева, который стал секретарем ЦК, а затем был «сослан» руководить Башкирским обкомом партии): он, мол, «проявил политическую слепоту и ротозейство и пошел на поводу у преступных авантюристов». Именно так, «преступным авантюристом», будет назван спустя три месяца и сам Берия (наряду с прочими обвинениями). Но какие же авантюристы могли иметься в виду в начале апреля, когда о «разоблачении» Берии еще невозможно было и подумать? Да никакие! Просто это одно из советских клише (вроде «бешеных троцкистско-бухаринских псов», «поджи-

гателей войны», «продажных иуд» и т. д.), которое вскоре налепили и на Берия.

А из газетного сообщения от 6 апреля можно было лишь с некоторыми усилиями заключить, что Игнатьев «оказался на поводу» у своего же бывшего заместителя Рюмина, который, как вы помните, еще 14 ноября 52-го года был с позором уволен из МГБ (добавим, что 17 марта 53-го года его по приказу Берии арестовали). И для любого человека с нормальной психикой все это, конечно, должно было выглядеть полным бредом: изгнанный из МГБ Рюмин никак не мог повлиять на фабрикацию «дела врачей», раскрученную уже *после* его увольнения. Но все мы тогда, повторяю, свято верили в сообщения такого рода, к тому же рядовых граждан, естественно, никто и не думал информировать о том, когда и за что уволили Рюмина, действовали ли в МГБ какие-либо «преступные авантюристы» помимо него и т. д.

Но зато подавляющее большинство взрослого населения СССР, в сознание которого тогда, в апреле 53-го года, еще не была внедрена легенда о коварном злодее и палаче Берии, отлично поняло, *кто* сыграл решающую роль в освобождении врачей и в разоблачении «преступных авантюристов» в бывшем МГБ, кем бы эти авантюристы ни были. Естественно, таким человеком мог быть только Берия, объединивший в своей власти после смерти Сталина руководство *всеми* правоохранительными органами страны. Если бы каким-то фантастическим образом эти события произошли полутора-двумя месяцами раньше, еще при жизни Сталина, было бы вполне логично приписать эти заслуги самому вождю. Но при новой расстановке сил инициатором всех этих шагов мог быть только Берия, ибо даже Маленкову, формально стоявшему *выше* его, было бы не под силу

приказать или *запретить* Берии что-либо предпринимать в данном направлении.

Казалось бы, оспаривать этот очевидный факт нелепо. Тем не менее нынешние приверженцы мифа о Берии-палаче (а их на сегодняшний день в нашем обществе безусловное большинство) настаивают на том, что все это было искусным политическим спектаклем. Таким же, как и в 38-м году, призванным служить той же цели — создать для Берии репутацию либерала и демократа. А наиболее прозорливые из сегодняшних этих авторов будто бы поняли это даже тогда, полвека назад. Один из них, например, пишет, что вскоре после сообщения о ликвидации «дела врачей» он встретил в центре Москвы «старую знакомую журналистку, умную женщину». Буквально светящаяся от счастья журналистка заявила ему: «Вы знаете, я так счастлива, так счастлива! Не могу передать моих чувств. У меня будто крылья выросли. Вы знаете, я решила написать благодарственное письмо Лаврентию Павловичу Берии. Я должна написать... ведь это его заслуга». Возмущенный до глубины души автор хотел было назвать старую знакомую «дурой», но потом все-таки сдержался и ограничился многозначительным замечанием: «Не спешите». Этот провидец еще до ареста Берии понимал, что корень всех бед именно в нем.

А что, если снова вспомнить о «презумпции невиновности», которая дает нам право предположить (как мы и сделали в случае с волной «бериевских» освобождений безвинно арестованных в 38-м и 39-м годах), что за этим стояла вовсе не политическая игра, а элементарная добросовестность и профессионализм? Разве кто-то доказал обратное? Нет! Просто мы чисто механически приняли на веру одну точку зрения, а другую столь же механически отвергаем. Но почему, с какой стати? Уж не по упоминавшейся ли

выше формуле Багрицкого: «Если он скажет: «Солги» — солги, и если он скажет: «Убей» — убей», так? И если «они» (то есть тогдашние власти, расправившиеся с Берией и начавшие создавать легенду о нем) скажут: «Поверь» — поверь... Но верить почему-то не хочется. Нет, не из принципа, а просто потому, что вера подобного рода должна основываться на веских доказательствах, а таковых нет.

Зато в достаточном количестве есть доказательства совершенно противоположного характера. Доказательства основательные, надежно задокументированные. В последние годы, когда стали доступны некоторые из ранее строго засекреченных документов (далеко не все, но тем не менее), выяснилось невероятное: будучи в течение трех с половиной месяцев одним из двух главных лиц в государстве, Берия пытался осуществить целый ряд поистине революционных (для СССР тех лет) шагов, прежде всего — в области внешней политики.

Но перед тем как рассказать об этом, позволю себе сделать лирическое отступление о мифологии и ее творцах. Легенды и мифы и во времена седой древности, как правило, имели довольно мало общего с действительностью (или вообще ничего), но их создавали талантливые люди, порой целые поколения, — вот почему мы и сегодня восхищаемся мифами Древней Греции, скандинавским эпосом, нашими русскими былинами... К тому же подлинная классическая мифология во многом помогает лучше понять прошлое, приблизиться к разгадке его тайн. Псевдомифология (в частности, созданная за годы советской власти), как правило, топорна и неуклюжа, в ней отсутствуют логические связи, и действует она обычно лишь на ее современников. А на расстоянии хорошо видится не только большое, но и малое, недостойное. С уходом в прошлое той или иной эпохи

рушились и созданные ею мифы: потомки, над которыми не довлел диктат прежних властей, легко (или с некоторыми усилиями) отличали нелепые фантазии от истины.

Если же говорить о мифологии советского периода и о легендах нынешнего, «постсоветского» этапа, по сути дела, являющихся «довеском» к прежним мифам, то их фантастическая и дилетантская основа была видна и многим современникам. В свое время я несколько лет заведовал отделом в одном историческом журнале, где занимался исключительно редактурой, мне и помимо этого часто приходилось редактировать художественные и научные работы, переводы. Не рискну переоценивать свой опыт и интуицию, но в общем-то отличить работы самонадеянных и потому небрежных авторов обычно не так уж трудно. Их труды полны домислов и слухов, факты зачастую не проверены или перепутаны. Подобные авторы всецело полагаются на собственное мнение, на свою память и знания, которые на проверку оказываются весьма поверхностными.

К сожалению, это во многом относится к большинству «разоблачительных» работ, начавших появляться в годы горбачевской перестройки. А тем временем «нежелательные» темы и материалы по команде сверху просто игнорируются. В частности, документы, касающиеся Берии, в значительной мере остаются засекреченными и по сей день, поэтому нам нередко приходится полагаться на косвенные свидетельства. Итак, К. Симонов вспоминал, что в апреле 53-го года, вскоре после официального объявления о фальсифицированности «дела врачей», членов и кандидатов в члены ЦК пригласили в Кремль, рассадили по нескольким комнатам и предложили ознакомиться «с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во

всей истории с «врачами-убийцами», с показаниями... Рюмина о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы — и так далее и тому подобное. Были там показания и других лиц, всякий раз связанные непосредственно с ролью Сталина в этом деле... Потом чтение это было прекращено, разом оборвано».

Фантастика! Вы только представьте: за три года до знаменитой речи Хрущева на XX съезде партии, где, как принято считать, *впервые* была приоткрыта завеса над зловещей ролью Сталина, его режиму и непосредственно самому непогрешимому вождю — пусть и посмертно — были предъявлены обвинения в преступности и беззаконии. Спору нет, тогда эти обвинения увидел достаточно узкий круг «доверенных» лиц, но ведь и такой дозированный шаг был поистине революционным.

Нетрудно догадаться, что в тот момент инициатором этого мог быть только один человек. Симонов совершенно справедливо пишет: «Идея предоставить членам и кандидатам ЦК эти документы для прочтения принадлежала, несомненно, Берии, именно он располагал этими документами, и впоследствии выяснилось, что так все и было. Он хотел приобрести дополнительную популярность, показав себя человеком беспристрастным... который был никак не склонен продолжать те жестокости, возмутительные беззакония, которые, судя по предъявленным нам для чтения документам, были связаны непосредственно со Сталиным, с его инициативой, с его требованиями. Выставляя документы на обозрение, Берия как бы утверждал, что он и далек, и категорически против всего этого, что он не собирается покрывать грехи Сталина...

Надо сказать, — резюмирует писатель, — что, хотя цель Берии была достаточно подлой и она вско-

ре стала совершенно ясна мне, документы эти, пусть и специфически подобранные, не являлись фальшивыми». Что ж, Симонову — в отличие от иных авторов — вполне можно доверять: он был человеком обстоятельным, не допускавшим поверхностности и приблизительности. Но так ли уж он прав по поводу «подлой цели» Берии? Попробуем проанализировать его слова.

Итак, все распоряжения по «делу врачей» и «методике» его ведения исходили непосредственно от Сталина (что, впрочем, ясно и без свидетельства Симонова). Понятно и то, что любой, кого касались эти распоряжения, вынужден был неукоснительно их исполнять: в противном случае такой человек просто занял бы одну из камер по соседству с арестованными врачами. Но принадлежал ли Берия к числу этих исполнителей? Ведь формально следствием занималось МГБ, и у Берии вполне была возможность как бы отстраниться от, говоря словами его сына, «этой подлости».

С другой стороны, то, о чем рассказывает Симонов, казалось бы, свидетельствует, что Берия был причастен к следствию: ведь он *загодя* подбирал документы, которые впоследствии могли бы стать обвинением против Сталина. Но это-то как раз и сомнительно! Подобное могло быть лишь в единственном случае — если Берия действительно планировал физическое устранение Сталина и уже начал готовиться к последующей борьбе за власть. Такую возможность мы уже обсуждали и можем лишь повторить, что и эта версия пока не нашла веского подтверждения, да и вряд ли когда-нибудь найдет.

Гораздо логичнее предположить другое: как только не стало всесильного диктатора, Берия, оказавшийся одним из трех фактических руководителей государства (вместе с Маленковым и Хрущевым) или,

как считают многие, даже одним из двух (без Хрущева), легко смог подобрать соответствующие документы в следственном деле. И хотя, как полагал, например, К. Симонов, это могло делаться исключительно в целях поднятия собственной популярности, факт остается фактом: именно по инициативе Берии невинные врачи были освобождены и впервые в советской истории сталинский режим получил оплеуху. Да, сдержанную и робкую, скорее похожую на поглаживание (например, в сообщении об освобождении врачей подчеркивалось, что следователи МГБ применяли «недопустимые и строжайше запрещенные советскими законами приемы следствия»), и тем не менее!

Ну, а если все-таки предположить, что Берия давно (или относительно давно) задумал и ликвидацию Сталина, и последующее развенчание его культа? Тогда, видимо, он мог бы представить членам ЦК куда более обширные и убедительные свидетельства преступлений Сталина, чем только те, что касались роли покойного диктатора в «деле врачей». Но поскольку этого не произошло, можно более или менее уверенно говорить, что решение начать осторожную антисталинскую кампанию созрело у Берии лишь после смерти Сталина. А это, в свою очередь, показывает — правда, лишь косвенно, — что Сталин умер естественной смертью, во всяком случае, без «помощи» Берии.

Приходится еще раз посетовать на то, что данная работа в определенной мере состоит из предположений, допущений и т. д. А как может быть иначе в условиях сверхсекретности подавляющего большинства документов, касающихся такого рода сюжетов? Но уж коль скоро мы оказались в таком положении, то грех не вспомнить о тех шагах Берии, которые надежно *подтверждаются* документами. Пожалуй, наи-

более фантастическим из этих, так и не осуществленных тогда шагов было предложение Берии разом ликвидировать пресловутый германский вопрос, то есть отказаться от политики «двух Германий» и прекратить искусственное «строительство социализма» в марионеточной ГДР. Это привело бы к объединению Германии на 37 лет раньше, и в центре Европы не было бы все это время огромной пороховой бочки, не было бы Берлинской стены — отвратительного символа разъединенности планеты, да мало ли чего еще не было бы! Атмосфера конфронтации и постоянного страха, довлевшая над миром до конца 80-х годов, могла исчезнуть (или, во всяком случае, значительно разрядиться) уже тогда, вместе с концом сталинской эпохи.

Для чего же такая странная новация могла понадобиться Берии? Если в случае, например, с освобождением врачей, его обвиняют в поисках дешевой популярности, то здесь этого никак не скажешь: Берия не мог не понимать, что «соратники» примут предложение подобного рода в штыки, как и произошло. Совершенно очевидно и то, что подавляющее большинство советского населения отнеслось бы к такому предложению, будь оно обнародовано, как к недопустимой ереси, как к «предательству интересов социализма». Какая уж там популярность! Поэтому если не считать Берию всерьез агентом империалистов, каковым его вскоре объявят бывшие коллеги, то остается предположить только одно: Берия искренне хотел сделать отношения двух враждебных миров если не дружескими, то, по крайней мере, доброжелательными. Надуманность и бессмысленность «холодной войны» (а ведь в Корее шла и «горячая», как, впрочем, и во Вьетнаме, где французы воевали с местными коммунистами), очевидная сегодня любому здра-

вомыслящему человеку, Берии стала ясна гораздо раньше других.

Правда, его сын, Серго Берия, предлагает на этот счет свою версию: отец будто бы хотел создать из объединенной Германии своего рода противовес американцам и англичанам. Это весьма сомнительно. По всей вероятности, Берией двигало не стремление закрутить новые внешнеполитические интриги, а куда более бесхитростные чувства. Тот же Серго Берия свидетельствует: как-то раз отец, рассказав ему о категорическом нежелании «соратников» отказаться от политики «двух Германий», со смехом добавил:

— Ну что за глупость они предлагают?! Попробуй разделить Рязанскую и Смоленскую области и заставить этих людей воевать друг против друга. Противостоит ведь! Два германских государства — такая же глупость.

Забежим на несколько месяцев вперед. Вскоре после «разоблачения» Берии, 2—6 июля, состоялся Пленум ЦК КПСС, призванный разъяснить партийной верхушке (а затем и народу, естественно, в крайне усеченном виде) смысл этой акции. И там вперемешку с домыслами и откровенной ложью было совершенно ясно сказано о том, чего же в действительности добивался Берия. Молотов, например, заявил на Пленуме, что Берия настаивал на объединении ФРГ и ГДР в «буржуазное миролюбивое государство», и это, мол, означало его «фактический переход на позиции, чуждые коммунизму... Стало ясно обнаруживаться, что Берия стоит не на коммунистических позициях... Капитулянтский смысл предложений Берии по германскому вопросу очевиден. Фактически он требовал капитуляции перед так называемыми «западными» буржуазными государствами». А Маленков счел необходимым уточнить: «Берия при обсуждении германского вопроса пред-

лагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию... Ясно, что этот факт характеризует его как буржуазного перерожденца».

А нам ясно другое: за три месяца до восстания в Восточной Германии, жестоко подавленного советскими войсками (более подробно об этом будет сказано далее), а возможно, и значительно раньше Берия понял всю нелепость и пагубность искусственного насаждения социализма в центре Европы. Еще раз предлагаю читателям вспомнить о дальнейшем развитии событий, которое показывает, что победа Берии в борьбе за власть весной и летом 53-го года могла бы резко ускорить развитие отечественной и мировой истории, как бы «вычеркнуть» из нее примерно 35 лет «холодной войны».

Да, обсуждать то, что могло бы быть, некорректно, как выразились бы представители точных наук. Но в данном случае мы имеем дело с двумя очевидными фактами: а) решение германского вопроса в конце 80-х годов привело к решительному оздоровлению всей международной обстановки; б) Берия стремился точно так же решить этот вопрос (то есть путем превращения Германии в единое демократическое буржуазное государство) еще весной 53-го года. Поэтому речь все-таки идет не о каких-то химерах, а о вполне конкретных вещах.

«Буржуазный перерожденец» предлагал также нормализовать отношения с Югославией, прерванные еще в 48-м году волевым решением Сталина. На упомянутом Пленуме Маленков сообщил, что Берия, несмотря на противодействие других руководителей, тайно вступил в переговоры с Тито и другим югославским лидером, А. Ранковичем, с которыми он был лично знаком по прежним временам. Берия предла-

гал им устроить «конфиденциальную встречу особо на то уполномоченных лиц» либо в Москве, либо в Белграде — на выбор самих югославов. Тогда, летом 53-го года, это было преподнесено как ужасное преступление Берии, «предательство».

Между тем пройдет всего два года, и советская делегация отправится в Югославию, где Хрущев принесет публичные извинения югославам за разрыв отношений, инициированный советской стороной. Уже тогда, в 55-м году, многие наши соотечественники, совсем недавно читавшие обвинения против Берии, могли бы обратить на это внимание и задуматься: а не окажутся ли в конце концов и все прочие «преступления» этого злодея столь же безобидными? Но задумываться на подобные темы нам до последнего времени почему-то не приходило в голову. Впрочем, что касается «дела Берии», то и сегодня мало кто пытается разобраться в нем. Ну, хотя бы сопоставить очевидные нелепости!

Вот, например, на том же Пленуме Молотов заявил, что, отвергнув предложения Берии по поводу Югославии, послесталинское руководство все же решило кое-что изменить. Нельзя же в конце концов и дальше делать вид, что такой страны не существует! «Стало ясно, — сказал Молотов, — что поскольку нам не удалось решить определенную задачу лобовым ударом (то есть убить Тито или и вовсе захватить Югославию. — *Н. Р.*), то следует перейти к другим методам. Было решено установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, связанными с Северо-Атлантическим агрессивным блоком... Совсем по-другому захотел использовать этот момент Берия».

Рассказав далее об отобранном у Берии при аресте письме, которое он собирался переслать Тито и Ранковичу, Молотов назвал это письмо «еще одной

наглой попыткой ударить в спину Советского государства и оказать прямую услугу империалистическому лагерю. Одного этого факта было бы достаточно, чтобы сделать вывод: Берия — агент чужого лагеря, агент классового врага». Обратите внимание: «одного этого факта»! Но какова цена этого «факта» и почему же из него следует, что Берия — «агент чужого лагеря»?! Тем не менее на таких вот «обвинениях» и было выстроено все «дело Берии».

К тому же, когда Берия, еще являвшийся вторым человеком в государстве, внес эти «предательские предложения» на Президиуме ЦК, никто не приклеивал ему никаких ярлыков, возникли чисто рабочие споры — это, кстати, можно понять и из приведенных слов Молотова. Вернувшись после соответствующего заседания домой, Берия пересказал жене и сыну свои аргументы в пользу восстановления отношений с Югославией. Он говорил тогда «соратникам»:

— Не следует навязывать югославам наши взгляды. Пускай себе строят то общество, какое считают нужным. Главное, что Югославия с нами в одной упряжке. Они ведь не возражают даже против размещения наших гарнизонов, если это будет необходимо. Так что не надо осложнять наши отношения. А жесткая позиция с нашей стороны непременно вызовет у них раздражение.

Как-то раз в те дни, после очередного рассказа Берии домашним о спорах с «коллегами», Нина Теймуразовна сказала мужу:

— Лаврентий, как бы ты себя ни утешал, твое время кончилось. Они тебя терпели, пока был жив Сталин, но больше терпеть не будут. Лучше сам подай заявление об уходе в отставку, пока не поздно. Скажи, что ты болен, или еще что-нибудь придумай, да что угодно!

— Нино, ну разве это изменит положение? — пожал Берия плечами. — Я, конечно, могу написать заявление, могу подать в отставку. Но если уж они чего-то захотят, то все равно своего добьются.

Как понять этот разговор? Выходит, не только сам Берия, но и его жена понимали, что «они» не желают больше его терпеть и намерены «добиться своего». О чем же могла идти речь, о каких именно замыслах? Чего хотели «они»? Отправить Берию в отставку? Но ведь он сказал, что, даже если сделает это и сам, «они все равно своего добьются». Чего же? Как можно устранить человека, которого не желают терпеть, помимо отставки, а точнее говоря — *сверх* нее? Ответ напрашивается сам собой.

Впрочем, зачем гадать, если сам Хрущев говорил о намерении «убрать Берию»? Правда, сказано это было позднее, и вряд ли мысль «убрать» возникла мгновенно после смерти Сталина, как можно понять из мемуаров Хрущева. Любая идея должна созреть. В какой же момент и почему появилось это «убрать»? А не могло ли это все-таки произойти еще при жизни Сталина?

В принципе такое допустить можно. Хрущев утверждает, что в последние годы жизни Сталина «Берия буквально обнаглел во всех вопросах. Ничего нельзя было решить без него. Сталину нельзя было ничего доложить, не заручившись поддержкой Берии, потому что Берия, если будешь докладывать Сталину при нем, обязательно твой вопрос всякими вопросами, контрвопросами дискредитирует в глазах Сталина и провалит». Но это опять же говорилось позже, задним числом. При Сталине, да и в первое время после его смерти, отношения Хрущева и Берии были вполне нормальными, в известном смысле даже дружескими, если, конечно, в той среде вообще могла идти речь о дружбе. Но при этом Хрущева, как видим, край-

не раздражало то, что Берия пользовался заметно бóльшим, чем прочие, влиянием у Сталина. Что ж, и это в порядке вещей, но на «убрать» все-таки еще не тянет.

Умирает Сталин. Вспоминая эту минуту, Хрущев говорит, что не смог тогда сдержаться и заплакал. И уточняет: «Я оплакивал не только Сталина, а я волновался за будущее партии, за будущее страны, потому что я уже чувствовал, что сейчас Берия будет заправлять всем, что это начало конца. Я не верил, я не считал уже Берию коммунистом к этому времени. Я считал его вероломным человеком, готовым на все. В идейном отношении я его уже не признавал за коммуниста, а насчет расправы, так он был мясник, убийца».

Слова, слова, слова... Обычная партийная трескотня, вошедшая у людей этого круга в плоть и кровь в круговерти постоянных докладов и отчетов, заседаний и пленумов. «Вы потеряли право считать себя коммунистом» — эта формула еще недавно могла вызвать у адресата мгновенный инфаркт. Так почему же все-таки Хрущев (или кто-то другой) решил «убрать» Берию? Боялся, что опоздает, что тот нанесет удар первым? Но почему это «убрать» понадобилось реализовать не в форме обычной отставки, а именно так, как это было сделано — по правилам уголовной малины, где провинившемуся без лишних разговоров пускают пулю в лоб или суют «перо» под ребро?

И на это, как мне кажется, ответ в самом деле может быть только один. В принципе мы уже дали его в главе «Поединок гроссмейстеров». Берия был на голову выше их всех, вместе взятых. По энергии, по скорости реакции, по умению организовать и повернуть любое, даже самое сложное дело. Ну разве можно вслух, публично признать такое и этим рас-

писаться в собственной никчемности? Гораздо проще объявить талантливого соперника палачом, садистом, развратником и агентом всех разведок мира. Но в глубине души и самый энергичный из заговорщиков Хрущев, и вялый Маленков, и патологически осторожный (можно сказать и прямее — трусливый) Молотов, и все прочие прекрасно понимали всю *безнадежность* поединка с человеком в пенсне. Конечно, поединка открытого, в котором, как в шахматной партии, действуют одинаковые для обеих сторон правила. Ну, а втихомолку шмякнуть кирпичом по затылку можно любому Гераклу, — он и ахнуть не успеет...

И началась подготовка. Кто ее начал? Тут сомнений быть не может — Хрущев! И дело, конечно, не в том (не только в том), что он сам подробно рассказывает об этом в мемуарах. Просто никто другой не мог оказаться в этой роли по объективным данным: для любого решительного поступка (да еще такого!) нужны дерзость, мужество, способность пойти на риск, азарт игрока. Все это было *только* у Хрущева, и в этом смысле он был как бы маленьким Берией: и то у него есть, и это, и пятое, и десятое — но все как-то поменьше, пожиже, побледнее... Однако Хрущев отнюдь не был простодушным мужичком — этот имидж, навязанный ему Сталиным, оказался настолько прилипчивым, что закрепился за ним навсегда. Нет, Хрущев прекрасно ориентировался в тонкостях политических игрищ и понимал, что, если играть «по правилам», для гроссмейстера Берии он не соперник. Следовательно, надо было опередить Берию, застать его врасплох, нанести удар в самый неожиданный момент. Иного пути не было.

Когда на одном из заседаний Президиума ЦК Берия высказался за прекращение политики «двух Германий», это, как говорилось выше, вызвало протест,

но уже без привычного «полного единодушия». Маленков даже поначалу был склонен поддержать Берия, и только вовремя уловив отрицательную реакцию остальных «товарищей», поспешил отойти в сторону. А наиболее решительно и резко против предложения Берии выступил Молотов. Его поддержал Хрущев, за ним и другие. После заседания Берия вызвал к себе Судоплатова, в общем виде рассказал ему о случившемся и добавил:

— Ну, что бы там они ни говорили — будем держать курс на воссоединение Германии. Единая нейтральная Германия навеки будет нам благодарна за такую инициативу. А если продолжать политику разделения, это рано или поздно кончится войной. Нельзя этого допускать, нельзя делать из Германии два государства!

Берия поручил Судоплатову через лучших советских агентов в Европе дать понять видным политическим и общественным деятелям, что политика СССР по германскому вопросу вскоре принципиально изменится. Главная роль при этом придавалась уже известным читателю Ольге Чеховой, князю Янушу Радзивиллу и И. Григулевичу, контакты которых были особенно весомыми. Планировалось привлечь к делу и Зою Рыбкину (Воскресенскую), которая должна была связаться с О. Чеховой.

— Только учтите, — сказал Берия, — что пока это дело сверхсекретное. Никто из аппарата МИДа, в том числе и сам Молотов, не должны об этом знать. Если все пойдет нормально, то потом подключим к делу тех, кого положено.

При жизни Сталина, разумеется, такое было немислимо. Берия (или кто-либо другой из «соратников») мог иметь собственное мнение, но какие-либо закулисные шаги за спиной вождя были совершенно исключены. А в новой обстановке Берия уже

не опасался возможного конфликта ни с Маленковым, ни с Хрущевым, ни даже со всем «коллективным руководством». Он был твердо уверен и в своей правоте, и в том, что задуманное удастся довести до конца.

Между тем события в ГДР уже подтверждали правоту предложений Берии. Восточногерманские руководители, в особенности В. Ульбрихт, действуя в духе указаний Сталина и Молотова, вызывали недовольство не только у рядового населения (восточные немцы бежали в ФРГ десятками и сотнями тысяч), но и у части своих коллег. Естественно, что после смерти Сталина, с именем которого за рубежом (в том числе и в ГДР) справедливо связывали исключительную жесткость советской политики, это недовольство стало стихийно расти. Масла в огонь подлило прямолинейное заявление Ульбрихта, что, мол, со смертью Сталина для ГДР ничего не меняется и строительство социализма в стране будет продолжаться.

Чтобы прояснить ситуацию, Берия вызвал в Москву министра госбезопасности ГДР, прогнозы которого оказались неутешительны. Немец сообщил, что на ряде предприятий рабочие уже бастуют и число бастующих угрожающе растет. Берия снова поднял на заседании Президиума ЦК вопрос об объединении Германии — и вновь коллеги не поддержали его, хотя информация о росте напряженности в ГДР их явно встревожила.

Но и Берия не собирался уступать. Когда в самом начале июня в ГДР предстояло отправиться новому послу СССР в ГДР и верховному комиссару в Германии В. С. Семенову, Берия вызвал его к себе и дал поручение вести курс на объединение Германии. Отметим, что и это Берия сделал *вопреки* позиции Президиума ЦК. Когда Семенов с инструкциями Берии

прибыл в Берлин и начал предпринимать первые шаги, Ульбрихт и его окружение запаниковали: ведь без поддержки советского руководства и советских войск народ мгновенно смел бы их. Между тем волнения в ГДР продолжали нарастать.

И вот наконец Берии удалось сдвинуть Маленкова, Молотова и других с прежней позиции. Они, правда, и не желали слушать о будущей единой Германии, но все же согласились с Берией, что руководителям ГДР не следует «форсировать» строительство социализма в стране. Это было закреплено решением «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР», принятом на заседании Президиума ЦК 12 июня. Ульбрихта, Вальтера Пика и других восточно-германских лидеров немедленно вызвали в Москву, чтобы сообщить им об этом решении, которое было секретным. Однако немцы не выразили на встрече с советскими коллегами (в ней участвовал и Берия) никакого энтузиазма, более того, пытались протестовать. И в результате, как только они уехали, по настоянию Берии было принято негласное решение отправить Ульбрихта в отставку, поставив на его место кого-то из более гибких деятелей.

Казалось бы, Берия мог торжествовать победу в этом конфликте. Но, судя по ряду данных, Хрущев к тому моменту уже наметил в общем виде сценарий по устранению Берии, и вся эта история (то есть решение Президиума ЦК от 12 июня и последующий визит немцев в Москву) была частью начавшейся сверхтонкой игры. Смерть Сталина, открывшая перед Берией огромные перспективы, в то же время сыграла с ним злую шутку. Он прекрасно понимал, что соперников, равных Сталину по мастерству интриги, по масштабу иезуитства, у него не осталось.

Но Берия недооценил способности своих коллег. Да, фигуры уровня Сталина среди них не было, зато

сталинские уроки все они усвоили хорошо (в разной мере, разумеется). Конечно, никто не усвоил их так, как сам Берия. И зная это, он не верил, что теперь, после смерти вождя, кто-то сможет его переиграть. А Хрущев, также понимавший, что Берия *ему одному* не по зубам, всеми силами сколачивал вокруг себя группу *единомышленников*. Но не в общепринятом значении — их взгляды и намерения оставались разными, что позднее не раз проявлялось, — а в том смысле, что всех их сплачивала одна, *единая мысль*: избавиться от Берии, который без труда мог подмять их под себя. Поодиночке. Или по двое, по трое... А всех разом? Такая задача, пожалуй, была непосильной даже для него.

Но Берии, по всей видимости, и в голову не приходила возможность такого объединения против него. Да еще столь быстрого — спустя всего три месяца после смерти Сталина. Споры по поводу дальнейшей судьбы ГДР стали как бы лакмусовой бумажкой, которая проявила новую ситуацию. Берия, уже видя себя хозяином положения, приступил к осуществлению важнейших шагов во внутренней и внешней политике. Шагов, повторяем, совершенно неслыханных, невероятных для СССР образца 53-го года. На своих кремлевских коллег он почти не обращал внимания, о чем говорили, в частности, его первые (предварительные) шаги по объединению Германии, предпринимаемые без их согласия. Его мысли и планы были уже обращены в будущее...

А тем временем в стане его соперников все обстояло наоборот. Экономика, внешняя политика, прочие проблемы в эти первые послесталинские месяцы были для них где-то на заднем плане. Все их силы, внимание, помыслы вольно или невольно концентрировались вокруг проблемы Берии. Этим и объяснялась их «уступка» Берии (впрочем, весьма не-

значительная) в вопросе о ГДР. Ради собственного благополучия они в принципе могли бы и по-настоящему согласиться на план Берии (объединение Германии) — лишь бы усыпить его бдительность, а затем ликвидировать.

Но события в ГДР разворачивались все быстрее и быстрее. Через агентуру Берии (а возможно, и по другим каналам тоже) в страну просочились сведения о решении Москвы убрать Ульбрихта. Не исключено, что и посол Семенов вел двойную игру: выполнял и задание Берии, и поручения, которые наверняка дал ему Молотов по мидовской линии. В середине июня волна забастовок охватила едва ли не всю Восточную Германию. 17-го числа, после того как Ульбрихт в резкой форме заявил, что правительство не намерено поднимать заработную плату (это было основным требованием бастующих), в Берлине и ряде других городов ГДР начались уличные волнения.

Ульбрихт в панике обратился за помощью к Семенову и генералу А. А. Гречко, незадолго до этого возглавившему Группу советских войск в Германии. Семенов немедленно связался с Москвой и получил разрешение на применение войск. Против восставших были брошены танковые и пехотные части. В считанные часы спокойствие было восстановлено, как принято говорить в таких случаях. Число погибших при этом немцев до сих пор неясно: называют разные цифры, вплоть до двух-трех тысяч.

Неясно и кто дал санкцию Семенову и Гречко применить против восставших силу. В те годы эта мера выглядела естественной и логичной: нечего посягать на социалистический строй! А в последнее время и в этом стали обвинять Берию. Но ведь подобный шаг перечеркивал бы его план — создание единой Германии, нейтральной и в то же время дружествен-

ной к СССР. А разве стали бы западные немцы (да и восточные тоже) «дружить» с теми, кто привык решать спорные вопросы языком танковых снарядов и гусениц? Нет, это могли сделать только противники Берии и его замысла. Исходя из должностей и расстановки сил, приказ убивать немцев могли отдать только четыре человека: Маленков, Хрущев, Булганин или Молотов. Кто-то из них, а возможно, и все вместе. А Берия — при всем своем реальном весе — формально был лишь *заместителем* Маленкова и министром *внутренних* дел, которые потому так и называются, чтобы не путать их с *внешними*.

Жестокое подавление едва начавшегося восстания в ГДР показало всему миру, что и без Сталина советский режим не собирается никому уступать и от чего-либо отказываться. Но эта акция открыла глаза и Берии, наконец-то оценившему, насколько «возмужали» и сделались способными на решительные и самостоятельные действия его коллеги, еще недавно впадавшие в транс, скажем, от слегка повышенного тона или чуть подозрительного взгляда Сталина. Прозрение пришло слишком поздно: выступление против Берии отделяли от событий в ГДР лишь считанные дни...

Что же еще он успел сделать или хотя бы начать за эти три с половиной месяца, отсчет которых пошел со дня смерти Сталина? По инициативе Берии 27 марта было принято решение о широкой амнистии, итогом которой стало, как теперь известно, освобождение 1 миллиона 181 тысячи заключенных. Широко распространена версия, гласящая, что в результате этой амнистии страну наводнили банды уголовников, терроризировавшие рядовых граждан. Но читатели старшего поколения еще вполне способны сравнить степень правопорядка и защищенности граждан в 53—54-м годах с тем, что происходит в

России и других постсоветских государствах сейчас, на исходе XX века. Уголовники (кроме тех, которых приговаривают к расстрелу) выходили из тюрем во все времена, и, как показывает практика, далеко не каждый из них возвращается к прежним занятиям. Действительно, немало уголовников оказалось на свободе в результате «бериевской» амнистии. Однако на общую обстановку в стране это не повлияло. Основную же массу амнистированных составляли люди, осужденные за малозначительные преступления (хозяйственные, бытовые, мелкое мошенничество и т. д.) и не представлявшие опасности для общества.

Одновременно Берия — именно он, а не хрущевское руководство! — начал пересмотр дел политических заключенных, которых в силу тогдашней практики нельзя было освободить по амнистии. Как и в 38—39-м годах, его приход к руководству ведомством внутренних дел ознаменовался освобождением несправедливо осужденных или томящихся в тюрьмах без суда («дело врачей», «мегрельское дело» и т. д.), а вовсе не одних уголовников, как кое-кто пытается изобразить это сегодня. К сожалению, Берия даже не успел в полной мере развернуть эту работу, а те, кто ниспроверг и уничтожил его, еще долгие полтора-два года, занятые дележом власти, «не успевали» начать широкую реабилитацию. Кто ответит, сколько тысяч невинных умерли за это время в лагерях и тюрьмах, сколько навсегда потеряли здоровье?

Как министр внутренних дел Берия предпринял меры и по общему оздоровлению обстановки в лагерях. Уже 17 марта (не прошло и двух недель со дня смерти Сталина!) он направил на имя Маленкова пространную записку со своими предложениями на этот счет. И буквально на следующий день на осно-

вании этой записки Совмин передал ГУЛАГ со всем его гигантским аппаратом, «клиентурой» и прочим в ведение Министерства юстиции. Тогда же многочисленные строительные управления и главки, подчиненные МВД, были распределены по более подходящим для такой роли министерствам. Были сделаны и шаги по смягчению режима содержания заключенных, их быта. (Сразу же после устранения Берии все было спешно возвращено в прежнее положение, и только освобожденные, естественно, остались на свободе.)

Разве это не опровергает расхожого мнения, будто бы Берия в те короткие три месяца всячески стремился сосредоточить в МВД необъятную власть, едва ли не поставив свое министерство над правительством и ЦК партии? Напротив, он, как видим, старался избавить МВД от излишних функций и нагрузок, даже от тех, которые создавали видимость всемогущества. Для чего? Чтобы сделать МВД, исходя из здравого смысла, чисто правоохранительным ведомством. Между прочим, параллельно с амнистией, о которой говорилось выше, Берия заранее дал распоряжение подчиненным ему войскам МВД (не говоря уже о милиции) об усиленном патрулировании в крупных городах, а также в районах, примыкающих к основным местам заключения — то есть там, где наплыв амнистированных мог быть наиболее велик. И в результате малейшие нарушения общественного порядка освобожденными уголовниками быстро и решительно пресекались. Тем не менее легенды о каком-то уголовном терроре, последовавшем за «бериевской» амнистией, порой можно услышать и в наши дни.

Почти два столетия назад, в марте—июне 1815 года, Наполеон, бежав из ссылки и ненадолго вновь воцарившись во Франции, за этот короткий срок на-

столько поразил мир фейерверком удивительных свершений, что возник даже специфический термин — сто дней. С тех пор деятельность видных политиков, дипломатов, военных часто оценивают именно такой меркой. Что ты успел сделать за свои первые «сто дней»? И чего ты, собственно, стоишь, если за такой срок не сумел ничем себя проявить?

История человечества порой преподносит нам такие удивительные совпадения и параллели, что поневоле можно поверить то ли в нечистую, то ли в какую-то еще потустороннюю силу. Через 138 лет после Наполеона история выделила Берии не только те же самые сто дней (примерно), но и расположила их практически на том же временном отрезке, март—июнь. Фантастика! Конечно, это были совершенно несхожие фигуры: разные судьбы, разный уровень карьеры, разные масштабы личности (Наполеон, разумеется, был помощнее). И в то же время их роднит и неумная, бьющая через край энергия, и стремительный, порой бешеный ритм деятельности, да, наконец, и это мистическое совпадение — сто дней!

Будь объем этой книги побольше, можно было бы рассказать едва ли не о каждом из этих дней (документы, мемуары и исследования дают такую возможность), — и мы не обнаружили бы *ни одного*, который не нес бы на себе печати его, Берии, дел. Еще важнее другое: *ни к одному* из этих дел невозможно прилепить тех отвратительных и лживых ярлыков, которыми пестрит официальный миф о Берии.

9 марта, в день похорон Сталина, никому и в голову не пришло вспомнить, что это был еще и день рождения Молотова (ему исполнилось тогда 63 года). Да и как вспомнить? Подойти и сказать: «Поздравляю, Вячеслав Михайлович»? В такой-то день? Поэтому даже тем, кто помнил, и в голову не могло при-

ти высовываться с поздравлениями. Как говорится, себе дороже...

Вот закончился траурный митинг на Красной площади, Сталина занесли в Мавзолей, небольшим парадом протопали по брусчатке воинские части Московского гарнизона. Осиротевшие руководители партии и правительства спустились с трибуны, зашли в Мавзолей и скорбно постояли у двух саркофагов — старого и совсем нового. Потом спустились еще ниже: там было нечто вроде комнаты отдыха, буфет, телефоны и прямой подземный ход почти во все кремлевские здания. У буфета поставили длинный стол — тут же и устроили этакий поминальный фуршет (чуть позже в Кремле будут поминки покруче). Что-то сказали, выпили, закусили. Еще раз. И еще. И вдруг Берия, плеснув себе в рюмку вина, сказал:

— Ладно, поговорили о грустном и еще потом поговоримся. А сейчас предлагаю выпить за здоровье нашего товарища Вячеслава Михайловича Молотова. Ведь его мама ничего дурного не имела в виду, когда рожала сына в такой вот день. Тогда-то наш дорогой товарищ Сталин был еще жив, здоров и полон сил. Желаем и тебе, Вячеслав Михайлович, крепкого здоровья, сил, бодрости и долгих лет жизни. Товарищ Сталин рановато нас оставил, но даже до его скромного возраста у тебя еще десять лет в запасе. Твое здоровье!

На какой-то миг все оцепенели. А потом на лицах появился легкий намек на улыбки, к Молотову потянулись руки с бокалами — чокнуться. А Берия, подойдя вплотную, шепнул:

— Вечером никуда не собираешься? Вот и хорошо: сиди дома, привезу тебе подарок.

«Подарком» оказалась жена Молотова, П. С. Жемчужина, арестованная по личному приказу Сталина еще в феврале 49-го года. Обвинили ее в «еврейском

буржуазном национализме», а «доказательством» послужило то, что Жемчужина любила бывать в Еврейском театре, общалась с его актерами, в том числе и с Михоэлсом. А пару раз она даже появлялась в театре в компании Голды Меир, которая тогда была послом Израиля в Москве. Шпионаж налицо! Между прочим, незадолго до ареста Жемчужиной Сталин приказал Молотову развестись с женой: нужно, мол, для интересов партии. И Молотов повиновался!

Став министром внутренних дел в день смерти Сталина (первый из «ста дней»), Берия немедленно распорядился доставить Жемчужину в Москву из Кустаная (Казахстан), где она отбывала ссылку. Через несколько дней ее привезли, и вечером 9 марта Берия на своей машине отвез ее к мужу.

К началу апреля он также освободил (помимо врачей и «мегрелов») всех чекистов, которых Абакумов, а затем Рюмин пытались пристегнуть к мнимому «сионистскому заговору» в МГБ. На свободу вышли подлинны профессионалы разведки Эйтингон, Райхман, Белкин и многие другие. Тогда же был освобожден и известный историк И. М. Майский, которого Сталин заподозрил в связях с английской разведкой («основание»: Майский в 1932—1943 годах был послом СССР в Лондоне) и с сионистами.

С Майским, кстати, Берия связывал большие планы. Хотя ученому и дипломату было тогда уже 69 лет, его международные связи позволяли по неофициальным каналам прощупывать истинную реакцию Запада на изменения в политике кремлевского руководства (прежде всего на те новые шаги во внешней политике, которые уже начал осуществлять Берия). Контакты с Майским по этому поводу Берия поручил вести Судоплатову: они были хорошо знакомы, а жены Судоплатова и Майского даже дружили. Но когда

Судоплатов предложил использовать в этом же ключе и освобожденную жену Молотова, у которой ранее еще по линии Еврейского антифашистского комитета завязались «нужные» для подобных дел связи, Берия решительно заявил:

— Нет! Жемчужину в наших операциях мы использовать не будем! Ей уже и так досталось, пускай приходит в себя.

Но времени у Берии оставалось слишком мало. Профессиональные разведчики до его ареста (или убийства) едва успели сделать первые шаги по популяризации на Западе бериевских инициатив. Что же касается Майского, то на него заключение подействовало настолько пагубно, что сознание старика помутилось. Он категорически отказался ехать домой, настаивал, что является шпионом Англии, США и Японии (так говорилось в материалах его «дела»). Тогда Берия распорядился временно поселить ученого в одной из комнат отдыха здания МВД на Лубянке, куда попросили переехать и его жену, чтобы успокоить больного. Майский был так запуган и измучен всем предыдущим, что даже не верил в смерть Сталина: считал это хитроумной уловкой следователей, призванной окончательно запутать его. А когда Майского пригласили в кинозал и показали хроникальные кадры прощания со Сталиным в Колонном зале и его похорон, несчастный старик заявил, что не поддается и на эту «инсценировку».

В мифе о Берии и история с Майским (конечно, в искаженном виде) упоминается для пущего обвинения «садиста и палача». Но арестовали ученого при Игнатьеве, пытали его Рюмин со своими подручными, а Берия освободил, едва возникла такая возможность. Правда, рассудок Майского прояснился не скоро, а тогда он так и не успел выйти из лубянской комнаты отдыха. А как только Берия был ниспровер-

гнут, Молотов (он мгновенно «забыл», что Берия освободил его жену) настоял на повторном аресте Майского. Не зная сути задуманной Берией операции, Молотов решил, что Майского хотели сделать министром иностранных дел: а ведь к тому времени этот ключевой пост вновь закрепился за Молотовым. И бедолаге Майскому пришлось еще некоторое время промучиться в заключении. Но виноват в этом, естественно, не Берия, а творцы мифа о нем: Молотов, Хрущев, Маленков и другие.

Впрочем, при желании и названные выше шаги Берии можно истолковать по-своему. Освободил врачей и «мегрелов»? Это для саморекламы, для дешевой популярности! Освободил Жемчужину? Понятное дело: для перетягивания на свою сторону Молотова! Освободил Майского? Да просто потому, что хотел его использовать! И так далее... Но известно, например, что Берия в самом начале «ста дней» категорически запретил пытки и избиения, *официально* введенные в обиход Сталиным еще в 30-е годы. А ведь это было строго секретной, внутренней директивой, которая, таким образом, никак не вписывается в «поиски дешевой популярности». Пытки, как ни печально это признавать, почти всегда быстро давали «нужный» результат. Так что если бы Берия был тем чудовищем, которым его пытаются изобразить, он по крайней мере не отменял бы пыток, а то и распорядился бы ужесточить их. Нет, этот его шаг нельзя объяснить никакими «деловыми» соображениями, это был гуманный, *человеческий* поступок, лишенный всяких задних мыслей.

Другой пример подобного рода: при Сталине был арестован не только профессиональный разведчик Эйтингон, но и его сестра-врач, одна из «первых ласточек» для исподволь готовившегося «дела врачей». Но потом ее судили отдельно и дали десять лет

тюрьмы за мнимый «отказ» лечить пациентов-неевреев! Кого волновала судьба какой-то Софьи Эйтингон — это ведь не жена Молотова! Однако Берия, узнав о ней от Судоплатова, приказал немедленно освободить ее. Но гипноз мифа о Берии настолько силен, что даже сам Судоплатов, не так давно незадолго до смерти успевший опубликовать интересные воспоминания, объясняет освобождение С. Эйтингон и многих других «амбициозными планами Берии»!

Специфика всякой эпохи накладывает властный отпечаток на массовое сознание. Казалось бы, думаем мы сегодня, что в этом исключительного — освободить невинных? Но ведь и после смерти Сталина, вплоть до распада СССР, наше государство крайне неохотно признавало свои «отдельные ошибки». Даже кампания массовых реабилитаций при Хрущеве (которую, как уже говорилось, фактически начал Берия) сопровождалась разъяснением: мол, советская власть тут ни при чем, во всем виноваты Сталин и Берия. Сам же Берия освобождал людей без подобных оговорок и вообще без какой-либо трескотни. И только при освобождении «врачей-убийц» было сообщено (кстати, без всякого влияния на то Берии), что виновно в их злоключениях «бывшее руководство МГБ во главе с Игнатьевым».

Кстати, Берия на Пленуме ЦК, состоявшемся 2 апреля (то есть буквально накануне освобождения врачей), ясно заявил, что Игнатьев был лишь исполнителем злой воли Сталина, который лично давал указания об арестах и постоянно настаивал на применении как к врачам, так и к прочим «строптивым» заключенным жестоких пыток. Это было первым публичным обвинением Сталина, сделанным менее чем через месяц после его смерти. Никто, кроме Берии, еще около трех лет (до закрытого доклада Хру-

щева на XX съезде партии) не отваживался произнести такого. Материалы этого Пленума до сих пор в значительной мере остаются засекреченными.

Берия понимал, что в структурах власти, сложившихся в сталинскую эпоху, огромную роль играют карательные органы, а также армия. Кто их контролирует, тот и держит в своих руках бразды правления. Это были правила игры, придуманные не Берией, но ему не оставалось ничего другого, как принять их. Как известно, в течение «ста дней» Берия старался укрепить руководство союзного и республиканских МВД верными ему людьми (мы еще вернемся к этому ниже). Но мало кто знает, что еще при жизни Сталина подобные шаги начал предпринимать Хрущев. Ему удалось ввести в руководство МГБ и МВД нескольких человек, которых он хорошо знал по работе на Украине и всегда мог рассчитывать на их поддержку. Наиболее влиятельным из них был И. А. Серов, далеко не во всем механически выполнявший поручения своего высокого покровителя. Тем не менее Хрущев в целом был доволен Серовым и, судя по всему, в определенной мере использовал свои связи с ним при расправе над Берией. Во всяком случае, в дальнейшем Хрущев поставил Серова во главе восстановленного ведомства госбезопасности (оно стало называться КГБ), но спустя несколько лет все-таки уволил, заменив А. Н. Шелепиным.

Конечно, Берия после смерти Сталина предпринял куда более последовательную и основательную «перетряску» руководства МВД (в то время, как вы помните, включившего в себя и исчезнувшее МГБ). Однако двигало им при этом не столько стремление расставить повсюду «своих» людей (что, впрочем, вполне естественно: как же можно опираться на тех, кому не доверяешь?), сколько желание избавиться

от «балласта», от аппаратчиков, ничего не смыслящих в профессиональной стороне чекистского дела. А в республиканских МВД он за свои «сто дней» успел поменять едва ли не все руководство, стремясь везде отдавать приоритет местным кадрам.

Это тоже будет поставлено ему в вину: ведь негласная суть «ленинской национальной политики» состояла в том, чтобы во всех республиках ключевые должности в партийных и карательных органах занимали русские. О причине догадаться нетрудно: в Кремле как огня боялись роста национализма в республиках, в котором, по мнению центрального руководства, таилась опасность отделения от СССР. А уж если бы партийные и чекистские структуры оказались в руках «националистов», то призрак развала СССР, материализовавшийся в конце 91-го года, обрел бы плоть и кровь значительно раньше.

Берии, конечно, и в страшном сне не могло привидеться такое. Он как раз преследовал обратную цель: приводя к руководству республиканскими МВД украинцев, грузин, молдаван, литовцев, казахов и т. д., Берия не без оснований полагал, что это укрепит доверие в республиках к центру. Между прочим, отзывы с мест, успевшие поступить за бериевские «сто дней» (потом, разумеется, все умолкло), убедительно подтверждали правильность такой стратегии: люди верили, что период ущемления и подавления всего национального уходит в прошлое.

Берия обдумывал и совсем уж немислимую по тем временам возможность создания национальных воинских формирований. Все мы отлично помним, что в советское время подавляющее большинство призывников из национальных республик отправляли служить куда угодно, только бы подальше от родных мест! Даже, например, в подростке-киргизе, в жизни не видевшем автомата, усматривали угрозу грядущей

щего нашествия вооруженных орд на Москву. А Берия предложил создавать целые национальные полки и даже дивизии. Когда в Москву вернулся маршал Жуков, назначенный первым заместителем министра обороны, Берия сразу же пригласил его в гости. Среди прочего зашел разговор и о национальных частях.

— Да ты что, Лаврентий! — засмеялся Жуков. — Стоит только появиться таким частям на Украине или, к примеру, в твоей Грузии — и все, армии крышка! А потом и Союзу!

— А вот при царе этого не боялись, — спокойно заметил Берия. — Были и украинские части, и литовские, и кавказские... Почему ты считаешь, что это развалит Союз? Вот ты, Георгий, командовал армиями и фронтами, и большинство там были русские. Ну, а если бы все твои солдаты были русскими, ты что же, повел бы их на украинцев или на грузин? Чушь!

Разумеется, дальше разговоров дело не пошло. И не из-за недостатка времени у Берии, а потому, что сама идея тоталитарного государства исключала такое даже в перспективе. Да и коллеги Берии совсем не горели желанием приветствовать и поддерживать предлагаемые им новшества. Если в случаях с разоблачением «дела врачей», началом реабилитаций и объявлением амнистии налицо были определенные тактические выгоды не для одного Берии, а для всего руководства, то все прочие предложения человека в пенсне были непонятны и воспринимались в штыки «товарищами по партии».

В то же время их все больше пугала и неуемная активность Берии, и очевидный рост его авторитета в народе в результате демократических шагов по линии МВД. Настораживало кремлевских лидеров и то, что Берия все чаще позволял себе неуважительные высказывания о Сталине. Нет, дело было совсем не

в том, что их беспокоила посмертная репутация вождя: они «любили» его в буквальном смысле слова «до гроба» — то есть пока он был жив. Но если бы Берия стал известен в народе еще и как разоблачитель Сталина, это еще больше повысило бы его акции.

Незадолго до Первомайского праздника кинорежиссер М. Чиаурели, поставивший ряд известных картин, прославлявших Сталина («Клятва», «Падение Берлина», «Сталинградская битва» и др.), приехал на дачу к Берии, где он уже не раз бывал. Пятикратный лауреат Сталинских премий, нацелившись получить еще одну, привез Берии киносценарий С. Нагорного, где Сталин восхвалялся как борец с американским империализмом. Но Берия, слегка пролистав сценарий, швырнул его в руки перепуганному режиссеру и воскликнул:

— Забери это дерьмо! Тебе не надоело писать об этом сукином сыне? Ты разве не знаешь, что Сталин был негодяем и тираном? Он всех нас держал в страхе, весь народ запугал! Только на страхе и держался! Спасибо Богу, что помог нам избавиться от него!

Чиаурели был в таком шоке, что кое-кому рассказал об этом невероятном разговоре. Вероятно, именно после этого Хрущев понял, что медлить больше нельзя. И от туманных разговоров с коллегами по поводу Берии он переходит к решительным действиям по формированию заговора против него. Был и удачный повод: как раз в эти же дни Берия сказал Хрущеву:

— Слушай, Никита, все мы под Богом ходим, все можем в любой момент умереть. Не пора ли о семьях подумать, о детях? Я хочу предложить построить персональные дачи, которые будут считаться государственными, но после смерти владельцев отойдут в собственность их семьям. Только строить лучше не в Под-

московье, а где-нибудь на юге... вот в районе Сухуми, например. Ты бывал в Сухуми, Никита? А я ведь там жил! Это потрясающий город! А какие там персики, какой виноград! Первым делом построим дачи Егору Маленкову и тебе, потом — Молотову, Ворошилову, ну, и остальным.

В тот же вечер Хрущев рассказал об этом Маленкову по дороге на дачу (они жили рядом) и добавил:

— Он же все это для провокации делает, чтобы наш авторитет подорвать! Разве коммунист может такое предлагать?

— Ну какая там провокация, что ты... — вяло ответил Маленков.

— Говорю тебе, провокация! Давай мы пока с ним спорить не будем, но решать ведь что-то надо! И не надейся на свою дружбу с ним! Он ведь и не подумал помочь тебе, когда Сталин тебя зашвырнул в Среднюю Азию. А теперь он сам метит на сталинское место! И мы не должны этого допустить! Иначе он никого не пощадит!

Таких разговоров было несколько, и в конце концов Маленков согласился, что Берию «надо убирать». Каким образом? Ну, об этом-то условиться никогда не поздно. Для Хрущева было главным решить вопрос в принципе. Вскоре было получено согласие на устранение Берии и от Булганина. Когда Хрущев заговорил с Молотовым, тот, как истинный дипломат, спросил, кто уже согласился. Услышав ответ, Молотов задумчиво сказал:

— Так-так... Маленков, Хрущев, Булганин... А если еще и Молотов, то очень сильная группа получается. Да, товарищ Хрущев, правильно ты поднял этот вопрос. Я с вами полностью согласен и вас поддерживаю. Ну, и что же вы намерены делать?

— Ну, мы пока о конкретных шагах не говорили, — неопределенно ответил Хрущев. — Первым делом,

конечно, надо будет освободить его от всех постов...

— Этого мало! — перебил его Молотов. — Берия слишком опасен... если мы оставим его на свободе, у него и без всяких постов огромные возможности.

Но Хрущев и сам прекрасно это понимал. Просто он уже тогда сделал ставку на помощь военных и считал, что с ними и обсудит, так сказать, в рабочем порядке все «технические» детали. Затем были «обработаны» Каганович, Микоян (осторожный кавказец всегда умел делать оптимальный выбор), наконец, и Ворошилов, очень боявшийся, что Берия всех перехитрит и жестоко с ними расправится.

Все эти переговоры велись скрытно, втихомолку. И тем не менее Берия, при его огромном опыте работы в органах, разумеется, почувствовал, что у него за спиной идет какая-то возня. В мае и июне он направил в республиканские МВД доверенных лиц, которым надлежало обеспечить — в случае непредвиденного поворота ситуации — оперативную переброску войск МВД в район столицы. В частности, на Грузию, являвшуюся основной опорой Берии, он возлагал особые надежды. Во главе МВД Грузии тогда стоял Деканозов, а его заместителем был генерал Шалва Церетели, знакомый Берии еще со времени их совместной отсидки в кутаисской тюрьме. Конечно, в трудную минуту они не подвели бы Берию.

Однако можно ли говорить о том, что Берия все-таки намеревался прибегнуть к вооруженной силе *первым*, то есть попытаться осуществить военный переворот, в чем его обвинили позднее? Никаких оснований для этого нет. Берия страховался именно на случай *защиты* от становившегося все более вероятным нападения «коллег» на него. Хорошо известно, что нападающий, тот, кто старательно готовится именно к нападению, а не к обороне, как минимум в начале стычки получает определенные пре-

имущества. Так бывало во всех войнах, в том числе и в Великой Отечественной, когда сам факт хорошо подготовленного нападения обеспечил Германии первые успехи. Поэтому то, что группировке Хрущева удалось так быстро и практически безболезненно расправиться с Берией, является *косвенным* свидетельством их (а не Берии!) инициативы в нанесении удара.

Но есть и более конкретные данные на этот счет. Подполковник А. Скороходов в июне 53-го года замещал убывшего в отпуск командира зенитного артполка, расквартированного под Москвой. 20 июня он получил по телефону приказ от начальника штаба артиллерии Московского округа: срочно выслать к шоссе, ведущему к столице, два грузовика с автоматчиками (по 30 человек в машине), а также развернуть близ шоссе на огневых позициях несколько зенитных батарей. Скороходов выполнил приказ, и названные части трое суток провели в состоянии боевой готовности. Однако ни наземных, ни воздушных целей так и не появилось. А затем людей и зенитные орудия вернули в распоряжение подразделения.

Чем же объяснить эти загадочные действия? Видимо, вовсе не стремлением преградить дорогу каким-то мифическим танкам, самолетам или спецэшелоном (ибо они так и не появились), а намерением обеспечить проход к Москве войск, поддерживавших группировку Хрущева. Тот же Скороходов свидетельствует, что при подходе к шоссе он успел заметить какую-то колонну танков, стремительно промчавшуюся в направлении столицы. Есть и немало других свидетельств, что в последние дни июня (еще до 26-го числа) на улицах и площадях столицы, к изумлению москвичей, появились танки и бронетранспортеры. Они были вызваны в город по приказу ми-

нистра обороны Булганина, который в силу своей должности стал одной из ключевых фигур в заговоре против Берии.

Очень много туманного и в описании последних дней, предшествовавших ниспровержению Берии. Так, излишне большое внимание исследователи уделяют роли первого секретаря Львовского обкома партии З. Т. Сердюка и начальника областного управления внутренних дел Украины Т. А. Строкача. Они, как и ряд других руководящих сотрудников украинского ЦК и МВД, были ставленниками Хрущева, тогда как Берия опирался на П. Я. Мешика, поставленного им во главе МВД Украины. В начале июня Сердюк и Строкач сообщили Хрущеву, что поведение Берии изменилось в худшую сторону, стало «диктаторским». Строкач даже высказал предположение, что Берия собирается «захватить власть». Основанием для этого послужило предложение Берии провести ширококомасштабные учения войск МВД. Но подобные учения были не таким уж редким явлением, а при наличии желания и фантазии связать их можно было с чем угодно — хотя бы с необходимостью укрепить боеготовность войск МВД в связи с массовой амнистией.

Тем не менее в ряде работ утверждается, что именно «предупреждение» Сердюка и Строкача сыграло решающую роль в подготовке устранения Берии. Хрущев будто бы понял, что наступает цейтнот, и ускорил проведение окончательной акции. Но это полная нелепость, в частности, по той причине, что Хрущев с момента смерти Сталина внимательнейшим образом следил за всеми шагами Берии, анализировал их, а помощь провинциальных чиновников имела для него второстепенное значение. В подготовке акции против Берии во всей своей широте проявились блестящие организаторские спо-

собности Хрущева, которого, с легкой руки Сталина, многие кремлевские небожители держали за эдакого Иванушку-дурачка. Впрочем, Хрущев и сам охотно поддерживал этот имидж: он помогал ему усыпить бдительность и Сталина, и тех лиц из его окружения, которые могли бы посчитать Хрущева опасным соперником. Но какой же соперник из этого простодушного сталинского шута? На эту же удочку в конечном счете попался и Берия, возможно, и не так примитивно оценивавший Хрущева, но все же не считавший его ровней себе.

Видимо, по этой причине в свои «сто дней» Берия весьма активно действовал на Украине, негласно считавшейся вотчиной Хрущева даже при жизни Сталина и уж тем более после его смерти. И хотя эти действия вряд ли породили у Хрущева мысль о мнимом «заговоре Берии», они еще раз подтвердили, что Берия считает себя таким же полновластным «хозяином» страны, каким был покойный Сталин. Так, когда упоминавшийся Сердюк едва не захватил здание детского сада для детей сотрудников МВД Украины, намереваясь поселиться там с семьей, Мешик, получив по телефону согласие Берии, окружил особняк цепью солдат и отогнал захватчиков. По указанию Берии Мешик заставил аппаратчиков МВД учить украинский язык и настоятельно советовал первому секретарю ЦК Компартии Украины Л. Г. Мельникову ввести у себя такую же практику. Все это еще больше обострило конфликт между сторонниками Берии и Хрущева.

В те дни Берия совершил еще один невероятный для того времени шаг: он освободил из сибирской ссылки двух сестер лидера украинских националистов С. Бандеры и распорядился привезти их в Москву. В дальнейшем Берия планировал переправить сестер к брату (Бандера жил тогда в ФРГ), чтобы они

передали ему его личное послание, в котором Бандере предлагалось убедить своих многочисленных сторонников отказаться от борьбы с советской властью. В обмен на это Берия был намерен гарантировать Бандере возможность безопасного возвращения в СССР, а также обеспечить ряд мер по национальному развитию Украины. Эту акцию Берия готовил совершенно секретно, поэтому в список обвинений против него попытка наладить контакт с Бандерой не вошла.

Наступали последние дни жизни Берии на свободе (или его жизни вообще). Пройдет совсем немного времени, и его в числе прочего обвинят в свертывании работы зарубежной разведки. Но и это будет ложью: в начале мая на совместном совещании руководства разведслужб МВД и Министерства обороны он внес ряд предложений, направленных на принципиальную перестройку работы разведки. Во-первых, он предложил разграничить сферы деятельности: имелось в виду, что агентура МВД будет заниматься сбором информации, а все оперативные акции будут переданы военной разведке. Во-вторых, Берия предложил резко усилить поддержку разведслужб по линии МИДа, Министерства внешней торговли, ТАСС и прочих советских зарубежных организаций. Это уже вошло в практику всех разведок мира, а через некоторое время и советская разведка стала широко пользоваться таким методом (но никто, естественно, не вспомнил, кто был инициатором этого). Берия также приказал подготовить план диверсий против баз снабжения авиации и флота США и НАТО в Европе на случай обострения международной ситуации. Подобные планы, заметим, также существуют у всех ведущих разведок, и с профессиональной точки зрения — это вполне логично и обоснованно. На совещании бы-

ли предварительно обсуждены и конкретные детали таких превентивных диверсий.

А в конце мая по заданию Берии бомбардировщик, оборудованный специальным устройством, которое блокировало работу локаторов, совершил пробный облет берегов Норвегии, Англии и Франции. При этом самолет приближался к стратегическим объектам НАТО и занимал условную позицию для бомбардировки. Затем бомбардировщик вернулся на советский аэродром на севере ГДР, так и не замеченный натовскими средствами ПВО. Забегая вперед, отметим, что в «деле Берии» этот полет фигурировал как... подготовка к побегу Берии за границу!

Между тем приблизился роковой день — 26 июня 53-го года. Порой пишут, что Берия в это время летал в ГДР, чтобы наблюдать за итогами подавления восстания. И его будто бы вызвали прямо оттуда и с Внуковского аэродрома (вариант: с Центрального аэродрома на Ленинградском шоссе) Берия на своей машине проследовал в Кремль, где и был арестован (либо убит). На самом же деле в ГДР Берия летал несколько раньше, а в роковой день он ночевал на своей подмосковной даче и утром, ничего не подозревая, выехал в Кремль.

Глава 10

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА БЕРИИ

Ах, как стремительно летит время! В то знойное лето 53-го года (в известном кинофильме его потом назовут «холодным», но это лишь потому, что действие там происходило где-то на Севере), полное тревог и неясных надежд, трудно было представить, что и эта жара, и новехонькая высотка на площади Восстания, рядом с бериевским особняком, и тополиный пух, безжалостно вмятый в раскаленный асфальт гусеницами внезапно появившихся на улицах Москвы танков, через какой-то миг, проблеск вечности станут далекой-далекой историей. Но дело даже не в чистой арифметике: ведь 45 лет, которые отделяют нас от того переломного года, в иные времена и эпохи могли бы промелькнуть и вовсе незаметно. Кто сейчас (кроме разве что школьников, выходящих с экзамена) знает, когда жил Диоген или, к примеру, Спартак, Мухаммед, Кромвель? Не рядовые, между прочим, личности, да и эпохи, в которые они жили, иначе, как грандиозными, и не назовешь. Их современникам, как и нам, наивным, тоже наверняка казалось, что важнее и значительнее их времени и быть ничего не может. Как же...

Но 45 лет, миновавшие после смерти Сталина и падения Берии, вместили в себя несколько эпох:

хрущевская «оттепель», снова «похолодание» и так называемый застой, разрядка и ее крушение, приход к руководству страной Горбачева и перестройка, распад СССР, водоворот ельцинских реформ, в которых еще предстоит разобраться историкам и политологам будущего... И молодым людям, родившимся, скажем, году в 70-м или позже, имена Берии и Сталина, Маленкова и Хрущева уже представляются замшелой древностью.

Между тем все это было совсем недавно. И читателям старшего поколения нетрудно будет вспомнить приметы первых «послесталинских» месяцев. Да, было неясное ощущение тревоги (а вдруг без «вождя и учителя» начнется хаос, неразбериха?), но была и столь же неясная поначалу «распеленатость», быстро сменившаяся ожиданиями, надеждами, что напряженная атмосфера железной эпохи наконец-то смягчится. Первые признаки этого смягчения уже появлялись (самым значительным из них было, конечно, крушение пресловутого «дела врачей»), и люди, внимательно всматриваясь в строчки газет, пристально оглядываясь вокруг, старались отыскать все новые и новые приметы перемен. Даже в воениздатовской «Библиотечке военных приключений», начавшей издаваться, помнится, как раз в 53-м или в 54-м году, многие видели еще один знак большей открытости режима, «оттепели». В этих необычайно популярных тогда книжечках особым успехом пользовались повести Льва Овалова о майоре Пронине и Николая Шпанова про другого всемогущего сыщика, Нила Кручина. Эти чародеи без труда раскрывали любые тайны иностранных разведок.

Но ни им, ни кудесникам более поздних дней так и не удастся пока что разгадать, что же все-таки произошло на загадочном совместном заседании Президиумов ЦК и Совмина 26 июня 1953 года, в ходе ко-

того Берия был арестован и взят под стражу (а по мнению других, застрелен либо прямо на заседании, либо даже в своем особняке). Принято считать, что если об одном и том же событии двое рассказывают по-разному, — значит, один из них лжет. Если же разные версии одних и тех же событий предлагают сразу несколько человек, это будто бы означает, что правду говорит кто-то один, а остальные лгут.

А, собственно, почему мы так считаем? Разве не может быть так, что по каким-либо причинам лгут все, причем лгут именно для того, чтобы скрыть правду? Многочисленные версии ареста Берии, разнящиеся в общем-то в не столь уж существенных деталях, наводят на мысль, что тогда, 45 лет назад, авторам этих версий было предложено некое «либретто», на тему которого они и фантазировали, естественно, порой путаясь в подробностях. «Но зачем? — спросит недоверчивый читатель. — Не проще ли было бы в таком случае предложить им заучить четкий и *одинаковый* текст?» Нет, не проще: подобная одинаковость, полное (или почти полное) совпадение во всех мелочах всегда наводят на подозрение, что дело нечисто и перед нами хорошо срежиссированная инсценировка. А опытные, профессиональные «режиссеры» как раз и могли внести эту намеренную путаницу, чтобы опять же отвлечь внимание «зрителей» от единственно правдивого сюжета.

Попробуем повнимательнее всмотреться в основные версии, которыми мы располагаем. Наиболее известна из них версия Хрущева, запечатленная в его наговоренных на магнитофонную пленку, а затем опубликованных мемуарах. Хрущев утверждал, что решение о смещении Берии стало созревать у него после того, как тот принялся настаивать на отказе от поддержки ГДР и от политики «двух Германий». После этого Хрущев, так сказать, в сепаратном поряд-

ке вышел из состава условного «триумvirата» (Маленков — Берия — Хрущев) и, сохраняя дружбу с Маленковым, начал сближение и с другими лидерами, прежде всего с Молотовым и Булганиным. «Я понимал, — простодушно признавался Хрущев, — что Берия проводит двуличную политику, играет со мной, успокаивает меня, а сам ждет момента расправиться со мной первым...»

Расправиться первым! Хрущев по своей наивности высказал один из основных принципов игры в кремлевских коридорах власти, этой, как метко выразился Черчилль, «схватки бульдогов под ковром» — успеть первым доложить, первым донести, первым расправиться! Буквально во всем изловчиться хотя бы на мгновение опередить другого, других. Этот же принцип сработал и в случае с Берией, непозволительно долго присматривавшимся к вакантному сталинскому трону и в результате упустившим время.

А вот Хрущев в те дни времени даром не терял. Если верить чужеским запискам, Молотов считал именно его главным организатором «разоблачения» Берии: «Все-таки Хрущев тут был очень активным и хорошим организатором. В его руках была инициатива, он был Секретарем...» Как уже отмечалось, помимо Молотова и Булганина, Хрущева поддерживали Маленков, затем, поколебавшись, Микоян, а в конце концов и Ворошилов, у которого при новой расстановке сил не оставалось иного выбора.

На 26 июня было назначено очередное заседание Президиума Совмина. Однако в момент его открытия, когда уже все соберутся, планировалось объявить, что это заседание Президиума ЦК. Некоторые мемуаристы настаивают, что в итоге это оказалось совместным заседанием обоих Президиумов. Современному читателю и это может показаться малозначащей чепухой. Но, как вы помните, уже в послед-

ние часы жизни Сталина началось (почти наверняка по инициативе Берии) перемещение тяжести власти из партийных органов на государственные. Теперь же явно намечался обратный процесс — вернуть всю полноту власти в руки партии!

Но это было задачей последующих недель и месяцев. А тогда, 26 июня, главная цель была более прозаичной — «убрать» (выражение Хрущева) Берию. В самые последние дни перед заседанием — в основном в ночь на 26 июня — в Москву скрытно были введены дополнительные воинские части: заговорщики опасались, что Берия может пустить в ход подчиненные ему войска МВД. Да и не только опасались, но уже и будто бы получили сведения, что в окрестности Москвы перебрасываются подразделения войск МВД (в частности, из Закавказья). Словом, все говорило о том, что предстоит упорная и кровавая схватка.

Но почему-то она не состоялась. Уж не потому ли, что войска стягивали к столице только противники Берии, а сам он и не собирался этого делать? Слухи об эшелонах кавказских чекистов, уже во весь опор мчавшихся к Москве, но в последний момент остановленных то ли перерезавшими железнодорожную колею танками, то ли выброшенным с вертолетов десантом, ничем конкретным не подтверждаются. А поскольку эти слухи вполне соответствовали официальной версии о намерении Берии силой захватить власть, нетрудно догадаться, что источником их могли быть только его противники.

Итак, обратимся к различным версиям событий, разыгравшихся в Кремле в поистине переломный день — 26 июня. Начнем с хрущевской версии, изложенной в его мемуарах. Он утверждает, что сразу же попросил у открывшего заседание Маленкова слова «и предложил обсудить вопрос о товарище Берии. Берия сидел от меня справа.

Он сразу же востропнулся, взял меня за руку, посмотрел на меня и говорит:

— Что ты, Никита? Что ты мелешь?

Я говорю:

— Вот ты и послушай. Я об этом как раз и хочу рассказать».

Хрущев пересказал уже известную нам историю о Грише Каминском, исчезнувшем в подвалах НКВД после своего заявления о связи Берии с мусаватистской контрразведкой. Затем он сообщил участникам заседания о последних шагах Берии: предложении отказаться от насаждения социализма в ГДР и вообще от политики «двух Германий», перетрясках внутри системы МВД, связанных с расширением полномочий местных национальных кадров и т. д. Завершая свое выступление, Хрущев заявил:

— В результате действий Берии у меня сложилось впечатление, что он не коммунист, что он карьерист, что он пролез в партию из карьеристских побуждений. Он ведет себя вызывающе, недопустимо. Невероятно, чтобы честный коммунист мог так вести себя в партии.

После этого выступили Булганин, Молотов, Микоян. «Когда все высказались, — продолжает свой рассказ Хрущев, — Маленков, как председатель, должен был подвести итог и сформулировать постановление. Он, видимо, растерялся, заседание оборвалось на последнем ораторе. Получилась пауза». Хрущев, по его словам, понял, что надо срочно вмешаться. Он попросил у Маленкова слова и предложил освободить Берию, «в общем, от всех государственных постов, которые он занимал.

Маленков все еще пребывал в растерянности. Он даже, по-моему, не поставил мое предложение на голосование, а нажал секретную кнопку и вызвал военных, как мы условились. Первый зашел Жуков. За

ним — Москаленко и другие генералы. С ними были один или два полковника...»

Далее Хрущев несколько путано объясняет, что за Берию, мол, могли вступить верные ему чекисты и кремлевская охрана. «Поэтому и решено было привлечь военных. Вначале мы поручили арест Берии товарищу Москаленко с пятью генералами. Он и его товарищи должны были быть вооружены, и их должен был провезти с оружием в Кремль Булганин. В то время военные, которые приходили в Кремль, обязаны были в комендатуре сдавать оружие. Накануне заседания к группе Москаленко присоединился маршал Жуков и еще несколько человек.

Одним словом, в кабинет вошло не пять, а человек десять или больше.

Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову:

— Предлагаю вам, как председатель Совета Министров СССР, задержать Берию.

Жуков скомандовал Берии:

— Руки вверх!

Москаленко и другие даже обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал у него за спиной на подоконнике. Я Берию схватил за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле.

Потом проверили — никакого оружия у него не было ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал рефлекторное такое движение.

Берию сейчас же взяли под стражу...»

Так, повторяю, Хрущев пишет (точнее, говорит) в своих мемуарах. Но существует и несколько иной «хрущевский» вариант этого же эпизода, правда дошедший до нас в пересказе Ф. Бурлацкого, довольно популярного в недавнем прошлом публициста. Хру-

шев вдруг разоткровенничался на банкете, состоявшемся в Кремле в ноябре 1960 года по поводу закрытия Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Бурлацкий уверяет, что точно запомнил его слова: «И вот пришел на заседание. Сели все, а Берии нет. Ну, думаю, дознался. Ведь не сносить нам тогда головы. Где окажемся завтра, никто не знает. Но тут он пришел, и портфель у него в руках. Я сразу сообразил, что у него там! У меня на этот случай тоже было кое-что припасено...

Тут рассказчик похлопал себя по правому карману широкого пиджака и продолжал:

— Сел Берия, развалился и спрашивает: «Ну, какой вопрос сегодня на повестке дня? Почему собрались так неожиданно?» А я толкаю Маленкова ногой и шепчу: «Открывай заседание, давай мне слово». Тот побелел, смотрю, рта раскрыть не может. Тут я вскочил сам и говорю: «На повестке дня один вопрос. Об антипартийной, раскольнической деятельности агента империализма Берии. Есть предложение вывести его из состава Президиума, из состава ЦК, исключить из партии и предать военному суду. Кто «за»?» И первый руку поднимаю. За мной — все остальные. Берия весь позеленел — и к портфелю. А я портфель рукой цап! И к себе! Шутишь, говорю! Ты это брось! А сам нажимаю на кнопку. Тут вбегают два офицера из военного гарнизона Москаленко (я с ними договорился заранее). Я им приказываю: «Взять этого гада, изменника Родины и отвести куда надо». И тут Берия стал что-то бормотать, бормотать... А ведь такой герой был других за холку брать и к стенке ставить».

Ну, а теперь, как принято в детской игре с почти одинаковыми картинками, давайте искать отличия. В первом из приведенных вариантов (формально он более поздний) Хрущев утверждает, что ору-

зия при Берии не было, из второго же варианта следует обратное. Далее: вместо Жукова, Москаленко, прочих генералов и полковников («человек десять или больше») вбегают какие-то «два офицера». На заветную кнопку в одном случае нажимает Маленков, в другом — сам Хрущев. В первом варианте растерявшийся Маленков все же успевает открыть заседание, и, кроме Хрущева, выступают еще несколько человек. А в пересказе Бурлацкого Маленков вообще «рта раскрыть не может», и Хрущев сразу же предлагает снять Берию со всех его постов, а также — о чем в первом варианте и речи не было — предать военному суду как «агента империализма и изменника Родины».

Казалось бы, разница не столь уж и существенная. Ну, захотелось Хрущеву на банкете (вероятно, под влиянием национального русского напитка) поярче выпятить свою роль, вот он и «подсочинил» какие-то, по сути дела, мелочи. Желание выставить Маленкова таким растерявшимся остолопом тоже понятно: всего за три года до упомянутого банкета произошла известная история с «антипартийной группой», одним из заводил в которой был Маленков, — и обида Хрущева на дерзнувшего оспаривать его власть соперника была еще свежа. А вслед за «антипартийной группой» был отправлен доживать свои дни в отставке и Жуков, поэтому Хрущев, оставаясь у власти, попросту вычеркнул маршала из памяти. Но мемуары-то он диктовал в пору, когда сам оказался в положении опального Жукова, — вот и вспомнил о «коллеге»-пенсионере. А почему «десять или больше» генералов и полковников вдруг превратились в «двух офицеров»? Ну, мало ли почему... Скорее всего, потому, что Хрущев в принципе не любил армию и военных и не слишком заботился о точности при освещении их роли в низвержении злодея Берии.

Словом, все названные расхождения легко объяснимы. Но дело в том, что существуют и другие версии, приписываемые Хрущеву. Так, американский писатель Джон Фишер утверждал, будто бы Хрущев в беседе с «одним западным дипломатом» доверительно сообщил, что он, Хрущев, лично застрелил Берия на заседании 26 июня. В зарубежных исследованиях встречается и упоминание о каком-то французском сенаторе, побывавшем в Москве в мае 56-го года. По словам этого безымянного сенатора, Хрущев рассказал ему, что Берия в ходе загадочного заседания двух Президиумов отверг все обвинения в свой адрес. А когда по окончании заседания все, включая Берия, вышли в «предбанник», Микоян подкрался к злодею сзади и убил его выстрелом в затылок. Читатели отлично понимают, что доказать подобные утверждения (как, впрочем, и опровергнуть) невозможно.

Но ведь и за рассказами Хрущева и прочих мемуаристов не стоит никаких доказательств. Похожесть этих рассказов — при некоторых расхождениях в деталях — снова и снова вызывает ощущение, что все-таки существовал некий сценарий, «либретто», в рамках которого можно было фантазировать и даже путаться, но суть его оставалась неизменной: Берия был арестован на заседании в Кремле 26 июня и прямо с заседания отправлен «куда надо».

Это ощущение не развеивается, а, скорее, усиливается и после знакомства с соответствующими местами молотовских мемуаров. Вот Чуев спрашивает Молотова, можно ли сказать, что Берия готовил переворот. Тот отвечает: «Да, да... На Политбюро его забирали... Прения были. Маленков председательствовал. Кто первым взял слово, я уже не помню. Я тоже в числе первых выступал, может, я даже первый, а может, и второй. Заседание началось обыч-

ное, все были друзьями, но так как предварительно сговорились, что на этом заседании будет арест Берии, то формально так начали все по порядку, а потом, значит, перешли...»

Далее Молотов утверждает, что в своем выступлении он назвал Берию «перерожденцем», «человеком, чуждым партии». А Хрущев, выступивший *после* Молотова, будто бы на это возразил: «Молотов говорит, что Берия перерожденец. Это неправильно. Перерожденец — это тот, который был коммунистом, а потом перестал быть коммунистом. Но Берия не был коммунистом! Какой же он перерожденец?»

А затем — если, конечно, верить Молотову и Чуеву — в свою защиту выступил и сам Берия. Он сказал:

— Конечно, у меня были ошибки, но прошу, чтобы не исключали из партии, я же всегда выполнял решения партии и указания Сталина. Сталин поручал мне самые ответственные дела секретного характера, я все это выполнял так, как требовалось, поэтому неправильно меня исключать...

Как нетрудно заметить, Молотов, время от времени заявляя, будто он-де не может припомнить какие-то детали, тем не менее точно помнит собственное выступление, а также слова Хрущева и Берии. Он весьма подробно указывает и на детали ареста Берии: на секретную кнопку нажал Маленков, который отдал и приказ об аресте. «Через комнату у Поскребышева сидела группа военных во главе с Жуковым... Маленков нажал кнопку. Это был пароль. Маленков председателем был, ведал кнопкой. Вошли военные во главе с Жуковым...»

Весьма живописно рассказывал о сцене ареста Берии и сам Жуков. По его версии, в день заседания (но задолго до его начала) маршала вызвал к себе министр обороны Булганин и вместе с ним приехал в Кремль. Там Маленков и Хрущев разъяснили Жу-

кову суть дела: «Берия хочет захватить власть, и мне поручается вместе со своими товарищами арестовать его». Жукову, по его словам, были отданы четкие распоряжения, а именно: «Решено было так. Лица из личной охраны членов Президиума находились в Кремле, недалеко от кабинета, где собрались члены Президиума. Арестовать личную охрану самого Берии поручили Серову. А мне нужно было арестовать Берию... Я вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко должен сидеть в отдельной комнате и ждать, пока раздадутся два звонка из зала заседания в эту комнату.

Меня предупредили, что Берия физически сильный, знает приемы джиу-джитсу (рукопашной схватки).

— Ничего, справлюсь, нам тоже силы не занимать.

Уходим. Сидим в этой комнате. Проходит час. Никаких звонков. Я уже встревожился. Уж не произошло ли там что без нас, не перехитрил ли всех Берия, этот изощренный интриган, пользовавшийся доверием Сталина?

Немного погодя (было это в первом часу дня) раздается один звонок, второй. Я поднимаюсь первым... Идем в зал. Берия сидит за столом в центре. Мои генералы обходят стол, как бы намереваясь сесть у стены. Я подхожу к Берии сзади, командую:

— Встать! Вы арестованы.

Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв, эдак встряхнул. Гляжу на него — бледный-пребледный. И онемел. Ведем его через комнату отдыха в другую, что ведет через запасной ход. Тут сделали ему генеральный обыск».

Внимательное изучение мемуаров — да еще если и есть возможность сопоставить их с более или менее реальной картиной событий — порой может открыть многое. До сих пор в рассказе Жукова все в

общем-то шло гладко, но вот он сообщает любопытнейшую деталь: «Да, забыл. В момент, когда Берия поднялся и я заломил ему руки, тут же скользнул по бедрам, чтобы проверить, нет ли пистолета. У нас на всех был только один пистолет. Второй взяли уж не помню у кого. Нам же не говорили, зачем вызывают в Кремль. Поэтому приехали небооруженными. Но и Берия, оказывается, не взял пистолета. Когда Берия встал, я смахнул его набитый бумагами портфель, и он покатился по длинному полированному столу...»

Так что же у нас получается? Готовясь к аресту всесильного Берии, организаторы даже не удосужились обеспечить главных реализаторов акции оружием, и лишь случайно у них оказались один-два пистолета. И нам предлагают всерьез в это поверить? Убежденность кремлевских небожителей в том, что послушный народ «слопает» все, предложенное сверху, поистине поразительна! К тому же из мемуаров Хрущева, как вы помните, следует, что как минимум Москаленко и «его товарищей» Булганин лично провез в Кремль с оружием.

Конечно, и это разночтение мы могли бы посчитать мелочью, если бы... Если бы ничего этого *не было*: ни заседания, ни вбегающих генералов и полковников, ни заламывания Берии рук и катящегося по столу портфеля! А вот если бы это *было*, тогда организаторам следовало в первую (в первойшую!) очередь позаботиться о техническом обеспечении дела — то есть об оружии и четком порядке его использования (либо не использования, а лишь применения в качестве устрашения). Ведь охрана Берии представляла собой реальную и весьма мощную силу. Какие уж там один-два пистолета, взятые «не помню у кого»!

Существует, наконец, и версия Москаленко — либо главного, либо второго по важности (после Жу-

кова) реализатора ареста Берии. Если верить Москаленко, Хрущев позвонил ему накануне заседания и спросил:

— Имеются ли в вашем окружении близкие вам люди и преданные нашей партии так, как преданы ей вы?

— Найдутся, Никита Сергеевич.

Тогда Хрущев приказал Москаленко вместе с этими «преданными людьми» явиться в Кремль, в кабинет Маленкова. И — обратите внимание! — «тут же он добавил, чтобы я взял с собой планы ПВО и карты, а также захватил сигары. Я ответил, что заберу с собой все перечисленное, однако курить бросил еще на войне... Хрущев засмеялся и сказал, что сигары могут потребоваться не те, которые я имею в виду. Только тогда я догадался, что надо взять с собой оружие».

Что ж, в этом варианте все куда более логично, сразу же встает вопрос об оружии и даже о планах ПВО и прочих картах (видимо, на тот случай, если бы Берия или его сторонники попытались использовать авиацию, находившуюся в подчинении МВД). Но почему же тогда Жуков, не хуже Москаленко понимавший, насколько необходимо иметь при себе оружие в подобной ситуации, пишет об одном-двух пистолетах? Может быть, нашим прославленным полководцам втолковывали сценарий этого мифического эпизода по отдельности, вот они и путались даже в весьма серьезных деталях? В противном случае трудно понять, как можно было забыть или перепутать такие существенные подробности.

Далее Москаленко сообщает, что 26 июня, примерно в одиннадцать часов утра, Булганин на своей машине привез в Кремль его, а также еще четверых «преданных людей», приглашенных Москаленко: генералов П. Ф. Батицкого и А. И. Баксова, полковника

И. Г. Зуба и майора В. И. Юферева. А Жуков, напомним, утверждает, что и он приехал на машине Булганина. Но из рассказа Москаленко следует иное: «Вслед за нами на другой машине подъехали Жуков Г. К., Брежнев Л. И., Шатилов, Неделин, Гетман и Пронин А. М. Всех нас Булганин провел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушел в кабинет к Маленкову». Итак, по версии Москаленко, для ареста Берии было подготовлено одиннадцать человек: пятерка во главе с ним самим плюс еще шесть человек во главе с Жуковым.

Вскоре к «группе захвата» вышли Маленков, Хрущев, Булганин и Молотов, разъяснившие суть дела и приказавшие ждать звонка. Ожидание длилось около часа (это же говорит и Жуков), и приблизительно в 13.00 последовал сигнал. По словам Москаленко, в кабинет заседаний вошла вся его группа, а также Жуков — то есть шесть человек, причем *все они*, как подчеркивает рассказчик, были вооружены. Маленков приказал им арестовать Берию, и тут же «все обнажили оружие, я направил его прямо на Берию и приказал ему поднять руки вверх...». Стоп! Ведь Жуков пишет, что именно он объявил Берии об аресте, «заломил ему руки назад» и т. д. Читаем у Москаленко: «В это время Жуков обыскал Берию, после чего мы увели его в комнату отдыха председателя Совета Министров, а все члены Президиума и кандидаты в члены остались проводить заседание, там же остался и Жуков.

Все это произошло так неожиданно для Берии, что он полностью растерялся. При аресте в его портфеле был лист бумаги, весь исписанный красным карандашом — «Тревога, тревога, тревога»... Видимо, когда начали говорить о Берии на заседании да еще критиковать его действия, он сразу почувствовал

опасность и имел в виду передать этот лист охране Кремля».

Можно рассмотреть и воспоминания других участников ареста Берии (Зуба, Юферева и пр.), но сути дела это не изменит: при мелком — а порой и довольно серьезном — расхождении в деталях все эти версии, в общем, не выходят за рамки официальной, согласно которой Берия был захвачен врасплох и арестован на заседании. А мои (либо чьи-то еще) подозрения по поводу надуманности, инсценированности всей этой версии — в конце концов лишь догадки, не более того.

Но существуют ведь и иные толкования этого события. Как быть, например, с байками о том, что Берию в тот роковой день застрелил то ли Микоян, то ли даже сам Хрущев? Конечно, такой поворот событий больше подходит для детективного романа. Но если мы верим на слово Хрущеву и Молотову, Жукову и Москаленко, всем прочим (а ведь это тоже всего лишь слова, не подтвержденные ни единым документом, ни, скажем, фотографией, хотя и их в общем-то не так уж сложно было сфабриковать), то почему же, так сказать, альтернативные рассказчики имеют меньше права на доверие? Давайте и здесь исходить из своего рода «презумпции невиновности»: обвинить того или иного человека во лжи можно только на основе убедительных доказательств. Из этого, правда, не следует, что *не* уличенному во лжи мы обязаны верить, но можно хотя бы внимательно выслушать его (или их).

Поэтому послушаем теперь сына Берии, Серго. Он пишет, что рано утром 26 июня, «где-то около восьми», уехал с дачи на работу, а отец еще оставался там. Затем, примерно с девяти утра, Серго Берия находился в Кремле у одного из руководителей атомного проекта, генерал-полковника Б. Л. Ванникова. В 16.00

Л. П. Берия должен был выслушать их доклад о подготовке к проведению очередного ядерного взрыва.

Далее произошло следующее: «Мы сидели, сверяли документы, готовили иллюстративные материалы и т. д. Часов в 12 ко мне подходит сотрудник из секретариата Ванникова и приглашает к телефону: звонил дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан, испытывавший самолеты с моим оборудованием. «Серго, — кричал он в трубку, — я тебе одну страшную вестъ сообщу, но держись! Ваш дом окружен войсками, а твой отец, по всей вероятности, убит. Я уже выслал машину к кремлевским воротам, садись в нее и поезжай на аэродром. Я готов переправить тебя куда-нибудь, пока еще не поздно!..»

Я начал звонить в секретариат отца. Телефоны молчали. Наверное, их успели отключить. Не брал никто трубку и на даче, и в квартире. Связь отсутствовала всюду...» Взволнованный Серго попросил Ванникова попытаться выяснить, в чем дело. Тот навел справки и узнал, что в Кремле отменено расширенное заседание Президиума ЦК (по словам Серго, его инициатором будто бы был Берия, намеревавшийся обсудить «преступную деятельность» бывшего министра госбезопасности С. Игнатъева и его заместителя М. Рюмина) и вообще «происходит что-то непонятное». Ванников отпустил Серго, пообещав на прощание «постоять за него».

«У кремлевских ворот меня действительно ждала машина с друзьями, — продолжает С. Берия. — Они уговаривали меня не ехать домой, объясняя, что дорога уже перекрыта, а вокруг слышна стрельба... Я все-таки решил никуда не улетать и не прятаться... не на кого было оставить маму, двух маленьких детей и беременную жену...» Словом, в конце концов Серго поддался уговорам друзей и, не доехав до дома, попросил снова отвезти его в Кремль.

Там по его просьбе Ванников позвонил Хрущеву и будто бы сказал так: «Рядом со мной находится сын Берии. Я и мои товарищи, — он назвал фамилию Курчатова и других присутствующих там ученых, — знаем, что произошло. Поэтому просим вас позаботиться о безопасности молодого Берии». На это Хрущев ответил в том духе, что, «мол, ничего нигде ни с кем не произошло; что вы там выдумываете?». Тогда Ванников на всякий случай вызвался лично проводить молодого Берию домой, в особняк во Вспольном переулке.

«Район в самом деле был оцеплен военными, — вспоминает Серго Берия, — и нас долго не пропускали во двор, пока Ванников снова не позвонил Хрущеву. Наконец, после его разрешения, нас пропустили, что и подтверждало его причастность к происходящему. Стена со стороны комнаты моего отца была выщерблена пулями крупнокалиберных пулеметов, окна разбиты, двери выбиты.

Пока я все это отчаянно рассматривал, ко мне подбежал один из охранников дома и говорит: «Серго, только что из помещения вынесли кого-то на носилках, накрытых брезентом». Охранника срочно позвали, и я не успел спросить у него, находился ли отец в доме во время обстрела...»

После этого Ванников снова отвез Серго в Кремль и еще раз позвонил Хрущеву. Тот через Ванникова посоветовал Серго не волноваться и спокойно ехать «к родным на дачу». Однако на выходе из Кремля Серго перехватили вооруженные люди, доставившие его на дачу фактически под конвоем. Дача тоже оказалась оцеплена, во дворе стояли бронетранспортеры. Все родственники Л. П. Берии, по сути дела, были взяты под домашний арест. Серго с женой и дочерьми (одной из них было шесть лет, другой — три) перевезли на одну из государственных

ных дач в районе Минского шоссе, а Нина Теймуразовна осталась на их семейной даче. Серго продержали под охраной на загадочной госдаче «почти полтора месяца» (правда, в более ранней книге он же называет другой срок — «20 дней»), после чего объявили арестованным и перевезли в Лефортовскую тюрьму. Его обвинили «в заговоре против социалистического строя с целью восстановления капитализма, в участии в террористической организации и подготовке диверсий против руководителей партии и правительства, в установлении радиосвязи с английской разведкой».

Во время следствия, пытавшегося доказать эти, безусловно, надуманные и вздорные обвинения, к Серго в Лефортовскую тюрьму дважды приезжал Маленков. Их разговоры, естественно, не документировались, поэтому нам остается довериться рассказу С. Берии. Маленков будто бы убеждал его «в интересах партии» признать все обвинения, а также дать «нужные» показания против отца. Серго категорически отказался «вымалывать себе жизнь ценой предательства отца и матери». Тогда Маленков стал допытываться у него, где могут быть спрятаны архивы Л. П. Берии, а также личные архивы Сталина. Но Серго, как он утверждает, ничего об этом не знал. Если поверить этому рассказу (а почему бы и нет?), то нетрудно догадаться, что «победители» рассчитывали найти в этих архивах компрометирующие материалы против Берии (возможно, и против Сталина), а также изъять или уничтожить любой компромат против самих себя.

После полутора лет, проведенных в заключении без всякого суда, Серго Берию освободили и разрешили работать по специальности в Свердловске. Когда спустя некоторое время Серго получил возможность свободных поездок по стране, он первым делом по-

пытался выяснить, что же в действительности произошло с его отцом. Маршал Жуков, по собственной инициативе встретившийся с С. Берией (так утверждает последний), будто бы твердо заявил ему:

— Все разговоры о моем участии в аресте Берии — чистой воды выдумка!

Встретился Серго Берия и с Н. М. Шверником, который в декабре 1953 года был участником суда над Берией (о самом суде мы еще поговорим в конце этой главы). Шверник заверил Серго, что, вопреки официальной версии, Берия на процессе отсутствовал. «Сидел на скамье подсудимых слегка похожий на вашего отца какой-то человек и за все время разбирательства не произнес ни слова» — так передает С. Берия слова Шверника.

Короче говоря, сын Берии и сегодня настаивает на том, что 26 июня 53-го года в Кремле не было никакого заседания. Соответственно не могло быть и ареста Берии на этом несостоявшемся заседании. По мнению С. Берии, его отец был убит при аресте, случилось это, скорее всего, в особняке во Вспольном переулке. Что ж, эта версия довольно логична и убедительна. Воспоминания Серго Берии изобилуют множеством деталей, которые, конечно, можно было и придумать, но в совокупности они создают весьма достоверное впечатление. А вот во всех прочих воспоминаниях, включая и хрущевские, в деталях также нет недостатка, но выглядят они как-то неестественно, а порой и нелепо (чего стоит, например, хотя бы путаница с вооружением «группы захвата» Берии!).

Тем не менее вернемся к этим воспоминаниям еще раз и посмотрим, как трактуется в них дальнейшая участь Берии. Итак, мы остановились на том, что арестовавшие его офицеры отвели своего пленника в прилегающую к залу заседаний комнату отдыха Пред-

седателя Совмина. Там с Берии сняли пенсне — это была традиционная процедура при аресте: считалось, что любой режущий предмет (ведь пенсне или очки нетрудно разбить) можно использовать для самоубийства либо для нападения на охрану. Он протестовал, говорил, что без пенсне ничего не видит. На это Батицкий будто бы ответил арестованному, что, мол, видеть ему ничего и не требуется. Затем Берию обыскали, но ничего не нашли, кроме записной книжки и разной ерунды, вроде носового платка.

«Тут возник новый вопрос, — совершенно справедливо (если, конечно, исходить из официальной версии) повествует Хрущев, — Берию мы арестовали, а куда его девать? Министерству внутренних дел мы не могли доверить его охрану, потому что это было его ведомство, его люди. Тогда заместителем его был Круглов и, по-моему, Серов. Я мало знал Круглова, а Серова лучше знал и ему доверял. Я считал и сейчас считаю, что Серов очень честный человек... Поэтому я предложил поручить охрану Берии Серову, но другие высказались, что надо быть все-таки осторожнее. Круглову мы тоже не доверяли.

Тогда договорились, что лучше всего поручить это дело командующему войсками Московского округа ПВО Москаленко». На том и порешили. Все это, как уверяет Хрущев, происходило все на том же заседании, будто бы некоторое время продолжавшемся и после того, как арестованного Берию увели в соседнюю комнату. Затем Москаленко «перевез Берию к себе на командный пункт, в бомбоубежище».

Сам Москаленко предлагает для анналов Истории (а как же иначе? Слово не воробей: слетело с губ — и отправилось напрямик в эти самые анналы. А уж если еще и зафиксировано на бумаге...) более детализированную картину. Берия, отведенный в соседнюю комнату, «нервничал, пытался подходить к

окну, несколько раз просился в уборную, мы все пять человек с обнаженным оружием сопровождали его туда и обратно. Видно было по всему, что он хотел как-то дать сигнал охране, которая всюду и везде стояла в военной форме и в штатском платье, но с оружием. Долго тянулось время, мы были голодны, помощник Маленкова Суханов был все время в приемной и организовал чай. Но темнота все еще не наступала, чтобы вывезти Берия из Кремля незаметно.

В ночь с 26 на 27 июня, примерно около 24 часов... я вызвал пять легковых машин ЗИС-110 с правительственными сигналами и послал их в штаб Московского округа ПВО на ул. Кирова. К этому времени по моему распоряжению было подготовлено 30 офицеров-коммунистов из штаба округа под командованием начальника оперативного управления полковника т. Ерастова. Все они были вооружены и привезены в Кремль без проверки на пяти машинах и, как только прибыли, сразу же заменили охрану в Кремле внутри здания, где под охраной находился Берия. После этого, окруженный охраной, Берия был выведен наружу и усажен в машину ЗИС-110...».

Чтобы не раздражать читателей довольно корявым языком рассказчика, прервем цитату и постараемся далее самостоятельно изложить основное в повествовании Москаленко. Правительственные автомобили «ЗИС-110», скопированные с американского «паккарда», были, как хорошо помнят люди старшего поколения, огромными и вместительными. Кроме шофера и высокопоставленного арестанта, в машине без труда расселась вся москаленковская пятерка (Батицкий, Баксов, Юферев, Зуб и сам Москаленко). В другой «ЗИС» сели шестеро офицеров из ПВО, и обе машины стремительно понеслись на городскую гарнизонную гауптвахту. Там Берия и провел ночь.

Далее следует весьма интересный эпизод. Москаленко пишет, что на следующий день (то есть 27 июня) к нему в канцелярию гауптвахты явились оба заместителя Берии, генерал-полковники Круглов и Серов. Они будто бы предъявили поручение Маленкова и Хрущева на ведение следствия по делу Берии. Минуточку! Ведь из сумбурного рассказа Хрущева (он приведен чуть выше) следует, что, хотя Серов и был «очень честным человеком» — но при этом почему-то «Круглову мы *тоже* (!) не доверяли», — еще накануне решено было не привлекать к этому делу ни того, ни другого заместителя Берии.

Так что же у нас получается? Что Москаленко, находившийся в момент принятия этого решения в соседней комнате, ничего о нем не знал? Ну, допустим... В России, как известно, все возможно. Тем не менее при появлении Круглова и Серова Москаленко заподозрил неладное и принялся спорить. Сначала он предложил прибывшим провести первый допрос Берии совместно, но те наотрез отказались. Тогда Москаленко стал дозваниваться по телефону Маленкову и Хрущеву. Выяснилось, что оба они вместе с прочими руководителями находятся в Большом театре на премьере оперы композитора Юрия Шапорина «Декабристы». Москаленко дозвонился в театр и доложил ситуацию подошедшему к телефону Маленкову. Тот, «посоветовавшись с другими товарищами», приказал всем троем спорщикам немедленно прибыть в Большой театр, как выразились бы сегодня, «на разборку».

Как мы только что напомнили, в нашей многострадальной стране возможно все: и великое, и смешное, и многое другое — все! На сцене Большого театра разыгрывается имитация героического восстания декабристов и сопутствующих этому событий. (Заметим в скобках, что привычная нам всем

версия истории с декабристами — тоже во многих отношениях миф. Декабристы были, конечно, по своему людям дерзкими и бесстрашными. Но именно в их среде родилась «гениальная» идея истребления *всей* царской семьи, столь успешно осуществленная большевиками в июле 1918 года. Именно декабристы впервые предполагали создать нечто вроде будущего ведомства Дзержинского — Ягоды — Ежова — Берии... Впрочем, не будем отвлекаться.) А где-то в правительственной ложе военные и чекисты под надзором руководящей «головки» спорят о том, кому надлежит раскручивать сомнительное «дело Берии», намертво связанное с курсом дальнейшего развития страны. Какой сюжет! До такого, пожалуй, не смог бы додуматься ни Шекспир, ни более поздние драматурги.

Правда, в рассказе Москаленко все это выглядит довольно прозаично. В антракте все руководители вышли в какую-то «особую комнату», и там Круглов и Серов принялись жаловаться на Москаленко: мол, мешает вести следствие, содержит арестованного Берию «не по правилам» и т. д. В ответ на это Москаленко заявил:

— Я не юрист и не чекист, как правильно и как неправильно обращаться с Берией, я не знаю. Я воин и коммунист. Вы мне сказали, что Берия — враг нашей партии и народа. Поэтому все мы, в том числе и я, относимся к нему как к врагу. Но мы ничего плохого к нему не допускаем. Если я в чем и не прав, подскажите, и я исправлю.

Выслушав эту эмоциональную тираду, Маленков и Хрущев успокоили Москаленко, сказали, что он действует совершенно правильно. Затем они сообщили, что следствие будет вести Р. А. Руденко, недавно назначенный Генеральным прокурором, а Москаленко также может участвовать в этом. Серова и Кругло-

ва отправили восвояси, «а мне, — не без гордости пишет Москаленко, — предложили сесть за стол и выпить рюмку вина за хорошую, успешную и, как сказал Маленков, чистую работу».

Видимо, воодушевленный этой похвалой, Москаленко по возвращении на гарнизонную гауптвахту приказал перевезти арестанта в штаб Московского военного округа. Там Берию содержали в расположенном во дворе подземном бункере, который Хрущев вполне справедливо назвал «бомбоубежищем». Побег оттуда исключался, практически невозможно было бы освободить Берию и снаружи, так как для охраны штаба МВО туда были подтянуты бронетранспортеры и даже танки. Поистине «чистая работа»! Только вот было ли все это в действительности? Можно, правда, допустить и такой вариант: Берию застрелили при аресте, но тогда же решили скрыть это и инсценировать следствие и последующий суд. А при таком сценарии, конечно, вполне уместны были и суета с этими перевозками, и танки, демонстративно загнанные во двор штаба МВО, и сумбурные, но в общем-то довольно строго придерживающиеся заданного сюжета «мемуары»...

Может быть, если бы одну из центральных ролей в этой истории не играл такой эмоциональный и бесхитростный человек, как Хрущев, сомнений в ее достоверности было бы значительно меньше. Но Хрущев с его неумемной энергией не раз допускал такие наивные «проколы» (разумеется, не только в освещении «дела Берии»), что грех было бы не уцепиться за них. Мы уже писали, какую неожиданную окраску многочисленным историям о любовных похождениях Берии придает неосмотрительный рассказ Хрущева об охраннике Булганина и его якобы изнасилованной Берией падчерице. Еще больший «ляп» Хрущев допустил в своих устных ме-

муарах, когда вслед за рассказом об аресте Берии вспомнил и о Меркулове, который-де «был, безусловно, человек культурный, и вообще он мне нравился». И далее Хрущев рассказал, что, когда «товарищи» решили арестовать Меркулова, он заявил им следующее:

— То, что Меркулов был помощником Берии в Грузии, еще не говорит, что он его сообщник. Может быть, это все же не так. Ведь Берия занимал высокое положение и сам себе подбирал людей. Они верили ему и работали с ним, и поэтому нельзя рассматривать всех, кто с ним работал, как его соучастников по преступлениям. Давайте-ка вызовем Меркулова и поговорим с ним. Может быть, он даже сможет нам лучше разобраться с Берией.

Вызвали и поговорили. А в декабре (согласно официальной версии) Меркулова после скоротечного суда расстреляли. За что же? Получается, что за дружбу с Берией, хотя и формальные обвинения судьи, конечно, подобрали. А опрометчивые слова Хрущева убедительно говорят, что не было ни «заговора Берии», ни попытки переворота. Просто поначалу хотели устранить *только* главную опасность — самого Берию. А потом подумали и решили на всякий случай избавиться и от всей его «команды»: так и спокойнее будет, и на заговор больше похоже. Никакой реальной вины ни за Меркуловым, ни за другими «сообщниками Берии» и в помине не было.

Но если были придуманы и вина «сообщников», и вся история с сомнительными «романами» Берии (либо нескольким чисто житейским эпизодам был придан гипертрофированный, многократно увеличенный вид), то не придумано ли и многое другое, а то и вообще *все*, ставящееся в вину самому Берии? Включая и «съедение варенья» вместо мальчика из того самого анекдота? Стремясь к объектив-

ности, я искренне старался найти *хоть что-то*, надежно подтверждающее обвинения против Берии, но все они базируются либо на таких вот весьма сомнительных рассказах, либо вовсе на пустоте. Да, как уже говорилось, его подписи стоят под «растрельными» списками, но там встречается и немало других подписей, в том числе и Хрущева. Зато с ноября 38-го года и по июнь 53-го *никто*, кроме Берии, не был причастен к освобождению безвинно осужденных (либо к смягчению их участи в иной форме — перевод на «шарашки» и т. д.), *никто*, кроме него, не выступил за изменение внешне- и внутривластного курса.

Можно до посинения спорить о том, было ли это с его стороны искренними шагами либо какой-то хитроумной игрой, авантюрой, но факт остается фактом: все это делал только он, а остальные покорно (либо довольно активно) участвовали в многоликом кошмаре, который можно назвать сталинщиной, ежовщиной, как-то еще, а правильное всего, видимо, — советской властью. Она не терпела «отступников», и поэтому Берию не просто прикончили, но и постарались добить его в массовом сознании мифом, уничтожающим все иные толкования его судьбы и роли в нашей истории. Как метко выразился Маленков, чистая работа!

Мы и по сей день не можем с уверенностью сказать, оставался ли Берия жив после его «разоблачения» и в процессе подготовки суда, состоявшегося в конце декабря, или же и «следствие», и «суд» были продолжением грандиозного, мастерски срежиссированного и разыгранного спектакля. Зато доподлинно известно, что по распоряжению Хрущева едва ли не всем партийным и государственным руководителям уже в июле 53-го года пришлось представлять на его имя письменные отчеты о своих контактах с Берией

(в особенности это касалось контактов в последние недели и месяцы перед его «разоблачением»). Эти отчеты сохранились в архивах, часть из них опубликована. Читая их, трудно избавиться от ощущения чего-то омерзительного, гадкого.

Например, небезызвестный М. В. Зимянин, бывший в ту пору вторым секретарем ЦК КП Белоруссии, в своем отчете, датированном 15 июля, писал, что ровно месяц назад Берия вызвал его для беседы и потребовал, чтобы партия и правительство Белоруссии активнее «поддерживали чекистов». Разумеется, тогда, в июне, Зимянин выразил полную готовность оказывать такую поддержку, но в докладной записке с явным испугом писал Хрущеву: «Глубоко сожалею, что попал в такое положение. Но Берия я раньше не знал, никогда не был у него, не знал подлинных повадок этого предателя, относился к нему как к видному государственному деятелю. Только узнав, что Берия является злейшим врагом партии и народа, я понял, насколько подлым является этот иезуит, насколько подлым было его отношение ко мне лично, раз и меня он пытался запятнать».

Генерал С. М. Штеменко, за год до этого снятый с должности начальника Генерального штаба Министерства обороны и пониженный сразу на два звания (с генерала армии до генерал-лейтенанта), в своей докладной записке также уверял Хрущева: «Я вместе со всеми честными людьми нашей Родины с чувством возмущения и негодования проклинаяю этого презренного врага народа и вместе со всеми членами нашей партии целиком и полностью одобряю...» и т. д. Опальный генерал старательно и подробно описывал все свои встречи с Берией начиная с 42-го года, причем всякий раз, естественно, спешил подчеркнуть свое верноподданничество.

В таком же духе были выдержаны и прочие докладные записки о контактах с Берией. Наиболее интересна и содержательна из них, конечно, докладная записка В. Н. Меркулова на имя Хрущева, которая уже упоминалась в начале этой книги. В меркуловской записке, по сути дела, дается развернутый отчет о партийно-политической деятельности Берии, — естественно, с комментариями, сопутствующими новой ситуации. Меркулов даже намекал на связи Берии в 1919 году в Баку с мусаватистской контрразведкой (подробнее об этом см. в 1-й главе), правда, довольно туманно. Пространную записку Меркулова от 23 июля дополняет и его письмо, направленное на имя Хрущева двумя днями раньше. Но даже такое рвение не помогло Меркулову: 23 декабря он был приговорен к высшей мере наказания вместе с Берией (если, конечно, к тому времени Берия был еще жив) и в тот же день расстрелян.

Извещать о случившемся население страны власти не торопились. Они, правда, и раньше не баловали вниманием привычных ко всему советских граждан, но на этот раз пауза оказалась очень уж продолжительной. Только 10 июля, то есть спустя две недели, появилось правительственное сообщение, согласно которому «на днях» (без указания даты) состоялся Пленум ЦК КПСС, заслушавший и обсудивший доклад Маленкова, сделанный от имени Президиума ЦК. Из сообщения следовало, что в этом докладе говорилось «о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л. П. Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над правительством и Коммунистической партией Советского Союза». Сообщалось также о решении исключить Берию «как врага пар-

тии и народа» из рядов КПСС (естественно, лишив его при этом всех занимаемых постов) и передать «дело о его преступных действиях» на рассмотрение Верховного суда СССР.

Вместе с сообщением о Пленуме газета «Правда» опубликовала еще два важных материала — большую редакционную статью и подробный отчет об объединенном собрании руководства парторганизаций Москвы и Московской области, которое состоялось накануне, 9 июля. Из этих материалов, помимо обычной трескотни («Все попытки империалистов подорвать нерушимое единство партии, правительства и советского народа обречены на провал», «Международные силы мира, демократии и социализма во главе с Советским Союзом не допустят...» и т. д.), трудно было извлечь какие-либо дополнительные сведения. Ясно было только одно: коварный и отлично замаскировавшийся враг народа Берия обезврежен, и теперь его ждет справедливое возмездие.

Правда, наиболее внимательные и дотошные читатели могли бы обнаружить (и, видимо, обнаружили) в этих материалах и нечто необычное. В них практически не упоминалось имя Сталина — величайшего вождя всех времен и народов, умершего всего-то четыре месяца назад! Зато появился какой-то непривычный термин — «культ личности». Этот культ, поясняя «Правда», в корне противоречит «принципу коллективного руководства». Оказывается, еще Маркс и Энгельс с отвращением относились к культу личности и всячески боролись против него. Это было уже откровенным подкопом под авторитет Сталина, хотя, наверное, в тот момент даже самые проникательные читатели в ужасе гнали от себя эту крамольную мысль.

Нам же остается лишь напомнить, что *первым* против культа личности высказался Берия, и тогда, вес-

ной 53-го года, это вызвало решительный протест «соратников». Теперь же они ловко перехватили у поверженного (или же убитого ими) «врага народа» эту инициативу, приписав ее себе. А вскоре такая же поистине шулерская операция будет ими проделана и в югославском вопросе: «продажная клика Тито — Ранковича» снова превратится в друзей Кремля.

Разумеется, подавляющее большинство советского населения было ошарашено этими новостями, хотя в последующие дни газеты, как и положено в подобных ситуациях, были полны сообщений о массовых выражениях солидарности с последними решениями партии и правительства. В коллективных и индивидуальных письмах трудящиеся единодушно осуждали подлого изменника, сумевшего пробраться к вершинам руководства и маскироваться там под «своего» целых пятнадцать лет! Часть писем публиковали газеты (в первую очередь, конечно, «Правда», но и другие тоже, например, «Литературка»), а часть кураторы из органов отбирали для своих архивов. Нет-нет, о выражении несогласия, конечно, и речи быть не могло, на подобное в 53-м году были способны лишь самоубийцы. Просто порой авторы писем позволяли себе проявлять инициативы, которые могут исходить только сверху, но никак не от рядовых граждан.

Что же это были за инициативы? Ну вот, например, В. Илющенко из города Борисова, видимо воодушевленный тезисом о «коллективном руководстве», писал: «По-моему, назрела необходимость упразднить принцип единоначалия и в вопросах критики и самокритики последовать тем указаниям, которые дает марксизм-ленинизм. Единоначалие оправдало себя в период боев с немецко-фашистской армией. Там командир один обязан принимать решение на бой. Но в мирное время, когда мы воспитываем

весь личный состав в духе патриотизма, когда мы готовим людей к боям и походам за Родину, единоначалию не должно быть места...» Как-нибудь без тебя разберемся, товарищ Илющенко, чему должно быть место, а чему — нет!

А какой-то Н. Семенов из Тбилиси и вовсе распоясался. Явно одурманенный пьянящей атмосферой «оттепели», он писал в «Правду»: «Из дела Берии должны быть извлечены политические уроки и сделаны необходимые выводы. Наше правительство не должно верить только докладным и протоколам. Эти материалы должны проверяться, надо присылать на место из Москвы людей на два-три дня и прислушиваться к голосу рабочих и крестьян и делать выводы, правильны или нет те протоколы и докладные, которые присылаются в Москву нашему правительству. Только при таких условиях мы сможем добиться нормальной работы и руководства на местах». Да твое-то какое дело, безумец, опомнись!

И уж совсем недопустимую дотошность проявил А. Скиданов из Хабаровского края. «Партия научила меня ориентироваться в обстановке, — писал он, — я понимаю ее политику и провожу ее в жизнь. Но факт предательской деятельности Берии не могу уяснить. Как могло случиться, что Берия — презренный враг партии и народа — на протяжении длительного времени мог занимать такой высокий государственный и партийный пост?.. Желательно, чтобы весь судебный процесс подробно был опубликован в печати». В этом письме не так уж трудно заметить робкий намек товарища Скиданова на сомнения в «факте предательской деятельности презренного врага партии и народа».

Впрочем, в большинстве «нетипичных» писем предлагались лишь формы расправы с коварным предателем. Так, В. Меньшиков из Омской области скром-

но просил Верховный суд публично повесить Берию. А что? Нормальная мера! В конце Великой Отечественной войны и в первые месяцы после нее так повсеместно расправлялись с фашистскими военными преступниками и их пособниками (порой даже и без всякого суда). А чем Берия лучше их?

Еще большую изобретательность проявила гражданка М. Нудько из Кустаная. Она писала: «Берия не должен быть физически уничтожен. Для него смерть — лучшая награда, которой он недостоин. Ему необходимо как можно дольше продлить его преступную жизнь. Он не человек, он — зверь. А потому его следует посадить в клетку, подобно шакалу, и возить по городам, великим стройкам коммунизма, по заводам, шахтам и колхозам, показывая труженикам его озверелую физиономию». И в этом «рацпредложении» нет ничего невероятного: некоторые мемуаристы дают понять, что именно так Сталин собирался поступить с Гитлером, если бы тот попался в плен.

Между прочим, вся свистопляска, поднятая в связи с «разоблачением» Берии, носила совершенно противозаконный характер. Ведь, согласно официальной версии, Берия был жив и его дело было передано на рассмотрение Верховного суда. Следовательно, только этот суд, и никто, кроме него (или *вместо* него), не мог решить судьбу Берии. Только законно вынесенный приговор! Но о каком следствии и суде могла идти речь, если уже было обнародовано мнение партийно-правительственной «головки»? Берия — коварный враг, предатель, наймит империалистов! Так какой же иной участи, кроме расстрела, он мог ожидать? Разве что пожизненного путешествия в клетке по великим стройкам коммунизма... Начиная постепенный подкоп под беззакония сталинской империи, новые правители страны сами вершили вопиющее и наглое беззаконие!

Москвичи, вечные (если считать, что вечность началась в ноябре 1917 года) избранники судьбы, и в этой ситуации оказались, так сказать, в привилегированном положении. Вести в столице всегда разносились стремительно, и уже к вечеру 26 июня по городу поползли самые разнообразные слухи. Многие слышали стрельбу в районе площади Восстания, ну а появившихся в центре Москвы танков и бронетранспортеров мог не заметить только слепой. Кое-что прояснилось на следующий вечер, когда на упомянутой премьере «Декабристов» в Большом театре в правительственной ложе присутствовали все руководители партии и государства, кроме Берии. Это стало убедительным (пускай и косвенным) подтверждением носившихся по городу слухов, но власти еще целых две недели проваландались с обнародованием официального сообщения об аресте Берии.

А кстати, почему же все-таки на это понадобилось полмесяца? Ну, два-три дня (или даже пять) — это еще можно было бы понять: надо было придумать какую-то гладкую, «железобетонную» версию, чтобы никому и в голову не могла закрасться мысль о борьбе за власть или — упаси Боже! — о государственном перевороте. Но полмесяца-то откуда взялись? Это невольно вызывает подозрение, что в данном случае произошло нечто экстраординарное, требующее исключительно тщательного «оформления», — вот вам и искомые две недели! Если исходить из того, что Берия 26 июня был убит, то — при каких бы обстоятельствах это ни произошло — свидетелей, конечно, оставалось немало. Равно как и «антисвидетелей», то есть тех руководителей партии и государства, генералов и полковников, прочих лиц, которым вскоре суждено будет стать участниками мифа о «разоблачении» Берии. Ведь если все они отлично знали, что ничего этого *не было*, то, следо-

вательно, необходимо было сверхтщательно «принструктировать» каждого (правильнее, видимо, было бы сказать: друг друга), чтобы легенда была прочной, надежной и ни у кого не вызывала сомнений. Тут, пожалуй, и двух недель могло бы не хватить.

Но почему, возможно, спросит кто-то, нельзя было так все и представить доверчивому населению: Берия, мол, разоблачили, хотели арестовать, он отчаянно сопротивлялся (к примеру, отстреливался из новейших американских пулеметов) — вот и получил свои законные девять граммов? Нет, подобные коллизии хороши для заокеанской мафии и для романов Дюма (только без пулеметов, конечно), но в нравы Советской России, точнее — в их официальную трактовку они никак не вписывались. Признать, что была перестрелка в Кремле или пусть даже у бериевского особняка во Вспольном? Да вы с ума сошли! Не положено!

Эта двухнедельная задержка, почему-то не привлекающая внимание исследователей, весьма убедительно свидетельствует в пользу версии, согласно которой Берия был убит сразу же, при попытке арестовать его. А может быть, и не было никакой попытки ареста, а была четкая ясная команда: «убрать» Берия, как простодушно выразился Хрущев? Кто теперь это разберет... Но две недели молчания Кремля выглядят на редкость красноречиво.

Главный упор следствие, конечно, сделало на разоблачение «предательской» деятельности Берии: ведь даже инкриминируемые ему насилие и разврат трудно выставить антигосударственными акциями. Уж их-то народ наверняка не простил бы Берии! Поэтому старались всюю. Начиная с июльского Пленума, на Берия, как говорится, вешали всех собак (а если учесть масштабы обвинений, то, видимо, и всех про-

чих представителей фауны). «Принцип» при этом был избран довольно простой: областью «предательства» Берии объявлялись как раз наиболее сильные сферы его деятельности.

Мы уже говорили, сколь успешно и эффективно действовала советская разведка при Берии. Да, эти действия отнюдь не всегда были направлены на благие дела, да, наши джеймсы бонды осуществляли и диверсии и террор (взять хотя бы убийство Троцкого или других «изменников!»), но ведь таковы были тогда «правила игры». Игры, от которой отнюдь не отказались ни при Хрущеве, ни при Брежневе, ни позднее. Тем не менее Хрущев на июльском Пленуме заявил, будто бы из-за Берии «разведывательная и контрразведывательная работа оказалась второстепенной, заброшенной... Необходимо все поставить на свое место и обязать органы МВД вести работу в полном соответствии с решением ЦК по активной разведке против наших внешних врагов». При этом, как нетрудно заметить, «боевому отряду партии» (то есть чекистам) ясно указывалось на их несамостоятельное, подчиненное положение.

Это мгновенно усвоил перепуганный, дрожащий за свою участь генерал Круглов, бывший заместитель Берии. Он особенно усердствовал в обвинениях против поверженного шефа. На Пленуме Круглов заявил:

— Нет сомнения, что если бы Берию не остановила тюрьма, то он в своих вражеских целях пошел бы далеко в борьбе против нашей партии и, как теперь стало совершенно ясно, мог попытаться использовать и аппарат МВД. Но этот прохвост просчитался бы и на этот раз. В огромном своем большинстве, за исключением небольшой кучки особо приближенных к Берии людей, коллектив МВД предан нашей партии. Однако в настоящее время надо критически

осмыслить все поведение Берии в МВД в течение трех последних месяцев. Многое теперь выступает в ином, истинном смысле, и становится понятным его антипартийное и враждебное лицо. Становится понятным, что он хотел и учитывал в своих гнусных планах использовать систему МВД. С этой целью, под знаком особой конспирации, все вопросы разведки и контрразведки решались только им и Кобуловым... Этот интриган, клеветник, провокатор по призванию, аморальный подлец до мозга костей соединял в себе величайшую подлость и величайшую наглость. Следствие выявит всю враждебную деятельность Берии, но и сейчас некоторые его меры, по нашему мнению, являются вредительскими и антигосударственными. Особенно по вопросам разведки. Сейчас нам известно, что в апреле и мае месяцах этого года Берия одновременно вызвал в Москву около половины работников резидентур МВД. Большая часть вызванных работников находится в Москве два-три месяца.

Тут, согласно стенограмме Пленума, Молотов потребовал уточнения, и Круглов заявил, что примерно две сотни таких вот отозванных «работников резидентур МВД» болтаются в столице без дела.

— Вопрос о них не решается, — продолжал он. — За это время работа резидентур МВД ослабла. Потери связи со многими ценными агентами. Резидентуры советской разведки в капиталистических странах оказались оголенными и были оставлены без руководства в течение длительного времени. В Москве три месяца сидел уполномоченный МВД по Германии и его заместители, и в момент подготовки мятежа в Германии Берия принял решение о сокращении аппарата уполномоченного МВД в ГДР в семь раз. Решили упразднить инструкторский аппарат в Германии, оставив только советнические функции.

Таким образом, чекистский аппарат в Германии за это время был также резко ослаблен.

Сомнительным кажется и огульное охаивание Берией всего, что есть в закордонной разведке. Он неоднократно заявлял, что разведки нет, что нет никакой агентуры, никакой ценной информации, нет никаких кадров и все надо начинать на голом месте. В то же время, как сейчас стало известно, Берия и Кобулов ориентировались на отказ от целого ряда агентурных мероприятий и многие материалы по иностранной разведке не были доложены ЦК партии.

Ряд фактов с назначением руководящих работников МВД наводит на мысль, что Берия преследовал цель иметь на участках верных себе людей, без учета их политической преданности партии. Ряд назначений таких людей, как Райхман, Эйтингон, Судоплатов, Мешик, Мильштейн и других, которые абсолютно не пользуются политическим доверием коллектива и были до его прихода изгнаны из органов МВД, как в настоящее время стало ясно, надо рассматривать как желание иметь у себя до конца преданных ему людей.

Берия подверг резкому сокращению и чистке разведывательное управление. За короткий срок было уволено большое количество людей, взятых в органы по партийной мобилизации. Особое внимание привлекает создание Берией в последнее время, в обход утвержденной ЦК структуры министерства, лично подчиненного ему нового отдела, неизвестно чем занимающегося. Даже кадры в этот отдел подбирались помимо управления кадров МВД... — говорил и говорил Круглов.

Что ж, попробуем разобраться и в этих обвинениях. Понятно, что в основе их лежало все то же стремление партийно-государственной верхушки держать органы под жестким контролем, быть в курсе

всех их шагов и даже самим определять эти шаги. После ареста (или убийства?) Берии Круглову, конечно, и в голову не могло прийти оспаривать эту линию, хотя трудно (да и просто невозможно!) предположить, что в бытность Берии министром внутренних дел его заместитель мог в чем-то противиться своему грозному шефу. Но таковы уж циничные правила кремлевских игрищ: падающего подтолкни, прокляни и поскорее отрекись от него!

А что на практике означал такой контроль? Да то же, что и любое административное вмешательство в какую-либо профессиональную сферу — будь то разведка, сельское хозяйство, медицина или, скажем, сантехника! Сумбур, неразбериху, никчемную суету, постоянное нервное напряжение работников и катастрофическое снижение эффективности их труда. Всего этого и стремился избежать Берия, переводя систему внутренних дел и госбезопасности на профессиональные рельсы. Растерянный и перепуганный Круглов автоматически повторил подлинные слова Берии: «Нет разведки, нет никакой агентуры, никакой ценной информации, нет никаких кадров, все надо начинать на голом месте!» Да, именно это (или примерно это) и сказал Берия, приняв в начале марта дела у Игнатьева. Сказал не как «агент империалистов» (таковой, видимо, нашел бы более осторожные выражения), но как профессионал, потрясенный безграмотностью дилетантов, «взятых в органы по партийной мобилизации».

Сегодня уже не надо объяснять, какой вред приносили эти «мобилизованные» любому делу, к которому прикасались. Они мешали дерзким открытиям, разваливали промышленность и сельское хозяйство, выхолащивали и омертвляли развитие культуры. А вот их вмешательство в дела разведки и контрразведки (или, скажем, в стратегические вопросы,

в военную промышленность) вполне можно было бы квалифицировать — в духе тех лет, конечно, — как косвенный шпионаж и вредительство. Ведь очевидно, что развал этих сфер отвечал интересам потенциальных противников СССР. Прекрасно понимая это, Берия срочно, в экстренном порядке начал исправлять положение.

Вот, например, Круглов обвиняет его в том, что все вопросы разведки и контрразведки Берия решал сверхконспиративно, посвящая в них разве что только Кобулова, своего давнего заместителя (которому, добавим, Берия всецело доверял). Но как же может быть иначе в подобных делах? Секретность, конспирация — это азы разведки, пренебрежение ими оборачивается провалами, разгромами, кровью, ликвидацией агентурной сети! «Многие материалы по иностранной разведке не были доложены ЦК партии», — сетует Круглов. Да с какой же стати, чего ради?! О любой операции должны знать только ее планировщики и непосредственные исполнители — и ни единая душа, кроме них! Между прочим, это отлично понимал Сталин, которому, конечно, докладывалось *все*, но только лично, с глазу на глаз, и в неведении оставались даже ближайшие «соратники», не то что ЦК партии! Так и только так должны действовать разведка и контрразведка, только при такой сверхконспирации они могут рассчитывать на успех.

Успехи разведки, конечно, зависят и от того, насколько профессионален и опытен ее кадровый состав. Именно из этих соображений и исходил Берия, удаляя из органов партийных выдвиженцев, в том числе и работавших за границей. Мало сказать, что там от них не было никакого толку. Поставленные порой на ключевые должности, они своими безграмотными указаниями мешали работе профессионалов, превращая ее в традиционный «совковский»

бардак. Сотни две (или даже больше) таких вот остолопов действительно были отозваны Берией в Москву. Круглов совершенно справедливо сказал, что «вопрос о них не решается», поскольку Берия не намеревался впредь пользоваться их сомнительными услугами и, видимо, хотел их уволить или перебросить на такие должности, где они приносили бы меньше вреда. Зато сами эти работники, судя по всему, всячески использовали старые партийные связи, чтобы поскорее пристроиться на какое-нибудь сытное местечко. Они, вероятно, пытались и в осторожной форме жаловаться на «несправедливое» отстранение от дел.

На одном из заседаний Президиума ЦК Берии даже пришлось объясняться по этому поводу. Он терпеливо втолковывал коллегам:

— Поймите, нельзя направлять в разведку людей, не имеющих ни малейшего представления об этой работе, не знающих языков. Это в другом месте можно перебрасывать человека с клуба на баню, а из райкома на стройку. А здесь совершенно определенная специфика, требующая столь же определенных данных. Мне возражают: но они— члены партии. Я не против того, чтобы члены партии работали в разведке, но как можно направлять людей на руководящую работу в разведку, если они не знают азов этой профессии?

В результате принятых Берией мер работа резидентур МВД вовсе не ослабла, как уверял Круглов. Напротив, эта работа стала несравненно эффективнее, поскольку, убрав из разведки партийных выдвиженцев, Берия поставил на их места профессионалов, часть их была привлечена из среды опытных армейских разведчиков. Профессионалами были и те пятеро, которых упомянул в своем выступлении Круглов: Райхман, Эйтингон, Судоплатов, Мешик и

Мильштейн. Можно, конечно, с позиций сегодняшнего дня спорить об их моральном лице (в частности, Эйтингон и Судоплатов принимали участие в террористических акциях НКВД за рубежом), но в данном случае речь идет о профессиональной стороне дела. Впрочем, как раз она в то время совершенно не интересовала противников Берии.

И в итоге судьба этих пятерых чекистов, как и многих других, связанных с Берией, оказалась трагичной. Эйтингон и Судоплатов были приговорены к длительным срокам заключения и, несмотря на все ходатайства их коллег-разведчиков и родственников, первый провел в тюрьме одиннадцать лет, а второй — пятнадцать. Еще печальнее была участь Мешика и Мильштейна, которых Берия назначил соответственно министром внутренних дел Украины и его заместителем. Мешик был арестован и в декабре 53-го года расстрелян. А уже немолодой Мильштейн (ему было 55 лет), чтобы избежать аналогичной участи, вступил в неравную перестрелку с явившейся арестовать его группой и был убит.

В ходе следствия из всех арестованных выбивали показания против Берии, но ничего существенного так и не удалось получить. Арестованные тупо повторяли основные пункты обвинений против Берии: работал на мусаватистов, применял незаконные методы следствия, игнорировал руководящую роль ЦК, был развратником, готовил заговор и т. д. Конкретными подробностями эти дежурные обвинения подтверждались крайне редко. А если такое и происходило, то следственные материалы пополнялись какой-нибудь бессмысленной и бездоказательной деталью, вроде уже упомянутого сообщения Саркисова о том, будто бы Берия болел сифилисом. Невольно возникает впечатление, что «показания» писали один-два человека, лишь слегка варьируя стиль и та-

суя мелкие детали. А стоящие под показаниями подписи, естественно, уже нельзя надежно идентифицировать.

Такое же впечатление складывается и при знакомстве с материалами закрытого суда над Берией и шестью его «сообщниками», состоявшегося 18—23 декабря 53-го года. Например, из уст Б. Кобулова будто бы прозвучали такие вот обличения: «Берия — карьерист, авантюрист и бонапартист. Все это после смерти И. В. Сталина выявилось гораздо резче, чем раньше... В это время он уже перестал говорить «мы» и все чаще употреблял «я»... Это действительно заговорщик... Он далек от Коммунистической партии и фактически не был коммунистом. Если даже взять только тома дела о развороте Берии (о «ценности» этих томов уже говорилось в книге), то становится стыдно за себя. Это грязно, подло. Морально-политическое разложение Берии привело его к логическому концу... Я, будучи еще мальчишкой, видел, что Берия не имел коммунистической скромности».

Думается, не надо быть юристом, чтобы понять, что подобные «обвинения» абсолютно ничего не стоят. Впрочем, даже если бы Кобулов или кто-то другой заявил, что Берия убил Максима Горького или, к примеру, поджег германский рейхстаг, это также ничего бы не доказывало. Тем не менее советская печать в те дни радостно сообщала, что, мол, Берия «полностью изобличен», в том числе и показаниями своих «сообщников».

Очень похоже выглядят и показания В. Деканозова: «Берия проявил себя во всем как карьерист, властный и злобный человек... По всему его поведению было видно, что он любыми способами добивался власти... Он рвался к деспотической диктаторской власти, используя для этого все средства. Берия использовал в своих карьеристских целях хорошее отноше-

ние к нему Серго Орджоникидзе...» и т. д. Деканозов также заявил, что Берия, даже находясь на партийной работе, отдавал чекистам распоряжения об арестах.

Практически все то же самое содержат и показания тех, кто также был арестован по «делу Берии», но осужден и расстрелян позднее. Из показаний Цанавы: «Берия был жестоким, деспотичным, властным человеком... Он ради достижения своих целей мог жестоко расправляться с тем, кто стоял на его пути». Из показаний Мичурина-Равера: «Берия был всегда властолюбивым и стремившимся к диктаторству... Он убирал неугодных ему людей, делая это под видом их разоблачения как врагов народа. Как мне теперь стало понятным, делая свою карьеру сначала по линии органов ВЧК — ОГПУ — НКВД, а затем по линии партийного руководства в Грузии и в Закавказье, Берия сумел весьма быстро реализовать свои цели и стать на положение «вождя» грузинского народа». Из подобных показаний и складывались тома так называемого «дела Берии».

Впрочем, встречались и вполне конкретные сведения типа: «Берия дал указание арестовать такого-то» или: «Берия негласно приказал избить на допросе такого-то, если он будет упорствовать и не давать показаний», и пр. Что ж, такое могло быть правдой, и, разумеется, это не делает чести Берии. Но такова была распространенная тогда практика, а разрешение карательным органам избивать и даже пытаться арестованных «врагов народа» вполне официально (хотя и негласно) от имени ЦК дал Сталин. Но ведь следствие и суд изображали действия Берии как нечто сверхжестокое и исключительное, делая вид, что безжалостные репрессии были не массовым явлением, а неким недоразумением, следствием злодейства отдельных преступников и садистов.

Даже самый поверхностный анализ материалов по «делу Берии» (точнее, той их незначительной части, которая доступна для исследований) позволяет выявить бесхитростную цель следователей, судей и тех, кто ими верховодил, — любой ценой уйти от темы *всеобщей преступности сталинского режима*, не бросить ни малейшей тени на новых руководителей партии и страны, свалив все преступления на Берию и ограниченный круг его «сообщников».

Напомним и то, что в 53-м году никому (кроме самого Берии) и в голову не могло прийти посягнуть на авторитет Сталина. Да, как мы писали, после смерти диктатора с его «соратников» и прочих лиц из ближнего окружения спало гигантское напряжение, но это относилось к области психологии, а отнюдь не политики и идеологии. Поэтому, когда в материалах «дела Берии» возникал хоть малейший намек на подкоп под сталинский пьедестал, само слово «Сталин» опускалось и вместо него ставилось «один из руководителей СССР» или несколько загадочное для непосвященных «инстанции».

В том же надежно «причесанном» юридической цензурой духе были оформлены и показания самого Берии на следствии и суде. Поскольку так и не доказано, был ли Берия жив еще полгода после памятного 26 июня или же его прикончили сразу, мы будем исходить из того, что это *настоящие* показания. Но по причине этой же невыясненности вопроса попутно попытаемся и проанализировать их на предмет подлинности.

Итак, Берия будто бы говорил на суде: «Я должен заявить суду, что врагом народа я не был и не могу быть... Но должен сказать, что за период моей работы в Закавказье и в Москве мною было сделано много такого, что граничит с вражеской деятельностью... Одним из самых тяжких для меня обвинений

является мое участие в мусаватистской контрразведке. Это обвинение я признаю полностью». Иными словами, сам Берия подтверждает сотрудничество с *врагами*, равнозначное измене. В 53-м году еще не могла приниматься во внимание такая «мелочь», как возраст «предателя» (Берии было в ту пору 20 лет), и такое юридическое понятие, как «срок давности». А уж для одного из руководителей партии и государства — тем более. Они должны быть непорочны с момента рождения! И казалось бы, для Берии, «признавшего» это обвинение, ничего не могло быть страшнее (к тому же и Уголовный кодекс он знал превосходно).

Но странная вещь, буквально следом за приведенными словами Берия заявил: «Самым тяжким позором для меня как гражданина, члена партии и одного из руководителей является мое бытовое разложение, безобразная и неразборчивая связь с женщинами. Трудно представить все это. Пал я мерзко и низко... Я настолько падший человек, что вам трудно теперь мне верить, а мне что-либо опровергать». Но позвольте! В сравнении с изменой социалистической Родине «безобразная связь с женщинами» — пускай даже и с двумя сотнями! — выглядит такой ерундой, что о ней и вспоминать-то несерьезно. Однако Берия не только вспоминает, но и называет это «самым тяжким позором», то есть более тяжким, чем измена?! Может ли это быть? И почему так загадочно звучит последняя фраза: «Вам трудно *теперь* мне верить, а мне что-либо опровергать»? Теперь... когда теперь? После информации о многочисленных любовных связях? Не следует ли понять это так, что следствию и суду удалось мало-мальски доказать *только* факт романтических походов Берии? И после этого ему уже не могут верить, а он — что-либо опровергать?

Однако если это так, то совсем уж непонятным выглядит стоящее рядом признание Берией своих связей с мусаватистами. Это и по времени было раньше, и вообще куда страшнее и хуже даже самой длинной амурной эпопеи. Нет, никак не совмещаются два этих признания, это нонсенс! Что же из этого следует? Да только то, что одно из них (очевидно, что первое) *сфаальсифицировано* — вписано, вставлено или подклеено сбоку! Никак не мог коммунист (даже «бывший») поставить в шкале преступлений моральное разложение *выше* измены великой партии большевиков!

Берии стремились поставить в вину и агентурную работу с грузинскими меньшевиками-эмигрантами, о которой мы упоминали выше. Но на это он твердо ответил: «Я никогда ни с какими иностранными агентами и контрреволюционными грузинскими меньшевиками связей в контрреволюционно-преступных целях не имел. Всякие связи, какие у меня были, шли по линии МВД СССР». И тем не менее в приговоре и этот пункт обвинения Берии был сохранен.

Зато провинности, связанные с манипуляцией казенными средствами и использованием служебного положения в личных целях, Берия признавал. Так, он признал, что у полковника Людвигова, начальника секретариата МВД, хранилась его, Берии, сберегательная книжка с вкладом на 363 тысячи рублей (уточним, что в переводе на более или менее памятные нам деньги, которые действовали до 91-го года, это означало 36,3 тысячи рублей). Но при этом Берия уточнил, что его официальный оклад составлял 8 тысяч рублей, к которым добавлялась ежемесячная «дотация» (их в свое время именовали «конвертами» или «пакетами») в размере 20 тысяч рублей. Проще говоря, искомая сумма в 363 тысячи рублей набиралась за год плюс один месяц. К тому же в

51—52-м годах Берия получил от правительства за работу в атомном проекте две большие премии на общую сумму 250 тысяч рублей. Все это зафиксировано в «деле Берии», так что ни о каких его баснословных богатствах — а слухи о них были тогда очень распространены — не могло быть и речи.

Правда, в материалах дела значится еще, что при обыске в доме Берии во Вспольном переулке было изъято 40 пистолетов и ружей и четыре автомобиля. Но сюда вошло и оружие охраны, кроме того, Берии многократно дарили оружие. Машин семье принадлежало только две (самому Берии и его сыну), — сущая мелочь для одного из руководителей государства, а еще двумя, государственными, также распоряжалась охрана.

Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, прозаседав шесть дней, 23 декабря 53-го года объявило приговор. Берия, а также Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский были приговорены к расстрелу. Основания для этого были ничем не весомее упоминавшихся выше «показаний» и «доказательств». «Судом установлено, — говорилось в приговоре, — что, изменив Родине и действуя в интересах иностранного капитала, подсудимый Берия сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков... Заговорщики ставили своей преступной целью использовать органы МВД против Коммунистической партии и правительства СССР, поставить МВД над партией и правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии». Забавно, но последние строчки (насчет ликвидации, реставрации и восстановления) в точности отражают то, что произошло в бывшем СССР после 91-го года.

Далее в приговоре говорилось о сотрудничестве Берии с мусаватистами и «тайной связи» с грузинскими меньшевиками. Но поскольку все это касалось давно минувших дней, в приговоре следовала такая фраза: «В последующие годы, вплоть до своего ареста, Берия Л. П. поддерживал и расширял тайные связи с иностранными разведками». С какими именно, естественно, даже не упоминалось. А ведь в годы «холодной войны» вполне можно было бы навесить на Берию работу на американское ЦРУ или на английскую Интеллидженс сервис. Но дело в том, что эти коварные организации могли в таком случае подложить какую-нибудь свинью: доказать, что Берия не мог сделать того-то и того-то, потому что, например, некий имярек, будто бы связник Берии, умер двумя годами раньше. Или еще что-нибудь. Подобные пакости иностранцы уже не раз делали в 30-е годы, когда случались нелепые «проколы» на показательных процессах, материалы которых Сталин имел глупость опубликовать. Зато на доверчивых советских граждан формула «связь с иностранными разведками» действовала как красная тряпка на быка. Мы свято верили, что все эти вопросы должны быть покрыты густой завесой секретности, и ни о каких доказательствах и не заикались.

Берию также обвинили в попытках «посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом». Говорилось также, что с целью сокрытия своей преступной деятельности «подсудимый Берия и его соучастники совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых они опасались разоблачений». Наконец, приводилось и обвинение, до которого не додумался бы даже англичанин Джордж Оруэлл — творец антикоммунистических социальных утопий: «Действуя как злобный враг

советского народа, подсудимый Берия Л. П., с целью создания продовольственных затруднений в нашей стране, саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий партии и правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа».

Приговор был приведен в исполнение в тот же вечер, 23 декабря. Относительно того, как именно это происходило, также существуют разные версии. Пишут, что Берию спустили в подвал, в бункер штаба МВО, где проходил суд. Там у стены уже установили прочный дощатый щит, чтобы пули при рикошете не отскочили в палачей. В щит был вделан железный крюк, к которому Берию привязали за руки. Спустившиеся с ним в бункер высшие офицеры стали решать, кто будет стрелять. Наконец поручили это генералу Батицкому, который и убил Берию выстрелом в упор. По другой версии, Батицкий и прочие, не утерпев, пристрелили Берию еще при спуске в бункер, на лестнице. Согласно акту, это произошло в 19 часов 50 минут. А спустя еще полтора часа в бункер привели и шестерых остальных осужденных и тоже расстреляли.

Участников ареста и расстрела Берии в январе 54-го года наградили орденами Красного Знамени, но кто-то посулил им звание Героев Советского Союза, и они еще долго пытались получить «положенное». Последний раз они обратились в апреле 85-го года уже к Горбачеву, но тот сухо попросил им передать, что хватит с них и ордена.

Итак, согласно официальной версии, жизнь Лаврентия Берии оборвалась 23 декабря 53-го года. Возможно, так оно и было. Но ряд неясных и даже загадочных обстоятельств, о которых говорилось выше, вполне позволяет допустить, что Берия был убит на

полгода раньше, 26 июня, при попытке его ареста (или преднамеренно).

Есть, правда, и совсем уж поразительная версия: Берия *не* погиб, а остался жив! В 58-м году в почтовый ящик вдовы и сына Берии (они тогда жили в Свердловске) подбросили фотографию, на которой был изображен... Лаврентий Берия, прогуливающийся с дамой в центре Буэнос-Айреса! Там же была и записка: некий аноним предлагал Нине Теймуразовне встретиться «по важному вопросу». Встреча не состоялась, но еще через пару месяцев этот же снимок был опубликован в журнале «Вокруг света». Все это наводит на мысль примерно о таком варианте: Хрущев и его компания так и не смогли заполучить убийственный компромат на них, надежно спрятанный Берией. И тогда они предложили ему компромисс: Берии сохраняют свободу и жизнь, разрешают уехать из страны. А за это он обещает никогда не обнародовать свой тайный архив. Залогом при этом были бы его сын и жена, оставшиеся в СССР под жестким контролем властей. Могло ли такое быть? Ну, а почему бы и нет?

Впрочем, не так уж и принципиально, когда и как именно был уничтожен (либо навсегда изъят из политической жизни) Берия. Важно другое: система безжалостно избавилась от человека, не устраивавшего ее, а если при этом она еще и прибегла к массовой инсценировке, то это не меняет сути дела и не делает список ее преступлений более внушительным. Берия пошел против течения и был им сметен. Когда спустя 32 года нечто подобное предпринял Горбачев, он вначале обзавелся кругом надежных сторонников, а уж потом осторожно, шагок за шагом, принялся осуществлять свои новшества. А Берия выплеснул все разом: и освобождение невинных, и фактический отказ от экспорта социализма, и «антиле-

нинскую» национальную политику, способную породить центробежные процессы...

Но в конце концов, коллег Берии все это если и волновало, то отнюдь не в первую очередь. В годы перестройки большинство лидеров КПСС без всякого напряжения отказались от ленинско-сталинских догм, а некоторые даже полностью «сменили окраску». Могли бы они пережить и то, что в борьбе за власть Берия быстро оттеснил бы их на вторые и третьи роли: это тоже сохранило бы за ними основные привилегии. Нет, их испугало другое. Берия не просто боролся за власть, он еще и хотел сделать власть *справедливой*, служащей не ее обладателям, а закону и народу. Он был готов признать свои ошибки, но — как уже не раз показывало прошлое — намеревался строго спросить и с других. Вот этого и не могли допустить Хрущев, Маленков, Молотов, Ворошилов и многие другие, разделявшие с покойным Сталиным ответственность за его преступления.

Не случайно сразу же после ареста (или убийства) Берии Хрущев распорядился опечатать его архив, основную часть которого составляли секретные документы, связанные с работой НКВД — МГБ — МВД, следовательно, и с репрессиями. Чисто формально для разбора архива Берии была назначена комиссия, но — опять же по указанию Хрущева — она ограничилась тем, что собрала документы в одиннадцать мешков и постановила... сжечь их, не читая! Так «победители» Берии надеялись расправиться не только с ним, но и с опасным компроматом. Но он хранился не только у Берии, так что со временем все встало на свои места. Сегодня очевидно, что в сталинском окружении не было людей наивных или «заблуждавшихся», не было «обманутых» и невинных. Спорить можно лишь о степени *личной вины* каждого, но, видимо, ответов на это будет примерно столько же,

сколько и исследователей вопроса. Что ж, в цивилизованном обществе это вполне естественно. Плюрализм...

Разными, конечно, останутся и оценки роли Берии в нашей истории. И все же хочется надеяться, что миф, созданный летом 53-го года, будет окончательно вытеснен из массового сознания. Он не имеет ничего общего с личностью Берии, также причастного к сталинским преступлениям, но не бывшего их главным и уж тем более единственным исполнителем. Берия при малейшей возможности противился этим преступлениям или сторонился их. А после смерти Сталина он *первым* выступил за их разоблачение и принципиально новый политический курс.

Это подтверждается многочисленными документами, и в этом заключается главный след, оставленный в нашей истории не таким уж загадочным человеком в пенсне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автору не годится давать оценку собственной книге. И все же рискну предположить, что читать ее будут с оттенком грусти. Тем, кого заинтересует авторская версия, будет грустно узнать и о непростом времени, в котором жил Берия вместе с десятками миллионов наших сограждан, и о его трагической судьбе, превращенной в миф, не имеющий ничего общего с действительностью. А поскольку этот миф культивировался долгие годы, у него по-прежнему останется много сторонников. Но если и им попадет в руки эта книга, то и они наверняка испытают чувство грусти, а может, и раздражения: чего ради кому-то понадобилось оспаривать очевидные, по их мнению, факты? И в самом деле, для чего все это написано? Сторонников официального мифа переубедить непросто, а тем, кто, подобно Серго Берии, считает героя этой книги невинным и почти непорочным, никакие дополнительные аргументы не нужны. Так зачем же, чего ради?

Чтобы ответить на этот вопрос и заодно хоть немного «разбавить» грустный подтекст книги, расскажу забавную историю. Лет тридцать назад я работал в Фундаментальной библиотеке Академии наук, где мне было, в частности, доверено почетное право составлять каталожные карточки к работам, предназначенным «для служебного пользования». Как-то раз среди них затесалась брошюра о патриотическом воспитании детей дошкольного возраста. И там приводился

такой пример: малышам в одном детском саду был предложен рассказ-тест. Содержание таково: дети собирали грибы в лесу. Вдруг появился невысокий лысоватый человек с умными, добрыми глазами. Немного картавя, он поговорил с детьми о жизни, а затем исчез. Но дети с удивлением обнаружили, что их скромное лукошко с рыжиками куда-то исчезло, а вместо него появилась корзина, полная белых грибов.

Подопытным дошколятам предлагалось ответить на два вопроса: а) что это был за человек; б) зачем он подменил грибы? На первый вопрос все ответили правильно — это был дедушка Ленин. Со вторым вопросом тоже, в общем, справились: Ленин обожал детей и хотел поднять уровень их меню. И только мальчик Витя П. сплоховал; он ответил: «Наверное, Ленин больше любил рыжики».

Этот по-своему гениальный этюд (и тоже своеобразный микромиф, призванный возвеличить вождя) чем-то сродни андерсеновской сказке о голом короле. В толпе, ослепленной ложью, лишь простодушный ребенок сумел разглядеть истину. Вот и маленький Витя П., услышав святочную байку про Ленина, увидел в поступке вождя самое логичное: раз что-то взял, значит, оно было нужно *ему*. Какие же еще могут быть объяснения?

Поэтому больше всего мне хотелось бы, чтобы наши соотечественники не доверялись мифам и легендам (не художественным, разумеется, а творимым политиками), не исходили бы из сентенций типа «это всем известно», а непредвзято, на основе *только* собственного опыта и мнения постарались оценить и наше прошлое, и то, что сегодня происходит вокруг нас. Именно с такими мыслями я и рискнул попробовать разобраться в истории возникновения одного из самых устойчивых мифов советской эпохи и попытаться понять, кем же в действительности был его главный персонаж.

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Ровесник века	9
Глава 2. Путь в Кремль	48
Глава 3. Жизнь наверху	91
Глава 4. Зримый и незримый фронты	140
Глава 5. Рождение сверхдержавы	197
Глава 6. Личная жизнь Лаврентия Берии	243
Глава 7. Поединок гроссмейстеров	280
Глава 8. Конец сталинской эпохи	327
Глава 9. Первые месяцы «оттепели»	378
Глава 10. Последняя загадка Берии	422
Заключение	475

Научно-популярное издание

Рубин Николай

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Редактор *А. С. Карлин*
Художественный редактор *А. П. Купцов*
Технический редактор *Н. Г. Новак*
Корректор *Т. Ю. Коновалова*
OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.11.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 15 000 экз. Заказ 2618.

«Олимп». Изд. лиц. № 070190 от 25.10.96.
123007, Москва, а/я 92

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. от 29.04.97.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ООО «Плюпресс». Лицензия ЛВ № 50 от 08.10.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 306.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Почему-то именно Берии
выпало сыграть в советской мифологии роль
самого ужасного злодея. Факты, однако,
позволяют назвать его наиболее гуманным
деятелем в антигуманной сталинской верхушке...

ISBN 5-88590-844-3

8-99

22-00